

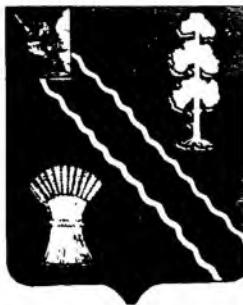
К - 1441440

Станислав МИШНЕВ

АНГЕЛЫ ВСЕГДА БОСЬИЕ...

современная проза

Писатели родного края

Книга первая

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД РОССИИ
Вологодское областное отделение

ПИСАТЕЛИ РОДНОГО КРАЯ

ПРОЗА

Станислав МИШНЕВ

**АНГЕЛЫ
ВСЕГДА БОСЬЕ...**

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

**Издатель АНО «ИНТЕЛИНФОРМ»
Вологда
2012**

K - 1441440

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-4Вол)
М71

Мишинев С. М.

М71 Ангелы всегда босые...: рассказы и повести /
Станислав Мишинев; Литературный фонд России, Вологод.
отделение. - Вологда: «ИНТЕЛИНФОРМ», 2012.- 397 с.: ил.
- 3

(Писатели родного края. Проза)

В книге впервые представлено творчество талантливого прозаика наиболее полно. Кроме сюжетов на деревенские темы, читатель найдет исторические повествования, а также фантастику.

*Эта книга открывает серию издательского проекта
«Писатели родного края».*

Издание рассчитано на широкого читателя.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-9902702-1-3 ©Мишинев С. М., 2012
©Оформление АНО «Интелинформ», 2012

«РАДОСТЬ ЧЕРПАЛ В ТРУДЕ...»

Жизнь настоящего писателя, как в зеркале, отражена в его творчестве. Это - один из законов бытия культуры. В наше время много тех, кто пишет, кого печатают, но среди них, увы, мало подлинных авторов, их зеркало, как правило, «кривое».

К счастью, Станислав Мишнев не принадлежит к ним.

Он, являясь подлинным сочинителем, продолжает лучшие традиции русской классической литературы, она всегда желала служить своему народу.

Так что читайте внимательно, думайте! И тогда вы найдете в повестях и рассказах Станислава Мишнева ответы на свои вопросы.

И все же...

- Расскажи, где ты родился, крестился?

- Я родился в деревне Ярыгино Тарногского района в 1948 году. Тогда в деревне было 40 домов, а сейчас в одном доме старуха живет.

Я окончил начальную школу, потом - неполную среднюю школу. После - техникум сельскохозяйственный, служил в армии. Когда пришел из армии, поступил заочно в сельскохозяйственный институт.

И все время работал.

- Работал-то кем?

- А - всем! Начинал механиком, потом... Тут вот еще какая штука: я - половинчатый товарищ! То есть, половину в начальстве отходил, половину - в рядовых. От снега и до снега - в рядовых, а зимой - в начальстве...

- Как это?

- А вот так! Когда весна пришла, надо на тракторе пахать, я сажусь на трактор; и на тракторе - до снега. Ну, там - комбайн, сушилка, косилка... Все это так! А дальше - я в начальстве хожу зимой. Механиком, бригадиром... Был год экономистом, а год был и инженером. Всем перебывал. Даже парторгом два года был.

- Поделись, как начал писать, когда и почему?

- Писать? Начал писать помаленьку, в районной газете своей публиковался. Это было где-то в начале 80-х годов.

- Какой-то толчок к творчеству все-таки был?

- Какой-то толчок? Трудно вспомнить. Хотя вот и был! Я в четвертом классе сказку «Маша и медведь» переделал на свой лад, за что и был выпорот...

- В буквальном смысле переделал?

- Да! Дома. А в школе рассказал. Учительница потребовала, чтобы я извинился, потому что маленько нашкодил, а я не извинялся. Тогда она пришла домой, нажаловалась; мать меня и выпорола...

В районной газете я писал, стараясь отобразить не столько природу, сколько социальную среду. Отношение между людьми, отношение власти к людям, отношение соседей к соседям, отношение людей к земле - вот что меня волновало.

- Расскажи о своей семье?

- Мой отец, Михаил Михайлович - здешний, тарногский, а мать Евдокия Ивановна - тамбовская; оба были на фронте, там и познакомились - в Венгрии.

Нас у родителей было пятеро. Сестра Альбина живет в Екатеринбурге. Младший брат Леонид - профессор в Петербурге. Второй брат Валерий, умнейший, между прочим, человек, свободно владеющий английским и еще несколькими языками, живет в Риге, всю жизнь связан с морем. Брат Василий - в Москве, он строил метро.

У меня двое сыновей. Валерий живет в Тарноге, а Денис - военный, служит в армии. Есть четыре孙子.

- Как ты совмещал работу с творчеством? Ведь это сложно.

- Тут вот какая штука интересная. Бывало, едешь на тракторе, пашешь. Казалось бы, ни о чем не надо думать, только смотри, кто впереди едет, держись, образно говоря, веди борозду за бороздой. Но чего-то в голову приходит! Не можешь дождаться, когда смена закончится, домой прибежишь: давай быстрее - все надо записать, записать...

Запишешь! Завтра снова едешь. И то, что записал, или отвергаешь, или перерабатываешь, или добавляешь. И снова надо все быстрее записать! Те моменты, между прочим, я считаю самыми счастливыми в моей жизни.

...Герой рассказа «Живи, как все» признавался: «Не постыжусь свысока сказать: жгучую, всесжигающую радость я черпал в труде...»

И Станислав Мишнев черпал великую радость не только в повседневном крестьянском, но в первую очередь - в литературном труде. Книга, которую читатель берет в руки, представляет своего рода энциклопедию современной деревни с ее радостями и бедами. А испокон веков бытие деревни составляло сердцевину жизни России.

Геннадий САЗОНОВ, поэт, директор Вологодского областного отделения «Литературного фонда России».

1

**«МЕРА ЗЕМНАЯ –
ГОРСТЬ...»**

Мир - риза нетленная...

1

По Кочюге сена - лошади не евши сыты. Места низинные, болотистые, ржавая осока да чахлый ивняк; в какой год картошка в деревнях Каренгино да Блиново уродилась добрая - у людей боязнь какая-то появляется: к чему бы это? Чаще всего картошка родится спогляду: вроде много, вроде мало, семена да поросенку чугун, а семье... Хорошая хозяйка до свежего урожая дотяннет. Земли тощие; в иной год рожь под снегом выпреет, в иной - овес неубранный под снег уходит. Пока на лошадках земельку выборочно на три вершка ворошили, эдакой беды не знали, а как тракторами да под райкомовским кнутом пошли на проход орать, так и поползла грязь, ровно тесто из худой квашни.

Строевой лес давно вырублен, по угарам мелколесье силы пробует и зовётся такой лес каренгой. Удивляются кареньжане умственной простоте своих предков: манна тут небесная просыпалась что ли, или здешние земли попирали ногами святые угодники и благочестивые цари? Ни тебе грибов хороших, ни тебе рыбы, летом овод заел, вот клюквы - той прорва.

Прошлым годом приехала в Каренгино семья с Кавказа. Мужика Аггеем звать, вроде русский, лицом чернее цыгана, нос погибом, усы длинные, в колечки завиты. По овцам дока. Спиртное на дух не переносит. На деревне по первости предположили, что больной, или лыву свою выпил. Оказалось, Аггей слово матери дал, и речь его - слова своего не порушит. Первое время носил суконный бешмет с наборным серебряным с чернью поясом, шелковые рубахи, офицерские сапоги, потом его оговорил кто - то из мужиков, мол, не форси ты своим уставом и наших баб в «сумление» не вводи, живи проще.

Аггей речам внял, стал носить одежду попроще, но на выборы районного главы оделся в свое, горское, и потому бабы головами качали, на него посматривая искоса: вот ведь, а наши!

«Нашим хоть генерала дай, ровно куль в отрепье». Жена - та точно русская, белобрысая, с народом прибойная. «А как тебя

правильно - то звать?» - спрашивают бабы на деревне. «Хоть горшком зови, только в печь не ставь. Элагабалина». «Ну и имечко мудрёное. И откуль такое?». « Не знаю. Будто император такой был римский». «Язык сломишь... ну, Лина дак и Лина». Всё - то у этой Лины ладно. Ребятишек у них пятеро. Подрались свои с чужими - своих в первую очередь пожурит. Кто виноват, кто застрельщик ссоры? Свои виноваты! Прибавилось детского шума в Кареньге, аборигены довольны: дай срок - нашими будут, каренъянами.

«Каренъяне преж жили... Кого хватил! Нас, вольных каренъян! Бывало, о Покрове наши каренъяне сойдутся с блиновыми ребятами стенка на стенку, а наперед Иван Иваныч Россохин....» и т. д. Кровь обновить деревне пора. Вон в деревне Блиново, что по другому берегу Корюги стоит, только в первый класс семеро ребятишек в этот год пойдёт. Вот где сила - то! «Так в Блинове кто за большую сноху, а? А Блиновы! Ну - ко их шесть братьев, да все шестеро не пожелали в города подаваться, а пожелали тут, где пуп резан остаться!... Во, а у нас? Были Россохины когда - то в почете, а ныне корень - то подгнивает...». Поселили приезжих в пустовавшем доме священника отца Александра. Посмотреть на приезжих явилось много любопытных. Бабы без утайки поведали:

- Убили его. Ой, и человек был хороший, уж такой, уж такой... Вы ничего не бойтесь, хоть и убили - то.

И осёклась говорунья.

- Смертью нас не напугать, мы черную старуху семь месяцев изо дня в день на перевале встречали, - говорит Аггей. - Он, - старшего сына перед собой ставит, - из винтовки в бандита стрелял.

- Стукнул? - прищуривает глаз видный, высокий, широколицый Валентин Россохин и медленно, как с трудом, осматривает деревенских: кто прямо смотрел, тот покраснел и глаза опустил - вроде и страха нет, и неловко как - то; не приведи бог сейчас кому-нибудь обидеть Валентина, ощерится, как волк, метнётся к обидчику... Вздохнул Валентин свободнее: пронесло, никто словом худым не попрекнул. Подкупает односельчан в Валентине практичный ум и деловитость. Скажет вроде зла, а при-

ложишь к делу - по уму. Разумеется, следовать его совету или не следовать, зависит от каждого. Попросят односельчане дров привезти, или копну сена подтащить, или животину убавить, как под настроение - не откажет. Знают на деревне, что Валентину надо как можно больше денег за оказанные услуги наваливать. «Да ты что, - скажет укоризненно, - много. Могу нажраться». И возьмёт только на одну бутылку водки.

- Ответь, сын, - велит Аггей.

- Не знаю, - отвечает парнишка. - Темно было. Он кричал, больно было.

- Она, - дочь к себе прижимает Аггей, - с камня лыка надерёт, семью накормит, и малышне... дети, возьмитесь за руки... вторая мать. Чем мы живём, для кого мы живём? Для детей. Наши дети - наша гордость, наша радость.

Идет домой Валентин Рoccoхин, хмыкает: «Казачишко спесивое, горный «арёл»... Вот гордости... Перед собой ставлю, смотрите, северяне, защита моя и опора моя. Ужо - о, лет через десять как запоёшь, «наша гордость». Попрёт эта «гордость» во все щели, стреляного бандита за пояс заткнёт твой сынок. Ужо - о, спохватишься стойко меня, в зыбке, скажешь, удавил бы кабы знать наперёд».

2

По две зимы катался на белых конях вдоль Кочюги - реки застанный и сердитый старик. Запрягает сани в начале ноября, и носится до святого Федула. Тоскливо зимами в Кареньгине, веселее в Блинове. В Блиново по обе зимы дорогу гравийную просыпали. Кареньжане завидуют: «Што им, вон какие робята эти Блиновы, они лещему загривок намнут». Аггей заикнулся как - то, мол, неплохо бы продуктовый ларек поставить, тоходить за продуктами в Блиново не близко. Тут Валентин Рoccoхин и выдал:

- Любит же всякая чернота нашей шеей капитал хапать.

Аггей взглянул на него печальными глазами, усмехнулся:

- Почему ты озлобленный такой, Валентин? Недовольный всем... разве я о себе хлопочу?

- О Папе римском? – спрашивает Валентин.

Был он бледен, но довольно спокоен.

- О тебе, о Савельевне, обо всех.

- Заведу трактор и только схоркало, нужен мне ваш ларёк с мышами.

- Ты заведёшь, а другие что заведут?

- А ты барана племенного между ног ставь, и только яйца о дорогу стучат, - с вызовом сказал Валентин.

И всё, «поставили» ларёк.

Прошли Сидоры, прошли и сиверы; так да не так! Ночью снег выпал. И два дня дул сердито ветер, дул да пленки со всяких парников - огуречников у кареньжан рвал. А как тучи мелкий дождь притащили, умер Володька Россохин; вроде и лет мало, и работой не изломан был, и не озорничалшибко, вот сошлись по такому случаю трое близких соседей, сели на берёзовые чурки - не успел Володька расколоть дрова, курят вонючие сигареты и судачат:

- Шальное нонь времечко, а? Шальное. Живём, как в подъезбице, но где и кто кому загорбок мнёт - смотри телевизор с печи. Мужик пошёл умом родущий, а почему? Верно, радиации много, а отходов всяких? Вот какой он снег пал, а вдруг заразный? Согласен, и пива много пить стали... Не - е, Володька красненькое винцо любил, он пиво так себе... В точку: колбаса паршивая зато по нашей мошне. Откуль ей хорошей быть? Бьёшься, бьёшься со скотинкой, а што ешь? Твоя, сосед, правда, в рогах да копытках калориев хрен да маненько. Вот от худой еды - может быть, от еды и помер. Да - а, и кому какой век Господь отмерил - неведомо... Не тем концом помянут будет, свой сахарный диабетставил выше наших болезней.

Все трое затихают, погружаются в себя, словно отыскивая в тайниках души самый верный, на взгляд каждого, диагноз смерти Володьки Россохина. Покойный Володька Россохин был брат Оксане, что замужем за Валентином Россохиным. Прибежала Оксана к брату, в черных траурных одеждах, корявая и злая, подбиравая подол платья и поджимая губы, прошла в избу, и набросилась на в смирении сидевшую под окном темно - русую, немного

бледную, но миловидную и скромную золовку, на деревне уважительно величаемую Савельевной:

- Во! Во, и живи теперь! Живи да радуйся!
- Эх ты, - укоризненно сказала золовка.
- Хоть бы слезинку уронила, как же!
- Успею, наревлюсь ещё. А чего ты, собственно, налетела - то?

Я тебя, Оксана Дмитриевна, худым словом веком не наднесла и насекакивать, вроде бы... да в такой час... Один сын у вас и того в тюрьму законопатили, а мамайничать, ещё и права качать! Еще и учительница, с образованием высоким... Да што, будто я ему в рот лила!

Тоскливо, непонятное чувство влилось в грудь Оксане Дмитриевне; был ли то решительный отпор Савельевны, до этого часа терпеливо переносящей раздражительность золовки (в одной деревне живут двадцать лет, но встречаются, слава Богу, редко и то на праздниках). Или смутное ожидание чего - то неизвестного и страшного (за покойником в районную больницу поехал муж Валентин на тракторе). Или неизменное желание оставить поле битвы за собой (как, доярке с восьмилетним образованием и так разговаривать с ней, окончившей два института?). Или внезапно пробудившаяся нежность к умершему брату. Или боязливое ощущение своего ненужного присутствия - все слилось в одно давящее впечатление, и она без сил опустилась на лавку.

С крыши капала вода.

Она сидела, сгорбившись, охватив колени сжатыми руками и опустив глаза в какую - то точку на полу. Что удивительно, в голову даже мысль не забрела случайно: обидеться на Савельевну или нет? Савельевну природа скроила крепкой, выносливой, работной бабой. Одежда для мужа лежала на кровати - вот привезут мужики из морга, обмоет своего Володю, переоденет, и пойдет в летнюю избу затоплять печь да тесто ставить, будет ждать вызванных телеграммами сынов - один служит в армии, приедет, всего - то триста километров, другой с семьей уже выехал. Всё Савельевна делает обдуманно, нет - нет да кинет на Оксану Дмитриевну взгляд. Никогда она не испытывала к Оксане

Дмитриевне, этой тощей, рыжей, нервной, гордой даме теплых чувств, считала её «переучившейся». Савельевне хотелось заговорить с Оксаной Дмитриевной, сказать, что в семейной жизни у них с Володей пусть не все было «тишь да гладь и Божья благодать», но мужик он был хороший, заботливый, - старший - то сын каких высот достиг, и просужий - по людям живёт, по ветру веет: характером покладистый, начальник цеха на заводе, где подводные лодки делают! А младший! Эх, не увидит Володя его, майором домой едет! Помянуть словом добрым с человеком родным, помянуть да всплакнуть, но она чувствовала, что с каждой минутой это сделать труднее.

В избу зашёл старый, беззубый стариk Облучкин, покашлял в кулак, на лавку присел.

- Как помочь чем, Савельевна...

Оксана Дмитриевна начинает раздражаться. Теперь всякое выражение ей, всякий стук, бряк, принимают размеры оскорблений. Чтоб не навредить себе больше, спешно покидает дом брата.

Схоронили Володьку Россохина. Отбывший в тюрьме четыре срока стариk Облучкин полез на кладбище прощаться с покойником и упал в могилу. И смех, и грех; на деревне загадали: очередь занял или (матерился в яме) год без покойника проживём?

Тепло пришло; земля за свой род унялась.

Аггей выгнал отару овец. Аборигенов белая зависть берёт: молодец, Аггей! Не правда, не всё пропало! Вон сколько скотины у приезжих, у каренъян - то руки не оттуда растут? Савельевна одна живёт, на кой бы кляп одной живность, а вот надо и всё тут! «Я вам, Лина, сено заготовлять помогу. Осенью дашь ярочку - ещё и ребятишкам обносков всяких нанесу. Обноски добрые. Вон в шкафу костюм младшего парня висит, только и одел на выпускной вечер». Вечером Аггей к Савельевне пожаловал, овечку в хлев пустил. Усы накрутил, взгляд чистый. «Чего седого старика в санях ждать, а? Ждать да догонять хуже нет. Бери, от чистого сердца дарим! Никаких денег не надо, бери!» А Валентину Россохину другое надо: вот живи этот Аггей со своим семейством особняком, в своих, так сказать, границах, и не

цепляйся к людям, и овцами людей не задаривай, и голосовать не ходи. Сиди в своей избе или заготовляй банные венички да считай пятаки! Чего они в Блиново всей ордой на выборы попёрлись? Во, как мы нынешних воров-чинодралов любим! Негодующее фырканье вырывается из его груди, как видит рассыпавшуюся по Кочуге отару Аггея: «А приедь - ко к этим «арлам» наш мужик?.. Да сожрут! Со свету сживут! А у нас - паси, Аггей, паси, родной!».

Удивляются каренъжане: это надо же, до чего ладно живут приезжие! Пусть стол у них от разносолов не ломится, а как детишкы родителей слушаются, как уважительны к старшим; иная женщина в магазине хочет при всем народе девочку старшую конфеткой поманить - не возьмёт! «Что вы, тетенька, давать так пять надо, а брать так семь - вам же накладно. Вы уж извините, не надо». «Вот они какие - е... - удивляются в магазине бабы после ухода девочки. - Ведь до чего умно да по полочкам...» Пронинился ребенок - что Аггей, что Лина, не раскричаться, сгоряча за ремень не схватятся. Спокойно, тихонько, будто речи покойного отца Александра слышали, что нельзя детей делить на своих и чужих, и бранить их нельзя, и проклинать их нельзя, усадят всех пятерых рядом и разбираются, отчего да почему. «Вот, бабы, будто и у них там, на Кавказе этом нашего Александра чуть: «Только доброе слово вразумляет дитя, а злое калечит». Помните, как говорил: «Не браните детей, не проклинайте, даже в мыслях не держите злобы на детей. Не успел родитель брань сказать, как бес подхватил слова гневные, и гнев родительский в своё оружие обратил».

Слышат всякие речи про приезжих Валентин с Оксаной Дмитриевной. Он говорит - она на него собакой бросается; она заговорит - он презрительно вскинет глаза, рукой махнёт: замолчи! О чем бы не заговорили они, на сына Мишку всякую говорильню переведут и давай виноватых искать, отчего да почему Мишка в тюрьме сидит. Она ходит по комнате нервными шажками, постоянно протирает очки, он сидит в кресле, вытянув ноги.

- Ты, ты учил никому не уступать! Твоя правда в кулаках! Ты ненавидел его, и всё потому, что Мишенька на тебя не похож!

Сколько раз пьяный сказал мне, что он нагулян на стороне? - визжит Оксана Дмитриевна.

- А твоя правда где? Кто ему мозги компассировал Брутом? Тот осудил на смерть собственного сына. Спросила, осудил ли бы сын Брута на смерть? Нет! А Мишка что тебе тогда сказал? «Надо ночью зарезать этого гада».

- Врёши! Врёши!!

- Што мне врать, слава Богу, память не прохудилась. Так ты тогда хихикнула: «Мишенька, сын - есть продолжение отца». Ты на што намекала ему?

Сегодня жена пришла из школы поздно. Директор, длинношерстий гусак,правлял пятидесятый день рождения. Он молодился, одет был в щеголеватый костюм преуспевающего бизнесмена, к жене своей, жирной, ленивой и малочувствительной гусыне (про таких говорят, что они в воде онучи сушат), относился с предупредительностью. Стол был богатый. Потом были танцы. Именинник вальсировал с хорошенькой Ниной Михайловной. У Нины Михайловны несколько вздернутый верхней губой рот, лицо нежно - золотое, стройные и сильные ноги, формы - роскошь, не доходящая до пресыщения. Как они вальсировали!Как мило директор, этот ошпаренный гусак, обнимал Нину Михайловну, а Нина Михайловна, о, глупые женщины! Она, как лягушка, готова прыгнуть в пасть удава! Оксана Дмитриевна, которую вальс просто-таки раздирал на части, бесстыдно представляла, как бы Нина Михайловна пошло - любовно присосалась губами к губам директора; или обвила директора руками за шею и шепчет: «Целуй, целуй меня крепче, гадкий мальчиш! Крепче!»; лицо Оксаны Дмитриевны приняло плотоядно - страдальческое выражение; стоящая рядом жена директора толкнула её в бок, выводя изличного состояния. Толчок не подействовал отрезвляюще, наоборот, она подалась к танцующим: «Расслабилась Нина Михайловна... сейчас сконфузилась... тает, от удивления переходит к назойливости, от назойливости к удивлению и валит директора наповал; директор за дверь - она тотчас же язык высунет, и сама над собой хохотать примется. Бабы, бабы, какие из нас дамы! Хочется нам согнуть

мужиков в бараний рог... Всю жизнь ждём принца, засматриваемся в даль - не алые паруса показались на горизонте?...»

Портфель поставила к ножке кровати, и спрашивает:

- Валентин, любил ли ты когда-нибудь меня?

Валентин Рассохин, не ожидающий услышать такой вопрос от жены, усталым голосом спросил:

- Да какая тебе к черту любовь еще надо?

И так плотно уселся в кресло, что кресло под ним застонало.

- Лук на грядах догнивает, любовь... Помню, Некрасова стихи: «О, Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?».

Он затылком чувствовал стоящую за спиной жену в позе почтительнейшей служанки. Кругловатое, несколько суженное кверху лицо, усыпанное россыпью черненьких оспинок, выражает возбужденность и готовность сорваться с места, услышать признательные слова и зарыдать... Кому не ясна природа слез легко ранимой, вспыльчивой, постоянно обиженной всеми женщины? Не всё ли равно от чего рыдать, от радости или от горя. Главное, пролить море слез и облегчить душу. Плакать навзрыд, чтоб видел муж, видел и проникся чувством сострадания к ней. Тонкие губы у этой служанки как - то вспухли и замаслились, она ждёт, вся напрягается, но внутреннее естество её ропщет и завидует неизвестно кому. Скорее всего, счастливой женщине, красивой Нине Михайловне, та Нина Михайловна крепко спит ночами, в её доме лад и понимание, трогательная забота, и, конечно, любящий, интеллигентный муж, а Бог благословит большое семейство.

Тонкие губы сжимаются, пальцы левой руки нервно сдергивают с лица очки и вытирают их схваченной со столика салфеткой; вот очки снова на глазах, и под стеклами их как разгораются похожие на можжевеловые глазки - ягодки полевой пичуги глаза Оксаны Дмитриевны. Естество в сотый, в тысячный, миллионный раз подманило её куда - то и оставило на бобах. Она уже не ждет от мужа ничего! Муж глух и нем! В Оксане Дмитриевне бурлит ненависть. Как бы она треснула сейчас по шанежке - лысинке своего мужа! Так треснула... так! Под влиянием этих мыслей она еще пристальнее взглянула на шанежку - лысинку, лежа-

шую перед ней: вдруг она раздобреет, окажется большей, такой, что на сковородку ляжет? Но шанежка - лысинка так заурядно, так бессмысленно белела перед ней в начинающих седеть зарослях, сама голова так маслено косила глазами по направлению к телевизору, что Оксане Дмитриевне сделалось ясно, что муж даже не замечает её! Долой натянутость и таинственность! Она сжимает сухие кулаки, выскакивает перед Валентином, приседает и истерично кричит:

- Валя! Валентин!!

- Да чего тебе надо - то?

- Я оглоданная кость, холерный барак, моль, ржавая селедка, рыбья кожа, поскакуха и так далее! Я нервная, задерганная, но я... твоя жена! Убей меня, убей и конец твоим мукам!

- Тоже мне, бразильская раба любви... - хмыкает под нос Валентин.

Оксана Дмитриевна принимается рыдать. Очкис свалились с переносъя. Слова вырываются у неё из глотки без понимания, без малейших претензий на дальнейшее развитие; нечто подобное содействует факту вынужденного жития двух людей в четырех стенах, следовательно, всё выброшенное из недр одного человека, имеет право на сортировку в извилинах мозга другого.

В конце учебного года из РОНО был звонок: кандидатура Оксаны Дмитриевны на конкурс «Учитель года» отклонена. Какой удар по чувствительному сердцу! Готовилась, читала и перечитывала, репетировала, и всё пошло прахом. Директор, уличенный в жульничестве, отводит глаза в сторону, мямлит: «Какая жалость, какая жалость». Оксана Дмитриевна знает, почему её отклонили: за длинный язык. Она из тех личностей, без совета которых директор и шагу не сделает, которые пользуются определенными привилегиями «говорить правду», но не забываться; Оксана Дмитриевна забылась, наговорила много лишнего при заведующим РОНО: областной департамент образования выслал двести тысяч рублей на компьютерный класс, где деньги? В чьих карманах осели? Она не знает, что заведующий РОНО откровенно сказал директору школы: «Извини, мой друг, но погляди на этот щекотливый

вопрос с моей колокольни: какая пугающая визитная карточка нашего района! Там, - указал пальцем в небо, - что подумают о нашем районе, увидев такой призрак?».

Редкий день в семье Россохиных все было «как у людей». Вечера проходили по одному и тому же сценарию, разговоры практически не имели никакого содержания, кроме бессмысленной укоризны. Собачились, одним словом. Валентин давно убедился, что они жить не живут, только небо курят, долго - коротко житью такому придёт конец, а, значит, отдалять его, только бесполезно поддерживать тревожное чувство ожидания. Жена с каждым днём становится апатичнее и брюзглиее, почти близка к разрушению. Ничего легкомысленного, напоминавшую прежнюю, пущенную из лука стрелу, не осталось в Оксане. Где те молодые, полные надежд вечера? Под влиянием нервной чувствительности, особой преподавательской впечатлительности, пылко рассуждала с мужем о нравственном образе народа, о дозе свободы для русского мужика, которую мужик может вынести, много читала, училась. С годами тина захолустной деревни незаметно тянула и тянула из неё полезные соки, давая взамен психологический мираж, вследствие которого душа черствела и сохла. Оксана Дмитриевна очень подозрительная особа. Она постоянно ощущает в себе потребность освободиться от подозрительности и не может. Потому на практике все делает «без ума», то есть, бежит да запинается, а потом винит мужа, якобы спровоцировавшего её на опрометчивый шаг. Угрюмое молчание, отрывистые ответы, взгляд исподлобья, то вдруг замурлычет или засмеётся, словно хочет сказать колкое, но Оксана Дмитриевна уверена: эта отчужденность его обдуманная, сознательная, он тяготится супружеской близостью, ему тяжело рядом с ней. Сколько мук она вынесла из-за своего сына Мишеньки, а Валентин постоянно отходил от воспитания, постоянно весь в работе; и знает да не знает! «Кто из нас учитель, я или ты?... Вот и долби его», - скажет.

Она взяла на себя задачу охранять нравственность сына и, кажется, не преуспела. Мишенька редко имел желание посвящать матушку в свои тайны. Мать бисер перед ним мечет, взды-

хает и вытирает слезы, но мысль подсказывает: «Господи, и в кого он уродился такой бесчувственный эгоист? Неблагодарный по-росёнок!». И вследствие сего тайного рассуждения, не совладает с собой, упадет в истерику на кровать. Мишенька, насилия себя, пожалеет мать, промяглит что - нибудь невразумительное вроде: «Я ни што и сделал». Она каждый день ходит в райцентровскую школу за семь километров, это каким надо обладать терпением, смелостью! Туда - сюда, туда - сюда, а думы будто стая ворон к ненастной погоде, крутятся, копятся, разлетаются и вновь собираются, что - то исчезает, что - то прибывает. Школа, деревня, муж, сын... Сколько каждый день впечатлений, тем для разговоров, сплетен, толки вокруг зарплаты, обязательное членство в ведущих политических партиях, возможность очутиться в перекрестном огне «любезностей» - так называется закулисная возня со школьной преподавательской нагрузкой...

Она стареет - годы берут своё, некрасивая, некормная какая - то и слабая; её не любят, её сторонятся, ученики между собой зовут «молью», открыто игнорируют... В последнее время несколько раз имела разговор с директором, жаловалась на всех и вся. Увы, директору не до причитаний Оксаны Дмитриевны, пусть курят в туалетах негодные мальчишки, бесстыжие девчонки носят мини - юбки и красят губы! В школе появилась новенькая учительница. У директора вырос павлинин хвост. Директор находит в ней бездну женственности, неуловимого кокетства, которое всякую красивую девушку окружает облаком тайной любви.

- Сегодня - то какой леший тебе дорогу перебежал? Тяпнула што ли?

- Валентин! Ты попрекаешь меня тетками, мамой, дядей! Чем я виновата, если такой наследственный ген? Если такая конституция? Я не могу так большие жить! Я удавлюсь!! Я не могу - уу!

Валентин на мгновенье опешил, но тотчас, однако, оправился.

- Раз сказал, два сказал, в сотый раз говорю: я зарыл топор воины и ты зарой. Виноват, вину за собой признаю. Это ж когда было - на той неделе, а ты опять. По пьяни чего не бухнешь.

Частое повторение фразы про топор войны действует на жену угрожающе.

- А зачем, зачем, Валентин? Убедить меня в том, что пора в дурдом?

- Здравствуйте! Я говорил про дурдом? Чего ты собираешь с огня и с лесу?

- А постоянно, изо дня в день напоминать мне можно? Можно, да?

- Да не ори ты, всю деревню на уши поставил. Ну, кончай базар.

Бог знает, как бы Россохины провели этот вечер, не озари Валентина внезапная мысль. Он вспомнил, что сегодня получил письмо от сына из колонии и делает попытку примирения.

- Письмо от Мишки пришло, вон, у телевизора.

Оксана дрогнула, посмотрела куда - то вкось и вздохнула, потом, как хищная птица, метнулась к телевизору, костлявой рукой схватила письмо. Целует письмо, к груди прижимает, шепчет: «Мишенька!».

Валентин сидел в кресле и смотрел в потолок. Ежедневные нервные концерты, беспредметные стычки с женой об одних и тех же вещах, об одних тех же проблемах, расшатали его нервы. Чем больше Валентин думал о жизни, тем больше убеждался: надо рассстаться. К черту! «Хоть бы хны удавится! Уйдет в подыбницу, веревку на крюк кинет... А прошлой зимой? Уползла на реку белье полоскать, час нет, и два нет, прибегаю – над полынней сидит, раскачивается и вроде как мычит, в водуглядит. Оставить все ей, шапку в охапку и... Велика Россия. Не стар, в можете, еще такую молодку обломаю, будьте нате! Руки - ноги есть, голова тоже, да проживу куда с добром! Теперь - то меня институтами на кривой не объедешь! Найду бабу попроще. Сама - живые мощи, а любовь подавай: лихota! Не иначе как бесы нас сосватали, - два сапога на одну ногу и оба стоптанные; как это угораздило меня обматырнуться? Точно: бесы! Ведь батько отговаривал, что ты, с батьком разнеслись: женюсь и точка! Не кончит Оксанка добром, чует мое сердце. Одна тетка у неё ушла по ягоды и пятое лето собирает, другая в дурдоме умерла, мать по-

весилась, дядя повесился, брат Владимир то ли паленой водки хлебанул полишку, то ли... кто его знает, на деревне болтали, вроде на шее рубец видели».

3

Четыре фактора человеческого существования навсегда пребудут незыблемыми и неприосновенными: истина, дух, красота и добро. Все остальное - суeta сует. Счастье - удел всех, кому не хочется быть счастливым? Страдание очищает человека! Это - не патетика, это - правда. Вот послушайте.

Жил да был Александр Мамонтов. Институт геологический кончил, мечтал однажды побывать в тех ледяных широтах, куда до него устремлялись любознательные штурманы и капитаны, промышленники и купцы, люди иного закала. Что он хотел найти, какой затерянный остров открыть - не знал. Неуловимая путаница, в которой нельзя не за что ухватиться, это и есть романтика. Именно она обладает влечением и своего рода неприступностью; у каждого из нас свои горизонты, выношенные, выстраданные, вытканные. Всем хочется заглянуть за свой горизонт; мало - помалу мысли романтика начинают принимать деловое направление, которое и формирует человека как личность.

Не за горами было долгожданное возвращение домой. Хватит, померзли у костров, поскитались по лесам. Почти полгода работали, много успели, хороший задел на другой год оставили. Гуще стал ложиться иней; где - то прорвалось в небесах решето с беспомощным снегом, час снег не лежал, растаял. Ночами страшно из палатки выйти, ветер ржет посвистом, кругом темь и жуть. Нетерпеливый зуд одолел всех. Александр Мамонтов часы считал: вот приеду домой - сразу женюсь! День стоял серый, не особо холодный, с легким морозцем. Река готовилась примерять ледяное облачение. Было в ней что - то возвышенное; она то вздыхала и большим сырым полотенцем вытирала слезы, падающие с драконьих хребтов, то сердилась, пронося пенистые бородки; болезненно настроенный на отход слух сам создавал

картину прощания реки, - облизывает с устакту каменные берега и будто извиняется: «Весной обязательно в гости ко мне, весной я вас прокачу - у!». Не стали ждать вертолет, связали плот, мешки побросали и айда, неси, Вилюй! Радист на плот не садится. Было в глазах его голое безумие! Выдернул из - под рубахи нательный крест, смотрит на него, голос стал острым и ощущался, как вбиваемый гвоздь, заговорил:

- А ведь я просил! Я просил не стрелять в медведицу!

- Сдуруел что ли? - кричит на радиста начальник экспедиции.

- Садись!

- Ребята, ведь погибнем... - голос радиста стал глуховато - печальным. Опустился на песок, гладит ладонью крестик. - Тогда тоже... он мне как подсказывал...

- Развёл тут канитель! Грузи его! Из - за одного вертолёт не пошлют! Тут сдохнешь! Прыгай, кому говорю!

Пришлось плыть. Радист беду ждёт, оглядывается, прислушивается. Туманы вышли из берегов, во всей разбойной красе гудит река. Рядом плыли, будто срезанные и вывороченные с корнем деревья. Тут ветер начал стонать, начал бесится псиным воем, вздымая все выше плескучие холмы. Острый на слух радиист долго стоял, прислушиваясь к гудению. Изредка в тяжелых тучах отрывалось небольшое оконце, и тогда яркое утреннее солнце бороздило речную ширь.

Сидят напротив один другого Александр Мамонтов и радиист. Радист слегка вздрогивает.

- Ничего. Всё утрясётся... Хороший ты парень. И чего ты в экспедицию попёрся? Извини, конечно, но с твоим характером по лесу шататься нельзя. Натура у тебя ранимая. Тебе бы художником быть, Рубенсом... Рубенс торговцев любил рисовать... Всё времени не было спросить: речь у тебя особенная, с какими - то изысканными оборотами. Как взмахи кисти, буйство красок...

По щеке радиста скользнула легкая судорога, он улыбнулся как - то испуганно - жалко и прижал руки к груди.

- Увы, вторым Рубенсом мне не быть... Потом, он же обжора был, и боги его - кричащая мощь... Вы «Отче наш» знаете?

- Перестань, не раскисай, будь мужиком!

Неожиданно радиост вскочил на ноги, не своим голосом закричал:

- К берегу! К берегу!!

Как могли и чем могли, выгребали; внезапно вырос перед плотом борт буксира, в буксир и врезались с пушечным гулом. Столкновение разметало плот, и рюкзаки под воду пошли, и оружие, и рация, и люди тоже. Кого как водоворотами крутило, то живым одним ведомо, а в живых остался один Александр Мамонтов. Выбрался на берег, два дня товарищем искал. Буксир помощь оказал, вниз опускался километра на три - никого.

Не женился Александр. Охваченный бунтующей совестью между нравственной анемией и беспорядочным раскаянием, нашел противовес пробудившемуся сознанию вины: прямо сказал невесте: «Извини, я не могу жениться». Мало - помалу стыд прошел, и его место заняло смутное желание искупления вины. Ходил в церковь на исповедь, священник наставлял: «Надо жить. Жить! В слове «жизнь» заключается ощущение совести, которое вечно будет с тобой. Умиротвори потуги стыда за содеянное молитвой, впусти в своё сердце обыденные мелочи. Сильный человек сосредотачивает свою мысль на определённом ощущении, а слабый подвержен беспредметной тоске, метанию, желанию покончить со своими проблемами одним махом».

Через год отыскался радиост партии. Одноногий. Вторую ногу ампутировали «по самое некуда». Стали говорить, и вдруг оказалось, что не только им говорить не об чем, но они даже в тягость друг дружке. В томительной неловкости побыли некоторое время и разошлись, чтоб больше не встречаться. Даже воспоминание о хорошей охоте, богатой рыбалки, эдакая нейтральная ниша, в которую легче всего спрятаться в затруднительном положении, не приглянулась бывшему радиосту:

- Какие ребята были!...И через твою глупость пошли на корм рыбам.

Потом еще год минул. Жил этот год Александр Мамонтов как во сне видел фантастическое представление, над которым плакать хочется. И пришла к нему в голову мысль стать священником. И озарилось сердце лучом радости!

- Вы поступаете на отделение ставленников. В училище не приходят случайные люди. Вы опираетесь на клюшку; недужное тело или мятежная душа заставляют вас быть священником? Вам покажется, что я говорю слишком прямолинейно и высоким слогом, - извините, привычка. Вы уже не молоды; вы пришли к Богу, значит, вас не устраивает ваша житейское положение, вы ищете утешение и твердость. Бог поможет вам зажечь свечу в своём сердце, наградит любовью к ближнему, терпением, мерой общественного долга; все мы странники в этом мире, - говорил на собеседовании при поступлении в православное училище уважаемый протоиерей Воронин, ректор училища. - Все несём свой крест, одни со смирением и утешением себя тем, что в мире не одни радости, но и горечи, другие... Господи, как много подлости, жажды наживы, чванства, злобы, зависти в нашем разрушительном веке! Вы увидите много «других», не осуждайте их и не судите их; ни один волос не падет с головы нашей без воли Бога!

Приехал отец Александр в Блиново - в Блинове церковь кирпичная, правда, размещался в ней клуб и библиотека. В шестидесятые годы её пытались разобрать - не смогли, наши предки жили ни одним сегодняшним днём. Поговорил с районными начальниками - бери, и библиотека так себе, и клуб лет пять на замке. А жить пришлось в Кареньгино, в Блинове пустовавших домов не оказалось. Предшественники оставили ему жильё запасливо, полной чашей. Немало трудов положили прихожане, пока возвратили храм к первоначальным обязанностям. Кое-какой церковной утвари насобирали, не дотянулись алчные руки спекулянтов до здешних мест.

Участковым милиционером в то время был Мишка Россохин. Примерно через месяц после приезда священника в Кареньгино, в марте, когда снег начал садиться, в Блинове обокрали магазин. Унесли четыре ящика водки, самые дорогие конфеты и женские лифчики. Следствие вели двое в штатском и участковый Мишка Россохин. Священник не знал о краже, потому оказался невольным свидетелем. Мишка был в непрестанном движении: головой встряхивал, как застывший конь, раздувал ноздри, то на-

валивался боком на прилавок, то отваливался от прилавка комом; он испытывал нечто сродни давившей из него пружины. Мало того, бранился, не стесняясь продавца, будто элемент срамословия очень необходим при раскрытии преступления:

- Не я буду!...Што бы на моем участке!...

Продавец стоит возле печки, возмущается Мишкой бранью:

- Михайло, из тя ровно из помойного ведра, да што ты, окстись.

- А ты не щокай, ишь, расщокалась! - рявкнул на неё Мишка.

Низенький рыжеватый следователь в штатском, не отрываясь от бумаг, махнул Мишке рукой: остынь!

Мишка остывал; наступило некоторое затишье, в продолжение которого следователи списывали данные с товарных накладных, а Мишка зевал, на цыпочках обходил стоящую возле стены печь и заглядывал, точно там воры делили украденные лифчики. Это был отвеченный грабеж, таких грабежей по России каждый день совершаются сотни. Ведь что воруют? Водку да лифчики! Священник был в нерешительности: уйти или... А вдруг это так, ерунда одна, взгляном спрашивает продавца: уходить? Март, снег тяжелый, сильно болят ноги, не будешь же все время просить женщин носить ему продукты? Тут подходит к нему Мишка, встал вплотную и развязно, тоном нескрываемого презрения спрашивает:

- Комсомольцы - добровольцы пришли помочь следствию?

- Полноте, какая от меня помощь, - попробовал отшутиться священник.

Мишка оглядел его странным взглядом и отрывисто промолвил:

- Вон!

- Михайло - о, - продавец отшатнулась от печки, всей массой пошла на Мишку, - совсем с катушек смахнуло?

Священник почувствовал, как кровь бросилась ему в голову.

Милиционеры в штатском вразнобой одернули Мишку:

- Тебе неймётся, да? Опять?!

С того случая Мишка затаил на священника злобу. Он как цель себе поставил отравлять ему существование. Или, может

быть, ему нравилось потешиться над больным человеком. Как повстречались - начинает ехидно спрашивать про святых, обличать всех и вся в безверии и попрании авторитетов.

Однажды под вечер забрёл в избу, бухнулся без приглашения на стул, и первый вопрос задает шепотом, словно хочет выведать большой секрет:

- А скажи, - говорит, нажимая на «ты», - Евушка из Адамова ребра выскоила?

И так взглянул в лицо присевшего напротив священника, будто хотел добавить: не ожидал, что в нашем медвежьем углу обитают интересные индивидуумы?

- Из Адамова. Бог её сотворил.

Мишка беспрерывно оглядывается по сторонам, вздрагивает.

- Пусть так. Вот я Библию матери велел купить; што меня смущает...

Едва дождался священник, когда Мишка оставит его. Он не в шутку забоялся, как бы участковый, по словам продавца в Блинове, «не сошел с катушек». Священник пристально смотрел в серые, беспокойные глаза Мишки: красное, холеное лицо, по игравшим мускулам было видно, как он стискивает зубы. И Мишка наблюдал за священником.

- Обнюхиваешь, не пахну ли я райскими яблочками? - иронически спросил Мишка. - Или читаешь то, что написано в моей подорожной?

- Чужая душа - потемки, - отвечал священник.

- Изучать меня не надо, я не подопытный кролик и не сектант. Моя мать кончила два института, и что? Кому нужны её институты? - Мишка начал выходить из себя, заговорил тихо и раздраженно, как будто мстя кому - то за свою мать. - Никому. Переживала, переживала, мучилась, а ради кого, ради чего? Каждый день вдавливать в головы придурков, что надо любить Родину, честно рубить уголь и быть заваленным породой на километровой глубине, почитать олигархов, ставить перед депутатами корыто, полное баксов... Тыфу! Честным трудом будешь богат? Никогда! Будешь горбат! И сдохнешь собакой!

Священник уже по наскоку в магазине догадался, что этот участковый готов во всякое время отца родного с кашей съесть. Наглаженный, исправленный, собою богатырь, а ведь всё это показуха, так сказать, глумление над мундиром, желание поразить чьё - то воображение беспорочной службой. На поверку же, человек с душком, соглядатай, повадлив к выпивке, и большой артист по части неразрешения психологических загадок. Он накидывает на себя бойкость для того, чтобы маскировать вылет из внутренностей своих, как из пустого пространства, всей гаммы излучения, от скрежета зубного до подозрительно-го шепота.

Священник пожертвовал своим самолюбием, на колкости старался отшучиваться, ссылаясь на необдуманность и неопытность юноши.

В День Победы закатился к священнику в изрядном подпитии. Сразу стал придиরаться, нагличать, хамить.

- У тебя в верхах мохнатой лапы нет? Жаль. Очень жаль! В охрану бы к губернатору протолкаться, или к заму его пузатому.... Брось ты свои проповеди, пошли золото искать, - лениво говорит, давясь отрыжкой, - ты ведь геологом был?

- Был.

- А чё в попы попёрся?

- Грешен я, Михаил, так грешен! Душа запросилась.

Оглядывается Мишка, вздрагивает, одну руку положил по-перек груди, а другую уперся в подбородок. Некоторое время оба молчали. В избе была тишина; солнце садилось; стекло рамы прорезало солнечное копье и наконечник, расширенный про-странством, уперлось в божницу.

- Душа, душа... Ты хоть мне - то не заливай, вижу сокола по помёту. Едва копыта волочишь, а всё туда же. Старух обирать приехал?

- Как много вопросов у вас, молодой человек.

- А ты не умничай, за базар в своих палестинах я отвечаю! Понял?

Другой раз встретились, подвыпивши вышагивает, фуражка набекрень, пистолет из кобуры вынут и за пояс засунут. Отец

Александр как увидел такого живописного стража порядка, усмехнулся про себя, невольно пали на ум строчки стихотворения: «Партизан Евлаха, красный партизан, красная рубаха за поясом наган...». Опять пристаёт:

- Слыши, отец, или как там тебя старухи кличут, почему народишко трусливый около Христа терся? Пришли солдаты, апостолов медвежья болезнь пробрала: я не я и кобыла не моя. Петр три раза отрекался.

- Это не трусость, это замешательство. Любой человек поначалу пугается, потом обретает силу.

- Точно, - хохочет Мишка. - Мы тут на днях на одну бытовуху выезжали. Жмурик с заточкой на меня прыгнул. Как на духу: опешил, а потом, - зажимает крепкие кулаки, набычиваются, - потом мне хоть водка, хоть пулемёт. Вот такой русский менталитет. Телята апостолы! Боженька им сделал внушение, они и обрели твердость. Я жмурику рученку из плеча выдернул да о коленку хрясть - так Микула Селянинович сошку из земли выдергивал да бросал за ракитовый куст, и завыл, козёл!... Значит, грешки к нам замаливать подался? Пустынник, значит, новоявленный Зосима? Подозри - ителько... а чё не в лавру? Лавру боженька не обнесёт вниманием, чё ему наша глушь.

- Бог на милость не убог. Ему что лавра, что часовня... суда Божьего, Михаил, околицей не объедешь.

- Во! Во теперь усёк: зуб даю; я - могила: замочил кого?

- Да что вы!

- Нет? - крикнул Мишка радостно, звонко. Как вскинет глаза на солнце, изливающееся холодным блистающим мёдом, подскочит на месте и, точно припомнив нечто нужное, кладёт свою руку на плечо священника. - Так живи! На нет и суда нет! Я вот безгрешным живу! Не пристают ко мне грехи.

- Нет безгрешных людей, Михаил Валентинович.

- Молоток, уважаешь власть. Чуть что - ко мне, я кому хошь внушение дам. Таможня, - хлопает священника по плечу, - даёт «добро».

И пистолет за поясом поправляет.

В первых числах сентября пробовал отец Александр гово-

рить с матерью Мишки, Оксаной Дмитриевной. Жаловались ему женщины, что опять ввели в обязанность участковым по потолкам ползать, печные трубы осматривать. Мишка с потолка слезает и заявляет: «Опечатываю!». Или гони ему две - три сотни, или печь не топи: штраф в размере потребительской корзины. Мать по кодексу родственных приличий и большой любви к сыну, не упустила случая налгать:

- Да что вы, что вы? Господь с вами. Это чья-то злая шутка! Сколько живём, никто и никогда слова плохого не сказал про Мишеньку. Это художественная натура, ранимая, впечатлительная, такой ласковый мальчик...

Выдавая такую отличную характеристику, смотрела на священника испытывающим, откровенно - обезоруживающим взглядом, мол, не тронь ты моего сына!

- Есть поговорка: «Еще не слеп, коль ощупал печь в своей избе». Боюсь, вы заблуждаетесь, Оксана Дмитриевна. Ваш сын не заслуживает таких лестных эпитетов. Священник смотрел на Оксану Дмитриевну: лицо её гляделось совершенно спокойно, но что - то, не то чтобы злое, а глупо - непоколебимое оттеняло это спокойствие. Потом прослезилась: так оно выходило очень даже чувствительно. Несколько минут она то вздыхала, то сни- мала очки и протирала стекла, а слезы обильно струились из глаз. Странное дело: мысль увидела в словах священника войну и протест, дескать, он, большой человек, хочет как-то заявить против общественной несправедливости, но почему он выбрал именно Мишеньку? Мысль подсказывала ей, что нашёлся такой человек, который сказал ей правдивые слова о сыне. Вроде она согласилась, но тут же отвергла своё согласие: «Это уже катастрофа! Мишенька - шалопай? По натуре - да, но не по воспитанию! Поп хочет очернить моего мальчика, выставить эдаким устойчивым паразитом, Балдой, неандертальцем и аморальным милиционером... Дай ему волю, чего доброго в проповедях своих выможет в смоле...Нет, это ему так не пройдёт!».

- У вас дети есть? - спросила Оксана Дмитриевна.

- Нет.

-Так какое вы имеете моральное право поучать других?! Не

имеете! Лучшие годы своей жизни я отдала этой школе, становлению и воспитанию нашего будущего! Эта школа высосала из меня все силы, все соки!

С большими муками выбрался на коридор отец Александр - лицо опахнуло холодный воздух. Голова не кружилась, но болела. Кричать - глухая ночь, да и на крик сил нет. Полежал на студеных половицах, пожалел, что поддался минутной слабости, выполз из тепла. Он ощущал мучительную слабость. Закрыл глаза: какая - то серая, в огненных крапинках лента упорно сматывалась с огромной скоростью в его голове с валика на валик: «Вы «Отче наш» знаете?... «Знаете?». Этот настойчивый голос тревожил где-то глубоко запрятанную гордость. Показалось нужным одернуть радиста: молчи! Ты, как зверь из засады, наблюдаешь за мной, за жертвой, ты удовлетворен, ты видишь расплату за легкомысленный поступок... Захотелось жить. Но, как бы трудно ему не было сейчас, еще труднее было уверить себя в том, что радиист тут ни при чём. Он должен был так думать; радиист хороший парень, не бросит, иначе ему сейчас не стоит бороться за жизнь. Раненая медведица умирала долго, теребя когтями глину и траву; медвежонок жалобно плакал возле своей матери, подсовывал под неё мордочку, как бы пытаясь поднять мать на ноги; мать то лизала его, то рычала, знать, гнала прочь; радиист в отчаянии стоял неподалеку и плакал. Сначала он будто вторил осиротевшему медвежонку, потом стал громко рыдать, будя лес. Радиист увели. Надо бы добить зверя, чтоб не мучился, но не было ни одного патрона, даже с мелкой дробью. Со стоном священник начал подтягивать под себя ноги, пытаясь встать. Это ему не удалось. Ноги отнялись. И сердце словно подскакивает и мучительно трепещет, это... это пришла смерть, Александр Мамонтов!

Казнюсь и верую, Господи!

Страдаю и молюсь!

Слышишь, заскрипели половицы на крыльце под тяжелыми ногами. Ну, подумал, Господь опять рядом. Только поздний

гость толкнулся в дверь, помедлил должно быть, ещё толкнулся и проговорил что-то. «Кому-то водки не хватило», - мелькнуло в голове. Тут гость перестал осторожничать, почал барабанить кулаками в дверь.

- Кто вы, крещеный? - спросил с полу отец Александр.

- Это когда ты меня успел окрестить? - нарочито небрежно захочотал на крыльце Мишка Рoccoхин. - Открывай, не морозь. Иду экзамен сдавать на сан.

- Не открыть мне, Михаил. Лежу вот... Ноги отнялись.

Сильный парень Мишка Рoccoхин. Как надавил плечом, запирка и треснула пополам. Нет еще в Каренъгино стальных дверей, не дошла мода на окнах решетки ставить.

Заволок Мишка отца Александра в избу, взял как маленького на руки, на кровать положил, одеялом закутал. Отдуваясь, закурил. Скользнули его глаза по стенам, остановились на божнице.

- Читаю вот Библию, мура какая-то. Из пустого в порожнее. Ноги, говоришь, отнялись? А кто грехи замаливать станет? Не спасёт тя, боженька -то, - цинично говорит Мишка.

- Не богохульствуй, Михаил, - попросил священник.

- Слыши, интересно бы знать, сколько баксов потянет твоя икона?

- Мир - риза нетленная! Икона - красота ризы!

- А всё-таки, без этих твоих нашлёпок, сколько?

- Михаил, водки у меня нет, не держу и не сужаю.

- Ладно...Вот чего, правда, тебе боженька не помогает? На мою мать топор войны точишь, расстраиваешь попусту, она постоянно взвинченная, а ты плохим воспитанием упрекаешь, меня к совести призываешь, а сам - о домовину стучишь?

- Не нами сказано: «Сила господня в немощи совершается».

- Вот ты и совершаешься, а икона дорогая... хитрец, он еще и подстраховался, заяву накатал, што храм, видите ли, ободрали. А вот они, вешдоки! Старухи наносили икон, а ты подметаешь, грешник?

Мишка без приберегу выдернул из-за стола мешавшие стулья, встал под самой божницей, начал снимать икону.

Священник приподнялся на кровати, говорит:

- Не делай этого, Михаил. Эту икону подарил мне архиепископ владыка Максимилиан. Жить мне осталось немного, потом приди и возьми. Прошу тебя.

- А чего не Патриарх Алексий?... Так, говоришь, скоро коней откинешь?

Начал священник сползать с кровати, Мишка подбежал, обратно его на кровать кинул.

- Спокойно, не дергайся, лежи себе тихо, готовься в дорогу...

Дрожащими руками уцепился за Мишку священник, умоляет не святотатствовать. Глаза вытаращил, без мысли глядит в озверевшее лицо Мишки.

- Ну- у, - тихо и хрипло простонал Мишка да как ударит священника кулаком сверху по голове изо всей силы, тот и пал на кровать. У него аж зубы щелкнули. Стоит Мишка над священником, большой, сильный, как сторожит смерть. Потом, испугавшись неподвижности тела, к божнице подбежал, начал срывать икону. С иконой подмышкой, не забыв выключить свет, кинулся прочь, поскользнулся в темноте на смятом половике, чуть не упал, стукнулся губами о спинку стула, разогнулся да еще спешнее кинулся вон из избы. На улице ладонью хватил рот, липко, знать при падении разбил губы.

Стоит под березой, курит, дышит неровно. Губа кровоточит. Темно. Не стоят на часах петухи, повывелись. Не залает спросонья собака, перестрелял собак участковый Мишка Россохин. Возле бывшей колхозной конторы нет- нет, да скрипнет старая ель. В стороне, на другом берегу Кочуги, тлеет огонёк в чьих-то окошках. «Наследил, - который раз проигрывая в голове «налёт», твердит про себя Мишка. - Наследил... и не приbral за собой. Надо вернуться...».

Надо бы вернуться, проверить, жив поп или сдох, а по телу ходит легкий озноб. От нервности и беспокойства за содеянное, зло затянулся дымом и швырнул окурок в снег. До этого часа не ведал Мишка страха, по горячности, презрению к опасности, был самонадеянным ухарем. Прежде он бы и не задумался, что стукнул кого-то по голове, не повернул назад. Он бил, его били, на то она и жизнь, выживает сильный.

Не пошел в избу священника. Кто завтра, если загнется, первым придет осматривать избу и скажет твердое слово, отчего да почему? Он, участковый Россохин.

Ближе к полудню деревня узнала, что преставился отец Александр.

Мишка спал в горнице. Слышала Оксана, как пришел он домой за полночь, как раздевался. Мало ли дел у участкового, то в райотделе дежурство, то вызова, а, бывает, и с дружками засидится. Сегодня раздевался тихо, в кухню не пошёл, значит, трезв и сыт. Хороший у них сын! Годам к тридцати ум приберёт, и такой справный хозяин будет, вся деревня позавидует! Не зря Валентин со школы наставляет его: «Занимайся спортом, занимайся! Бей первым, нечего сопли распускать. Налегай на бокс, гирю таскай, што б иного дохляка взял как ржаной сноп и через себя - оп-па!». Сын у них служил в Чечне, правда, комиссовали через полгода. Оксана Дмитриевна гордится геройским сыном. Всегда приводит в пример: «Вот мой сын Михаил героически сражался в Чечне, был контужен...».

Врет Оксана Дмитриевна себе и ребятам. Списали Мишку в обоз по причине психической неуравновешенности. Избил майора - ушел в самоволку, напился, у торговцев на рынке стал топтать корзины с цветами. Прибыл комендантский патруль - без боя не сдался. Три дня болтался, пришел в военную прокуратуру и жалобу на неуставные отношения написал. В его защиту вступился «комитет солдатских матерей», было много шума.

Пошла Оксана Дмитриевна смотреть умершего священника. Чувство болезненного злорадства тлело в ней. Сколько раз ей твердил, мол, надо съездить в обитель Серафима Саровского и сына обязательно свозить, к камню старца приложиться плотью и в роднике искупаться. Будто они с сыном психи какие, чтоб вся волость потом хихикала, чего доброго сыну, с таким трудом в милицию устроенному, выписали волчий паспорт. Или: в школу пришел, с уроков её вызвал, ученостью своей в нос тычет: «Вы извините, я в институте увлекался Сократом, потому сошлюсь на маленький эпизод его жизни. Сократа судили мало кому известный поэт Мелет, абсолютно равнодушный к существу обвине-

ния, влиятельный афинянин Анит и оратор Ликон. Что ставилось в вину Сократу? Безбожие и безверие, развращение молодежи. Суды легко переступали нравственные нормы человеческого общежития, не брезговали достижения узокорыстных целей любыми средствами. Сократ отвечал: « ..стоит убить глаголящего истину, и тотчас людей охватывает любопытство к его вере иуважение к ней».

Что бежит быстрее смерти? Человеческое падение. Я не виню вас в недостаточном воспитании сына, но, согласитесь, он падает и падает очень быстро. Любой порядочный человек всегда уязвим в борьбе со злом...Вы мать своего сына, но вы и самый принципиальный судья. Не место вашему сыну в милиции. Его лечить надо, а вы повторяете сыну, слепо верите ему...». «Вы хотите, чтоб мой сын катал бревна на лесопилке? Днем надрывал жилы, а ночью жрал водку со всякой сволочью? Он не раб! И не бывать тому! Поняли? Поняли?! Да наш Мишенька!...Я епископу напишу! Вы своих нарожайте, и судите их, как вам вздумается! И пошли вы со своим Сократом!...» - с визгом кричала тогда Оксана Дмитриевна.

В избе народ толпится, пугливо озирается. Вскинула Оксана Дмитриевна глаза на божницу, а божница пуста! И злорадная улыбка раздвинула её тонкие губы: вот-те и боженька, заступник наш! Её пропустили; и кажется Оксане Дмитриевне, что намеренно и только для её ушей говорят вокруг:

- А што милиция, кабан на кабане, вот какая у нас милиция. Чем милиция наша лучше тюремщика Петьки Облучкина? А нечем. Деньги, всем денег мало. Хватила ты нашу милицию, она бережет не нас, печные трубы.

Лежит отец Александр на кровати, седые волосы скомкались, под носом засохла ниточка крови. Даже для виду не перекрестилась Оксана Дмитриевна, внимательно уставилась на мертвого. Почудилось ей, что священник жив... Очки сняла, опять одела, еще внимательнее уставилась на него: нет, не живой, вроде как... Развернулась и, не поднимая головы, пошла вон. В дверях слышит за спиной:

- Житник пригорелый.

Вот тут и заревела Оксана Дмитриевна. От обиды. Она столько сил потратила на детей сволочных баб!... Очкисдернула, без них идёт деревней, как прыгает, и в голос ревёт. От бессилия, от злости на весь белый свет.

5

Пришла к районному прокурору Савельевна. Прокурор - молодым - молодо, ни юпитеровской важности в нём, ни строгости прокурорской. Собой щуплый, бородка жиденькая, клинышком. Села перед ним на стул, на колени свернутую шаль положила. На прокурора глядит, руки шаль, ровно кошку, гладят.

- Собиралась да собиралась, еле решилась: не своей смертью отец Александр умер. Ворон ворону глаз не выклонет, потому и к вам. Преж, старики баяли, с нашей стороны выдачи не было, да когда што было... Стоит у Валентина Рoccoхина на озадках старая баня, вы бы заглянули.

- Что же можно найти в старой бане, самогонный аппарат?

- А вы полюбопытствуйте.

- Вы что-то видели, что-то знаете?

- Не видела ничего, и не слышала ничего, и у вас не была. Поэтому утайку держу, что одна живу. Один мой защитник лодки подводные строит, другой в военную академию поступает; две жизни не жить, а одну - желательно бы подольше на белом свете задержаться. Жить-то народ стал сытее, согласия больше стало, и власть оглобли к народу поворачивает. Бог даст, там, - Савельевна глубокомысленно вскинула взгляд к потолку, - перестанут под себя грести, о деревне вспомнят.

- Если я вас правильно понял, речь идет об участковом Михаиле Рoccoхине?

- Правильно поняли. Мишку на арапа не возьмёшь, его в тисках хорошенъко обжать надо. По батьку он - кап, по матери - умом здряхнутый.

- А что такое «кап»?

Савельевна оживилась, с шалью к самому столу прокурорскому подалась.

- Байку такую знаю: облюбует нечистая сила в лесу здоровую лесину, какой куда бес не бежит, вроде как на почту приворотит новости узнать. Один поёрзает мохнатым телом своим на игрище том, другой копытца отрясёт, третий языком лизнёт, и примется на лесине вахлыш раковый расти...

Увезли Мишку Рoccoхина в наручниках в город.

Хлещет дождь. Осенний, студеный.

Аггей с женой и детьми сидят по лавкам под окнами; недавно была свадьба в Блинове, у Аггея купили трёх баранов. Сейчас разговор держится на вырученных деньгах и сене, которое, как только начнёт подмораживать, надо сваживать с Кочуги ближе к жилью. Жена просит Аггея разрешения сходить ей к Валентину Рoccoхину, потолковать «по -человечески». На днях Савельевна говорила:

- Избил Валентин мезоньку свою. Не просит она, ой, не простит!

Скор на помине Валентин Рoccoхин. На крыльце зашел, тяжелый дождевик с себя скинул, в избу ступил. Старший сын Аггей стул ему ставит. Валентин достаёт из-за пазухи бутылку водки, предлагает выпить. Аггей пожимает плечами на жену смотрит: как и быть... И сено надо доставать, и пить - себя казнить.

- Ладно, - решается хозяйка, чтоб гостя не обидеть, - дочка, собирай на стол.

Выпили Лина с Валентином по стаканчику, закусили рыжиками, Валентин спрашивает Аггея, а сам голову опустил:

- Видел, в Кочуге мой трактор рыбу ловит?

- Видел.

- Дак бери его себе. Хотел утопить, да омутом ошибся.

- Не обижал бы ты нас, Валентин, а? - просит Аггей. - Живём мытише воды, ниже травы.

- Перестань, какая обида, - морщится Валентин. - Отдаю тебе и трактор, и косилку. Коси на здоровье траву своим баранам. Почему отдаю, спросите?... А отдаю и всё! Ну, зароем топор войны?

Пробовал Аггей отговориться, мол, он в железе как попугай на градуснике понимает, потом, он никому топором не грозил, даже когда арабские наёмники дом сожгли... потом, кто поверит, что Валентин ему трактор подарил?

- У тебя хороший парень - крепыш поднимается, а ты со своим попугаем... - хочет показаться грозным Валентин. Стал смотреть в потолок, потом опять опустил голову. Из потайного кармана куртки бумаги достал. - Вот тебе паспорт на трактор и на косилку - на... Тут я написал, што дарю, и пошли они в баню!

- Ой, Валентин, Валентин, вот ты какой, а мы - то... Мы - то всё боялись тебя, - говорит Лина. Подолом фартука вытирает проступившие слезы.

- Все мы всего боимся, - Валентин поднял опущенную голову и посмотрел на старшего сына Аггея цепким, все замечающим взглядом. - Спохватимся, когда скатимся: надо вовремя заставлять рылом хрен копать! Штоб дитёнак в одной упряжке с родителями шёл! А то: не ушибись, поспи, поешь посытнее, обутки не обутки, костюм не костюм, вот и вырос из сына свин! К тридцати годам научился стакан держать да на родителей плевать!

- Валентин шумно и прерывисто задышал, усилием воли стараясь скрыть это. - Да -а... наливай, Лина, на другую ногу! Отец, царство ему небесное, торопыга был, сказывал: «Высоко поднял, да снизу не подпер», - подопрём мою волю. На горло наступят - шишок им под носок!

- Коли так - спасибо, - кланяется Аггей в пояс Валентину, - уезжаешь что ли?

- Много будешь знать, скоро состаришься. И «спасибом» от меня не отделаешься. Ты мне слово дай, што вникать за могилкой попа станешь.

- Матерью клянусь!

Глубокая река не шумит

То, что узники концентрационного лагеря Дахау устроили восстание, Егор Борисович Полозов узнал через полгода после освобождения лагеря американскими войсками. 30 апреля 1945 года его живой вес был 37 килограммов. Живые мочи несколько раз клали на носилки, фотографировали, снимали кино. Сотни

подобных Егору скелетов тянули руки к спасителям за кусочком хлеба; потом за дело взялись врачи, позируя для истории, пытались быть богами - измеряли пульс, поднимали беспомощные руки и ноги, голых, утративших свойства понимать и жить, пытались заставить говорить...

Крепок был Егор не только костью, ненасытной жаждой жизни был крепок. Сколько времени надо человеку, чтоб навсегда высохли у него глаза? Не обращать внимания на ползающих везде вшей, не слышать жалобных воплей, мольбы, стонов, всего безбрежного отчаяния? Или оскотиниться до такой степени, чтобы к обмусоленному, жгущему губы окурку, брошенному через проволоку охранником, кидаться толпой, в надежде затянуться один-единственный разок? Перестать смотреть в идиотски мутные и затравленные глаза соседей по нарам и чувствовать в себе отталкивающее, страшное и жалкое сострадание к ближнему? Увы, мало надо! Множество народу, загнанного в тесные помещения, сутками находилось в шуме, толкотне, духоте, грязи; ничто не тяготит человека, не озлобляет так сильно, как жить голодным в ошалевшем человеческом стаде.

Скрючившиеся, подобно привидениям, поодиночке и целыми партиями, то шли в одну сторону, то в другую, и везде натыкались на колючую проволоку и зычные крики конвоиров. Через полгода точно какое-то большое окно вдруг открылось перед ним, он глядел в это окно и слышал раскаты грома, мощные и глухие.. Залепетали листьями осины, зашумели березы, тяжелые капли зашлепали по листве... Удивился: почему гроза, почему дождь, он явственно видит снег?

Весна 1950 года. Первое мая. Егор Полозов ехал на новеньком тракторе ХТЗ - 7, гнал со станции в свою Шалагинскую МТС. На упряжной скобе привязаны две фляги с керосином, к сидению веревкой припугтаны топор и лопата, ведро наброшено на кронштейн фары. Лопату и топор он купил в ларьке, сразу же топор насадил на топорище, а лопату на черешок. Ехал весь день; тяжела весенняя дорога, изрезанная полой водой; ревнивым хозяйственным глазом видит Егор растрепанную дорогу, - нет, не скоро будут наши дороги такими, гладкими да

крепкими, какие видел в Германии, не до дорог; видит мельницу - с трудом держит запруда тягость, и страсть запруды схожа с батистовой женской блузкой. Будто спелые груди молодой сильной женщины, две рвущие волны силятся разорвать батист. От такого нелепого сравнения остановил трактор, спрыгнул на землю, походил, разминая затекшие ноги, заглядывая в реку: жуть берёт, какая черная глубина под самой плотиной, в адском водовороте; по обе стороны от водоворота вихрится песчаное дно, - то, старики говорили, что сам Водяной в карты играет с собой.

К вечеру природа задумалась: небо затянулось легкими прозрачными облаками. Потянул сиверко. Безвольно, как выпущенная из рук похоронка, косо летел через дорогу ястреб. Лес вдоль дороги стал угрюмиться, тьма властно пеленала мир в черные одежды. Не стал Егор рисковать: дорога незнакомая, он первооткрыватель в этом году, фара вроде освещает неплохо, а как забуксует? Кто его вытащит, кто услышит крики в неведомом лесу?

Заглушил двигатель, воду слил, стал костёр разводить. Пожалел, что заглушил: при свете бы фары мог дров найти и натаскать быстро, а во тьме - на ощупь. Пригляделся: вроде тучи раздвинулись, с востока моргнул бледной лампадкой месяц и пропал. Величественная пустошь вселенной, потопленная тёмным отчаянием...

Насобирал валежника, наломал еловых лап - стылая земля для здоровья вредна.

Стоял Егор Полозов, казалось, что некто безликий из кустов за ним наблюдал. С трудом чиркнул спичкой, смоченная в керосине тряпка вспыхнула. Мир сразу преобразился, встал не таким подозрительным и страшным.

«Всё лагеря - я...Сусе Христе», - перекрестился, сел на лапы, достал из сумки луковицу и бережно закутанный в платок матери остаток житного пирога. Отщипнул малюсенькую крошку, положил в рот, стал сосать.

В конце сентября 41-го уходил Егор Полозов на фронт. Поздним вечером пригнал свой колёсный трактор на машинный двор с прицепленной молотилкой, сказал сторожу деду Филе:

- Ну, ночной директор, принимай. Будешь и трактористом, и машинистом. Двойная карточка.

- Прав на то нет, река ты, человек, - отвечает дед Филя. - На двор я тя пущу, а принимать... Я бы, река ты, человек, молодуху какую на постой принял, а по железу - мой талан съел баран.

- Завтра к семи утра в военкомате быть как штык. Зайду вот, прощусь с родными... ну, не поминай лихом.

- Ты там поближе к котлу жмись, не садись на пищу святого Антония - корка, вода да пустая мечта.

«Эх, дед, дед... Рассказал бы много про пищу святого Антония, жаль, не дожил ты...». Зимой 43-го расстреляли деда за воровство. Повёз на станцию мешки с горохом, выпросился у одних хозяев ночь перемаять - сам на возу в тощей шубенке сидел, мешки караулил, лошадь завёл во двор, спрятал от мороза да ветра, да, видно, задремал с устатку. Утром хвать-похвать - два мешка свистнули. Никакого следствия не было. Счастливой птичкой – невеличкой слетела его смерть с рыльца маузера...

Где-то под боком гремела текущим серебром река, где-то не-стройно, с подслезной дрожью, как принудиловку отбывают опоздавшие на работу вдовы, а не от большой радости, пробовали голоса пичужки - далеко кулику до Петрова дня. Крепкая земля в первой декаде мая, студеная; до войны в плуг ставили пару крепких коней, пахали глубоко и чисто, отваливая ноздреватый с синевой пласт; после войны пахота мелкая, бабья, в плуг ставят тройку: коренником идёт старая кобыла, по боках на пристяжах бьются «пустоголовые» недомерки-двуухлетки. Кобылу ни брань, ни кнут не берут, идёт, пока может, а как встала - выпрягай, то упадёт в постройках.

«Сузе Христе...», - задумался Егор.

Остро вспоминал он задавленные тучами бараки, оплетенные колючей проволокой, злобный собачий лай, обильные дожди, холод и... вечный голод. Три года плена. Каждое утро начиналось с того, что ощупывал себя: неужели он живой? До войны не успел выкосить все сенокосы, не допахал, не долюбил, до войны вся земля принадлежала ему в ширину и в длину, и до самой поднебесной синевы, после войны... Много ли земли надо жи-

вому? Три аршина, хоть живому, хоть мертвому. Три, пожалуй, лишку, в три аршина можно десять опустить...

Поднимал глаза к мертвому небу - осталось далеко небо юности, не прочесть в нём то, на что надеялся, о чём мечтал.

Сколько раз давал себе слово Егор Полозов не шевелить память! А как остался с собой наедине, наваливалась тоска, изнывающее опустошение. Год назад он схоронил мать - надорвалась на колхозной работе, а ведь как любил её Егор, откладывал ласку и жалость к матери на потом. Станет представлять мать, проводившую на фронт отца и троих сыновей, представит, как сидит она у окна, к косяку прислонившись, читает похоронки, скорбные складки легли у рта, и падают на её черные узловатые руки горькие слезы, и, кажется, волком завыл бы от боли. Отец и братья погибли, он один, и то бывший пленный, живой воротился. О, сердца наших матерей! Годы идут, а матери всё плачут и рыдают по сгинувшим сыновьям.

Кривой с косым не беседуй: нельзя никому говорить, что ты прошёл четыре немецких концлагеря и один свой, советский, жаловаться на судьбу нельзя. Позорно жить бывшему военно-пленному. Предатель, вот ты кто! А почему жив остался? Да потому, что винтовку кинул, в плен убег, в плenу хорошо кормили.

Пригрелся Егор, задремал. И снится ему сотни раз виденное: лежит он на шевелящихся трупах, вроде живой, а вроде представившейся, ждёт, когда под наваленную кучу тел натолкают побольше дров. Вот застыл над ним огромный, с грузным животом, с розово выбритой головой геррunterшарфюрер и палкой тычет в живот, потому живот Егора пробует защищаться, втягивается до самой хребтины, а палка давит и давит... Очнулся, по лагерной привычке пощупал себя: «Живой? Живой!».

«Сусе Христе...».

Подбросил Егор дровишек в огонь, посидел, опять прилёг.

Холодная земля в начале мая; утро начиналось с того, что черная масса, в кою была упрятана ревнивая ночь, стала шептаться ни весть откуда взявшимся ветерком. Ветерок, как бы боясь спугнуть мертвую тишину, осторожно обвел свежим морозцем всё великолепие природы, и улетел прочь. Холодок забирается

под рубаху и подумать, что надо вставать в дорогу, а думать нечего: надо вставать. Директор МТС товарищ Прусс, наверно, уже на ногах, с надеждой прислушивается к утру. Ждёт, ой как ждёт директор новый трактор! Как просил областное руководство дать МТС гусеничный трактор, колёсные ХТЗ уже сняты с производства - совсем МТС обнищала техникой, обещали «Сталинца», да кто-то опередил, выканючили тяжелый трактор раньше.

Хочет Егор идти за водой - не примёрзло, это хорошо! Смотрит, качается огонь в той стороне, откуда он ехал. Встал, глазам своим не верит: бредет колеей баба с фонарём в одной руке, в другой - толстая сырья палка. Прихрамывает. Увидела трактор на дороге, ускорила ход, точно боясь, что тот скроется.

Подошла к угасающему костру усталая баба, без сил опустилась на еловые лапы, распустила шаль. На ногах большие мужские сапоги, в фуфайке и серых штанах с заплатой на колене.

- Царица небесная... Здравствуй, добрый человек. Не зря говорят: худое охапками, хорошее щепотью. Эдаких страхов натерпелась, на всю жизнь хватит. Хоть Бог надоумил фонарь взять. Товар везу в Шалагино, в сельпо. Ехало отъехало: ось у телеги лопнула. Брела да брела...Как тебя звать, спаситель ты мой?

- Егор.

- А меня - Людмилой.

Женщина подтянула к себе левую ногу, носком правой стала пытаться стащить сапог.

Егор нагнулся, взялся за грязный сапог, помог.

- Горит нога - то. В потребкоопе я работаю, как бы завскладом числюсь, а на самом деле - обычновенный грузчик. В войну зимой грузили коровьи туши в вагоны, туши соскользнула с крюка да мне на ногу... Отправили меня в Шалагино с товаром, еды, велят, Николаевна, трактора уж идут, и ты проедешь. Материю везу, обратно - шкуры.

- Трактора идут, - хмыкнул Егор. - Через день другой пахать надо выезжать, а шкуры и до просухи лежат. Товары ходовые?

- Всем богам по сапогам! Вот выйдешь победителем на пахоте, глядишь, рубахой одарят. Пособи, Егор. Фонарь взяла, а топора нет.

- Топор надо брать. А как пограбили бы?
- И не говори! Ровно те за каждым кустом по головорезу стоит, нож точит, почитай всю ночь у кобыльей головыостояла, с кобылой разговоры вела.

Лицо у женщины грустное, утомленное, глаза круглые, испуганные. Загадывала: откажется, заведёт свой трактор, и будет она слезы горькие лить со своим товаром. Лицом вроде сердитый, а голос приятный. Рослый, сухощавый, а рослые сухощавые мужики чаще всего покладистыми бывают.

Ещё раз с просьбой к Егору:

- Тут, недалеко. Это я шла долго, а тут... Вон, за бугорком.
- Пошли, - сухо сказал Егор.

Идут они в обратную дорогу, Егор наперёд, Людмила с большой ногой, как может за ним, отстать не хочет. Разговорами намеренно сдерживает.

- На войне ты был, Егор?
- Был, - отвечает Егор.
- Долго?
- С октября 41 - го.
- Надо же! Везучий какой... А мой Иванушко 8 января 42-го ушёл, а 8 марта получила похоронку, вот ведь как... Два месяца. Подо Ржевом лежит. В танкистах, верно, был?

- Не - е, мост через реку в Сибири охранял.
- Надо же!.. Всю войну охранял?
- Всю.
- А мой столяром был. Написал поначалу, мол, гробы делает. Ну, думаю, при гробах жив останется. Куда там... Женат, Егор?
- Женат, - соврал Егор. - Тroe у меня.
- У меня двое. Вся душа изболелась: у малого воспаление легких. Как - то они там, мои детушки? Наказала подружке Лидке повиникать, дай - то Бог.

Едет Егор наперёд, Людмила сзади. Сидит она на крупе лошади, частушки просто так, время скоротать, поёт. Не слышит её Егор, грохочет его «колесяга», шиповатые железные колёса рвут мягкую податливую глину. «Что же я не спросил - то, может, оставила пайку детишкам, сама голодом?» - спохватился Егор.

Остановился, подождал, пока подъедет женщина, идёт к ней с котомкой, в котомке самая малость хлеба и половина луковицы.

- Поешь, - протягивает ей сумку.

- Спасибо тебе, Егор, - трогательно сказала Людмила. - Сам - то, поди, не больно сыт?

- Главное - живой! Бери, не брезгуй.

Едут дальше.

Голодна была Людмила, а к еде не притронулась. Не побрезговала, нет, диву ли она далась, защемило ль её, только замолчала, песни петь перестала, слезливая полоса на душу легла. Наревелась, в думы ушла. Тащит воз лошаденка, сырая березовая ось скрипит да дымком легким курится. На скорую руку Егор её делал, но торовато смастерили. «Крепкий мужик крепко и ладит, - мысленно похвалила Егора. - Крошки и те подал... непростой мужик. Вот приеду в сельпо, да сразу к Дуське. Эта проходимка всё про него расскажет». Расхохоталась: осенью приехала Дуська на станцию, привезла на американском «студебекере» шерсть да ивовое корыё, с шофером выпила и говорит Людмиле: надо мне до подруги дойти. Шофер в кабине спать улёгся. Воротилась от неизвестной подруги ближе к утру, идёт к калитке с высоко поднятой юбкой, запачканной свежею грязью, белые чулки до колен черны. Раскраснелась от холода, после бабьего лета морозило ночами, кончик носа тоже был красный, на впалых щеках застыли слезы. Спросила Людмила, что за подруга такая, вроде я всех девок и баб на станции знаю. «Ради бога, Николаевна... омманул, сволочь!!» Поведала: соблазнил её плоскокскульный однорукий конторщик Чадромцев, родом из деревни Горепекино, что в пол часе ходьбы от Шалыгина, - сосед Дуськи, только годами старше, в любви вечной клялся. Всегда чисто выбритый, подтянутый, якобы геройским капитаном на корабле был, обещал в жены взять, а оказалось, что женат - жена Дуську отхлестала вожжами. «Сволочная родовая! - негодует Дуська, а слезы так и бегут по щекам. - Брата у него летом бык задавил. Брат с фронта сбежал, восемь лет в лесу волком жил, в землянке скрывался, шли коровы, бык в землянку и бухнулся. А этот паразит... на шестом месяце я». «Гусь ещё тот этот Чадромцев! Я да я, мореход

просоленный. Болтали бабы: потерял руку на Сухоне. Пьяный свалился с баржи - вроде матросом ходил, угодил прямиком под колесо буксира. Как это дезертир восемь годов ото всех прятаться мог? А зимами как?».

Везёт Людмила мальцу Дуськиному побрякушку в подарок.
В мире господствовало солнце.

Ворочал тяжелое рулевое колесо Егор Полозов, часто оглядывался назад. За ним тащилась повозка, на лошади сидела проворная, работящая женщина. О такой ли жене он мечтал когда-то? Может быть, и мечтал. Может, не мечтал. Давно другим стал Егор. Каждый в мире одинок. Каждый сам себе плаху мечтит, и топор по шее востриг.

Остановил трактор, подождал подводу, идёт к Людмиле спрашивать:

- Не помнишь, старика зимой в 43 - м на станции застрелили? Вором признали.

Отмечает Егор про себя, что глаза у женщины голубоватые, яркие, чрезвычайно упорные, словно она хочет пронзить насеквоздь.

- Что -то не помню... Вот как заключенным головы нацмены отрезали - видела. Заключенных везли железную дорогу строить, сколько - то их убежало. Показательная казнь была. Как баранам, головы абреки резали. Нас с бабами заставили могилу копать. Ужас!

Теперь, при свете дня, Людмила разглядела своего спасителя: да, рослый мужик, сухощавый, белокурые волосы вились над сдавленным у висков лбом, брови лезли на серые глаза, нос тянулся к губам.

- Филяй его звали...Филипп Никитич. «Река ты, человек» - присказка у деда была. Ладно, поехали.

Кончился лес, дорога шла полями. Трактор пошёл легче, и лошадь, почувствовав близость жилья, резвее потянула телегу.

Повеселела Людмила, сняла с себя фуфайку, бросила на воз. Сидит на лошади в красной кофте, улыбается светлому дню. Она удивительно похорошела - так ей самой казалось от подступившего настроения.

«Родня, должно быть, был расстрелянный. Правда, почему я про расстрел старика не знала?..И никто после про то не говорил. А, может, его застрелили за большим пакгаузом? В войну с боку пакгауза пристройка была, а вот что в той пристройке было?»

У директора Шалагинской МТС товарища Пруssa вечно мрачный вид, глаза косые, смолистые гусарские усы прибраны под гребешок волос к волосу. Любит носить офицерские сапоги с длинными голенищами, белую фуражку военного покрова. Замполит Петров был против решения директора посыпать за трактором Егора Полозова.

- Пленный, - пояснил замполит.

- И что из того? - спросил директор.

- Сами понимаете, Алексей Иванович, - уклончиво говорит замполит. - Вы у нас, как говорится, без году неделю, прежний директор держал его на коротком поводке.

- На поводках держат собак, не так ли? Я интересовался в бухгалтерии: кто до самых морозов обмолачивал рожь, кто больше всех отработал на заготовке леса зимой? Получается - Полозов? Кто полынью пробил и вытащил из озера утопленный коммунистом Бабушкиным трактор? Или нормировщик кум Полозову? Механик - сват? Тот же Бабушкин увилинул от подписки на Государственный Заём, а Полозов подписался наравне с главным механиком и агрономом. Впредь, товарищ Петров, по некоторым вопросам размежуемся: вы занимаетесь своим делом, а мне позвольте заниматься своим. Общей будет победа!

Замполит глядел на директора с долей интереса и долей уважения: как спокойно говорит директор о том, о чём у замполита головная боль, где это откопали такого самоуверенного косоглазика явно с немецкой фамилией? Или этот пруссак не знает, что такое партийное мнение? Новые трактора надо давать только механизаторам- коммунистам, уж не как бывшим пленным! На всякий случай замполит отложил «последнее слово всегда за партией» на потом; начиналась весенне- полевая кампания, предстояли собрания, митинги, встречи

с хозяйственно- партийными активами в колхозах, - замполит во время таких авральных недель спит не больше директора МТС.

Солнце стояло как раз над зданием бывшей кирпичной церкви, нынешней ремонтной мастерской Шалагинской МТС.

Ближе к проходной МТС собирается народ. Ещё бы: в МТС гонят новый трактор! Праздник! Гонит Егор Полозов.

- Свой своему и лёжа сүёт, - желчно говорит длинноволосый тракторист Бабушкин. Чёрные волосы не давали ему покоя, они поминутно сваливались на лоб, почему он поминутно же отмахивал их назад. Представить себе Бабушкина без отмахиваний было делом невозможным.

Мужики подъедают Бабушкина каверзными вопросами: в каких таких постельных связях состоит Егор Полозов с директором Пруссом?

- Эссэса недобитая, - злая ухмылка пробежала по губам Бабушкина и скривила рот. Борется сам с собой Бабушкин. Не говорит, шипеньем исходит.

У мужиков шипенье Бабушкина вызывает громкий смех, подковырки. Тракторист он так себе, а гонору, спеси, как блок в кобеле. Мило дело на партсобраниях добраться до трибуны и «калить» механиков, заправщицу, бригадиров тракторных отрядов, пронырливых трактористов. Тот шельмует, другой приписывает, третий сговаривается с колхозным бригадиром и пашет только «песок», а «переученному» агроному давно пора дать в руки кувалду - кто агронома видел в поле с шагометром в руках? Где большие глины, туда и Бабушкина толкают. Плугарём кому немощную старуху или парнишку слабосильного дадут? Опять Бабушкину.

Нервным, порывистым, взорваным стал Бабушкин. Отмахивает и отмахивает сваливающиеся на лоб волосы, ищет глазами директора МТС, хочется ему бросить в лицо директору обидное про предателей Родины.

Егора встречали как героя восторженными криками:

- Хрен им - не Москва-река!

- Села бабушка на шило до чего же деду мило! Жми, Егор!

Трудно стороннему человеку угадать, кому «хрен», кому «Москва - река».

Тракторист Бабушкин ушёл прочь - разобранный после купания двигатель нуждался в расточке коленчатого вала. Не мог Бабушкин слышать и видеть расплескавшуюся радость. Добили его пословицей про бабушку с шилом. «Ничего - о, - мстительно думал он. - Петров кое-кому мозги вправит!».

Ой, как обрадовалась Дуська вошедшей в квартирку завседом Людмиле Николаевне! Самоварчик поставила, бутылочку красного винца из - подполья достала, из печки крынку кутьи вынула, маслица коровьего две ложки зачерпнула. С дальним прицелом Дуська угождает Людмиле Николаевне: вот чуть подрастёт ребеночек, опять в сельпо работать пойдёт. А Людмила Николаевна! Гром баба! Пытят бабы винцо, подмигивают одна другой, разговоров у них много. Охали обе да ахали над рассказом Людмилы Николаевны про длинное её путешествие. Спит в зыбке Дуськино дитятко, погремушку гостья самолично к очепу приладила.

В гостях Людмила Николаевна чувствует себя, как дома. К иным, ведь, в гости заходи да на ту половицу смотри, на которую ступишь, а тут... почёт да уважение!

- Что про батюшка не спросишь? - кивает головой на зыбку. Вроде строго спрашивает Людмила Николаевна Дуську, а в душе смеётся.

- К лешему такого батюшка! Омманщик поганой!

Хохотает Людмила Николаевна, сказывает, как конторщику Чадромцеву женка скандал устроила - велела в подарок ей на день рождения купить сорочку или трусики модниющие, похвастать, мол, перед гостями, как её муж любит, а Чадромцев взял да штаны себе ватные купил. Ещё и упился в стельку.

Вызнала гостья, кого Дуська в крестные взяла.

- Крестной Валька напросилась, истопница наша сельсовская. Около пекарни да эмтээсовских бань держится, воду возит, печи топит, грузить - выгружать помогает. Увидишь завтра. Тщедушная такая, лицо в оспинах, носишко вздернутый, душой сущая рабыня, на каждом шагу на нее «извините».

Весело в Дуськиной квартирке, уютно, тепло. Стены в новых обоях, часики - ходики знай себе постукивают. Нога у Людмилы отерпла, ныть перестала.

- Такой мужик, такой мужик! Как он ловко ось вытесал!
- Завидущий мужик, - соглашается Дуська. -Только пленный.
- Да ты что?! А мне сказал, в Сибири всю войну мост охранял.
- Вряд ли. Егор шибко языком не бьёт. Домой пришел в 47-м.

Вроде на медных рудниках держали.

- Надо же... А откуда ты хорошо про Егора знаешь?

- Так тетка моя заправщицей в МТС! Она меня и в сельпо-то пристроила, то бы и теперь поросят кормила в своём Горепекине. Такая тетка... Ей бы в органах работать, всю подноготную выведать может. У них, у Полозовых, батько погиб под Курском, и старший Василий погиб, - кадровый был, лейтенант, на Карельском перешейке, и младший Яшка тоже погиб в Мясном Бору. Егор как уходил на фронт, полный подвал хлеба оставил. Мешки с зерном рядами стояли. Передвойной эмтээсовцам натурплаты страсть большая была. А он работник был завидущий, его на броне держали. Потом уж, как Москве защита понадобилась - делать нечего: забрали всю броню. Вот тем хлебом, что Егор заработал, много людей от смерти мать ихняя, царство ей небесное, Наталья Михайловна спасла. Передвойной и в колхозах на трудодень давали много, у нас в Горепекине чуть не три килограмма шло.

- Подал мне котомку свою, а в котомке ломоток ржаной, два раза укусить и половина луковицы... Да - а, Дуся, поголодал он, видно.

- Видно, - соглашается Дуська.

- А душу не растряс.

- Не растряс.

- Интересно... Сам у немца был, а кто троих детишек настроил?

- Да ты что, Людмила Николаевна? Какие детишкі? Соврал! Один он, как перст. Вроде не лежит на баб сердце.

- На тетку твою не лежит? - смеётся Людмила Николаевна.

Не успел тракторист Бабушкин нажаловать замполиту на

волевые решения нового директора - ближе к вечеру явились два бравых милиционера, взяли Бабушкина прямо в мастерской под руки, повели. «Дайте, ребята, в бане ополоснуться да с семьёй проститься», - просит арестованный. «Успеешь», - ответил старший наряда. Идёт Бабушкин мимо мужиков, мечет косые взгляды, волосы со лба взмахами скидывает. Ему никто слова доброго не сказал, и он ни с кем не простился. Сгрудились мужики, обсуждают арест Бабушкина. Механика спрашивают, не по его ли «писуле» Бабушкина потащили в училище?

- А я знаю? Может, от подписки на Государственный Заём отказался? С Займом не шутки худые... Докладную я обязан на утопший трактор написать? Обязан. Керосин из бака куда ушёл? В воду. Сами знаете, за литр напрасно пролитого керосина что бывает? Ну, дак в чём моя вина, мужики?

- Замполит отмажет...

- Не-е, не отмажет. Струсит наш замполит. Вот партийное собрание не сегодня, так завтра соберёт и задним числом Бабушкина из списков выкинет.

- Не зря Пруssa в райком партии тягали...

- Да - а... сколько дадут?

- Сколько не дадут, все его. Вон в колхозе «имени Кирова» бригадиру восемь лет за что влундили? Разрешил колхозникам картошку, что под снег ушла, копать. А тут трактор... Халатностью не пахнет, статья на вредительство тянет - десять, как пить дать.

Не видел ареста Бабушкина Егор Полозов. Как пришёл домой, упал на кровать, прошептал «Сусе Христе» и заснул.

Председатель Шалагинского сельпо самолично отремонтировал телегу Людмилы. Мог бы он поставить её на железный ход - чего не поставить, мастерская рядом, да колес нет под железную ось. Приторочил на заднюю спинку телеги глиняный горшок с узким горлышком со смолой, как заскрипит, говорит Людмиле, мазни втулки. Соленые шкуры скатали в рулоны, веревками перевязали, уложили в телегу. Председатель рад бы все шкуры отправить, да Людмила Николаевна согласие дала только на два центнера.

- Окстись, Михал Михалыч, мне ешё пожить охота.

И в ночь не поехала.

- Будет день, будет и пища. Натерпелась страхов за весь потребсоюз.

Пошла ночевать к Дуське.

Бригадир тракторного отряда получил от директора Пруssa приказ: отряду выехать в колхоз имени Кирова, квартировать в деревне Горепекино. Пробовал бригадир сказать, что двигатель нового трактора обкатку не прошёл, нельзя его в борозду ставить, на что директор сказал: «Вперёд! Только вперёд!».

Ранним утром на небе пролегла бледнорозовая полоска зари, на эту пугливую полоску настырно лезла серая туча - кикимора, видимо, желая заграбастать соню под свои одежды. Забежала Людмила к Егору Полозову поблагодарить его да добро ту да проститься. Тот сумку собирая, квартирантам в деревнях не особо рады. Поставит бригадир на постой к какой - нибудь многодетной вдове, тут в пору не самому сытно харчиться, чужих ребяток кормить.

Отвесила низкий поклон от всего сердца.

- Ещё раз спасибо тебе, Егор Борисович.

- Полно давай, все мы люди, - говорит Егор. Ранней гостье он обрадовался. Живой человек избавлял его оточных кошмаров, возвращал к действительности. Встретились глазами и какое - то время наблюдали друг друга. - Поезжай с Богом.

Оглядывает Людмила жилище Егора, видит во всем отсутствие женской руки; четыре полы да и те голы.

- Не в укор скажу: хозяйка в дом надо. Зашился ты с работами, себя обходить некогда.

- Надо, - соглашается Егор.

Раскраснелась Людмила лицом, ступила ближе, смотрит с сосредоточенным вниманием, как бы желая заглянуть в душу упорными своими глазищами и говорит:

- Люди мы случайные, ты меня не знаешь, и я тебя толком не знаю. А вот можешь мне на слово поверить?

- Ты к чему холщовый мех выворачиваешь?

Со стороны Егора полная непоколебимость; но ему вдруг ста-

ло невыносимо тяжело на душе, нервы до того расходились, что руки не могут затолкать в сумку завернутый в полотенце кусок сала.

- Сосватать тебя хочу, - тихим спокойным тоном говорит Людмила. - Есть у меня на примете девка хорошая, Лидка Губина, выучилась на учительницу, а работы учительницей на станции нет, так кассирит другой год, билеты продаёт. Всё при ней: хоть спереди, хоть сзади. Видная девка, работающая. Шить да вязать мастерица. Подбивают клинышки парни, а не идёт замуж - и точка. Не гулящая, в строгости себя блодёт, и характером - река ты, человек, как застреленный старик Филипп говорил...

Тут хлопает дверь, залетает бригадир тракторного отряда, с порога кричит:

- Каково лешего?

Увидел стоящую посреди избы возле Егора незнакомую бабу, оторопел, извинения попросил.

- Прусс выезд принимает. Сапоги надраены, китель белый... Ну - у, давай, чего резину тянешь!

И в двери.

- Женись тут, - усмехнулся Егор.

- На живую нитку сватовство мечу, а не пожалеешь. У вас в Шалагине учительствовать можно, школа семилетка, Лидка рада будет.

- Всё эта Дуська - сорока с её тетушкой длинноносой...

Сумку отложил в сторону, подошёл к божнице, перекрестился на образа, тихо молвил:

- Сусе Христе... Пленный я.

- И что из того? - Людмила подскочила к замершему, потупившемуся у икон Егору, за плечо схватила, на себе потянула. - У вас в сельсовете десятка два пленных, все глазами в земле оправдание себе ищут?

- Про всех не знаю...

Плечо под рукой Людмилы неловко шевельнулось.

- Ты мне поверь, уж я стопчу! Сирота она.

- С Дуськой невод такой завели? - улыбнулся жалобно.

- Без Дуськи. Дак как, Егор Борисович?

- Сузе Христе... Уж как судьба. Пошли.
 - Дай-ко я тебя поцелую на дорожку...
 - Отстань - коо, эко в тебе бесово ребро взыгралось, - отодвигает от себя Людмилу Егор, а та в рукав вцепилась.
- Река ты, человек, да река глубокая... Отвыкла, какая щека колючая... Вот отсеется, и приезжай к нам. Неужто начальство на личное обустройство трёх дней не даст? Век благодарить будешь, Егор Борисович!

- Сузе Христе...

Высоко над землей идёт запоздалый журавлиный угольник. Природа точно улыбалась сидящей на возу Людмиле Николаевне; в речке, по берегу которой шла дорога, отражались, как в зеркале, прибрежные кусты, проплывали всплывшие топляки... Вожжи были брошены, лошадь, не нуждаясь в них, без понукания шла, по временам как - то покряхтывая, точно чихая. Возница знала норов своей кобылы: стань её торопить кнутом, терпит, терпит, остановится и давай бить обеими задними ногами в передок телеги. Весел сегодня мир. Две огромные корявые берёзы росли возле самой дороги. На вершинах этих берез грачи вили гнезда. Думами женщина осталась в избе Егора Полозова; вроде от мужицкого рукава отпустилась, а сердцем нет, уцепилось сердце в чужого мужика так крепко, что его невозможно оторвать. Заполонило её сердце некое открытие, и стояло перед ней всюду; с одной стороны глянуть - и чего в нём такого особенного? Не годами постаревший, какой - то серый, как забитый. С другой - совестливый, сметливый... А зайти ему вперёд да назад воротиться - с той стороны до женской природы равнодушный, не ласковый, как непричесанный. С другой - а какому ему быть, обласканному немецкими лагерями?

«Господи, и, во сне не приснись: как тогда солдаты нерусские сбежавшим заключенным головы отрезали!».

АУКЦИОН

1

Светало скучно и зябко. Старый вояка Аркадий Михайлович сидел на лавке у окна. Одиночество, скука и ночное безмолвие настраивало воображение на свой лад. Тусклое утро, холодная изморось, нигде нет защиты от сырости и ветров. Сегодня вроде тихо вокруг, хотя и не торжественно, да и не в торжественности смысл рассвета, а в этой еще живой ночи, и в неведомых дорогах, по которым идут и едут в этот час люди, в памяти.

Во дворе, на пустой деревенской улице, в неухоженном хмельнике, в покосившейся соседской сарайке - всюду, куда доставали глаза, свет боролся с тьмой. Ему опять вспомнилось что-то далёкое, минувшее и позабытое, когда он, с тремя медалями и орденом Красной Звезды, вдохнул запах родной деревни... Едва вышел на угор, увидел дым из труб, родину свою в мечтах воспетую, тут всего и обняло, и понесли усталые ноги в даль, в пьянящее пространство. А дома прислонился к рябине - она пылает оранжевым жаром, будто к щеке отца прижался; вот в этом хмельнике что-то возилось, каждая былинка, ползущий по своим делам жучок, радовалась его возвращению, говорили на понятном, хоть и неуловимом языке; выбежала мать на крыльцо, всплеснула руками и зашлась в крике...

Потом мысли и чувства Аркадия Михайловича совершенно запутались. Возле него стояло его счастье, желанное и редкое: его жена, его дети. И вот он слышит, как отживает его тоска, счастье смеётся, кричит, будит ночами, воркует голубицей, делает первые неверные шажки по избе, бежит веселое с корзиной еды к нему на покос, а он, точно слепой, не может видеть лица счастья; и тогда счастье обиделось и пропало. Явились мрак и грохот, торжествует глупый смех, отчаяние, призыв смерти, приволоклись две подружки - досада и хандра. Все мысли бросились удержать счастье, хоть на минутку отодвинуть миг прощания. Даже пальцы похолодели от напряжения и волнения. Аркадий Михайлович досаду и хандру называл «комиссарка-

ми». Когда они являлись, из каждой щели избы так и тянуло тоской, подушки казались каменными, радио бормотало на тарабарском языке. Сиротливо ныла душа. «Комиссарки» уподоблялись не званным гостям на чужом празднике: выюге, пыли, дреме, бегущему вихрю; они жили непонятной жизнью, кружились на одном месте, аукались, оплакивали свою горькую долю. Свою ли? Нет, его долю.

Аркадий Михайлович молча улыбался, ожидая упрека; потом, подумав более углубленно, раскаялся: никакие «дамы» не могут заменить ушедшую из жизни жену, разлетевшихся по земле детей и внуков. Без своих домашних и дни серые, нерадостные, жизнь укорачивается на прожитый вздох; жена умерла два месяца тому назад, а деток ветер удачи давно унес из родного гнезда. Воображаемые «подружки» стояли перед ним как живые, такие нахальные, такие зловредные, и не спешили оставить старика. Тогда он просил «комиссарок комиссарить» в другой избе. Доставал с полатей гармонь, наливал рюмочку водки, лукаво грозил пальцем в окно - на свет «комиссарки» прыгали охотнее, чем выходили через двери, выпивал за упокой всех погибших на войне, и играл «вдоль по деревне».

Обещался приехать торгаш за картошкой. Колхоз на ладан дышит, но стойко выдерживает нападки своих хулигов. Колхоз сравним с застарелой язвенной болезнью. Его клянут и прогнивают, ловчат и потешаются над «безголовыми руководителями», исправно получают «потом и кровью» заработанные рубли, но колхоз - это хорошее корыто и надежная крепость. Клюквы да картошка - весь побочный заработка сельчан. Собрались мужики со всей деревни около магазина, уселись на сваленные в кучу ящики, кто на дорогу из Хохлачевска засматривается, кто басни, что Аполлон рыжий сочиняет, слушает. Аполлон рыжий тоже старик, на семь лет моложе Аркадия Михайловича. Вчера Аполлон рыжий опять нагрубил жене: налей, просит, после бани соточки, царь Пётр завещал после бани кальсоны продать, а выпить, а жена в упор всем «самосвалом»:

- Скоро вся Расея передохнет от этих стопочек!

Слово за слово, и припомнил Аполлон давнишнее: три меся-

ца после свадьбы жена к себе его не подпускала, всякие бабы хитрости плела, мол, то планеты не по тем углам легли, то она не привыкла к положению замужней, то не готова, то родители мешают... Бывало, эти три месяца за жизнь не раз «рубил» под горячую руку, вспоминал и прощения на завтра не просил: никто не может быть мудрым во всякую минуту:

- Ага! Я те телок, да?! Меня можно дурить, меня можно омманывать! А ты скажи, скажи, верная моя женушка, што растряслас невинность да удобный случай поджидала!!

Раскипятился вчера Аполлон рыжий. Сегодня с утра отлегло от сердца: а леший с ней, с невинностью! Обдурить, может, и не обдурила, ребята все рыжие, уж куда масть точнее, может, жена короля заморского дожидалась, может, у неё особенные виды на замужество были...

- Вот, ребята, после войны ходил я пристяжным у Аркаши Мишёнка. Это честь была и честь большая, с кем Аркаша робит. Мы с ним на жнейке до обеда гектаров пять ржи выхлещем, да после обеда десять...

- Да ночью пятнадцать! Ты хоть лошадей выпрягал покормить? - смеётся жилистый костлявый тракторист Манкин. На лице у Манкина глазищи - хоть взаймы проси - серые, ясные, но какие-то с испугом.

- А то! Тогда, ребята, порядок был ого - го! В МТС опоздал на полчаса, получи три месяца принудиловки, так -то! Ты не гогочи, Ондрюшка, спроси - ко свою бабку, как за горсть колосков два года торф под Ленинградом черпал! Не выпрягал...

Свежий, здоровый, как рдеющее яблоко, выкатился из дома сынишка председателя колхоза. На бегу вырвал завязлый лопух, подскочил к пасущемуся на веревке бычку бухгалтерши Нины и давай бить лопухом бычка по рогам. Бычок расставил пошире передние ноги, наклонил голову и пошел на обидчика. Парнишка кинулся бежать прочь. Мужики захочотали.

- Штаны не стряси! - Манкин сунул в рот пальцы, свистнул.

- Велик ли Геракла вырос, а злость на скотине безвинной точит, - говорит Аполлон рыжий. - А как в силу войдёт?

- Тогда на нас точить станет, - опять гогочет Манкин.

- Еще как! - подтверждает Аполлон рыжий.

Приезжий торгаш оказался человеком прибойным. Его молодое лицо выражало безграничное удовольствие, и сдержанная улыбка как приклеилась к губам. С помощью мужиков весы установил, на весы встал, говорит:

- Ну, господа - товарищи и прочие сознательные, проверяйте: 80 кг. Первому продавцу - почет, второму -уважение.

- А мне что заднему? - спрашивает Аполлон рыжий.

- Бабу! - кричит Манкин. - Такую пудов на семь!

- Вавилон ты, Васька! Крой свою крышу, через чужую не мочит.

Приковылял к весам Аркадий Михайлович. Оперся на батог. Появление его сопровождалось хриплым тяжелым дыханием.

- Почем берут? - спрашивает всех.

- А сколь запросишь, Аркадий Михайлович, - Аполлон рыжий приподнял картуз. На его лице выразилось уважение. - Здравствуйте вам.

- Здравствуй, Аполлоша, здравствуй. Сбыл свою-то? Есть у меня, мужики, мешков пяток, как и дотарапать не знаю. Эх, был бы колхоз по-прежнему в силе, а то...

- Не тужи, старина, - смеётся торгаш. - Машина ходит. Вот, господа - товарищи, был я в Германии на стажировке прошлый год. Муж да жена вдвоём держат сто коров, плюс гуси, три гектара картошки, свиней штук тридцать, а сколько у вас в колхозе коров Во, двести с гаком. А народу около них сколько трётся? Во, тридцать...

- С начальством пятьдесят! - кричит Манкин.

- Во, пятьдесят... Так какая же сила в вашем колхозе, а? Сплошной убыток.

- В каких землях у фрицев побывал? - интересуется Аркадий Михайлович.

- Есть такой город Кассель, вот там.

- Кассель, Кассель...на реке Фульде? Фульда сливаются с Вирвой и начинается Везер?

- Вот это памяты! Это надо же!

- Хорошо удобрены поля под этим Касселем... роты не считанные лежат. Дак заскочишь?

2

Сумерки. Серпик луны кидает в прогалины туч мечтательный и неверный свет на спящие улицы, на заборы, железную крышу магазина «Гамма». Трое мужчин стоят у черных дверей магазина, пыхтят сигаретами, порой их взгляды обшаривают небо, по которому несутся серые облака, по временам просыпающие снежную крупку.

Трое ждали четвертого.

Когда в независимой России все чаще стали читать псалтырь по слову верному «товарищ», беспартийный демократ Коля Уткин поимел намеренье подвизаться под господина Уткинса, дескать, наш род вышел с берегов туманного Альбиона, но, прикинув, каково будет потомку гордых ангlosаксов жить среди нищей русской братии, отказался. И оставаясь русским, около двенадцати часов дня валится подремать на пуховик, живой рукой готовит что-нибудь поесть к шести - в шесть придет супруга с казенной службы и притащит из садика детишек, уткнется в телевизор и станет Христа ради просить дать ей возможность отдохнуть на очередной серии мыльной оперы.

Около восьми вечера Коля Уткин выходит подышать райцентровским воздухом. Попробовал себя на предпринимательской стезе: родил фирму «Нобель» - установка железных дверей и решеток на окнах в квартирах богатых людей. Но дело не нашло своего прибыльного развития из-за малого количества толстосумов в селе Хохлачевском. Пришлось «Нобеля» переоформить на законном юридическом обосновании в «Лабаз» - закупка и сбыт цветных металлов. Электродвигатели со всех колхозов так и хлынули к лабазнику Уткину, народ ополчился на электрические линии - километры оной исчезали ночами между деревнями. Пропорция сложилась сама собой: киловатт - час электродвигателя равен килограмму меди. Когда добытчик шёл «глушить» мотор, он первым делом прикидывал, какова его мощность. Тог-

да районные электрики забили тревогу; районный князь, пораскинув широким умом, пришел к выводу, что скоро придется его челяди сидеть с луchinой. «Лабаз» прикрыли. Хорошо, что не завели уголовное дело.

Второй мужчина по прозвищу Кардан - он же всеядный бродяга Кардашков. Лицом рябой, зрением слабый. Временно неработающий. Последнее пристанище - фирма Артура Аркадьевича. Аркадьевич усмотрел в действиях господина Кардана слишком малый КПД и «попросил» покинуть его незапятнанное заведение. Из уважения к высшему образованию, почти золотой оправе очков, разрешил использовать под собственный «офис» гниющий на боку автофургон. Любимый вид спорта у Кардашкова - подъем недокуренных сигарет. Любимое блюдо - съем то, что переварит испорченная пивом и алкогольной дрянью утроба. Самое милое чтиво - последняя страница газеты, на которой печатают объявления: «Требуется...».

Крепыш Серега Бурцев привык партизанить с пеленок. Ходит - грудь голая под любой норд и вест. Бунтовщик. Когда трезвый - мастер - механизатор самой широкой колеи, выпивши - тоже мастер, но колею не уважает, ездит прямо. Не женат, и к женщинам почтенья не питает.

- Чего-то надует, - говорит Коля Уткин.

- Такая погодка, черт бы ей... Такая погодка напоминает мне один случай, - говорит Кардашков, поправляя на шее женскую шаль. - Пахал я как папа Карла в одном колхозике, черт бы ему... Захотел облегчить труд доярок. Освободить, как сказать, прекрасную половину человечества, черт бы ей... от лошадиной работы...

- Слушай, твой хмырь не парит нам мозги? - обрывает Кардашкова Коля Уткин.

- Обижаешь! Ну вот. Иду я к председателю, черт бы ему... так мол и так...

- Да заткнись ты своими доярками! - злится Серега Бурцев.

Днём Кардашков «приватизировал» бочку из - под рыбы и загнал одному порядочному гражданину. Какое - то сомнение было в порядочности покупателя, уж страсть хитрая была у него

рожа, прямо иезуитская. Если с парадного входа на магазине красуется вывеска «Гамма», то с черного входа этот же магазин в народе именуется «Грамма». В «Гамме» сухой закон - так записано в уставном обязательстве, в «Грамме» выдают одну бутылку в руки. Естественно, с предварительным ознакомлением с «кем имеем дело». Продавец не заметила, как бочке товарищ Кардашков «приделал ноги». Покупатель бочке обрадовался, как ребенок свистку. Кардашков сразу поменял имидж: был товарищ Кардашков, стал господин Кардан. Напустил туману с ценами на потребительском рынке, дважды споткнулся о слова «прозрачность и тяготение к прекрасному», показывает гражданину четыре пальца - гражданин отрицательно мотает головой и показывает в ответ два пальца. Господин Кардан резко ударяет по согнутой руке - покупатель помешкал, сообразил, и выдал блестящую логарифмическую спираль: плюнул на пальцы, сложил пальцы кукишем, и кукиш с вывертом обогнул колено ноги. Сосались на трех. Бочка была собственностью продавца. Артур Аркадьевич экономит на всем. Додумался: ящики и картонные коробки, бочки и всякая иная тара включается в зарплату продавцов. Хозяин говорит так: «Я торгую, и вы раскручивайтесь».

Из-за угла вышла фигурка в расстегнутом пальто. Все трое невольно сделали из темноты шаг навстречу, только фигурка страшно завизжала и с дикими криками понеслась прочь. Суматоха пошла на полсела. Залаяли собаки, захлопали двери, кто-то пальнул из малокалиберной винтовки в форточку. Такая нервозная атмосфера заставила троих наших мужчин искать местечко в опрокинутом «офисе» Кардашкова.

- Ты нас за идиотов держишь? - наступил на Кардашкова Серега Бурцев. - Где твой гад с бочкой?

- Купеческое слово давал, черт бы ему....

Только успели закурить, как фигурка, что раньше унеслась прочь от магазина «Грамма», почему-то нарисовалась перед «офисом», увидела должно быть три горящих в темноте огонька и закричала еще страшнее. Крик так и пошёл ломаться между банями, сарайками, хлевами. Мужчины бросились наутёк. Куда? Да куда ноги понесут. Кардашков на бегу стрясл очки; Се-

рега Бурцев вырвал с метр ограды, они с Колей Уткиным нырнули в лаз и пропали. Кардашков перегребал руками ржавые консервные банки, бутылки, журналы и ждал милицейский свисток. Тогда... тогда вихрем налетит милицейская псина и вцепится клыками в задницу.

В этот час вышел из своего дома патриот Сахаров. Мужчина рослый, на живот плечистый. Прислушался к воплям, вздохнул, вспомнился Серега Есенин. Покачал седой головой: Россия...

Сахаров примкнул к партии «Воля и земля». В селе Хохлачевском его усилиями создана региональная группа. Просвещенный народ гадает: вроде была такая партия в России, только называлась «Земля и воля». До того доспорили «деревенщики» с «политиками», что раскололи партию на «Народную волю» и «Черный передел». А Сахаров сразу заявил, что никакого раскола не будет, и задача партии диаметрально противоположная: если «Земля и воля» стояла за национализацию земли, то «Воля и земля» стояла на платформе экспансии крепкого хозяина кулака. И «онегинской строфы» не будет, то есть подражания, и Плеханова ихняя партия в пророки не берёт. Идеолог уже есть, пока это господин «Икс» от правого крыла реформаторов. Простой народ смеётся над партией Сахарова. «Трепло кукурузное» - так обзывают квасного патриота хохлачевцы.

Серега Бурцев с Колей Уткиным хватились Кардашкова.

- Рассказать - не поверят, - говорит Серега Бурцев.

- Ведьма -а...не проняло, так и другой раз, - говорит Коля Уткин.

- Кардан, сволота, улизнул что ли?

Серега Бурцев с Колей Уткиным топчутся под электрическим фонарем, высвистывают потерявшегося дружка. Мимо идет Сахаров, тросточкой играет.

- О, какие люди, - намеренно сворачивает с дороги к Сереге Бурцеву и Коле Уткину. - Добрый вечер, господа, добрый вечер.

Сахаров театрально приподнимает шляпу.

- Соображаете? - спрашивает Сахаров.

- Не добавишь? Товарищ, - тянет руку Серега Бурцев.

- Увы, господа, увы.

Сахаров опять приподнимает шляпу и уходит.

- Сучара... - шипит Серега Бурцев вслед. - Ангел небесный... О всех у него душа болит, всех землей оделит. Посмотреть охота, как на козе да сохой ковырять свой надел станет. - Далее следует полный душевной боли мат. - Да где этот... черт бы ему в печенку!

Вдоль улицы несся отчаянный крик. Так кричать и визжать могут женщины, если их раздеть среди села до нага и пугать зубным врачом.

- Вечерок, - плюётся Коля Уткин. - Днем коммунальники трубы откапывали, может, кто угодил, а?

- Ладно, глянем.

Создание из ребра Адама, суетливое, маленькое, бегало вокруг колесного трактора. Под кучей железа, без каких либо претензий на удобства и отсутствие жаждущей крови публики, сражались два гладиатора. На одном гладиаторе от рубахи остались клочья, другой вовсе без рубахи. Борцы были примерно одной весовой категории. Морозов пока не было. Куда бы приятнее барахтаться в снегу, чем стонать, задавленному, в глубокую грязную колею.

- Саша -аа!...Саша! Ребята, не надо, не надо...

К русской национальной борьбе еще не написано предисловие. Как начал Илюшенька булавой помахивать, так и пошло - поехало. Живет богатырь в селе, лапоть ковыряет, а силы своей не знает. Про наличие оной не мать - отец поведают, посторонние люди скажут. Вывернет парень из дровень оглоблю и пошел в другое село супостата искать. Отышет, во всеуслышанье заявит о нанесенных обидах и своих попранных свободах, да и сойдутся горы. Идет орлом, возвращается ползком.

- Эй, крещеные! - Серега Бурцев крадучись подходит, в судорожно барахтающемся клубке нашупывает брючный ремень и рывком разделяет противников. Оказалось, он оттащил верхнего, с голым торсом борца, с нижнего, дышащего хриплю и тяжеleo. - Чё не поделили, славяне?

- Ты...ты кто? - гудит борец.

- Я - Серега Бурцев, а ты кто?

- Сашка, Ярославович.
- А другой кто?
- Сашка, Владиславович.
- Двоюродники што ли Аникины?
- Ну.
- Баранки гну!

Женщина вся дрожала; то одного борца целует да причитает, то другого обнимает да укоряет. А визгу от неё - хоть уши затыкай. Недавние противники медленно приходили в себя. По их сопению можно было судить, что они не остыли от схватки, и не будь на пути Сереги Бурцева, снова сцепятся и будут драться до полной победы.

- Так, братаны, сейчас же обнимитесь и топайте домой. Ну, я кому говорю?... Смотрите, робята, не злите меня.

- Саша... и ты, Саша, пожалуйста. Пожалуйста! Я умоляю...

Некоторое время драчуны смотрели друг на друга, хотя, скорее всего, в полуосвещенной улице плохо различали один другого. Неловко обнялись.

- Во- от, - довольный Серега Бурцев попеременно пожимает руки обоим Сашам. - Устроили цирк, тоже мне... Где нахлебались - то?

- Ложкин напоил, - вымученно улыбаясь, отвечает за мужчину женщина. - Дров привезли.

- Напои - ил, а ты что смотрела? - Серега Бурцев начинает проводить воспитательную работу. - Ты где была, я спрашиваю? Поди - ко стоит... Ложкин! - заорал на весь Хохлачевск.

- Вилкин, сучья морда!

- Доорешь, менты наскочат, - Коля Уткин тащит Серегу Бурцева прочь.

Вернулись к «офису» Кардашкова. Посвистели, покричали.

- Ты знаешь, куда этот Сахаров лыжи навострил? - спрашивает Коля Уткин.

- Горбатого лепить, куда.

- На именины! К этой крашеной стерве мадам Спасской. Не читал что ли поздравлений в газете?

- К Спасской, значит... Ну - ну. Газет пятилетку в руках не

держал, а надо бы иногда почитывать. Пёс с ней: пускай! Нам с тобой какая радость? Пойду - ко я до своей хибары, - говорит Степана Бурцев.

3

Товарищ Кардашков насобирал много стеклопосуды. Его «офис» без окон и дверей в свете горячей свечи похож на судилище инквизиторов. В роли присяжных заседателей выступают голые или почти голые бабы. Стены в наклеенных журнальных вырезках, эдакая галерея соблазнительных особ. Кто упестрил фургон страстями, Кардашков не ведал. Таким он достался ему «обжитым» и «обласканным». Магазин «Гамма» заперт и тёмен, улицы, оживленные днем, пусты и безлюдны. Кардашков замочил свою «пушнину» в ржавой ванне, и теперь доводит её до товарной кондиции. Курил, сдирает наклейки, моет бутылки. Вода холодная; разгибается, дует в кулаки, и смотрит на еле заметную серебряющуюся поверхность райцентровского отстойника. Когда - то по берегам водоёма гнездились утки, нынче парная вонь не даёт окрылиться даже комарам.

Из пространного состояния выводит приход самого Артура Аркадьевича. Это низкорослый, юркий и не столько толстый, сколько крепкий здоровьем человек, с бегающими глазами и волосами шеей. Носит бородку «сердечко». Артур Аркадьевич снисходительно улыбнулся, подпирая руками бока, сказал:

- Тут я доподлинно узнал, почем она копеечка. Привет от старых штиблет.

- Здравствуйте, Артур Аркадьевич.

- Протащил бы переноску, чего со свечкой...

- Как бы хозяина, черт... не разорить, - сказал Кардашков.

- Да брось, - улыбка Артура Аркадьевича стала благосклоннее, красноватые щеки надулись. - На природу не желаешь? Собирается небольшая шара, хотим отдохнуть от трудов праведных. Товарищ ты надежный, вот и думаю...

Кардашков даже растерялся от похвалы. Он стоял молча, дер-

жал в руке бутылку, и ногтем скрёб наклейку. Некрасивое лицо его потеряло выражение грубоcти, оно стало кротким, задумчивым. Поставил бутылку в ящик, снял очки, протер стекла грязным носовым платком. Артур Аркадьевич почуял неладное в поведении Кардашкова, не первый год знаются, подыграл:

- Думаю расширить дело, есть наметка взять тебя...

Кардашков не был расположен к сентиментальному вздору Артура Аркадьевича, потому загорячился, возвышая голос почти до крика:

- Нравится травить?! Трави! Окучивай!

- А ты не ори, чего разорался? Не согласен, так и скажи, чего орать. Не раз тебе говорил и еще повторюсь поговоркой: на полатах лежать – ломтя не видать.

Кардашков закусил до боли губу. И ему вдруг стало жалко себя. Прожил пятьдесят лет, семью растерял, богатства не на-жил. Чего он хорошее видел в жизни, кроме нужды и лишений? Горбатился, добывал копеечку, ютился в чужих квартирах, голодал и... пропивал копеечку. Много раз вспоминал отцовский дом, не раз грезил вернуться в детство и однажды выйти на крылечко молодым, веселым и... трезвым.

- Рыбачить? - спросил Кардашков тихим голосом и опустил глаза, потому что Артур Аркадьевич поглядел на него так, как ястреб глядит на добычу.

- Ага. Корешей своих свистни. Ну-у, - похлопал по сгорбленной спине Кардашкова, - держи хвост пистолетом!

Артур Аркадьевич вышел из тюрьмы вовремя. Гарант порядка Борис Ельцин благополучно перебрался с танка в Кремль. И пока верхи растерянно гадали, как и куда плывет неуправляемый корабль, такие, как Артур Аркадьевич, обделяли делишки. Сумел приватизировать у военных три «КАМАЗа», каким-то образом прибрал к рукам гордость Хохлачевска - кирпичную мастерскую «Сельхозтехники», быстро построил сеть продуктовых магазинов. Под его дудку закрутились падкие жернова: сыпь, все смелется!

Нашел Кардашков Колю Галкина, привет от Аркадьевича принес.

- Да пошел он в баню! - отреагировал Коля Галкин.
- С холодным душем, - поправил Кардашков.
- Буржуй недорезанный! Сам-то в воду не полезет, мальчики полезут! Тебе что, под седлом у него ходишь?
- Завтра около одиннадцати, черт бы его...

Серегу Бурцева Кардашков нашел у одной старушки. Та попросила застеклить парниковые рамы. Заложа руки за голову, лежал, как мертвый на старом диване и смотрел в потолок. Тень от носа лежала на лбу в форме вырезанного пряника. Губы плотно сжаты. Кардашков испугался: уж не помер ли? Увидев Кардашкова, Серега сделал гримасу и посмотрел вопросительно.

- Бугай рыбу зовёт ботать, черт бы её...
- Рыбу? - спросил Серега Бурцев, сел на диване, улыбнулся той горькой и неопределенной глупой улыбкой, какой улыбается добрый человек в минуту страдания. - Мы ему рабы, што ли?
- Рабы не рабы... Дак, что скажешь?
- Что, что, - Серега решительно тряхнул головой, тяжело вздохнул, - вроде в должниках хожу...да -а, вот продашь душу дьяволу и... ползи в воду.

Из районной знати Артур Аркадьевич пригласил охотоведа Степана Босого и заведующую отделом культуры мадам Спасскую. Мадам Спасской тридцать восемь лет, недавно развелась со вторым мужем. Она оделась в шубу, теплые сапоги, её в автобус под руки, как породистую лошадь, заводили Артур Аркадьевич и Степан Босой. Мадам Спасская потрепала бородищу Степана Босого и что-то шепнула на ухо. Охотовед прыснул в кулак, оглянулся на идущих сзади Колю Уткина и Серегу Бурцева; те сразу отвели глаза в сторону. Разве есть тайны в Хохлачевском? Автобус часа два добирался по раскисшей дороге до реки, и все это время Коля Уткин с заднего сидения глядел на строгий, полугреческий профиль женщины, на длинные ресницы, карие глаза, блестевшие иногда, как два перочинных ножика, на алые губы, изредка насмешливо улыбающиеся, на лоб с пушком и гадал: за каким чертом она едет? Мужики нажрутся водки, а она? Мысленно старался разгадать значение улыбки; он не был любопытным от природы, и любопытствовал с явным жела-

нием выставить поездку мадам Спасской с чисто коммерческой стороны.

Из автобуса высыпали, всех охватило металлическим осенним холодом. Мадам Спасская попросила кого-нибудь поднять воротник её шубы. Воздух казался серым; всюду, куда смотрели люди, чувствовалось предзимье - вода лизала тонюсенькие заливы, в некошеной низине возились настороженные шорохи, воздух тащил воображение вдаль бесконечным своим пространством. Облюбовали метрах в десяти от берега подгрызенное поборами упавшее дерево. Возле него и развели костер.

Разводили и дровишки бегом носили низшие чины, их благородия уселись на дерево и предались разговорам.

- Молодец вы, Артур Аркадьевич, - начала мадам Спасская. - Не зря говорят: в убогом монастыре игумен сам по воду ходит, а у вас богатому и черт ребенка качает.

- Эх, душечка! И я отвечу пословицей: блюди хлеб на обед, а слово на ответ. Уж мы-то с вами знаем, с каких облаков денежки сыплются. Во - он через реку на угоре видите деревню? То моя родина, - говорил Артур Аркадьевич. - Там пуп резан. Батяня один остался... А ниже, во - он за теми березами? Там я после третьего класса уже сено на кобыле обваживал. Да -а, раньше росли мы дикой травой, съят ли, обут ли... Батяня раз схватил за ухо, а ну его драть. В ушах звенит, рыдания захватили горло... Советская закалка!

Низшим чинам налили по стакану водки.

- Ну, - скомандовал Артур Аркадьевич, - штаны долой, хватай бредень и быстренько... быстренько, ребята! Я забегу вперед, укажу, до какого места тащить, разворот и на берег.

Серега Бурцев посмотрел на Артура Аркадьевича как человек озадаченный, сморщил лоб.

- Что не ясно, ребята? - спросил Артур Аркадьевич.

- Да всё ясно.

- Тогда - вперед на танки!

- Трусы тоже снимать? - должно быть назло «их благородию», с вызовом спросил Кардашков, оттягивая резинку на пестрых «семейниках».

- Думаю, - Артур Аркадьевич посмотрел на мадам Спасскую.
- Оставь.

Первый заход был скучным. Мадам Спасская как глянула в бредень, так и прыснула от смеху. Переглянулись Артур Аркадьевич со Степаном Босым; с враждебной усмешкой, смешанной с хитрой злостью, Артур Аркадьевич смотрит на посиневших, цокающих зубами рыбаков.

- Придется, друзья мои, еще разок. Рыба на глубину ушла.
- Давай, - соглашается Серега Бурцев, - в воде теплее.

Другой раз протащили бредень вверх по течению и опустились вниз. На этот раз в сетке бились четыре крупные рыбы. Кардашковы «семейники» остались на дне реки.

- Во! - радуется Степан Босой. - Куда с добром!

Нижние чины сидят в автобусе, потягивают водочку, закусывают килькой, разговоры ведут всякие. Сыре белье сушится собственным телом. В автобусе тепло, светло и мухи не кусают.

Проходит час. Говор в автобусе становится сильнее. Все трое встают с мест, все говорят, курят, водитель пробует успокоить, но его отсылают «к такой матери». А у костра смех, шуточки. «Их благородия» пьют коньяк маленьками глоточками, тосты, смех, шуточки. Уха была отменная. Мадам Спасская такой «веком не едала».

- Друзья мои, отдаю младшенькую замуж, - говорит Артур Аркадьевич.

Мадам Спасская захлопала в ладоши. Поглядывает на Артура Аркадьевича с деланной вежливой улыбкой, а про себя сравнивает округлость его затылка с жирным свиным окороком.

- Но... Одно «но» - дочеке надо приданое.

- Вам ли слезу лить, всесильный Аркадьевич? - говорит Степан Босой.

- Это вы зря, господа. Ванька Черный меня за пояс заткнёт своим капиталом. Помощи прошу: хочу подарить магазин «Универмаг».

- Не плохой прицел, - говорит Степан Босой.

- И чем же мы поможем? - интересуется мадам Спасская.

- Побывать на аукционе у Толи Барсукова.

- И сбить ставку? - добавляет мадам Спасская. Она смотрит на Степана Босого, а рука так и тянется к его бородице.

- Да.

- Что, Степа, скажет, а Степушка- а!

- Ваньку закарпатца мы приструним. Но Тоха, Тоха Барсуков...

- Вот и думайте, друзья мои, должна быть у Барсукова слабина, должна.

Обижен Артур Аркадьевич на закарпатца Ивана Чокэра. Приехал Чокэр пёс знает откуда, и как нитку в иглу вдел: речи льстивые, распевные, боженькой прикрывается, а хватка волчья, что худо лежит, все к нему в руки бежит. Чокэр постоянно кого-нибудь приглашает в гости, сам печет пироги и колдует у плиты. Он, как мешок, набит пищей; первый тост поднимает за славян и песню заводит русскую: «Сият крутые белые отроги, не грусти калина у дороги...»; следующие тосты тоже за славян, но песни только украинские. Хочешь не хочешь, а подтягивать, даже не зная слов, надо. Раньше Артура начал торговать паленой водкой, раньше Сахарова начал спекулировать картошкой, в колхозные леса забрался не без «мохнатой руки» директора «сельлесхоза». Первым в районе начал крутить с лесом - лес берёт, деньги через полгода отдает, и то, когда наглую рожу «почистят» русской рукавицей.

Вышел Кардашков помочиться за автобус, прислушался: ветер гудит. С ленивым равнодушием шарит глазами вокруг. Небо замерло в серой громаде облаков. Весь не кошенный наволок как облит коричневой краской. День за днем трава клонилась и клонилась к долу и легла, и стоят лишь маленькие почерневшие снопики. Сматривает на эти снопики Кардашков - не шелохнется стебелек, а ветер гудит - «верхом идет, видно, на сутках забуррит» - думает.

Серега Бурцев порывается идти за добавкой - кончились водка. Водитель умоляет не нарываться на грубость. Сам сходил, не съёт полбутылки коньяку.

- Кардан, не твоя моча? - хохочет Серега Бурцев, взбалтывая в бутылке жидкость. - Тогда Ваньки Черного! Или его вола закарпатского!

Испробовав коньяк, Серега Бурцев делает кислую гримасу.

- Как и пьют... Долго они там?

Поехали домой. Нижние чины качались на задних сидениях. Счастливая мадам Спасская навалилась на Степана Босого. Сидящий напротив Артур Аркадьевич, веселый и непоседливый, говорил тихо, не для ушей с задних мест.

Нижние чины тоже не сидели молча. У каждого из них был свой Иерусалим. Общая была неприязнь к «их благородиям». Глаза Сереги Бурцева налились кровью и сверкали, как горячие угли. Тяжело дыша, он поднимался с места; шофер автобуса видел в зеркало заднего вида, что на задних сидениях зреет скандал, намеренно направлял машину под «качок» - Серега не мог устоять на месте да и Коля Галкин с Кардашковым висли на нем гилями.

- Гудят рыбаки-то, - шепчет мадам Спасская на ухо Степану Босому.

- Плюнь.

- В твое ухо?

Степан Босой, не стесняясь Артура Аркадьевича и водителя, обнял мадам Спасскую, прижал к себе. И поцеловал в губы.

Забуксовали; машину вытащил проезжающий мимо на тракторе Сашка Ярославович.

4

Вразвалочку идет Иван Чокэр. Кум - румынскому конюху, сват -венгерскому брадобрею. Его знает весь Хохлачевск и окрестности. Это тот самый закарпатец, кто трусил лет двадцать назад на стареньком самосвалчике от карьера до коммунальной бани, кто за «балльшо - ое» спасибо просил заклеить камеру, ибо жена, проклятая кацапка, любит выбивать из его портов не одну пыль, она выбьет любую заначку. Широко расправил крылья Иван Чокэр. Конюшня, кафе, ночной ресторан, магазины - с завистью смотрят на чужое прирастающее богатство простые хохлачевцы. Иван не раз подсмеивался над ними:

- Вы, руськие, брат брата согласны сгноить в тюрьме, лишь бы один не зажил богаче другого на гривну.

Чокэр верен живописным краскам своей родины. Его рубашки вышиты руками закарпатских женщин, свитка нарядна и красна. Он приветлив; первым тянет руку всякому пьянице, крепко пожимает протянутую ему руку и заглядывает в глаза. Артур Аркадьевич уже рассчитывается с плохими работниками на американский манер пинком под зад, а Иван Чокэр будет воспитывать и совестить человека, пока не убедится, что глупого учить - что мертвого лечить. Но притворен Иван Чокэр: богатство не падает с небес; со ступенечки да на ступенечку, все выше и выше надо подниматься, прощать обиды, не замечать унижения, соль пудами лопать и грязь сапогами топтать, идти на сделку со своей совестью, чтоб стать богатым. Так пусть те, кто плывет следом, нахлебаются по самую завязку всякого дермана; пусть они тоже будут богаты! Сколько он побился, чтоб Кардашков жил как человек - зря. Даст машину, даст денег - езжай, закупай у крестьян картошку, закупай, ищи рынок сбыта и торгуй. Девяносто процентов выручки Чокэру, десять Кардашкову. «Ты же институт кончил!» - не в коня овес. Сразу на дыбы: «Тебе девяносто?!». «Так ты возьми ручку, возьми бумагу, ты сведи «приход - расход», неужели ума не хватит?». Ума у Кардашкова хватало на другое. Он сделал Чокэру подпольный водочный мини- завод. Изначально о водке и речи не было, была задумка выпускать прохладительные напитки. Кардашков долго рисовал красочную наклейку. Яблони в цвету, качели, на качелях целуются парубок и дивчина, а по склону мужик на волах пашет землю. Наверху, в лучах солнца, как венец царский, слово «Нойроби». Иван Чокэр остался доволен качелями, яблонями, молодой четой, подозрение вызвали волы. «Прошлый год был на родине, ни одного вола не увидел». «Экологически чистый продукт!» - сказал автор. Про слово «Нойроби», Иван Чокэр спрашивать не стал, сам догадался: Ной - Богу угодный человек, а роби - пей больше! Напиток шел нарасхват. Потом изобретатель стал добавлять в варево траву девяносто и всевозможные десиканты, попросил разрешения разбавить для пробы спиртом и полу-

чился бьющий по мозгам раскупаемый товар. Пришлось нанять помощницу Кардашкову, один не успевал. Помощница не верила знаниям хохлачковского алхимика Кардашкова, часто сни-мала пробы, плакала, кляла американцев, что увезли её деток в детдом. И самого Кардашкова непонятная сила стала отбрасы-вать с веслом от котла. А однажды изобретателя и рационализа-тора Кардашкова нашли еле живого на берегу коммунального отстойника. Туловище в вонючей жиже, голова на доске. Чокэр дал честное благородное слово, что никому не скажет про пале-ную водку, лишь бы Иван Чокэр изредка, раза три в неделю, да-вал ему по бутылке «Нойроби». Чокэр пообещал другое:

- Гавкнешь - и труп.

Сегодня день престижа: решается судьба двухэтажного ма-газина. Тот, кто будет его хозяином, будет большим человеком в Хохлачевске.

Параллельной улицей идет в енотовой шубе и шапке из соба-чьей шкуры Степан Босой. Могучей дланью тряхнул он окрест-ные боры, зверь и птица подалась с обжитых мест ближе к По-лярному кругу. У Степана в кунаках охотники из США, Герма-нии, Швеции, Ирана. Большое стало лосей выхлестал Степан, чтоб купить роскошную машину за тридцать тысяч долларов. Охотовед Степан Босой однажды написал в газете опроверже-ние на выпады в свой адрес: «...при нищенской зарплате в де-вятьсот рублей...да я лучше пойду служить в Иностранный ле-гион...». К слову сказать, на девятьсот рублей можно купить три коробка спичек. Практичного ума чиновники едут из белока-менной на охоты к Степану Босому, как князья в свои вотчины.

Сахаров и трое рядовых членов его партии, тяготеющих к по-року, деньгам и власти королей, заняли места в разных точках зала. Официальное лицо партии «Воля и Земля» поприветствует победителя торгов, выразит надежду, что отныне партия «Воля и Земля» приобрели в лице владельца этого добротного мага-зина... и т. д. Сахаров будет участвовать в торгах и сам. Мадам Спасская до аукциона оказывала на Анатолия Барсукова внуше-ние якобы по просьбе главы администрации Хохлачевского рай-она; виляя задом, понуждая злого беса пустить мысли Анато-

лия по пути раскрепощения страстей; напомнила, что вместе прошли комсомольскую школу воспитания подрастающего поколения, и ему надо прислушаться к голосу разума. Взятки не предлагала. Коля Уткин, Кардашков, Серега Бурцев тоже в зале. Артур Аркадьевич авансировал их на входные билеты. Кардашков попросил возмещение материального ущерба - трусы «семейники», дал на трусы. Трусы приятели не купили, решили деньги пропить после аукциона. С неописуемым наслаждением людей, хоть на час приблизившихся к хохлачевским толстосумам, уселись они в роскошно устланные кресла; гостеприимство торговцев государственным имуществом на данный момент тем отличалось от гостеприимства древних купцов, что ноги этих бояков не были омыты руками хозяев аукциона.

Анатолий Барсуков главный на торгах. Он сидит за массивным столом бывшего первого секретаря райкома партии, перед ним пачка бумаг. По этому столу в былое время колотили кулаками крепко. Главный изучает волю обиженных масс. Сверху записка. Доброхот накарябал левой рукой: «Жид Сахаров в этом помещении откроет публичный дом». Прочитал, отложил. Следующая отпечатана на машинке: «Не будь скотиной, устыдись покойников». Еще записки с рекомендациями и наставлениями. Последняя была самая хорошая: «Коммунига, мы тебе отрежем шишку».

Барсуков назвал стартовую цену аукциона. В зале воцарилась натянутая тишина. Люди затаили свои чувства. Что поделаешь: торг повольный - купец любовный. Посидели и начали переглядываться. Толстая бухгалтерша фирмы «Дым отечества» (Артур Аркадьевич) вцепилась растопыренными пальцами в спинку впереди стоящего стула. Её грудь работает, что кузнецкий мех, прожжённый пьяным кузнецом. Артур Аркадьевич поставил жесткое условие: или магазин наш, или, барышня, вам расчет. Не раз представляла себе картину свадьбы, и как Артур Аркадьевич положит на блюдечко перед дочерью ключи от этого магазина. И будут на свадьбе такие, кто подавится собственной слюной, кто про себя пожелает в первую ночь...много всего «хорошего». Она тоже пожелает про себя Артуру Аркадьевичу еще

раз побывать в тюрьме. Словно в каком - то забвении, восторжен но напрягаясь и боясь, что будет не услышан, Кардашков увеличил на один шаг названную сумму. Анатолий Барсуков не поднял молоток и вообще отнесся к словам Кардашкову наплевательски. Будто их и не слышал. Больно стало Кардашкову за свою изъяненную жизнь; снял очки, протирает стекла подолом рубахи, а слезы бегут и бегут по лицу.

- Не серьезно, господа капиталисты, - сказал Анатолий Барсуков.

Когда -то Барсуков был вторым секретарем райкома партии. Про реформы, про муть, про умных воров и подлых чинодралов много сказок сказано, еще больше будет сочинено. Два слова, если можно: честен, неподкупен. Это про Анатолия Барсукова. Чем он только не торговал, но всегда старался в кассу государства выколотить как можно больше ворованных денег. То, что деньги на покупку хотя бы этого магазина нажиты воровским путем, ни у кого сомнения не вызывает. Нынче на дневную зарплату можно купить буханку хлеба, таблетку крысиного яда и три полена дров. Он пишет статьи в районную газету под псевдонимом «А - Я. Генри». Глава районной администрации пока терпит его: демократию нельзя кастрировать. Пусть все видят, как терпима новая власть к инакомыслящим, что имущество района не разворовывается, а продается по божески, лесу хватит на всех, на кладбищах порядок, а что колхозы умирают - это естественный поворот истории, смелее, господа, делите землю и богатейте!

Мадам Спасская незаметно посыпает воздушный поцелуй Анатолию Барсукову. Толстая бухгалтерша фирмы «Дым отечества» выпустила пузырь воздуха, платочек из - под левой груди переложила под правую.

- Итак, шесть миллиардов рублей, - говорит Анатолий Барсуков.

- Охренеть можно, - сказали в зале.

- Три мешка денег... Не пойдет!

- По частям давай!

- Это как по частям? - спрашивает Анатолий Барсуков.

- Просто, - встает со стула Степан Босой. - Подвал - отдельно, первый этаж - отдельно, второй - отдельно. Предлагаю начать со второго этажа.

- Лучше с чердачного помещения, - с сарказмом вторит Анатолий Барсуков. - Все мы знаем прочность советских фундаментов, при деньгах и желании сварганиТЬ третий этаж как с колокольни пописать на всех и каждого.

- Идея...Согласны!

- Кто там шагает правой? Господин Уткинс? Никак вы ломаули банк? - издевается Анатолий Барсуков.

Полчаса гудел зал. Много раз поднимал молоток Анатолий Барсуков и опускал: даже планку стартовой цены никто не осилил.

- Торги переносятся на пятницу.

Удар молотка. Народ повалил из помещения.

Толстая бухгалтерша фирмы «Дым отечества» подошла к аукционисту, осторожно сказала:

- Сбавь, Толя.

- Нельзя. Свадьба, - тихо засмеялся Анатолий Барсуков.

- Сожрут.

- Подавятся.

На улице Иван Чокэр встречается с Артуром Аркадьевичем. Иван Чокэр тянет руку, Артур Аркадьевич жмет её. Оказывается, Артур Аркадьевич сидел в машине, и едва народ повалил из зала, вышел навстречу.

- Господь велик и многомилостив к сирым. Приходи, браточек, в пятницу бодаться, - говорит Иван Чокэр. Изобразил на лице самое почтительное внимание.

- До пятницы рога остынут. Если не возражаешь, браточек, я тебе сегодня намну холку. Сказывают, хлеба печёшь великолепные?

- Мой дом - твой дом, всегда рад, всегда рад...

Аркадий Михайлович вышел встречать настоящую зиму. Сошел с крыльца и остался стоять, навалившись на батог. Ушел вечер, уже смотрели в далёкое осенние зеленые звезды. Деревня сидела перед экранами телевизоров. В сумеречных окнах сновали маёты разноцветные огни; он стоял и слушал, никому не ведомый.

На другой день с утра подошел к зеркалу: чего это на деревне говорить начали, что Аркаша Мишенок худ стал? Провел руками по тощим бокам, по впалой груди, по синим полоскам под глазами и удовлетворенно сказал:

- Вроде...вроде ещё в атаку поднимемся. Комиссарки? Я кого спрашиваю: зиму ещё истопчем?

К нему пришла жена Аполлона рыжего, дай, говорит, пол вымою. Аркадий Михайлович спрятал под взъерошенные брови глаза. Он сел на лавку под самое окно, потом встал, походил по избе и снова сел. Баба Аполлона рыжего чем-то походила на «комиссарку», что зовет «досадой».

- Та - ак... Видно, та - аак.

- Ты это... без всякого, Аполлон послал. То ведь шурупить вы... мастаки.

Пол полом, а сначала решила рамки с фотографиями обтереть полотенцем. Сняла одну, к свету разглядывает.

- Мы тоже с Аполлоном из последних кишок старались образование детям дать, паспорта добыть, из колхозу вытолкать, доживать стали - сиротливо в избе. Какой Артур-то ваш... К березке прижался. Кепочка набекрень... бают, большущей магазин оттяпал. С аукциона. Ныне на спор наше добро делят, кто боле даст. Омманул паразит Никита со светлым коммунизмом.

Не по себе стало Аркадию Михайловичу от таких слов. Будто не сын, будто он захапал магазин. Насупился, кулаки сжал. А баба Аполлона рыжего другую карточку отирает.

- Долго не бывал средний -то... В науку ушел. Детей так и не завели?

- Кладбище еще не продают? - строго спросил Аркадий Михайлович.

- Господь с тобой, - обескураженно ответила женщина. - Што ты, што ты, сосед, али я в обиду баю? Моду продержнули всё продавать... Настя - то у нашей бани снималась. Старший -то сынок у неё, объявился?

- Не объявился.

- Чтобы Катерине при родителях не жить, нет, врачихой стану... Вроде в Казани или путаю?

- В ней.

- А младший ваш Мишка Баумана институт кончил, бают, плавает?

У Аркадия Михайловича вырвалось наружу хриплое дыхание. Крикнул голосом осипшим, напугал добровольную уборщицу:

- За разбой сидит, плавает!.. да не трави ты душу, мой, коль мыть пришла!!

Потом пришла молодая цыганка. Выложила на стол товары: бери, дед.

- Ты гадать умеешь? - спросил Аркадий Михайлович.

- Нет.

- Жаль. Наше от нас оторвалось... Вот я тебе расскажу, а ты сядь да послушай. Давно это было, ты, поди-ко, и не родилась. Привезли мы дров на тракторе одному хозяину. Разгрузили сани, сидим за столом. Тащится цыганка. Старая, тощая, юбок на ней много. Озябла. Села к печке, навалилась, на нас за столом смотрит. Глаза усталые. А мы орем, пьём, согласны гармонь с полдатей достать. Хозяин и давай цыганку выгонять. Я заступился. Пускай, говорю, посидит, будь ты человеком. А хозяин ерепенится: уходи, нечего вшей трясти. И тут на меня как прикачнуло. Дай - ко, говорю хозяину, што мне причитается. Тот из кошеля синицу с обидой выдернул, подал. Я деньги цыганке, еще пирог со стола в придачу. Она пирог в эдакую шаль на поясе опустила и говорит хозяину: «Душа у тебя студеная, и умрешь ты в студеной избе за студеной печью, и лежать будешь, пока в лёд не изойдёшь». Ведь как в воду глядела, так и случилось потом.

Вот что она мне сказала?... ты глянь на мою руку, иссохла, не такая, а все же... Неужели ничего? Ведь бабка твоя чего-то видела...

На другое утро жена Аполлона рыжего смотрит в окно: чего это у Аркаши Мишёнка свет всю ночь горит? Бежит, Аркадий Михайлович как сидел под окном, так под окном и с душой расстался. Грамоты за доблестный труд в колхозе по полу рассыпались.

Дали знать Артуру Аркадьевичу. Тот привез гроб, попросил старух обмыть отца и снарядить в последний путь.

Могилу копали Коля Галкин, Серега Бурцев и Кардашков. Аполлон рыжий выговор сделал Артуру Аркадьевичу:

- Могли бы и наши мужики выкопать, не чужой.

Два брата и три сестры на телеграммы Артура ответили одинаково: не приедем, нет денег на билет. Из племянников и племянниц один откликнулся, сын младшего брата: «До дембеля девять дней приеду женой буду жить доме деда». Младший брат с тюремных нар известия о себе не прислал. Спросил Артур Аркадьевич младшую дочь, не поедет ли с дедом прощаться, та досадливо изогнулась, обняла отца, чмокнула в крепкую шею, виновато сказала:

- Пап, столько дел...

Вся деревня прощалась с солдатом Великой Отечественной войны. Речей не было. Аполлон рыжий долго крякал, дул в кулак, переминался с ноги на ногу, собирался выступить и не мог насмешиться. Умри старый вояка при коммунистах, чего добро го из райкома партии прислали бы «попа» отпевать, нынче коммунисты стали забиваться в подполье, у партии «Воля и Земля» на селе плацдарм в одну соплю. Первый снег не мог обвалить кладбищенскую сырь; не по себе говорливому Манкину, даже стыдно: отошёл ото всех, ищет могилку бабки, надо бы, раз случай привёл, помянуть бабку... помянуть да и оградку по весне новую поставить! Не помнит он свою бабку живой, а на деревне нет - нет да и вспомнят заветные бабкины слова: «Мера земная - горсть, мера небесная - вечность». Аркашу Мишёнка хоронили с тыльного конца кладбища, возле его отца, - так пожелал. Мало народу «гостит» на этом углу «большой деревни». Об

валились оградки, чернеют сгнившие кресты, ржавеют пятиконечные звездочки. Старухи жалостливо смотрели в Аркашино лицо, хлюпали носами, вытирали глаза. На крышке гроба лежала небольшая красная подушечка с орденом и медалями.

Артур Аркадьевич положил красную подушечку с орденом и медалями отцу на грудь, постоял над телом, сказал:

- Отвоевался, значит... Прости, батя.

Встрепенулся Коля Уткин; Серега Бурцев поплевал в ладони; Кардашков начал лениво протирать свои очки подолом рубахи. Серега Бурцев толкнул его в бок не особо вежливо: кончай ты, сырость разводить, без тебя тошно, дело надо делать; по лицам старух пробежал холодный ветер.

Подпил Аполлон рыжий - по полной программе, с рыжиками, со слезами, в тоскливом одиночестве поминал на кухне умершего соседа, проступившие сопли вытирали оконной занавеской. Назло жене - не ходи в задир, квашия! - «картофельные деньги» отоварил водкой. Жена или дремала, или внимала иностранному кино, лежа на диване - телевизор шепелявил - Аполлону мутит от заграничных мыльных опер про любовь. Отодвинет занавеску на окне Аполлон рыжий, всматривается в темноту ночи, пытаясь разглядеть огонёк в доме Аркаши Мишёнка, спохватится; трижды человек дивен бывает: рождается, женится и умирает. «Эхе -хе, - скажет сам себе, - докомиссирили. Ни уса, ни бороды, ни сохи, не бороны. Выставить бы на торги свои законные тридцать соток земли, это сколько бы дали? А ни хрена не дадут, омманут!».

Вышел Аполлон с рыжиком на вилке - чего в телевизоре добрый час не могут разобраться с этой любовью? Пытается сообразить, что за нация такая сегодня поёт и плачет вместе с ним. Не зря сказано: чужие доспехи либо широки, либо тесны, либо громоздки: у каждой бабы или девки по родинке во лбу, а материей как облигациями сплошь обмотаны... батюшки! да сущий обман! Всякие изъяны тела скрыты! Оттого ихние бабы и девки упитанные, нашей российской каши не хлебали... Ишь, как выплясывают, как животами наяривают. Вроде с виду неповоротливые, а какие змеюги верткие! А мужики, гусаки сытые, длинно-

носые, наверно, одно на уме у таких гусаков: выстегнуть кулачищем глаз нашему нищему колхознику; что те Артур, сын Аркаши Мишёнка, - все беды на Руси от этой окаянной Америки!

И тогда швырнул Аполлон вилку с рыжиком в помойное ведро, стал жене чинить допрос с пристрастием: чего три месяца после свадьбы «не давала?».

Стоянием города берут

повесть

Старец Агапит, настоятель Маркушевского монастыря, стоял у гроба преставившегося инока, испытывая духовную слабость. Не стало верного помощника. Отяжелел лоб от пота. Сам закрывал глаза, а всё равно будто зрит Петр. Перед смертью Петр имел беседу с игуменом, печалился, что загадывал найти последний приют в славном Сольвычегодском Борисо-Глебском монастыре - где бы не довелось жить постриженнику, хранит он любовь трогательную к тому месту, где поклялся Богу единому в чистоте помыслов - не довелось. И сказал Петр: «Много монастырей поставлено от князей до бояр, но не таковы они, как те, которые поставлены слезами, потом и бдением», - не мои слова, летописца неизвестного про Киево - Печорскую Лавру. Я же кланяюсь тебе, Брат Агапит, что позвал с собой, что сил мы не жалели, обитель строя, в молитвах пребывали и духом крепли. Кабы увидеть наш монастырь во всей красе, в славе...».

Уже чувствуя убыль сил физических, надумал брат Петр высечь на диком камне-валуне крест православный и знак монастырский. Летели часы, самозабвенно трудился монах и чувствовал, как ангел небесный прибавляет руке воздушную легкость, камень обретает пышность и нарядность, и порыв его не был прихотью, - ангел продлевает дни пребывания на земле, даёт время успокоиться, поразмыслить, удостовериться... «Поиде ко Маркуше» - выше всяких похвал оставил он после себя бессмертное письмо. Как мог, утешал Петра Агипит, обещал, что будет монастырь образом для других монастырей, что из стен его будут брать игуменов и иерархов для епархии. «Дел-то, дел-

то сколько, невпроворот, - силился сесть на постели Петр. - Кабы осенью умереть, али по первому снегу, а теперь... Кабы в молитвах явилась ко мне, как к тебе, брат, икона святителя Николая, - не ропщу, не достоин, годы ушли, силы уходят. Прошу, дай знать сестрице моей любезной на Лохте, авось застанет».

Братия количеством четырнадцать душ и сестра монаха Петра, после отпевания стояли вокруг гроба. Кто в зев страшный смотрел - вот и мне выроют такую могилу! Кто на представившегося, каждый по-своему созерцал происходящее. Где-то рядом, по самым закроям ходят тучи - добрый знак: и там, где смыкается земля с небом, будто мужики на пристани катают пузатые бочки. Пока же над маленьким погостом небесная чаша сияет чистотой и лазурью. В изголовье гроба теплилась свеча. Одежда монахов была проста и сурова: лапти, подрясники, перехваченные по животам плетеными поясками. Крест, обугленный нижней частью, был привален к сосне.

- Прощаемся, - сказал старец Агапит.

Он стоял возле головы усопшего - высохший пенёк с крючковатым носом, опираясь на крепкий батог, глаза старца смотрели устало и тускло.

Все шевельнулись, как заторопились, всем захотелось оказать усопшему внимание и почесть, но женщина, несколько стесненная мужчинами, вдруг спохватилась, боком протиснулась между костлявым кашляющим монахом и монахом небольшого роста, собой кругленькуму, с приветливым детским лицом.

- Братец любезный! - вскричала женщина, припадая к груди покойника и заходясь в плаче.

Лес огласился воплями, из травы поднялась серая птичка и юркнула в низенький сосновяк, поднимающийся по угору. Костлявый монах жадно глотнул воздух, в горле его щекотание вызывало тошноту - монах был болен, но терпел, переносил муки. Женщина не то прощалась, не то силилась разбудить умершего: покойник лежал смирный, иссохший, с посиневшими губами, с неестественно пригнутой на грудь головой.

Старец легонько подтолкнул локтем толстенького монаха, монах открыл рот, не мигая, смотрит на старца.

- Отведи её, - с досадой сказал монаху.

Монах уцепился за бабу, потащил её прочь от могилы за руку.

- Петруша-а! Родимы-ый!

Женщина была боса, толстые ноги изранены и растрескавшиеся в разных местах, одета в полинялый сарафан. Лицо загорелое, кое-где припухшее, щеки и нос красны, с них лупилась кожа. По высокому лбу разбежалась сетка морщин.

Монахи прощались, в очередь целуя покойника в лоб. Старец пригасил свечу, огарыш опустил в карман подрясника, сказал:

- Крышку.

Надвинули крышку на гроб, в углы, в заранее просверленные отверстия, вбили деревянные штыри.

- Берись.

Четыре монаха перекинули через плечи неотбелённое полотно, двое с противоположных сторон подсунули те полотна под гроб.

- Опускаем. Ровнее, ровнее...

- Петруша, и меня, меня!

Женщина кидала горсть земли последней. Толстый монах держал её за руку, готовую сорваться в могилу. Когда все было кончено, когда на месте пугающей могилы вырос холмик из свежей глины, нервное напряжение людей поубавилось. Все чувствовали, что они исполнили свой долг, и теперь дело за ангелами. Монахи дружно преклонили колени, молча постояли и пошли. Сначала тихонько, потом прибавили шагу. Женщина стерла слезы, низко поклонилась кресту, пошла в другую сторону. Путь её лежал домой, на Лохту.

Игумен шёл за монахами. Идти ему было тяжело. Расстегнул на рубахе пуговки, ослабил поясок. Пожалел, что не позвал женщину, оглянулся, она уже далеко, идёт, опустив голову, в руке белый платок. «Ладно, пост тела есть пища души», - оправдал сам себя за оплошку.

Старец послюнявил палец, поднял его, прислушиваясь к той стороне, откуда явственно слышались раскаты грома. Быть грозе, и дождь придёт затяжной. По загадкам хотел он сегодня подналечь на сено, обкопнённое вчерась, да пока братья кутью уми-

нают, пока идут, дождь и нагонит. «Смотри, Кирилл, не попасть бы тебе в вечный огонь», - пали на ум слова преподобного Кирилла Белозерского, когда преподобный был ещё поваренком в обители. И решил старец дать монахам отдых. Пускай в молитвах побудут и вспомнят брата Петра, душе его пожелают легкой дороги и быть ангелом по чину принятой. Недосыта наелись кутьи - будет прощальная трапеза, испили заварки на липовом цвету, разошлись.

Монахи Игнатий и Лука сидят в сарае. Солнце как раз зависло над ними. Соломенная крыша сарая представляет собой подобие ободранного скелета: ребра-стропилины черные, солома, будто свесившиеся куски мяса. Солнечные лучи рассыпались в таинственном полумраке и желтыми пятнами ложились на всякий хозяйственный скарб, сношенный сюда за ненадобностью. Весной был ураган, он-то и разметал солому. Игумен ждёт свежий урожай, хочет перекрыть сарай свежей соломой.

Белые «зайчики» бегали по дырявым стенам. Два толстых луча сошлились на всклоченной голове брата Игнатия, стоящего на коленях перед маленькой иконкой. Вчера в этом сарае Игнатий делал гроб, сегодня на куче стружек полусидит, полулежит брат Лука. Он колупается пальцем в носу, наблюдает, как поверху, по дырам и застreichам снуют неспокойные воробы, гугукают голуби, наполняя верх постройки воркующими звуками. Цвет лица Луки такой, что его обладателя игумен который год никак не заподозрит в умственной работе - здоровый, розовый цвет. Лука менее чувствительный, чем брат Игнатий, ему и так хорошо, и эдак ладно.

Игнатий кашляет до слез. На него снизошла глубокая серьёзность, навещающая в минуты душевной слабости. Бывает, эта серьёзность доводит его до озлобления и презрения к другим монахам. Сейчас Игнатий подавлен, как выпотрошен.

- Любил Петр повторять: Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всей душой твоей, и всем разумением твоим. Боже, Боже, кого мы потеряли... Лука, слышь. Лука, как думаешь, Петр сразу в рай отправится или как?

Брат Лука нашёл что-то в носу, изучает на свет, отвечает невпопад:

- Какой дух от бабы скусной... ровно житник из ендочки.

Пергаментная кожа на лице Игнатия с резко выделяющимися скулами растянулась в некое подобие улыбки.

- Лукашка, Лукашка, дите малое. Мезонька ты, однако... Выучил благодатные действия Святого Духа или таинства?

Кашель достиг пернатого царства, воробы примолкли, едва кашель стих, зачирикали с новой силой.

- Грудь ломит.

- Ломить и будет, - бойко сказал Лука. - Ты меня учишь, учишь, и я тебя поучу: в такую жару студеную воду осмушкой пьют, а тебе бы только напасть. Всё надо ходчее, всё надо больше своротить. Осеню сколько ты меня на стене поморозил, а? И сам мёрз, и меня мучил. Поди-ко и сейгод... А Петр не такой был. Спокойный, рассудительный, бывало, пирожок сам не съест, мне сунет. Кашляешь, а кто меня о третьем дне напинал? Стыдно, Игнатий? Не понимаю я в слове Божьем, сто раз повторю, ровно о стенку горох. Бабка покойница сказывала, что у меня ум в зыбке остался.

- Лень-ленища тебя заела. А врёшь как? Глазом не моргнешь, за то и наказан. Не нами сказано: «Ищи добро в себе», тебе бы поспать да поесть...

Старец отдыхал в своей кельюшке. Бесприютно, сиротливо ему. Стар он стал. Вот явится ангел в неурочный час, а будь его воля, всё с собой взял бы.

И что руки делали, и что глаза видели, что посеял, что в мечтах родилось, да не взошло. Кажется, давно ли с малой братией пришёл он на берега реки Маркуши, а оглянешься - будто вчерась, будто не жито, и сердце сожмётся: не успеть!

Будучи на житии в Сольвычегодском Борисо-Глебском монастыре, замещал он игумена, и стал насаждать строгость. Некоторые монахи зароптали, другие наоборот, его сторону приняли, ибо строгость Агапита сочеталась с удивительной добротой и любовью, глубоким молитвенным рассуждением.

Отнёсся старец памятью в март 1576 года... Долго тогда болел. Почти месяц не вставал с постели.

Помимо беспошлинной торговли хлебом, скотом, овчинами, мёдом, монастырь имел право продавать беспошлинно 20 000 пудов соли в год - мало, сказали монастырские старцы. Мы-де, город поморский, хлебный амбар. Монастырь имеет подворья на волоках, но платит повинности как и вообще платят дворы, что негоже. И послали Агапита с челобитной в Москву к самому царю-батюшке утрясти дело. Ещё дальновидно наказали предупредить: во вновь приобретённых Русью Пермских землях и за Уралом, инородцы не знают толку в деньгах, а русским переселенцам подавай товары немецкие. Деньги, что ввозятся в Сибирь, лежат без движения.

Вышел с первыми морозами на Вологду и торговым путем через Ярославль, минуя путь в тысячу сто верст - 14 ям, через двадцать семь дней прибыл в Москву. Царь был в отъезде. Много, очень много полезного узнал Агапит, шатаясь без дела в торговых рядах! Велика Русь! Со всего света везут и везут в неё товары, и навозиться не могут. Часто бывал на Посольском дворе, где останавливаются иностранные послы. Его приметили караульные стрельцы, два раза выбивали в шею.

От Персидского двора до Рыбного рынка в погребах против Козьего болота нюхал грязь и вонь, да и Китай - города, около самого Кремля толкался в шалаши, рундуках, скамейках, веках мелкой торговли; был на Яузе; видел, как площадные подъячие вершат купчие крепости - торгуют в Москве своими и чужими пленниками. Долго был в богатейшем книжном ряду. Торгуют попы и дьяконы - выбирай книги, выбирай иконы по сердцу! Увы, ничего не выходил Агапит в Москве. И деньги кончились, и царя нет. Доверил челобитную маломочному купцу гостиной сотни - выходец из Сольвычегодска, у него жил на постое. Знал, что государь при небольшом достатке купца иногда поручал заключать подряды с иноземцами, ещё был земляк надзирателем Московской пристани. И воротился домой.

В глаза болезненно ударял слепо мигавший свет березовой луничины, он заставлял зажмуриваться, из какой-то глубокой - глу-

бокой дали долетали до него еле слышные разговоры. Слезливее и слезливее помаргивала лучина, как бы собираясь разрыдаться над ним, умирающим... Ему больно от вздрагивающего света. Раннею зарею на 27-й день изможденный, но не сломленный, выпростав руки из одеяла, позвал он святителя Николая. И свершилось чудо! Явилась пред ним икона сподвижника Христа угодника Божьего, легкая как дуновение ветерка, и прямо в руки. Откуда силы взялись! С иконою встал с постели, к оконцу кельиступил, на колени пал и, обливаясь счастливыми слезами, пламенно молился и благодарил Господа Бога. И сказал ему святитель Николай: «Стоянием города берут. Иди в глушь нетронутую, возьми пример с земляка святителя Стефана Пермского».

Сколько изумления было у братьев монахов! Пламенея рвением угодить Господу, они с особым любовным почтением, медленно и серьёзно раскланивались перед ним, будто воскресшим... Помнится, растворил он тогда оконце своей кельи, и стоял, блаженно улыбаясь, жизнью вторично одарённый, а скворцы гортанным свистом славили новый круг жизни.

- Братья, - сказал Агапит на другой день монахам. - Отныне мы будем особенно чтить память Стефана Пермского, причисленного к лику святых. День его памяти 26 апреля. Сей ревностный проповедник слова Божьего, провёл в неутомимых трудах 21 год, из которых 13 лет был епископом Великопермским.

И рассказал братии весь жизненный путь отца Стефана, соборного служителя Сименона, прозвищем Храп, про Ростовский Григорие - Богословский монастырь, где мальчик учился восточным языкам и богословию, про Пермский букварь, изобретенный для зырян.

«Стоянием города берут!» - так и задумал Агапит заложить свою обитель, с порядками строгими, сошлись они с братией, что лучшего места не надо, чем на Маркуше - реке. Места хлебные, лес зверем богат, и Сухона под боком. Подобно Сергию Радонежскому, взял он с собой книжицу правил и Псалтирь, чтобы трудами и молитвами устроить храм. Невидимый спутник своим незрячим присутствием рассеивал всяческие сомнения Агапита. Хотел Агапит донести до дальних окраин слово Божье

и дело царское: будет сильна Москва, будет сильна и здешняя сторона. Первое время мужики крепко ему помогли, уж обрадовался Агапит, как легко да быстро земли пахотные к монастырю прибывают, как стены обители поднимаются, потом кончилась помощь.

Смекнул Агапит, что не обошлось без потомков бояр Своевладимирских с Кокшеныги-реки да с Ваги-реки - злобу те затаили на Москву. Придёт, бывало, в деревню, сход соберёт, убеждает, убеждает мужиков идти под руку монастыря - минут мужики в руках шапки, в глазах тоска: «Отпустил бы ты нас, отец... Ещё охальник найдётся, еретик сущий, шуточки ядовитые сыплет: будто люди Божьи чудеса показывают, не удивишь ли нас каким явлением удивительным, громом или земным содроганием? А то, батька, иди к нам жить. У нас церкви баские, девки, что бусины...».

- Увы, - спокойно отвечает старец, - не преподобный я и нет во мне сил тех пробуждающих, кои даны были Кириллу Белозерскому. Далеко-о не все дано, силы такие заслужить надо.

Добился Агапит признания монастыря царём Иоанном. Тот ему грамоту ружную дал, чтоб взымал монастырь с окрестных деревень подать хлебную и денежную, стал монастырь мостом между Вологдой и землями здешними. «...Лесу пашенного от Николы деи чудотворца с Маркуши до Коржи вниз на Тарногу реку...». Мужикам это не нравится. Одно дело они хлеб царю отдавали - царь он и есть царь! Другое дело - монахи забирали. Пришли какие-то и гребут...

- И как он нас нащупал-то, царь-то, за семидесяти семи волоками, за болотами да сузёмыми?

Надо пригнуть непокорные головы! Нет у игумена стрельцов московских и денег мало, есть голова да язык, да вера крепкая служить Отечеству. Надо, чтоб мужики сердцем его приняли. Кабы приблизить к себе мужиков хозяйственных, уважаемых, кабы братия в едином порыве была! «Игнатий, теперь вся надежда на него. Эх, скинуть бы годков так тридцать».

Набежали облака. Быстро, как гонимый ветром дым, неслись они, плотные и раздерганные, вперемешку. И солнце, до-

селе радости полное, мигнуло несколько раз и скрылось, кончилась игра света и теней. В сарае стало мрачно, откуда-то потянуло дёгтем, прелой гнилью. Ожили остатки соломы на стропилах, зашевелились, прогоняя воробьев.

- Урчит брюшко-то, Игнаша. Скорей бы трапезничать, - задумчиво говорит Лука.

- Ненасыть болотная!

Лука как обрадовался от таких слов, свистнул, вскочил и дурашливо распотешился.

- Сегодня уж я помяну брата Петра!

На столах стыло коливо - варёная пшеница с мёдом. Монахи крестились и шептали молитву. За окном сверкали молнии.

- Вспоминайте, братья, Петра, - говорил игумен. - От Тирона Феодора по велению императора Юлиана Отступника пошло правило поминать усопшего пшеницей с мёдом. Лука, положи ложку. Вроде сегодня не ко времени бы говорить, но продавцы вин наполняют мехи не больше надлежащего, дабы не повредить их, ты же, чревоугодник, наполняешь брюхо столько, что едва грабли волочишь. Для истинного монаха не существует никто и ничто на земле. Его радость и наслаждение - постоянная молитва. Он любит людей, но скучает с ними, потому как они отлучают его от Бога. Так говорил схимонах Парфений. Брат Игнатьев, возившись с братом Лукой, потрафляешь - перестань. Брат Лука, присматривайся к пчёлам. Вроде тут твоё место.

Через три дня погода выладилась, небо очистилось, дул слабенький ветерок, напоённый ароматом трав. Игумен отправил монахов на сенокос, сам с лопатой на плече побрёл на кладбище.

После дождей земелька с холмика пообъехала - он холмик поправил, молитву прочитал, посидел и пошёл рыть яму саженях в тридцати от могилы. Примечал он всякий раз, копая новую могилу, что из земли поднимается пласт красной глины. Выкопал ямку в колено, глина и пошла. Жирная! Чего разминать - режь на кирпичи да в печь земляную сади. И дрова - вот они, и путь под угор... Эх!

Пчелы носились в просыхающем воздухе, жужжали, и сердце игумена наполнялось радостью. Перед глазами стоял белый

храм со златыми куполами! Невозмутимую тишину леса нарушал вкрадчивый шепот осины. Закуковала кукушка - старца будто подтолкнули, весь в слух ушёл, да так долго куковала, года ему отсчитывая, что со счёта сбился. «Вот пример для подражания! Глупое существо из перьев, а сколько в нем благодарности к Всевышнему, жизнь ему давшему! Надо поведать братии: повторяй и повторяй тысячи раз, проси у Господа заступничества за весь род людской».

В обитель воротился возбуждённый. Как в прежние годы, узкие глаза его со складочками близ углов так и бегали в разные стороны и лукаво смотрели из-под лохматых бровей. Что петух, по утру обежал свои владения, на крышу саю глянул и ругнул себя: жду свежей соломы, а долго ли старую прибрать да перетрясти, да крышу закрыть? «Ужо, вот только прохалузинка какая изладится, крышу перекроем».

В кельюшке долго крестился, стоя перед иконой. Быстро перемахивал с макушки на живот, справа налево, кланялся и говорил про себя: «Вроде отжило моё сердце от мира, вроде ум суетой не союзницы, вы, чудотворцы, тому свидетели, а нет мне смирения в моей страсти, в моём порыве. Строить обитель, подворья монастырские в деревнях иметь, веру православную укреплять и власть царскую. Хлебом и мехами завалить Вологду, ходу царевых ратей за Каменный кряж содействовать, тогда и помощь придёт монастырю весомая, и признание, и инохи с Москвы потянутся. Отцы святые! Один стою против Едемских. Часовен да церквей они настроили, попы свои, приходы богатеют, клич подай - горой! А меня, грешного, смехом встречают, смехом провожают. Не раз бывал на Кокшеньге и Ваге, стыдил их, потомков бояр Новгородских: пошто корни мне рубите, али я басурманин, али я зла своей земле желаю? Грозят: не быть те владыкой здесь! Путь Христов - путь поруганий и распятия. И апостолы страшились, следя за ним, и сам Господь ужасался и тосковал. Оно и понятно, грехи наши не были пригвождены к кресту. Поймите, угодники, цель единую: монастырь мой есть и свет мой, и радость моя. Станет он оплотом веры православной, крепостью державной, житницей и очагом просвещения...».

Отселял монастырь озимую. Из ближних деревень мужики пришли, семян на посевы просят.

- Расступись, батюшко...

- Кто, как не ты, возвратим с благодарностью.

Кисло-печально смотрит на просителей игумен. Повторяется картина: занимать легко, отдавать тяжело. Не раз на горло мужику наступишь, пока отвезёт какого-нибудь сору и лай поднимет: налоги царю плати, «посоху» тащи, ратника на Ливонскую войну подавай, ещё и монастырь жилы рвёт.\

- Не дам, - сказал игумен и рукой показал - идите.

- Батюшко... Коровы и те рядом ходят с вашими, пошто люди должны сторониться людей?

- Надоело мне вас в зыбке качать. Вам бы реку перебрести и порты не замочить, взять хорошего, возвратить гнилья. Не дам.

- Батюшко, по миру пустишь...

- Худо ли те мужики зажили, кто у монастыря в трудниках?

- Знамо дело... На голову приподнялись.

- Так пошто поодиночке курлыкаете? Миром можно горы своротить.

Мнутся мужики: тяжёлый человек игумен. И то ему не так, и другое не эдак. Скуп. Идти к спасовлянам, к Едемским - те обдерут похлеще монастыря. Согласились.

- Уговор письменный. И первое: съять хмельную в рот не брать. Лишнего не лаять. Пускай сход землю даст без ругани, хорошую. Прогоню - земля за монастырем остаётся. Потому - лень дома оставьте, на полатях.

Рано хлеб сжали, подгорел. Под крышу убрали, заспешил старец на Лохту. Дошли до него слухи, что лохтяна рубят новую церковь. Случай хороший: освятить первые венцы и тем показать лохтянам, что рубить-то вы рубите, но рубите с его, игумена, дозволения. Церковь дело хорошее, но для старца важнее было иметь подворье: не уйдёт лишний пуд Едемским!

Поп Иван катал бревна наравне с мужиками. Было ему лет шестьдесят от роду, ростом Бог не обнёс, рябой и вдовий на один глаз. Уважаем за сметку, набожность, честность. Сыти хмельной в рот не брал и других стыдил, у кого мера «до колена».

Идущих монахов высмотрели ребятишки. Прискочили к мужикам, наперебой тараторят, как убегали от страшных мужиков. Смеются лохтяна, потешаются: уж не баб ли сватать идут божьи люди?

- Овдоху отдадим. Характер - порох, из себя мягкая, сторону тамошнюю видела.

Подошли монахи, усталые, в пыли, скинули сумы холщовые, мужикам поклонились. Старец, несмотря на усталость, был любезен, разговорчив и оживлён. Сидел он на бревне, блаженно вытянув ноги в лапотках, щурился на солнце. Погода стояла как о Петровадни. Мужики на добро отвечали добром, спрашивали про приметы на зиму, про цены, да что на свете делается.

Ребятишки разнесли новость по деревне, стали собираться бабы и старики. Говорят лохтяна, что думают гнать весной плоты с овсом по большой воде на Холмогоры. И товарищ есть надёжный, Богдашка Ляхов. Три очереди на «посохе» отвёл, потом, коль утопнет, плакальщиков не много. Сейчас без дела лытает, лодку «устюженку» вылаживает.

- Люди русские! - старец встал с бревна. - Один святой завещал: «Не отдавайте себя в руки врагов своих». Кого вы хлебом кормить собираетесь? Немцев кондийских. Вы хлеб на Вологду гоните, за Вологдой Москва - матушка. Сложнее, зато любее. Разве Вологда даст меньше пятнадцати денег за четверть ржи? Новгород за короб даёт десять денег. Вот вы по старинке пушнину окольными путями на Новгород тащите, а зачем? Сышиали, Данило Брыков с Шевдениц с хмелем как удачно на Москву сходил? То-то. А сосед у него на басню купился, мол, пермяк дикий за железный топор рухляди столько даёт, сколько чрез дыру просунет. Ну-ко до Перми, покачаешь... Или про лён скажу. Холмогорские скupщики и у нас были, за куделью пятнадцать алтын дают. Смех. Отойди до Березовой Слободки - шестнадцать, ибо лён можно и на Холмогоры, и на Вологду, правда? Воск у церкви святого Ивана на Опоках - шесть алтын. За посмех дешево!

- Теснее, мужики, жить надо. «Стоянием города берут!» - не мной сказано. Вы бы к монастырю прижимались, одной семьёй. Сколько я вам про это пою, вы не тпру - не ну. Попомните меня:

вся торговля здешняя все равно у монастыря будет. Я не вечен, пылинку с собой не возьму, хочу с пользой употребить остаток своей жизни. Дабы потомки кость мою не двинули. Кабы дозволил Господь! Монастыри есть щит народа, свеча горящая, обитель для обездоленных. Случись нападение иноземное, куда народ денется? В лес? Нет, за стены крепкие, где пища, где хлеб. Хорошее вы дело задумали, но промыслы - важнее. Амбары добрые, глядишь, и прочее...

Мужики молчали. Все понурились, даже поп Иван. А старец говорил и говорил.

Мужики сопели, кашляли в кулаки. Много дум передумал старец Агапит, сеял и сеял семена в пустынную почву.

«Да он своей говорильней на нет сведёт моё положение духовное!» - подумал поп Иван и поднял руку: остановись.

Мужики, как свежего воздуху в себя потянули, начали переглядываться.

- Про росписи царевы говоришь, дак доскажи, что приписаны мы к Большому дворцу, но черносошные мы. И управление дозволено выборным. Так?

- Так.

- Тогда хотим мы церковь рубить, так и рубим. Так?

- Так. Святой Ефрем Сирий сказал: «Оплачьте наготу мою, возлюбленные братья мои. Прогневал я Христа порочной жизнью своей. Створил он меня и дал мне свободу. Я же злом отвечаю ему». Ты, отец Иван, хуже грешника, ты еретик. Я пекусь о духовном здравии мирян, о защите Отечества нашего, ты же мелко плывёшь, выгоду ищешь.

- Эво как! - удивляется поп Иван. - В чём же выгода моя?

- Сознайся, что велиши церковь рубить не по велению факела своего, а по наускиванию Едемских! Наперекор мне, так?

- Да ты что! Загнул, это надо же! Как можно церковь рубить по чьему-то наускиванию? Что мы, собаки, что ли?

Из-за мужиков протиснулась Овдотья, сестра монаха Петра, вытянутым пальцем указывает на старца.

- Аспид! Куска хлеба не дал, еле живая вышла.

- Уймись, блаженная! - сердито ткнул батогом в землю старец.

- Да-а, - качает головой поп Иван. - Это надо же!.. Нет, святой человек, никто нас не наускивал. По духовной помочи робим. А на то пошло - Едемские не откажут.

- Так, батька, так, - поддакивают мужики.

Как вскинулся игумен при упоминании Едемских! Как покривился лицом!

- Насупротив Москвы?! Насупротив? Москва уймёт строптивых!

- Это она может, - вздохнул поп Иван. - Далеко она.

Бородач, голый до пупа, почесал горло под бородицей, говорит игумену:

- Коль пришёл забирать нас, так начинай с Овдошки. И кухарит, и шьёт, и песни жалостливые знает.

У мужиков от тона, каким сказал бородач, озарились лица.

- Эх, вы-ы, - простонал игумен, - смеётесь...

- У-у, выладил помело-то, лещий! - кричит на обидчика Овдотья.

- А чё, Овдоша, ты, так сказать, не трусь. Монах он с виду страшен, а в бане - как я, или батька наш Иван.

- Не потешайтесь! - сверкнул глазами игумен.

Монах Игнатий почувствовал озноб во всём теле, раскашлялся. На всякий случай вернул свою суму с хлебом себе на спину.

- Хитрован какой, опять из моей? - спросил Игната тихонько Лука. Игнатий ткнул Луку в бок кулаком: замри! Подошёл поп Иван к игумену вплотную.

- Уважения ты большого заслуживаешь, как преподобный или иной святой, и братья твои заслуживают. Который раз ты за нас берёшься. И пошто у тех, кто Москву защищает, напор такой, жесткость такая? Разве зазорно нам свободными быть? То Новгород, то Москва. Скажи, святой человек, почему такая жадная Москва, ненасытная? Преж, старики бают, пока под Новгородом были, тягот меньше несли, а нынче без указки Москвы и не туды, и не сюды. Вот, смотри, от Князьины огород идёт, так Москва велит его вести в девять жердей. С ума ли? Подъячие плати, ямские плати, соколиный оброк, пищальное дело, царевы подати, ямчужное дело, «посоха», так как нам сзымочь? Лететь выставляй с десяти дворов ярыжника по Сухоне царевы ка-

юки - годельники волочить, двадцать подвод снарядили на Вятку, они и теперь ходят.

- Скажу тебе прямо: чужими руками Москва жар загребает. Новгород побили - на Югру кинулись, то Вятку воюете, то Чердынь. Будет твой монастырь в силе, ты тогда и будешь сама Москва, рассусоливать не станешь, через колено переломишь. Вон Микишка Величутин кобылу покупал в Березовой Слободке, так просят ровно за татарского коня. Дасть Вологда за сало говяжье белое девять алтын с половиною, как Холмогоры дают? Омманет. Кожа дублённая в Устюге семнадцать алтын, в Холмогорах двадцать два алтына и три денежки.

- Теперь ты стой! - сказал игумен. - Кто даёт? Кто? Враги дают. Немцы да Орден Ливонский. Они же нашими руками нас изничтожают, из державы нашей кладовку делают. Думаете, у нас всего до выгребу, не кончится? Ошибаетесь, всему есть начало и есть конец. О спасении души думать надо в первую голову!

- Не спорю, может, и враги кругом, - отвечает поп Иван, - не ведаю. А Москва не враг, что ли? Москва нас била, за рекой и теперь стрелы находим, сколько мужиков под лёд опустила твоя Москва. Ты скажи прямо: под свою руку зовёшь? Тогда... Тогда, раз царь тебя грамотами жалует, сними с нас «посоху». Будто мы скот, будто шильники. Кто припас войску доставляет? «Посоха». Кто урон несёт? «Посоха». Или: писцы перебелили пустые дворы в жилые, нам опять раззорение. Вот когда мы поймём, что ты за нас, мы грудью за тебя, а пока... Уволь.

Довольны мужики своим попом. И нечего игумену наскакивать! Были моменты, порывался игумен вцепиться в лицо попа Ивана, в глаз единственный, который будто прожигает его насквозь, скрипнет зубами и отступит злоба.

Говорит игумен о благочестивом Иове, веру потерявшем, но говорит лишь бы хоть как-то мужицкую правду попа Ивана придавить.

Слаб поп Иван в Святом Писании. По умершим служит панихиду одной разрешительной молитвой, которую выучил наизусть, а что книгу перед собой держит - для пущей важности.

Риза у него ветхая, коя от предшественника досталась. Ходил на сан сдавать в Устюг, просил новую, отказали, зато икону дали «Введение Богородицы во храм». Сказали: из-за малости икон иконостас делай на походный лад, а эту икону поставь в деисусном ряду над местными иконами.

Бородатый мужик начал тихонечко топориком постукивать, разошлись мужики по углам сруба. Обидно игумену: нарочно постукивают, его выживают. Лицо у него горело, волосы выбились из-под кожаного ремешка и падали на глаза.

Пошёл прочь, высоко неся голову. Игнатий подхватил суму старца и за ним, Лука помедлил, весело блескивая зубами, оглядел мужиков и пустился догонять товарищей.

Вышли за деревню, присели на травушку. Игумену казалось, что он сходит с ума, и немало времени прошло, пока он пришёл в себя. Кажется, крепкие некогда плечи приняли за жизнь немыслимо тяжелую ношу, но эта перебранка отняла у него много сил. Как он надеялся на кротость лохтян. Едемские! Богатеи - кокшары перешли ему дорогу! «Господи, прости за мысли черные: почему поднятый меч Великого Князя Иоанна не опустился на ихние головы? Прости, прости... А, может, потому я не могу быть собирателем, потому что остаюсь дробителем? Ведь сказал же апостол Павел: «Не впадайте во зло». Ведь сказал же блаженный купец, пожелавшему поставить храм православный, но трижды обваливались своды храма...».

Лука развязал свою суму, выложил пирог со свежей капустой, ерзал на месте, привлекая к еде сопением, вздохами непотребными. Старец махнул рукой: ешьте.

Монахи перекрестились, разломили пирог пополам, каждый подсовывая под выползающую капусту ладонь, стали есть.

Тяжело на душе игумена. Мужик, лапотник безграмотный, а как его носом в деръмо натыкал. «Поторопились в Устюге нарядить Ивана в поповский подрясник. Не помощник, и не союзник - ватажник».

На западе висел раскалённый шар солнца. Солнце последним жаром багрило отходящую на покой деревню.

Прилегли Лука и Игнатий, а старец сидел, обняв колени, све-

сив голову. Издали можно было признать его за путника, на век прощающегося с дорогой.

Необычный шум распрямил старца. Сначала затявкала собачонка, потом пронесся бабий крик и отдалённый детский визг. За огородами, самым берегом реки бежали кони. «Оsecк проломили, - машинально подумал старец. - Лови теперь...». Топот не только распрямил его, он подтолкнул в спину: иди! Ты пришёл освятить сруб, так освяти, а горечь затолкай глубже, в самые лапотки. Кирилл Белозерский крестом остановил пожар. «Ты иди и останови пожар в душах мужиков, не дай пламени разгореться. И не вороши угли старого и про старое - пусть мужики забудут обиды».

И он пошёл. Где-то далеко слышался колёсный скрип. Ночь была светла, редкие золотистые облачка на востоке, длинные и тонкие, подпущенные с боков баxромой, зависли над грядой леса. Солнце из чащи лениво щекотало те облачка тупыми золотыми мечами.

Обошёл сруб. Перед глазами его, в который раз, замелькали белые церкви, показываясь на короткое время. А та, которой стоять в монастыре, как врата растворила, и иконостас в ней, многоярусный, высокий, светом духовным богатый, манила. «Господи, прости за грехи мои. Хочу, чтоб младенец молитву читал, а он ещё к дверям храма не подошёл. Арсений Комельский, землю от леса задрав, храм в честь Ризы Пресвятой Богородицы воздвиг: много для подражания! Хоть бы чуточку приблизиться к его подвигу духовному...».

Прислонил к нижнему венцу иконку «Богоматерь Знамение», рядом положил ковчежек с малой чашей и лжицей серебряной - подарок попу Ивану, отошёл, замер.

Сильная рука легла на плечо старца. Лихорадочно дёрнулся, пытаясь защититься батогом.

- Колдуешь, старый хрыч?

Признал старец в нападавшем Богдашку Ляхова, таких звероподобных мужиков встречалось ему немного.

- С ума ли? - удивлённо выдавил старец.

Богдашка отпустился от старца, развязал на животе опояску, отдался.

- День с ночью перепутал? - спросил игумена как-то шутливо.

- Богдаша, Богдаша,- сказал старец. - Осенись ты крестным знанием, ведь пропадёшь.

- Смолоду не маливался, - рассмеялся Богдашка. - Раз, правда, - Богдашка скрчил лицо, прищурился, - бывал в Устюге, ко всемоцной. С маткой были. Она мне свечу в руки подала, сама на коленях стоит. Стою я, дивуюсь, блеск, запах горелый, тут как мне оплеуху дали - я носом в пол, растянулся рядом с маткой. С той поры - шабаш... Помню икону, мужик из себя пухленький, едет на кудрявом облачке. Как бы с праздника едет. Церкву с музыками не рублю, на хрена она мне. Я не в черта, не в Бога не верю, я в себя верю, да кто со мной.

- Горяч ты, Богдаша, - миролюбиво говорит старец. - Нельзя тебе в Бога не верить, в силу его чудодейственную. Слышал, плоты весной погонишь, всяко бывает. А Бог - он рядом, он с тобой.

- Не каркай, чё раскаркался, - раздражённо сказал Богдашка. - Поворачивай оглобли, от тебя неприятность какая-то до кишок.

- Богдаша, Богдаша, шёл бы ты к нам в монастырь. Ремеслам разным обучишься, себя познаешь, к чему душа лежит.

- Чего-о? - скривил рожу Богдашка Ляхов. - Бегу и падаю. Ты дурачков в другой избе поищи, стану я вам на стенах мерзнуть. Вот пойду я на корабель англицкий на перво время простым матрозом, ну, а как обвыкнусь, по тамошнему кумекать начну, тогда... вот где красота - то, отец родной! Ровно - те лебедь по Сухоне плывёт, паруса белые, матрозы песни веселые поют. Довелось мне на Сухоне быть не раз. Ты знаешь, отец, там речушка такая есть Нюксенъга, дак половодьем из берега диковинные кости... во, с мою руку толщиной, вымывает. Над тем местом три избенки курные стоят, ровно те в реку слезливыми оконцами опрокинулись. Да - а, много по земле всякой всячины интересной. Наши мужики тоже поют, да песни у них волчьи. А сравнишь скудость нашу, нищету нашу, кормёжку с червями пополам... Эх, што зря языком бить. Или годельник наш окаянный возьми да людышек лапотных, што барки ходелым берегом тянут ров-

но - те проклятые... У ихних матрозов хари сытые, одежка спрятаная, по кабакам с бабами в портах шастать разрешается; правда, по этим харям командиры добро лупят, но меня бить не моги, сдачи дам... А мы ровно скот бессловесный, ровно - те собаки голодные. У нас, который человечишко вшивый чуть из деръма вылез, тот готов остальных сожрать без соли. Али не прав я?

- Вижу, не выбрал ты дорогу по душе. Жил да был такой Марциал Марк Валерий в Испании. Так он сказал: «Грабь, хватай, копи, владей - всё придётся оставить...». Захотел молочка от бычка, как же. Завтра на корабль англицкий бежать собираешься, а сегодня собачью работу правишь, это как понимать?

Старец ровно нож охотничий по самую рукоять в грудь великана вонзил.

- Чего - о? Это я -то грабитель? Ты мою волю не замай!

Сгреб игумена за грудки, поволок по деревне, что куль с мясиной, только ноги в лапотках по сторонам дергаются. Выволок за деревню, на спящих монахов кинул. Игнатий - на него ноги старца упали - вскочил, попятился, а толстый Лука глаза кулаком продирает.

- Брысь отсюда, люди божьи! - распорядился Богдашка.

Стоял он над Лукой - не человек - дерево, голова в вершинах небес.

- Кощей! Я кому сказал? - позвал Богдашка кашляющего Игната. - Укоротьте руки загребущие! Вздумаете на нашей реке мельницу ставить, по бревну размечу.

Повернулся и пошёл, что медведь, оседая каждым шагом.

Опустился на колени Игнатий, водит по лицу старца пальцами, а старец не отзыается.

- Учитель... учитель!

Лука смекнул: неладно, толкает в суму всё, что под руку попало, лепечет:

- Смертынька пришла, смертынька пожаловала...

- Лукашка, - Игнатий обнял Луку, зарыдал, - уж никогда болыше-е...

- Бежим, бежим, и нас прибьют!

- Нет! - Игнатий обрёл твердость духа. - Нет, Лукашка, не побежим. Не бросим учителя. Воин, именем Никон, просил в сра-

жении силу креста Господнего, мы попросим учителя отдать нам свет его сердца. Повторяй: «Яви во мне, Христе Боже, силу креста Твоего...».

НЕЖНОСТЬ

Неухожен двор старика Пестроструева. И хлевушки есть, и амбар имеется, в летней избе бы свадьбы справлять, в зимней жить - доживать, а жить - править некому. Один, как перст, если кошку за серьезную живность не считать. Когда-то давно с соседями бранился из-за межи, и ему и соседям все земли не хватало. Нынче там черёмухи да рябинники, как в хорошем лесу разрослись. Когда-то и скворечники на деревцах были, да обвались, и скворцы только по весне почирикают. Обманутся насчет прописки, и дальние полетели.

Замолк ветер в черемухах, а сами черемухи стали темнее, и напуганные рябинники сдерживали шепот. Сумерки все гуще и гуще расстилались по меже. Зачернел фон заросшего крапивой и лопухами огорода. Крадучись подошел к окну старику Пескоструев, кашлянул негромко в кулак, сел на лавку. У соседей возле избы появилось белое пятно, стоит, не исчезает. Старику ждал это пятно: Верка собралась на танцульки, а чего она стоит? Как бы дреме предалась сладкой... «Не триппер ли Верка подхватила? - подумал, вытягивая в окно морщинистую шею. - Иходить нынче стала как-то странно, брюхо выпятив и переваливается с боку на бок. - Протёр стёкла очков занавеской на окне. - Вчера из магазина идет, и будто от ветра отворачивается. Стыдится, не иначе. Тут, девка, стыдись, не стыдись, в деревне всякое тайное быстро становится явным».

Думать не грешно, если не думать, мозг ссохнется. Из-за чесчур преклонного возраста, старику не доступны земные радости - живёт одними воспоминаниями и предположениями. На другой день погода была не ахти как, даже с утра дождик потрусил небольшой, но старику Пескоструев сбродил к бобы-

лю Игнахе, покалякал, и про Верку, к слову пришлось, думу ночной озвучил. Еще через день бобыль Игнаха был в гостях у Лизаветы Петровны, бабы страсть охочей на слухи. Скоро мать поносила Верку самыми гадкими словами, скрепляя догадку старика Пескоструева фактами из порочной жизни завклубши Тоньки Мамонихи. Деревня обсосала новость, размочалила, и ноги вытерла - подоспела свежая весть: Мамонихин приживальц слинжал. Видели, как под вечер уходил с поникшей головой огородами, закинув на плечо мешок с вещичками. У приживальца инструмент с собой, одеженка сменная: какую хозяйка выдаст.

Растелешилась на кровати девица Верка, лениво колупается в носу пальцем. Достанет нечто величиной с карат и долго изучает, то приближая, то отдаляя объект познания. Раздражают мухи. Садятся на голые ноги и ползают, ползают, перебирают своими противными лапками. Шлепки, будто на речке вальком бьют бельё, слышатся по всему дому. Девице хотелось... Чего-то хотелось, но чего? На дискотеку рано, перед зеркалом покрасоваться в новых колготках? Ага, чтобы какой-нибудь рыжий идиот порвал их, как вчера? Улететь бы. А куда? Да хоть к чёрту на рога, а лучше бы на берег Мёртвого моря. Там, сказывают, такой песок, такой пляж! Хочешь, прокатись на лодке, хочешь, не гра найми, он тебя на машине покатает... Были бы деньги, дня бы в деревне не осталась. О замужестве оная девица не помышляет, сама мысль быть связанной и обязанной ей ненавистна. Хочет быть вольной птицей. Насмотрелась, как бабы ухаживают за своими сужеными. Сплошь рвань пьяная. Иная из последних сил тащит благоверного домой, в соплях, в кровищи, а он жену и её родню грязью поливает. Хотелось чего-то светлого, приятного, нежного.

Два года назад девица окончила среднюю школу, имеет аттестат. Особой гордости в том нет, у нас каждый обязан быть средним и никаких гвоздей. Для такой государственной программы имеются учителя, которые обязаны с первых шагов подталкивать ученика под зад, чтобы в последнем классе вытолкнуть окончательно. Есть деньги у родителей, дитя мягко падает в

руки заботливых профессоров, а если денег нет... Лучше не говорить об отсутствии денег, без валюты никто толкать не станет. У матери Верки денег не оказалось, мать была из сословия тягловых колхозников, и даже будь у них наличность, они, красные от стыда, сунули бы эту наличность уборщице, чем профессору - всё же физический труд выше умственного! Вот поэтому и работает Верка подменной дояркой. Работа так себе, пять, шесть дней в месяц. За два года она много забыла из того, чему её учили в школе, индукцию и дедукцию ищет под подушкой, забываясь в сладких мечтах и несбыточных грёзах. Бином Ньютона сталходить на кувалду, которой хрястает старший брат по гусеничным звеньям. Верка замечательна тем, что лицо у неё печальное, ждущее если не принца, то космонавта, рост выше среднего, ноги толстые, грудь высокая, талии вроде нет. На мать и брата смотрит враждебно: подружки по институтам, по университетам, а ей от вашей бедности одна стезя коровам хвосты заворачивать. Посуду моет неохотно, любит стирать лифчики и почивать сочинения Александра Дюма. Кошек терпеть не может, в Рождество не гадает, дома и зимой ходит босиком. Деревня для неё старее конской телеги, дремучее колокола на старой часовне. Кстати, часовню и колокол на ней когда-то спас от погибели прадед Верки коновал Катков.

Велит мать молока трех литровку снести соседу.

- Пошёл он в баню, - отвечает Верка.

- Кому сказано!

Вчера на танцах появился очкарик - библиотекарь. Высокий, худой, гусиная шея торчит в вороте рубахи, а нос... крючок! Смешной парнишка. Глаза какие-то упорные. Вроде немногого симпатичный, вроде так себе... Верка с первых минут появления парня конфисковала его внимание - взяла повышенный темп исполнения танца. Прыжки, ужимки, чесание спинами и натирание животами перемешалось с махами ключиц от самого нижнего ребра до заколки на макушке головы. Её партнер рыжий Сашка визжал не хуже абрека, вошёл в экстаз и исполнил танец на ушах - тогда и разорвал чулок на Веркиной ноге. А как они с Сашкой занимались проверкой свежести дыхания! Душа

купалась в пузырях заморской жвахи. Он жуёт и жуёт, она, как змея перед броском, ближе и ближе.

Он широко раскрывает рот, и она тремя четвертинами зрения видит почти весь пищеварительный тракт партнёра, а четвертью следит за очкариком - у очкарика отвисла нижняя челюсть, очки сползли на кончик носа. Вжался в стену, ни жив, ни мёртв. «Из спецшколы что ли? - подумала сразу с такой невыгодной для очкарика стороны. - А техникум кончил. - Поправила себя уже с выгодной для очкарика стороны. - Надо мне его растворомошить...».

На следующем танце подлетела к очкарику и отвесила большой поклон. Очкарик покраснел, слегка кивнул головой; потом их глаза встретились и долго наблюдали друг за другом. Она спросила, как его зовут. Он ответил: «Саша». Приятно нагнулся и спросил, как её зовут. Она ответила. Вопрос - ответ; через две минуты разговор истощился. Тут подошел рыжий Сашка и бесцеремонно отобрал её у очкарика.

«Орангутанг, - ругала Верка Сашку. - Птенчик такой робкий, стеснительный, а ты... нахалюга! К чему на крыльце было орать во все свое пропитое горло: «Ты не озябла, моя кошечка?». Вот что мой птенчик подумал, а? Шлюха, вот что подумал...».

Пришла мать с фермы, оголодала. Еды - чугун стылой картошки в мундирах. С багровым лицом начала распекать дочь, стыдила и клялась, что будь её воля, удавила бы ещё в зыбке, да покойный отец не дал. «А надо бы!». Мать любила читать нотации, кричала с визгом, расточала мастерскую ругань с невообразимыми проклятиями. Накричится и заревёт. Ревёт да крестится. Дочь старается понять свою «ненормальную» мать, но обида, что из-за домашней нищеты она вынуждена пресмыкаться в колхозе, отказывает в понимании. Зарплаты в колхозе не дают, надолго упали ниже копыт, пятидесятилетний председатель задурил - вздумал разводиться с женой... Верка давно не перебивает мать, выслушивает молча, потупясь, даже в носу ничего не ищет, и когда бледность щек на лице матери начнёт теснить багровость, тихонько попросит купить чего-нибудь из «тряпок».

- Эх, Верка, Верка, купила - кобыла отступила. Ужо, наскребу, авось.

Вечер. Стариk Пескоструев занял наблюдательный пост у окна. Видел, как, фасонисто одетая Верка, крутилась у стены избы перед зеркальцем, вставленным в щель бревна. Она уж было вышла на деревню, да зачем-то вернулась, и вроде как бес усилино опустилась на скамеечку возле стены. «Больная! - подозрение старика усилилось. - А с чего бы днем лицо у неё стало несколько желтовато? А если... беременна? Нынче молодежь - палец в рот не клади, всю пятерню откусят!». Вот Верка подняла голову к небу, посидела, и резко сорвалась с места.

В клубе уже гремит музыка, несколько подпивших парней гомерически хохочут у туалета. Лицо Верки, как всегда печально. Поискала глазами рыжего Сашку - нет Сашки. Не нашла на улице, и зашла в помещение. В клубе в уголочке сидит завклубша Тонька по прозвищу Мамониха. Из себя невзрачная, похожая обличьем на цыганку. Трое детишек у Тоньки. Не здешняя Тонька, из Киргизии выбралась. Трое детишек у неё на руках. Бедно живёт. Дров ни полена, как и зимовать собирается... Подперла голову кулаком, по лицу текут слёзы.

- Чё, Тонь? - спросила Верка, погладив Мамониху по спине.

Завклубша высморкалась в платок, с виноватой улыбкой посмотрела на Верку.

- Вернулся.

- Прогони ты его! На кой он тебе черт? - горячо сказала Верка.

- Жалость во мне какая-то. Слабая я.

- Зря, Тонь, себя изводишь. Поднимешь ребят как-нибудь одна.

- Завидую тебе, подружка. Ты вольная птаха, а у меня трое на руках.

Обнялись. Размякла Верка от чужой радости, а, может, и чужого горя: не было между ней и Мамонихой никогда недомолвок. Тоже слезу пустила.

- Вот она, какая наша доля бабья! - хныча говорила Мамониха. - Кто я на деревне? Стерва. Троих, брякают, прижила да еще

надо... И работа дрянная. Иди, доказывай каждому встречному - поперечному, что не дешевка я какая- то...

Часа полтора клуб пустовал. Потом завалилась пьяная орда, ребята повели себя развязно, гоготали на всю деревню. Кто - то подал идею жарить шашлыки.

- Тоня, дай кроля, а? - парни пристали к Мамонихе.

- Да вы в своем уме? - притворно ужаснулась Мамониха. Не хочется ей портить отношения с парнями, надо бы разойтись с миром.- У меня одни крольчики и те в положении.

- А ты не в положении? Если мы проверим?

- Ребята, вы шутить шутите, но руки... Убери руки!

Помогла Верка Мамонихе отбиться от ордынцев.

Походила неприкаянной, собралась идти домой, тут слышит за кустами акации говор. Пораздвинула ветки - рыжий Сашка со стаканом водки в руке наступает на очкарика Сашу.

- У нас так не принято. Ты вот не хочешь со мной выпить, значит, не уважаешь. А я не чукча, меня все уважают. За это... За это у нас по сусалам бьют.

- Я не пью, понимаешь? Я матери слово дал...

Хохочет Сашка беззвучным смехом, мотает из стороны в сторону рыжей лохматой головой.

- Ты же вырос из коротких штанишек, какая мама? Вчера ты сразил мою кобылку, святой человек. Я не в обиде. Пей, и я подарю тебе её. Правда она дурища, надоела мне дальше некуда, а тебе на первое время сойдет. Анекдот: Абрама спрашивают в КГБ: от чего, Абраша, умереть желаешь, от сифилиса или от дизентерии? Абраша отвечает: хочу умереть коммунистом!

- Так и умри им!

Верка выскочила из - за кустов акации и вцепилась пальцами в волосы Сашки. Визжит, плюет Сашке в лицо, сердитые глазищи огнем пылают. Пытается Сашка отбиться, и стакан с водкой расплескал, и корку хлеба из другой руки кинул. Отцепилась Верка, отскочила, присела и зарыдала. Сашка бежал прочь. Очкарик Саша был смущен и глядел себе под ноги. Рыдает Верка, закрыла лицо руками.

- Не надо, успокойся. Все прошло.

Очкарик гладит её волосы, рука вроде нежная, вроде тяжелая.

Верка была тронута. Никогда и никто не говорил ей так хорошо. Достала из кармашка юбки платочек, высыпалась. И устыдилась. Устыдилась своего сморканья, своих вчерашних с Сашкой кривляний устыдилась. Невзрачный парень не просто попросил её успокоиться, он попросил её, изнывающую от потребности в ласке, заглянуть куда -то в красивое будущее. Может быть, этот незнакомый чужой парень и протянет ей руку дружбы? И затрепетала душа Верки всеми фибрками. И все же она разрушила иллюзию сна: вскочила, удивленно оглянулась кругом и побежала домой.

Дома бросилась на кровать и спрятала лицо в подушку. Мать подошла, постояла, ничего не сказала.

Белесоватый свет наполняет избу. Петухи пропели, восток загорелся. В открытое окно пахнул холодный воздух. Природа по утру дышит некой задумчивостью и кроткой меланхолией. Полежала Верка и тихонько выскоцила из избы. Стараясь не стучать, не бренчать, корову подоила, навоз от коровы выметала через оконце. Напротив окон избы старика Пескоструева до нага разделась и обливается водой. Черпает воду ковшом из кадушки, лениво поливает себе на плечи, оттягивая рукой волосы. И все глядит, глядит на окно проклятого соседа. «Выжрал молоко, враг? Теперь плети басни!». Потом Верка идет к Мамонихе, подруге своей. Идет серьезная, на воротничке заново выглаженной блузки красуется приколотая ромашка.

- Скоты! Настоящие скоты!

Мамониха с руганью топчется около кроличьих клеток с сорванными дверцами. Ночью украли двух крольчиков. Ломились в двери, просили водки.

- А этот... - многозначительно спрашивает Верка про Тонькиного приживальца.

- Трус! Трус!! Выкидала ему шмотьё на дорогу и чеши, говорю, еще только переступи порог!

Пьет Мамониха из ковша воду, в сердцах швыряет ковш в пустую клетку.

- Кобелина! Нет бы шумнуть - голос не подал. А как жрать - подавай диетическое мясо!

Хлопнула дверь на крыльце, выбежал худенький парнишка. Руки длинные, сам нескладный.

- Мамка, ести давай!

Мамониха подзывает сынишку к себе, обнимает и целует.

Тут Мамониха замечает, что Верка одета не «по сезону», окидывает исподлобья пристальным взглядом утешнюю гостью:

- В район что ли намылилась?

- Да нет... Давай, присядем.

- Ма - амка!

Не ходит Верка на танцульки. А стариk Пескоструев все сидит вечерами и сидит у окна, елозит костлявой задницей по лавке, соседку высматривает. И чего ему от Верки надо, сам не знает. Крепнет в нём уверенность, что Верка заболела заразной болезнью. Избы рядом, прежде хорошо слышно было, как мать бранит дочь, не стесняясь в оборотах, нынче как обрезало. Может, и ругает, да потихонько... Подозрительно.

Едва за молодым библиотекарем хлопнула дверь, Верка следом. В белом платье и белом платке на плечах. У дверей стала. Приглашает очкарик сесть за стол, стоит, усиленно крутя концы платка. Робкий у клуба очкарик в своём «хозяйстве» оказался смелее. Спросил, что интересует девушку. Предложил на выбор несколько новеньких книжек. Верка в магазине слышала, как пожилая учительница Мария Федоровна говорила учительнице начальных классов Светлане Папышевой:

- Убей меня не пойму: кто мастер? Раз прочитала «Мастера и Маргариту» и другой перечитала, не пойму.

Потому Верка сразу показала свою начитанность:

- Булгакова.

- «Дьяволиаду?» Или это произведение еще называется «Как близнецы погубили делопроизводителя?».

- Нет. Про мастера и Маргариту.

С того самого первого посещения библиотеки до первого сентября, Верка регулярно ходила обменивать книги. Первого сентября очкарика (как -то незаметно на деревне его стали

звать Сан Санычем) позвали работать в школу вместо заболевшей Светланы Папышевой. Стариk Пескоструев шастает по гостям то к одним, то к другим, везде судачит про Верку: «охмурила» приезжего. Тогда стариk Пескоструев усомнился в поставленном им диагнозе: видно здоровая, коль так дело оборачивается. Потом Сашка рыжий привез из другого сельсовета бабу с малым дитем, и народ переключился на Сашку. «Правильно сделал, правильно! Уж вряд ли какая своя за него пойдет. Что непутевая Веерка-кокора, и та... Смотри ты, с умом собираться стала». Потом к Мамонихе воротился её прежний приживалец, и Мамониха пустила жить - народ переключился на Мамониху.

Лежит Верка на кровати. Устала. Бегала на ферму вместо матери коров доить. Изнуряя своё воображение, начала придумывать самые невероятные, фантастические места свидания с библиотекарем: то ей хочется послушать соловья, и она ночью идёт на реку, то она тонет, а библиотекарь отважно спасает её, то он приходит на скотный двор, и она угощает его парным молоком. Зачем-то встала с кровати, и стоя среди избы, стала ждать чего-то. Печальный взгляд её пробежал по горнице - места много, светло, всякая вещь руками матери занимает законное место - остановился на портрете человека средних лет, в очках, при картизне. Это был прадед матери, коновал Катков, спасший часовню и колокол на ней от погибели. Верка прошла в большую половину. Мать надумала стирать, снимала с кроватей бельё.

- Мам, к нам на квартиру Сан Саныч просится. У Ширяевых теснотища, в колхозе квартиры нет и не обещают...

- Вот те нате! А чего верхи башками думали, когда на работу посыпали? Вот, девка, скажи бы ты мне это весной - что есть в руках, тем бы и брызнула. А теперь...

- Что теперь, мам?

Верка стояла в каком-то лихорадочном нетерпении, следя за руками матери.

- А зови! Зови, такое мое слово будет.

Верка сорвалась с места, обняла мать. Смешанное чувство, в нем таилась и боль воспоминаний за свою, как она думала, погу-

бленную молодость, и радость сознания жизни, и мягкая благодарность к матери, которая редко жаловала её приветливым словом, а теперь откликнулась всем сердцем, потрясли её. Из глаз брызнули живительные слезы на материнскую грудь.

- Мам, он хороший, нежный...

- Вижу, вижу, не слепая. Нежный... Мне отец ваш покойный таких слов не говорил. Все некогда было, все торопился больше своротить...

И по щекам матери покатились слезы.

- Лишь бы тебе... Лишь бы вам хорошо было. Нежность! Не скаешься? Больно уж скоро ты нежность за ним вызнала. А как омманет?

Скрипнула дверь, с бидончиком зашел старик Пескоструев.

- Девки, не капните молочки?

Мать Верки берет от старика бидончик, открывает крышку, нюхает.

- Как по деревне лешему носить - так время есть, а как посудину обходить - нет времени, - сердито отчитывала старика, а сама смеётся. - Сосед дорогой, ты пиво не разучился варить?

- Это как так? - опешил старик.

- Да так, как преж варили. Свадьбу затеваем, вот как!

- Мама, да ты что - о?

- А то, дочь моя! По сучьи жить не позволю!

ЛЕДОЛОМ

повесть

Весна с каждым днем громче заявляла о себе. Дом для бывшей учительницы Анны Павловны перестал казаться пустым и гулким. Едва в стекла рам начинал проситься день, она выходила на улицу, из-под руки зачарованно смотрела на реку - только бы не прозевать ледолом! Умом сжималась до размеров воробья, и вместе с чирикающей стайкой перелетала с черемухи на черемуху.

Было весело, жарко в груди от подступающей радости видеть

меняющийся мир, даже устраивающиеся на березах криклиевые грачи не казались ей назойливыми. Далеко, где могучие силы неба сходятся с землею, где звенят родники, где кукует ее сторож - печаль, там каждую весну рождается её тревога и вожделение - ледолом! Он явится званный ею, обязательно явится, и станет ломать, грудиться, вырывать с корнем деревья - так было все весны, так будет и на этот раз.

Утонут в воде прибрежные кусты, солнце будет лить щедрые потоки света, на лицах людей морщины утомления уступят место наслаждению, таинственное воодушевление, скрытое в живых существах, будто оробеет от нежности к природной стихии. Прибрел отощавший рыжий кот, гнусавил, прижавшись к земле, до тех пор, пока Анна Павловна не погладила его. Сразу весь вытянулся и приподнялся на лапах, лизнул руку.

- Не баси, не баси, и о правах тут мне не заявляй. Ишь до чего сердит... Так что, потеряшка рыжая, так как тебя звать - величать прикажешь? - говорит с котом Анна Павловна. - Сегодня Лазарева суббота, пускай ты будешь Лазарь.

Жила Анна Павловна в полупустой деревеньке. До магазина на центральной усадьбе совхоза семь километров. Дорога есть, и дорога бы торная, да чуть не узлом та дорога реку вяжет, а напрямую, по глухой застраивающей мхом и травой тропе, рукой подать. Трудно зимой, всякое бывало. Случись беда - ложись да помирай, телефона нет, медички - и подавно, дорогу забуторило, трактор разве какой пробьется. Худо зимой. Слава Богу, опять скоро лето, в любую сторону - пути немерянные. Любит Анна Павловна летние тропки-дорожки. Выйдет к маленькому озерку, поклонится кувшинкам, берегам, кочкам, облакам проплывающим. Это ее детство. Жаль, мельчает озеро, стареет как будто. И поляна рядом стала чужой - везде битая посуда, пакеты, черные головни... А раныше, после войны, сколько веселого смеха было тут!

Молоденькая учительница едва не родила в школе: замены нет, из района просят - доучи, ради Христа, доучи, уж каких-то полтора месяца осталось. Не доучила. Вспомнили в РОНО про

Анну Павловну, навестили старую учительницу, грамоту от главы района привезли.

- Да что вы, Господи, - отказывалась Анна Павловна, - я уж все перезабыла.

Заведующий РОНО Михаил Иванович Коновалов, толстяк - что вдоль, что поперек, одно пел:

- Вы? Да забыли? Никогда не поверю! Надо, Анна Павловна. Вот куда я дену пятнадцать душ? Возить? А если завтра не пройдет машина? Так оставить - мне же земляки кишкы выпустят. Попрекнут ставкой, скажут, родину забыл. Живите в комнате учительницы, тепло, медпункт рядом, магазин рядом, чуть что - я подскочу.

Уговорил. Полчаса ушло на сборы. Взяла Анна Павловна кота Лазаря, и села в машину.

Утром Анна Павловна заходит в класс, все ребятишки вскочили, а на первой парте вихрастый парнишка и не пошевелился. Смотрит под потолок в угол и в носу чего-то ищет. Дремучесть, затаенность в его позе и неопределенной хитрой улыбке, в раскрытых карих глазах. «Петъка! Петъка Коновалов...» - Анна Павловна будто на минуту проваливается в свое детство.

- Коновалов, - слабым голосом позвала Анна Павловна свое детство.

Парнишка вынул палец из ноздри, встал, поддернул брючки, скучный, равнодушный, упорно смотрел в угол.

- При входе учительницы надо вставать, Коновалов. Как тебя зовут?

Парнишка посмотрел на Анну Павловну лениво-дерзкими глазами, вроде смущился и откашлялся в кулак - Анна Павловна не поверила в смущение, не такой был дед этого парнишки, сказал:

- Ну, это... Кондратей хватил, я и забыл. Вышибло - одним словом.

Класс смеется, потешается.

- А чего вышибло? - спросила Анна Павловна.

- Затычку из лагуна.

- Такое бывает, правда, редко, - Анна Павловна принимает

игру, нарочно пугается, - придется всей школой искать. Хоть помнишь, около какого места выронил? Так как тебя зовут?

- Смычок, - раздался откуда-то из глубины класса тоненький голосок.

Петъка, не меняя позы, из-за спины погрозил кому-то кулаком.

- И в какой класс ходит наш ... Коновалов?

- Ну, это...с усвоением и с закреплением.

Ответ парнишки действует на Анну Павловну так, что она перестает о чем-либо думать. Она поднимает голову, смотрит на окна, будто считает их; поправляет седые волосы и садится за стол.

Петъка Коновалов... Маленький, вертоголовый, шейка кадыкастая, проныра и шкодник, ходил в школу десять лет, осилил три класса, не написал ни одной контрольной. Старики про него говорили: «С родительского уставу сошел, что в лоб, что по лбу». Однажды насобирал вороных яиц, под Анну Павловну, тогда еще под Нюшку, наложил, Нюшка села, да и раздавила. В житье одно платьишко было, и то проклятый «Смычонок» заляпал. Скверно учился, время тянул «с усвоением и с закреплением» материала. Учителя очень редко интересовались его знаниями, пришел в школу - ладно, не пришел - завтра придёт.

В войну вшей было много, вши злые, голодные. Фельдшерица тетя Глаша не раз приходила в избу к Коноваловым. В принудительном порядке (стращала прокурором!) заставляла мать стричь ребятам головы, мать стригла сама, затем в жарко натопленную печь толкали одежды столько, сколько влезало, и закрывали заслонку. Петъка голый сидел на печи, закладывал ногу за голову и дразнил кошку. Станет ногу из-за головы вынимать, она не вынимается, тогда мать зовет. Мать вернет его в нормальное положение и шлепков надаёт.

Не любил Петъка фельдшерицу. Раз сделал лук и стрел надел, видит, идёт толстая тетя Глаша. Он выскоцил из-за угла, лук наставил и орет: «Сдавайся, Русь!». И стрелу ей, гвоздиком жаленную, в пузу выпустил. Тетя Глаша едва чувств не лишилась. Стрела гвоздиком пробила кожу и застряла, падать не падает. Мать таскали в милицию, вернулась обревленная, всего Петъку

исхлестала вожжами. Тетя Глаша прививку делала от какой-то болезни, так Петька продемонстрировал ей, как надо ртом мух хватать. Костя Серегин подбил сходить с ним в среднюю школу, скелет человеческий ему покажет. Костя скелету палец в рот сунет и гогочет, а Петька бумажку скелету на череп приkleил с надписью «колхозник».

На другой день до Кости дошло, уже у директора в кабинете, какую ему «свинью» подложил Смычонок. Маленький, щуплый, в любую дырку пролезет. У кого яиц украшет, у кого пирог стащит, так и жил-поднимался. Сосед Иван Антонович с фронта без ноги вернулся, живот осколками посечен, на одном молоке тянул, а сено кончилось. Делать нечего, отдал жену бобылю за сено в другую деревню. Петьку курить научил. Смолят махру в избе, накурится Петька до блевотины, уползет домой, а дома мать с визгом на куряку малолетнего кидается, убить обещает при первой возможности. Пришло лето, сосед Иван Антонович Петьку с собой взял, пойдем, сказал, бабу мою законную от «татарина поганого» вызволять. Жена-то идти домой не хочет, прижилась у бобыля-откупщика. Характером бобыль, что мерин покладистый, чем больше на него валят воз, тем крепче упирается ногами в землю. С виду старый, а ребенка приделал. Иван Антонович топорик из-за пояса выдернул, грозится: мне, говорит, Гитлер всё здоровье отнял, а потому баба самому надо. Петька тогда под командой фронтовика мужчиной себя почувствовал, жену соседа откормленной кобылой обозвал. Отвоевали бабу. Судьба не лошадь, верхом на судьбу не сядешь: перевела баба да и смирилась со своей долей: пошла обратно в дом калеки фронтового жить. Иван Антонович ее беременную наперед пустил, сами с Петькой тыл прикрывают, чтобы сбежать не могла.

Вытолкали Петьку из школы. И случись ему в армию идти. Вместе с Костей Сергиным. Косте Петька по плечо будет, ему на одну ногу обе Петькины портянки мало. Костя к тому времени почти пять лет трактористом в МТС отработал, а Петька молоко с фермы после своей «десятилетки» возил. Сидит на лошадке, цигарка будто шишка еловая, лошадка - орд с оплавившими ногами, на колбасу не примут. Бабы доярки со смехом поставят

четыре фляги на телегу, он и потащился в «рейс». Пиджачишко - трунь, штанишки - лепенъ портяная, зато буденовка деда, не буденовка - завидость. Костя на гулянку в костюме щерстянке идет, тальянка через плечо, Петька из кустов девок глазами пасёт. Кому он нужен, недомерок, девки прыскают над таким кавалером. Иван Антонович велит держать хвост пистолетом:

- Да ну их всех ... Миром правит не закон клыка и когтя, миром правит соображение. Запомни: здоровяков всегда бьют, а недомерков на семена оставляют. Вот бежит, допустим, на меня такой, как Костя, и ты сбоку трусишь, я кого из винтареза хлестну? Костю. Опасность от него исходит мне. А ты? Тебя я голыми руками удавлю. Ты жить страсть хочешь, стало быть, или под кустик закатишься, или мне в руки не дашься.

Вечер отправки в армию Костя справлял на широкую ногу. Со всей волости молодежь собралась, про Петьку все как-то и забыли. Петьку мать приодела, кое-что из одежды убитого в сорок первом мужа Ивана поперешила - соврал ей Петька, что Костя зовет отправку в армию делать у него; стыдно Петьке перед матерью за хилость свою, за бедность свою. Мать молчит, умом видит Петьку притулившегося за столом ближе к выходу - Петька за двери, она во весь голос реветь пустилась. Все она понимает, понимает да ничего изменить не может. Ещё пятеро ртов, кроме Петьки, на ней: три дочери, свекровь да нагулянный в войну сынок, который связал по рукам-ногам. Худо бабка парнишку обиходит, одна позывь у нее: «сколотень жукоськой»; грязный, неумытый, в «собственном соку» бегает голышом по деревне. Раз Иван Антонович и дал шороху. В сумерках возле покосившегося крыльца визг, ругань, от удара костылем падает ничком бабка. Лежит, скулит, пальцами скребет землю.

- Худая колода! - стоит над лежащей Иван Антонович. -«Сколотень жукоськой», - передразнивает бабку. - Еще только парня пообижай. А ты, - темнее грозной тучи прыгает на одной ноге к вжавшейся в стену избы матери Петьки, - глаза в землю не прячь, нет за тобой позора! Ты природой соткана детей рожать, не скотиной роботной быть. Придет время, гордиться будешь парнем, попомни меня.

С той поры - ша, все будто переродились: Миша наш да Миша наш. Мать где больше народу, там про Мишку и говорит. И Петька с сестрицами стали заботиться о парнишке.

Идет Петька в полной темноте, идет к Косте Серегину, хотя знает-перезнает, что даже порог дома Серегиных он не переступит. Не из гордости, из-за семейной бедности и тщедушного виду. Ему казалось, что изо всех окон на него смотрят, все знают, куда он идет и смеются его. Вышла навстречу белая собака - должно быть прибежала из другой деревни за кем-то из Костиных гостей, встала на дороге. И стоит, дорогу уступать не хочет. Петька осторожно нагнулся, поднял с земли камень. «Ну, это...подходи!» - задыхаясь от мстительной отваги, сказал собаке Петька. Собака подошла - он не опустил ей камень на голову, не укусила, обнюхала отцовские, на добрых четыре размера большие Петькиных ног сапоги и отошла. Петьке стало и легко, и в то же время стыдно. Легко от того, что не всем дозволено на этом свете потешаться над ним, стыдно - трусишка он, хотя зачем невинную собаку камнем бить?

Он не пошел к дому Кости, вышел за деревню, сел под зарод сена и как окаменел. Сидел, вслушиваясь в тишину иглядываясь в темноту. Он увидел пронзительную красоту мира, увидел, хотя ночь окутала землю темной шалью; должно быть, первая звездочка, сорвавшаяся с неба угодила в прорешку облаков и прочерком своим как бы зацепила встревоженную струну в душе Петьки; услышал само дыхание земли - должно быть, молчание ночи родило звук, очень похожий на далекое слово; он кусал нижнюю губу и рукавом вытер сухие глаза - хотелось заплакать, а слез не было. Пахло сеном, пахло пылью, пахло деревней. Этот зарод метал бригадир Жуков. Не мужик, бык. От его большой ленивой фигуры, красной шеи, неповоротливого жесткого лица, постоянно веет чугунной силой. Говорят, в войну был в плену у немецкого бауэра, потом пятилетку долбил уголь в Донбассе - наш плен, но ни плен, ни каторжная работа не убавили в нем здоровья. Петька очень завидовал Жукову: вот бы ему такое бычачье здоровье! Брат у бригадира есть, такой же бык, на войну не брали как сухорукого, зато детишек этот су-

хорукий настрогал полволости. Под зародом сидел совсем не прежний Петька, как бы постигая таинственный смысл жизни и прощаясь с прошлым, сидел в томительно-радостном ожидании, ошелевший от непонятного волнения уже повзрослевший человек. Долго играли гармошки на деревне, девки пели озорные частушки.

Мимо шли двое, шли и тихо разговаривали. Петька из тысяч голосов признал бы голос Кости Серегина. Второй был...рябая Нюшка! Месяц назад Нюшка приехала из педучилища, говорили на деревне, учительствовать будет дома.

- Вы не будете против, любезная Анна Павловна, если мы присядем? Устал я в последние дни. Пока трактор сдавал, отец еще хлев велел на другое место перетащить. Оставил отец ногу под городом Орлом. Солдат он и есть солдат, сегодня жив, завтра бои и...до свидания города и хаты.

Парочка остановилась против зарода. Петька видел силуэт Кости, видел Нюшку, прижавшуюся к Косте. Он весь вжался в сено, боясь быть замеченым.

Костя расстелил под зародом пиджак, оба сели. Костя стал рассказывать, как еще в седьмом классе «положил глаз» на Нюшку, повинился, что именно он положил комок смолы под Нюшку - поревела столько Нюшка над испоганенным темно-синим платьем, выменянным матерью у эвакуированных из Ленинграда на два пуда муки.

- Кавалеры, - смеется Нюшка.- Один яйцами потчует, другой смолой пятнает. А кто мне крысу дохлую в валенок сунул?

Послышилась возня и Нюшкун низкий, страшный звук:

- У-у!..У-уу!

- Какая вы недотрога... Я думал в городе любят по -другому.

Петька слышал, как Костя сплюнул в сторону.

- Уйду вот, убьют, плакальщиков на чужой стороне ноль целых хрен десятых, - упавшим голосом говорит Костя. - Буду гнить в какой-то канаве, а ты замуж упорхнешь, детки, муж - Петька Смыченок (Смыченками звали всю фамилию Коноваловых). А тут бы вы ждали, разлюбезная Анна Павловна...

Опять возня, пыхтение. Петьку трясло. Он оттягивал рукой

ворот рубашки - тugo мать сшила! И вдруг закричал, вскочил, не соображая, набросился на Костю, и стал стаскивать его с бахромающейся внизу Нюшки. Костя сопротивлялся, откинулся, как котенка, но этого было достаточно, чтобы Нюшка выскочила из - под зарода.

...Анна Павловна помнила, как, прижав локти к бокам, давясь рыданиями, бежала домой. Ей было стыдно. Лицо горело. Она боялась, что наткнется на прогуливающуюся парочку, боялась, что ее услышат...Одна туфелька свалилась где-то, вторую - взвигнув на предельно высокой ноте, сама кинула в овраг. Из полевого густого мрака сорвалась сова, со слабым шорохом беззвучным темным пятном перелетела над головой и сгинула. Анна Павловна стукнула зубами и помертвела, упала на землю, боясь пошевелиться, всматривалась в размытую синь горизонта. Потом она шла, вся дрожа как собака, где-то сбоку что-то шуршало и попискивало, мощно дышало из глубины. Она останавливалась, затаив дух ждала того, кто набросился на Костю. Ей казалось, что нападавший не был человеком, это был черт или дьявол. Сопротивляясь, она хорошо слышала задушенный топотообразный крик: « О-о!..О!..О!!»

...Петью и Костю привезли в Германию. Бравый полковник принимал пополнение:

- Десятилетка! Три шага вперед, марш!

Замыкающий строй Петью Коновалов и шагнул. Костя Серегин правофланговым стоял, не заметил расторопного земляка.

- Та- ак, - полковник дошел до Петью. - Десять лет учился?

- Так точно! - во всю силу рявкнул Петью.

- Орел, - полковник положил руку на Петьюко худенькое плечо. - Хороший голос, командирский! По какой части кумекаешь?

- По железной, по стеклянной, по хлебной и по деревянной!

Мало того, что вернулся Петью из сержантской школы младшим сержантом, он еще выучился на шофера. Костя Серегин встречает:

- Кому ты мозги пудришь, Смычонок? Десять классов, ага?

- А ну!

Один наряд вне очередь, другой наряд вне очередь, день занятия, ночь работа, ветром шатает Костю Серегина, спит походя. Весь взвод наблюдает за «дружбой» земляков, некоторые выразительно покашливают, другие Костю «воспитывают»: ты, такая машина, а какой-то сморчок издевается...

- Говорю как член партии коммунистов несознательному мэтээсовцу: не поднимай хвост, - пригрозил Петька, нацеля палец в лоб земляка.

От такого наглого заявления Костя свирепел: уже в партию пролез?! И рвал на груди Петьки гимнастерку. Как из-под земли перед ними вырастал лейтенант. Костя сомлел, отпустился от Петьки, а Петька использовал офицерскую защиту, одергивал гимнастерку, командовал подчиненному.

- Повторить: есть наряд вне очереди!

- Есть наряд вне очереди! - чеканил Костя.

Петька принадлежал к той категории людей, которые имеют склад восприятия и ума до того необычный, что зачастую не постигают смысла фразы, сказанные ими, могут отвечать на задаваемые вопросы, а могут и не отвечать - все зависит от особенного настроя. Ни тогда, ни потом Петька Коновалов не находил ничего заманчивого быть членом партии.

В воскресенье Петька Коновалов в увольнении. Бродит совсем один по яблочному саду, скучает по дому. Маленькая сторожка, от нее асфальтовая дорожка выходит на проезжую улицу. Начинается дождь. С шумом бежит вода по водосточной трубе, блестит асфальт, от стены видно, как с колес проезжающих машин бегут пенистые змейки. Петька стоит у стены сторожки, умытый асфальт улыбается ему. Осенний сад голый, земля черная. Аккуратный народ немцы, все листья убранны, стволы яблонь побелены и обвязаны рогожей. Вчера он написал матери письмо, сообщил, что назначен замкомвзводом, а Костя у него в подчинении, Миша нашему - братишке неродному, послал привет из далекой Германии. Знал, что мать не поверит ему, часто её обманывал раньше, потому фотографию приложил по всей форме. С многою количеством значков ратной службы. И лицо сытое.

Из-за туч вышло солнце, прорвалось через ветви и запусти-

ло дрожащие лучи в пруд, похожий на огромный таз. Вырванные из дремучих русских глубин парни, не перестают удивляться аккуратности немцев, порядку во всем, даже в самой мелочи. Стал бы кто-то «у нас» выкладывать кирпичные стенки, рисовать на стенках зверушек, выкопали бы яму, а обвалится она завтра или год простоят - другой вопрос. Петьяка бредет по саду, какое-то ощущение тоски родилось в нем. Вроде жалеть-то нечего, голод, вши, насмешки дома остались, а душа хочет услышать печальные русские песни, в которых поётся про разлуку, смерть, несбывшуюся любовь: «Теперь все пойдет по-другому. Вернусь - машину дадут, насащу девок полный кузов, выедем под вечер ...». К упавшим в воду золотистым лучам подплыли рыбы, не шевелясь стоят, будто греются или спят. Петьяка набрал камешков, пооглядывался, и давай в немецких рыб швырять камешками. Он не заметил, как подошла молоденькая немка. Встала против Петьяки, рослая, сильная, с интересом смотрит на Петьяку. Впервые Петьяка видит так близко девичьи глаза. Волосы аккуратно заправлены под шаль, на руках белые перчатки. Какие у нее большие глаза! Они стоят неподвижно, тихонько скрипит где-то рядом, должно быть, сухая ветка. Что может сказать Петьяка? Почему-то он задыхается от волнения, непривычно стучит сердце. Пытается улыбнуться немке, показывает ей руки - нет больше камешков, поворачивается и уходит. Через какое-то время, будто кто-то толкает его в спину; оборачивается - немка стоит на том месте, где оставил и смотрит ему вслед. Он поднял руку, махнул и заторопился, еле удерживаясь не сорваться на бег.

Вскоре ему приснился сон, яркий, необычный и стыдливый; якобы выкупавшаяся немка стоит на берегу. Растирает тело полотенцем, а он, сморенный и худой, любуется ею. Сразу проснулся, вскинулся на кровати и сел, и подступила дикая мысль, что отныне он жить-быть не может без немки. Ноздри дрогнули, и тут же все пропало, заслоненное неистребимым доводом: она - враг! Упал лицом на подушку и сладко вздохнул от подступившей непонятности.

Летом, когда ночи стали золотеть, его, чуткого и растороп-

ного, командировали возить седовласого капитана-особиста. И надо же случиться такому, что первый рейс едва не стал для него не только последним, но и роковым. На автобусной остановке из толпы народа выкатилась девочка на велосипедике и угодила под проезжающую мимо машину. Выскочили оба с капитаном из кабинки, девочку достали, измятый велосипедик тоже. Оказалось потом, что у пострадавшей сломана ключица, и она сестра той самой немке, которую однажды повстречал в осеннем саду.

Он сидел на ступеньке больницы, сжавшись в комок, смотрел на сине-зеленую гладь озера. День был ненастный, с ветром, озеро вскипало белыми завитушками гребешков. За спиной была больница, чистая, аккуратная немецкая больница; на третьем этаже, слева третье окно, на кроватке лежала та, к которой пришел русский солдат Петька Коновалов. Прошлый раз при виде его девочка начала опираться здоровой рукой о кровать, тревожно оглядываться, будто собиралась бежать, но валилась на кровать под строгим взглядом врача. А Петька тогда зашелся судорожным кашлем. Не хватило сердца - не приучен что ли? Капитан дал Петьке шоколадку, наказал, чтоб подарил ее девочке, а он с глубокой мукой сунул шоколадку в руки врача. Как скробыны были в ту минуту его губы, как дрожал кадык! Вчера было письмо из дому: Иван Антонович застрелился. Мать писала, что у Ивана Антоновича посинела здоровая нога, врач настаивал на «апутации», а Иван Антонович взял ружье, вышел из дома и «лег на землю умиротворяющи, лицом на заход солнца. Могилку мы с бабами копали, ревим да копам, ревим да копам».

Петька зажмуривается, выжидает время; он набирает полную грудь воздуха, как набирал бывало Иван Антонович, напрягается и выводит:

Скакал казак через долину-у,
Через маньчжурские края...

Жалко Петьке Ивана Антоновича. Вот, кажется, разорвется сердце, упадет он мертвым... «Во! - оборачивается и ищет глазами третье окно слева на третьем этаже, а пальцы уже сдела-

ли «фигу». - Вы нас так!.. А вас, видите ли, не тронь?!» Не воскреснет Иван Антонович, не воскреснет отец, тысячи и миллионы не воскреснут. Злоба на немцев переполняла его. Он ругался и придумывал оправдание, почему не пойдет к немецкой девочке в больницу.

Рослая немка, что однажды встретилась в саду, присела рядом на скамейку. Петька уперся ладонями в колени, исподлобья посмотрел на девушку. Мысль о том, что он виновен, что надо как-то заглаживать свою вину и мысль, что вся немчура виновата в смерти Ивана Антоновича, наполняла его трезвым холодом: как вы нас, так и мы вас! Немка достала из кармана фотокарточку, протянула ее Петьке. В глазах Петьки зажглось острое любопытство. Крупный, с небольшим лицом немецкий солдат снялся в трогательный, должно быть, момент расставания. Почти взрослая девочка - Петька покосился на немку и признал в ней стоящую, и вторая девочка совсем ребенок, крепко вцепилась в шею и, должно быть, шептала самые сокровенные слова. Лицо Петьки почти касается лица немки.

- Сталинград, - говорит немка, тычет пальцем в солдата и кладет голову на протянутые руки, как бы засыпает.

Петька догадывается, что это - ее отец, и погиб он под Сталинградом. «Знает, где лежит. А у нас... У нас половина безвести пропала. Кто нас считал?..»

- А мать? Мутер, мутер где?

Девушка печально вздыхает.

На глаза Петьки навертываются слезы. Тих, благословен мир; походил русский колхозник в лохмотье, много поел травы, а его вши поели, и жил, как зверь отторгнутый, в норах, землянках, слезы, мольбы, проклятия - все вынес; победили заклятого врага, живи да радуйся. Так почему грустно и даже обидно тебе, Петька? За колхоз свой, за народ свой? Обрати свой взор назад, чувствуешь, как бежишь по плечи в цветах, взлетают испуганные бабочки, солнце печет спину? Сзади с воплями бежит сторож, догонит - оторвет голову. Что ты хорошее видел в жизни? Нет, Петька, не видел. Ты жил, как сорная крапива, жил, как зверушка, и умри сегодня, или умри завтра, кто, кроме матери, хватит-

ся? Земля пуста и черна; и свет существования ушел; и обещал, когда уезжал, никогда, никогда, домой, в нищету, не возвращаться. Горько обещать... даже реке, даже туману, даже незнакомой белой собаке. И река своя, и туман нашенский, а собака - она тот же колхозник, беспаспортный и нищий по всем статьям. «Порядок у немца. Во всем порядок! Стал бы ее отец на месте Ивана Антоновича стреляться? Нет. И врачи бы нашлись, и пенсию положили бы хорошую... По всем показателям немцы нас сильнее. У нас одни вороны на кладбище родные, а власть... Власть да простой народ - два поля с непролазным перелеском. Разве нужен нашей власти калека Иван Антонович? Нет, обуза он.

К девочке в больничной палате они ходили вместе. Как та вскинулась от радости навстречу сестре, что-то говорила и говорила, бросая на Петьку настороженные взгляды.

Отслужил Петька, немка с сестрой провожали его, как родного. Попросили сфотографироваться вместе на память.

Глаза устают долго смотреть на звезды и возвращаются к земле; чего он забыл в нищем родном колхозе? Шумят в вагоне демобилизованные солдаты. Костя Серегин демонстративно толкнул задумавшегося Петьку в бок - ну, десятилетка, скоро дома будем, а дома! Петьке кажется, что оставил он в осеннем немецком саду свое сердце, в беспредельной пустоте движется кровь по своим артериям и утомляет всего; немка не понимает по-русски, он - по-немецки, а глаза ее бесхитростные, что искорки, смотрят за ним издалека, будто звездочки...

Проходит год. Жизнь не останавливается; жизнь властно входит в душу, вытесняет житейские мелочи; хорошая штука - жизнь. Как раньше говоривал покойный Иван Антонович: «Едем прямо и пьем на весь трешник...». Хорошенькая немка все реже стала являться в мечтах Петьки Коновалова. Ему дали стареньющую машину. Не столько ездит, сколько в гараже стоит. Запчастей нет, а сунься в МТС? Старший механик Костя Серегин великолепно протягивает лапищу.

- О, какие люди! Дай обнять тебя, отец-командир...

Петька знает, как обнимает Костя Серегин, он медведю кости поломает, а если руку пожмет, будет рука мозжить две недели.

- Я - со всей душой, а ты... Подвязывай лапти и рви копыта, колхозник!

Презирает Петьку Костя, давно уже чувство это превратилось в своего рода страсть. Не может он не поиздеваться над Петькой. Около Кости всегда народ, слово за слово, и выплеснется скрытая ненависть.

Нюшку все зовут Анной Павловной. У нее теперь на лице рябин поубавилось, преж тончивенькой была, стала барыней. Ходит - не всплеснет. Удивляются на деревне: эдакий богатырь Костя Серегин к ней и так, и эдак подъезжает, а она на Костю ноль эмоций, Косте - от ворот поворот. Холодна и деловита стала Анна Павловна.

- Петя, а где дед твой, Петр Иванович? - спросила Анна Павловна парнишку.

Петька не торопился вскакивать, ерзал за партой, пыхтел.

- В домовиках, - опять слышится тонюсенький голосок.

- Ну, это... - тонкая шея парнишки вытягивается, уши краснеют. - Захотел на широкую ногу пожить, так пускай поживет. Худо, видите ли, шаньги матка печет, дак чужие напекут!

- Как это?

Выражение лица Анны Павловны меняется, она пугается за того, щуплого и нагловатого Петьку Коновалова, захотевшего пожить «на широкую ногу». Вдруг да он попал в какую передрягу? Были аварии, едва однажды не утонул пьяный, да столько всего было-перебыло... А прожитых лет - на теперешний час - не было; ощущает в груди волнение, а во рту - сухость.

- Петя... - просила Анна Павловна.

- К Мане ушел. Лихая его разорви, - рассуждал по-взрослому Петька.

- Это... Это к какой?

- К Кошкиной! - радостно прокричал сзади Петьки тонюсенький голосок.

Анна Павловна горбится, идет к окну, водит пальцем по запотевшему стеклу. За окном небо светло - голубое, огромное, выпуклое; на поленнице дров села чайка.

«Какое же оно непонятное - счастье, - рассуждала Анна Пав-

ловна. - Столько лет прошло... Живем, жизнь ругаем, все надеемся на будущее. Вот-де оно придет, придет, и счастье принесет, а кругом суета... Прошла жизнь, прокатилась. - Анна Павловна как запнулась, передохнула, усмехнулась сама себе. - Если бы снова, если бы назад вернуться...».

Маня Кошкина работала в МТС под началом Кости Серегина. Ростику малого, смуглого круглое лицо, а голос - в хор бы ее столичный! Как запоет, благостно на душе становится. Костя намеренно не замечал ее, часто грубил, советовал работать в колхозе. Вспыхнет Маня румянцем, виновато опустит глаза, и весь день молчит после такой «воспитательной работы». Костя вступил в партию, его голосина аукалась в мастерской. Раз у Петьки Коновалова «полетел» карданный вал. Притащился с ним в МТС, а Кости нет. Без Кости никто болта колхознику не даст, у Кости порядок. В армии пришлось работать в ремонтной мастерской у немца, научился кое-чему.

На свой страх и риск Маня отперла замок на Костиной «запаске», и отдала побывавший в работе карданный вал Петьке. Костя сделал Мане внушение. « Еще раз и... - демонстративно пнул ногой воздух. - Все поняла? ». С той поры Петька осмелел - не всем девкам он безразличен! Стал «прошвыриваться» на вечеринки, провожать Маню домой. Не умела Маня целоваться. Глаза закроет, губы деревянные; гладит ее пушистые волосы, ни с того, ни с чего станет Маня всхлипывать, и теплые капли слез прольются ему на шею. Была в Мане некая таинственность, скорее недосказанность; станет Петька говорить ей о Германии, она ладошкой ему рот прикроет, вздохнет так чувствительно, будто сошлись вместе прошлое и будущее, - молчи, не вспугни звон в ее сердце. Кругом тишина, лишь сердце-маяк манит и зовет; будоражит исхоженная дорога, пьянят рожь за деревней...

Господи! Ты дал холодный закат и весну с лиловым снегом, дождливую осень и дремотную зыбь летних туманов, ты даешь жизнь и отбираешь её, соединяешь две нитки в одну. Как знать, может, и сложилась бы у них семейная жизнь, да поползли басни по волости о похождениях Петьки Коновалова, удалого шофера. Другие шофера до железнодорожной станции двое суток ездят,

он в неделю не укладывается. Будто бы в каждой деревне у него подружки, родился у кого ребенок - Петъкин, да и только. Перестала Маня петь, насупилась. Поверила Маня людям, не поверила Петъке. «Да тешусь я! Вот рулю я через деревню, молодухи у колодца на коромысла оперлись, я и кричу: «Дуня, ставь самовар, на ночь останусь!». Сама посуди, в каждой деревне девок по имени Дуня до выгребу».

«И потешусь: больше не подходи ко мне, что есть в руках, тем и мазну», - ответила Маня.

Шло время. Осенним хмурым вечером Анна Павловна сидела над тетрадками. Кто-то стал грабать снаружи рукой по окну ее комнатки - она уже полгода жила в школьной комнате, в страхе отодвинула занавеску - Костя Серегин просился в гости. Пустила. Костя каким-то хищным шагом прошел в помещение, сел на стул, стал жадно разглядывать ее лицо с пылающими щеками.

- Пришел вот, - сказал Костя. - Жениться надумал.

- Женись, - прошептала Анна Павловна и почувствовала, как леденели руки, закружилась голова. Опять, как тогда под зародом? Опять взять силой? Сладкий ужас и девичьи грэзы - все перемешалось: вот кинется сейчас... «Зачем я пустила? Сейчас... сейчас...». И точно, Костя стал подниматься со стула, тогда Анна Павловна закричала. Помертвевшим диким голосом.

- Чего ты? - Костя опустился на стул.

- А ты не троны! Тебе бы только... Я не такая, понял?

- Бог с тобой, - растерянно сказал Костя. - Разве я трогаю? Жениться, думаю, надо.

- Женись! Лапай девок, а меня не троны! - кричала Анна Павловна дрожа от ярости, мстительного чувства. - Урод! Только бы бесстыдно шарить, только бы!

- Я же жениться надумал! - отчаянно крикнул Костя.

- Уходи! Уходи!

Женился Костя Серегин на вдове с двумя ребятишками. Однажды встретил Анну Павловну и сказал обиженно:

- Дура ты, Нюшка. Я же свататься приходил к тебе.

Петъке Коновалову во сне пришла застенчивая немка. Он слышал ее голос, похожий на голос матери, нежный смех; она

говорила по-своему, но Петька все понял: к себе зовет. В тот день он поехал на станцию за водкой. Пассажирка - старуха с каменным лицом, выпростала уши из - под шали, подала трешку, сказала:

- Сразу видно настоящего мужика.

«Настоящий мужик» за всю дорогу не произнес ни слова.

К водке прилипает много жаждущих; нечистый дух не иначе заволок его в деревню за тридцать километров от становой дороги. Очухался... Спит на полу под тулупом. Хозяева к столу зовут. Голова трещит, на бабу - остроносую, рослую с блеклым лицом, глаза поднять стыдно. Вспомнил, как лежа на полу, приглашал ее ложиться рядом...

- Каираулили, у нас-то не тронули, а сколько дорогой растащили... - говорила баба.

Петька ощущал неприязненный взгляд хозяйки. Он невнятно поблагодарил ее, и вышел на улицу.

Стоял его «газон», как богатырь на поваленной изгороди. Залез в кузов и за голову схватился: сколько посуды битой, Господи-и! В радиатор заглянул - воды нет. Еще две ночи ночевал - радиатор латал, облицовку правил. Под вечер сел на лавку, сказал хозяйской девке:

- Поехали со мной. Хозяйство не ахти как богатое, но жить можно.

Как пустилась мать девки бранить его! Выбранилась, заревела, сопли фартуком выжимала. Проревелась, посидела задумчивая, сказала:

- Видно, Ксюша, судьба.

Тут девка в плач пустилась. Острый нос стал еще острее, лицо стало походить на помазанный сметаной непропеченный пирог.

Хорошо ехать ночью. За кабиной темь, изредка мелькнет в окне избы огонек. Петька пытается каламбурить, говорит истертыми присказками. Ксюша прыскает, приободренный Петька рассказывает ей про Германию.

- Сколько платить надо? - спрашивала Ксюша.

- Ерунда, - хвастливо отвечал Петька. - Заплатим.

- А сколько?

Петъка чувствует усталость во всем теле, с ожесточением давит « газулю».

- Сколько? - не отстает Ксюша.

«Во змеюга попалась! Сколько, сколько...сосчитывают. Отгулял видно ты, Петъка Коновалов. Эта лярва карманчики твои выпотрошил, опохмелит коромыслом. Что кабы обратно мне в Германию, к той немочке...Я бы сдох, вели она мне сдохнуть!».

...Помного вёсен солнце и ветер сгоняли с полей снег, талые воды с журчанием сливались в ручейки, ручейки поили реку. Летели косяки птиц, из коровников выбегали нетерпеливые телята с курчавыми в пахах ногами, на озимых появлялись изумрудные пятна пробуждающейся жизни, резали глаза ледяные матовые корки...

Годами сидела Анна Павловна в комнатушке, проверяла тетради, ждала весну... Ее весна заснула там, где небо сходится с землею. С прожитого насеста увидишь только то, что загадаешь увидеть. Надо ли противиться смиренной реке дикой силе ледохода?

Бежит река, водица камешкам - обмылышам тайну вещает: весь год поджидает она час благодатный и грозный, а как час долгожданный наступит, как ледолом на приступ пойдет, неуправляемый в своей страсти, так и расплещется она, и забурлит, и благодатная да томная обнимет в тягучей ласке берега. И будет день, и другой, и третий, и еще много дней упиваться истомой. Ледолом груб, стремителен, опасен, протаранил реку и не заметил даже, а река все заметила и все запомнила, и шрамы заживила; боль и раны лечит время; радость непознанная оттуда, из далё - ёкого родничка выплеснувшаяся на век свой потаённой и только твоей останется: «Дура ты, Нюшка»...

- Петя, а лед на реке не набухает?

- Ага, нашли партизана по льду ползать, - недовольно- поучительно проворчал Петъка Коновалов.

2

«ЗВЕЗДЫ – СЕРДЦА ЛЮДСКИЕ...»

Два портрета

повесть

Большой Гриша

В деревне Бабьей дожнивают четыре дома.

Перед деревней поле искрочено дорогами, колеи лещему до подмышек. На случай войны траншеи копать не надо, ложись да отстреливайся. Зимой и летом идут и идут лесовозы. Доживает свою северная деревня, смеясь и пьяствуя, любя и ненавидя, сожалея, опасливо ожидая от будущего самого плохого. Если не спохватиться вовремя, не обратится ли сам человек в уродину? Какое-то полное молчание голосов тела и глубокое отмирание инстинктов. Но рано строго сдвигать брови, ещё плохо продубили мужицкую шкуру, мужик ушёл в глухую защиту.

Больно видеть картину уходящей в землю деревни. Ни бывшей изгороди, ни спорных меж, ни участков - всё забирало в полон времени. Один медведь ближе к осени торит дорогу по высоченной крапиве и дурной траве. Разрослись рябины, вот зверь и набивает брюхо, ведь овсов-то нет и в помине. Весной в деревне весело от птичьего гомона, раздолье птицам. Березы старые с дуплами, кое-где в углах изб еще можно гнездышко свить. Прошлой год осенью на месте колхозного гумна забормотали молодые косачи, а весной уже токовали вовсю.

При въезде в деревню, как костыль нищего, плачется покосившийся столб, подпертый тележной осью, с остатками отвода. Сколько этот отвод народу на кладбище проводил, в город отправил, сколько влюбленных парней да девчат возле него топталось - один он помнит. Тут же стоит ухватистый бетонный столб с надписью:

«Здесь была деревня Бабья».

И ниже - крест. Чем не былинный камень! Вот в какую сторону идти? А куда хочешь иди, никто навстречу не выйдет, никто не окликнет. Печище своё отыскать желаешь или вспомнить, как с ребятами «попа гонял» вдоль деревни? Или водицы испить из своего колодца? Осторожнее: обвалились наши колодцы. На

бывших огородцах землица добрая, осины да ивы, сосны непролазной стеной - загадывали ли мы, что такое увидим?!

Бетонный столб поставил Григорий Васильевич Тараканов, выходец из Бабьей. Богатый и крутой человек. В добрые царские времена таких богатеев выделяли в купеческую гильдию, в начале тридцатых высыпали в места, куда ворон и костей не носил. А начал с нуля, с отцовского топора. Двадцать лет назад был он сильным, горячим и нахрапистым мужиком. Под задницей колхозный гусеничный трактор, а колхозный трактор почти что свой, куда хочу, туда и еду. Председатели часто менялись, все шли выпускники совпартшкол. Оттянул год - другой, и дальше, куда партия пошлёт. Минус - в стране начались непонятные реформы, а лесу колхозного - рубить не вырубить лет пятьдесят.

Григорий Васильевич к тому времени заочно кончил институт и чуток стажировался в Германии, не умом, всеми потрохами понял: настал час делить ничейное добро! То, что начинается очередной рывок, Григорий Васильевич почувствовал всеми фибрами души. Немец - это бороздовой бык, тянет и тянет плуг, из конца в конец загона и обратно, изо дня в день тянет, а русский мужик подобен необъезженному жеребцу, он берёт рывком: с матом завели этого жеребца в постромки, арапником морду исхлестали, понукнули; или постромки изорвал, или из хомутика от радости выскочил, или ноги себе покалечил - да и чёрт с ней, с пахотой-то!

Соседи головами качали: посадят, упекут Гришку. «Стыда не ведает, греха не боится». Никто не посадил, никто и не упек, а соседи по прошествии времени как были совестливыми колхозниками, такими и остались. Всё кому-то лес берегли, на Гришку косо поглядывали, а нутро-то кипело! Гришка лет семь лес валил да продавал, вот и зажирел. Первым из деревни в райцентр подался, двухэтажный кирпичный дом поставил, под домом гараж, машину купил, другую купил, трелевочный трактор выцыганил, после много чего приватизировал.

У Григория Васильевича своё производство, своя аптека, свой магазин, судья - близкий родственник, и еще много чего «своего». Почти шестьдесят человек кормится со стола Григория Васи-

льевича, есть и свои, бабьевские. Правда, не ровесники Григория Васильевича, дети ровесников. Своим Григорий Васильевич зарплату кладёт побольше, всё же помнит, что в каком -то колене все бабьевские пошли от некой блудницы именем Марфа. Во «Второзаконии», глава двадцать третья, сказано, что «сын блудницы не может войти в общество господнее, и десятое поколение его не может войти в общество господнее...» . А Григорий Васильевич назло всем книгам святым вошёл в царство денежное.

И стал народ звать Григория Васильевича Большим Гришней. Всё у Большого Гриши схвачено, всё «смазывается», скрип не слышен. Есть у него добрые помощники на уставе. Знает Григорий Васильевич, что воры - его помощники, но воры посильные, то есть, всей пятерней не гребут, так, тянут помаленьку. Было бы смешно не тянуть, ведь мышь на засеке не умрёт с голоду. Знает, что пьют помощники, но пьют на свои кровные и только по выходным. Первым по доходности производства идёт сельлесхоз, «сельлесхозу», областным чинам и шестеркам этого ведомства, лесничим и лесникам даёт «в лапу» - все берут, и всем мало! Электрики - берут! Пожарники - берут! Экологи - берут! Берут и морды не отворачивают, а как могут и чем могут благодарят Григория Васильевича. Григорий Васильевич никого из «ката-лажки» не выручает, никому в долг не даёт, он живёт по понятиям: пролетел - твои хлопоты.

Водители у Большого Гриши в дальние рейсы по одиночке не ездят. Пусть он переплатит, но жизнь шоферов дороже. Поехали шофера в рейс с пиломатериалом в Москву, их ограбили дорогой бандиты... Ну, милые мои: руки есть, кувалда - лом есть, бей первым в лобешник! Водители Большого Гриши зимой в кабинах не кимарят, приткнувшись у какой-нибудь сараюшки. Ночью надо спать, как белые люди, успевай в светлое время отмочить побольше километров. Колесо на «выстрел» пошло - это перегруз, колесо денег стоит, а деньги... Ох, как много надо денег!

Не следует слишком строго осуждать своекорыстие, своекорыстие - родная сестра самосохранению. Не будь чувства самосохранения, никто не захотел бы шевелиться, не то, что работать; чрезмерное же своекорыстие ведет к скряжничеству, жесто-

косердию и жадности. Своекорыстие всюду царит в мире, и вместо того, чтобы сделать добро ближнему, к большому сожалению, хлопочет только о своей мошне.

И встала перед Григорием Васильевичем вроде бы и легкая, а вправду - трудная задача: жить для себя. Хватит, погорбатился, решил он, надо жить сколько-нибудь счастливо оставшую жизнь. Человек он богатый, а богатому нужно быть и духовно богатым. Теребили его ветеранские организации, косяком у них идут юбилейные даты. Заведующая домом престарелых гирей виснет: надо бы помочь, Григорий Васильевич, телевизор купить, оградки на кладбище заказать... То купи, другое купи, хоть всех старух и старииков на себя запиши, против никто не будет. «Да не отсохнет рука дающего» - давал и он понемногу. Кто -то через районную газету поблагодарит, кто-то и устыдится: прохиндеи, как Гришка Тараканов облапошили всех, их еще и благодари?! Не этого хотелось Григорию Васильевичу, не этого.

Хотелось признания. Неуважения, не любви - у нас сегодня уважают, завтра проклинают, сегодня любят, завтра расстреляют. Надо оставить после себя память. Да, жил такой Почетный гражданин района, его именем в райцентре названа бывшая Советская улица; его фотографии в путеводителях; Большой Гриша купил для школы немецкий автобус... Григорий Васильевич выносил в мыслях подобные проекты.

Затем с ним стало твориться странное: необходимость всякого энергичного действия вызывала у него тоску. Проснется ночью и не знает, выспался или нет. Телевизор включит - спали с женой порознь, он предпочитал горницу - час какой посмотрит, плюнет, опять спать ложится. Провалившись день- другой в постели, обзванивал таких, как он предпринимателей, поднявшихся на переработке древесины, и ватага «новых русских» ехала гонять волков. Много пили и стреляли по пустым бутылкам, и спорили: вот кончится лес, будет народ распахивать заросшие поля или нет?

- Нет! - твердо стоял на своем Григорий Васильевич. - Русские не будут. Китайцы - будут. Лес на щепы переведём, нефть выкачаем и - ша, кончилась Расея!

Стали в райцентре церковь строить. Начали определяться с подрядчиком и устроили конкурс, так сказать, пошли в ногу со временем. Григорий Васильевич за церковь сильно не держался. Посидел, посмотрел и домой подался. «Хлопот хватиšь, - рассудил он здраво. - Как по - хорошему строить, а церковь тяп - ляп не строят, ой как много всего надо!». Фундамент залили, на метр стены подняли и шабаш, подрядчик денег у властей просит. Не учёл, оправдывается, инфляции, а инфляция в нашей стране растёт от месяца к месяцу после каждого заявления Президента о повышении пенсий по старости и зарплаты учителям.

Год вопрос перетирали, чего только не предлагали (строить на «медные деньги» - шапку пустить по кругу, письма писать депутатам в Москву, пересмотреть итоги приватизации), пошли власти на поклон к Григорию Васильевичу. Григорий Васильевич и заявил:

- Будет на стене храма большая памятная бронзовая плита, что сей храм построил на собственные средства Григорий Васильевич Тараканов?

- Это так важно? - спросили Большого Гришу.

- То нет! Прежде в городах купечество храмы строило на лишние деньги, а у меня откуда лишние? Потом, я запрошу освобождение от всяких налогов и поборов сроком на пять лет.

Не сторговались. И строится церковь ни шатко, ни валко, когда крышу закроют, самое время капитальный ремонт делать.

Телевидение приехало, подавай телевизионщикам бизнесмена. Кто в районе такой, вышедший из самых низов, тюрьмы не знавший, активно поддерживающий партию власти? Указали на Большого Гришу. Киношник, полный блондин со смеющимися про себя глазами, яро наседал, упрашивал.

- Благодарю вас, я к штурвалу не рвусь, - холодно отказался Григорий Васильевич.

Образовался в райцентре кружок интеллигентов, громко именуемый «Новая мысль». Подобрали помещение - редакция газеты сдавала энное количество квадратных метров. Время от времени собирались учителя, библиотекари, медики, говори-

ли о глубоком моральном падении современной литературы, о мрачных общественных перспективах, о старой английской демократии. Рукоплескали ораторам редко, не было ярких ораторов, заражающих публику интимностью и неожиданностью, да и время наступало более детального осмысления итогов горбачевской перестройки и ельцинских реформ.

Григорий Васильевич несколько раз заглядывал на огонёк. Вроде обладал он изумительной способностью сходиться с людьми самых различных взглядов и общественных положений, а посиделки интеллектуалов ему не понравились. И возраст не тот, и смотрят на него, как на иноверца, и формы общества какие-то прилизанные, нытьё про русскую бедность и русскую судьбу... Ему нравилась нестесняющаяся прямота и простота в отношениях - он любил напоминать собеседникам, что все мы родом из колхоза. Красное, угрюмое лицо Большого Гриши светилось каким-то неподдельным интересом всякий раз, когда говоруны задевали Кремль: «Жарь этого дуболома Бориску, жарь!» - поддакивал мысленно.

Как-то он встал, барственным жестом провел рукою по челу и с пафосом сказал:

- Работать надо, господа хорошие, работать! Как в колхозе вкалывали в военные и послевоенные годы! А вам сказки по давай про Емелю, ждете чудес на постном масле, ждёте умного царя. Лет так через пятьдесят, как износим последние лапти - выходите встречать умного царя. Жизнь жива и красива энергичной работой, самоотдачей. Жизнь не бремя, не ожидание покоя, жизнь - крылья, радость.

- Не плохо, - сказал старый учитель, страдающий легкой формой безумия. - Демокрит, да и только! Великий ум эллинской древности! А мы жуём сопревшее сено и вздыхаем: «Что делать?».

Больше Большой Гриша на встречи со «сливками общества» не ходил.

Или заявилась к нему на дом дама из близкого окружения главы района, одета, должно быть, «от версачи», на шее толстая золотая цепь; так, мол, и так - «отстегни», дорогой вы наш

Григорий Васильевич, тысяч двести на проведение праздника «День района». Богатый наряд, голос красиво - медлительный, даже мило - беспомощный... Показной стиль чиновницы вызвал в душе Григория Васильевича настоящий гнев. Потом, анализируя визит дамы, он признался себе, что примерно так он сам держался в минуту расставания с кружковцами «Новой мысли». «Черта лысого! - раздался в душе протестующий голос. - Ты поищи копеечку под зимней елкой, в когти подуй, пропой верст пятнадцать ночью в обледенелой одежде на колючем ветру с пилой на плече!». И сказал ей Григорий Васильевич:

- А нужен мне ваш праздник, как собаке пятая нога! Это ваш праздник, ваш и для вас, а народу он не нужен - показуха...

- Вы рискуете оказаться не понятым, Григорий Васильевич, - дама сохраняла эпическое спокойствие.

- Каким это местом я рисую? - прищурил глаз Григорий Васильевич.

- Все мы рискуем однажды оказаться в изгоях, - туманно намекнула дама на неопределённость.

В голове Большого Гриши шевельнулось подозрение: «Где - то я прокололся, чего бы лярве на гол - стоп меня брать?». Закипел враждою:

- А пошли вы все, попрошайки, знаешь куда? Вместе со своим главой!

- Зря, зря, Григорий Васильевич. Вы монополист в районе по рубкам ухода, ваш голос в лесных аукционах всегда первый и последний, вам отданы федеральные дороги...

- То я без тебя не знаю! Ты мне маринад тут не гони, мы сами кого хошь нашпигуем ливерной колбасой. В Америке всякий смертный может поинтересоваться, куда с купленного им литра бензина идут денежки, а у нас - сучья свадьба! Ты мне покажи «приход - расход» ваших праздников, кто сколько даёт, кто сколько, вроде тебя, гребет, потом и разговор поведём. Чё, не нравится? А мне ваш грабёж нравится, да?

Дверь отворил перед дамой:

- Главе привет от Большого Гриши!

Сидел Григорий Васильевич перед горящим камином, пе-

ред ним на столике ямайский ром, на стене портрет Сталина в золотой рамочке. Прищурил глаза вождь; самодовольно улыбается Григорий Васильевич, вспоминая покрасневшее лицо дамы. «Воръё ненасытное, всё им мало, товарищ Сталин... Наверно, на языке у бабенки вертелось спросить, почему это ты, товарищ Сталин, а не Президент - моя визитная карточка... Подхалимы!».

Всё же памятую поговорку: «Плетью обуха не перестегнуть», Григорий Васильевич написал на имя главы района записку, что согласен «отстегнуть» на праздник сто тысяч, но сам купит на свои тысячи всякую «огненную забаву», и пускай народ полюбуется салютом. «Во, хрен вам в дышило! - сложил пальцы в дулю, и дулю выбросил в сторону «белого дома», - кучеряво заживёт!».

Пятьдесят пять стукнуло Григорию Васильевичу. Бразды правления фирмой «Тараканов» всё крепче забирали зять и старший сын. Григорий Васильевич был спокоен: вожжи из рук его парней не выпадут! Ну, думал весь год, готовился, за瓦лят меня поздравлениями, грамотами, письмами благодарственными, губернатор громыхнет по областному каналу телевидения, а не тут - то было. Скромненько в районной газетке появилось поздравление главы района. И даже не персональное поздравление, а групповое. Одним чохом глава поздравлял доярок и кладовщика райпотребсоюза, состарившегося безумного учителя и его, Большого Гришу! Это был удар ниже пояса. Пережил, но не забыл. Только началась очередная предвыборная кампания, Григорий Васильевич денег не пожалел очернить руководство района. Купил дозволенные квадратные сантиметры «районного сплетника», газеты, нанял толкового писаря - бывшего второго секретаря райкома партии, вместе и сочинили компрометирующее сочинение на заданную тему. Обзвонил предпринимателей: «Мы заказываем музыку, мы и платим! Пускай главу понос проберёт - не быть ему районным князем!».

Не прошел старый глава, отказал ему народ в доверии. Как глотку рвал, доказывая на собраниях старикам и инвалидам, что живут они день ото дня краше, пенсии платим в срок, потреби-

тельская корзина тяжелеет, машин в районе купили за последний год столько, сколько купили за пять предыдущих, медведей расплодилось много, со всего свету едут толстосумы на охоты...

- Твоя правда: с мая до Покрова - сплошные праздники. То «день мертвых деревень», то «день последней коровы», то «встречи в кабаке»...

- Говорят, за кордон копыта рвать собираетесь всем кагалом, а?

- Уж и к «Газпрому» присосался? Уже и газопроводы частные пошли, да?

И всё же не чужд был Григорий Васильевич желания славы. А слава, по его мнению, это и есть духовное богатство. Снова стал «отстегивать сирым и убогим» небольшие суммы на покупку немудрящих вещей и инвентаря, лыж в школы, участие районных спортсменов в областных соревнованиях, съездит на погорелое место в дальнюю деревню, поохает, потужит за кампанию с погорельцами и ссудит тысячу - другую рубликов.

Однажды ему приснилась мать. Очень явственный был сон: сосредоточенная, строгая смотрит на него с глубокой тоской, как бы удручена чем-то. Подошла ближе, руку на плечо положила, Гриша как бы очнулся, поднял глаза, и увидел вместо материнского лица небо, сплошь усеянное звездами; присмотрелся, а то не звезды вовсе - сердца человеческие. Весь мир как бы переполнился любовью.

Под влиянием этого сна, он позвонил малоизвестному деревенскому писателю Фецкову, выразил желание «перетереть» вопрос с изданием его книги. Сыпал про такого чудика, о нём писали в районной и областных газетах, говорили кружковцы на посиделках. Жил писатель далеко от райцентра и, видимо, был беден, в райцентр показывался редко, потому Григорий Васильевич с ним не встречался. Когда к нему примчался перепотевший писатель - сутулый, даже не радостный, наоборот - мрачный, ждущий подвоха, серая кожа висит на лице морщинистыми складками, солидный возраст (настоящий колхозник!) решил: надо попробовать себя в роли крупного мецената.

Писатель Фецков

... Река никогда не потечет обратно. Прошлое имеет над душой особенную силу; прошлое - это горькая дымка, бесчисленное множество раз перелистанная книга. Жизнь - река, уносящая живых к мертвым. Годы идут; тщетно пытаюсь вспомнить красоту, которой в последний раз поклонилась моя юность. Занималась утренняя заря, мы с матерью по росистой траве торопимся за малиной; оглядываюсь на заросшую бурьяном, когда-то выгороженную улицу, и слышу, как гогочет сосредоточившаяся там жизнь.

Это мы с братьями лихо гоним табун лошадей, хохот, крики, полные восторга... Оглядываюсь на божницу - некогда оберегаемая бабкой, икона часами притягивала мою несмышеную душу, с губ хочет сорваться полный беспредельной любви лепет, но нет их, горячих слов. Все так же по - матерински любящие и нежно смотрят на меня лицо преподобной Анны Кашинской...

По характеру, по склонностям - я мечтатель. По знаку Зодиака, я - Рак, личный темперамент мягкий и нерешительный, потому испытываю какую - то жгучую тоску к самому себе, безграничную жалость ко всему, чем я жил и живу, что думал, во что верил, на что надеялся. Фантазер, наблюдатель, лирик. Впечатлительный и легкоранимый.

Много извел бумаги на свои сочинения. Пробовал найти понимание. Попечалюсь уже известному писателю, в другом месте о порог кабинета запнусь - не издается книга. «Все еще впереди» - успокаивал сам себя. То, что выходят чьи-то книги, а мои - нет, не считал роковой жестокостью. Так бывает с человеком до тех пор, пока однажды в своей избе приметишь признаки отчуждения от родных стен, непонятный жар опалит голову, а душа зажипит, затоскует, почувствав старость. Была бы охота - найдем доброта. Угораздила нелегкая с доброхотом знаться, посулил доброхот озеро в рот. Наповал сразил факт, что руку помощи подает сам Большой Гриша!

Слышал, что Большой Гриша - в первой десятке воротил района, с ним знаются областные чиновники; губернатор на охоты

выезжает. Большой Гриша в числе прочих встречающих, только немножко поодаль. Он из кожи не лезет, пытаясь показать угодливость, глаза своим присутствием не мозолит, не торопится здороваться даже с губернатором. Есть у того желание - пожмёт протянутую руку. Из нашей деревни у Большого Гриши третий год на трелёвочном тракторе работает Колька Морщихин, мужик свирепого вида и порой, как дикий.

- Как, - спрашиваем с мужиками, - у частника лучше или в колхозе?

- Везде хорошо, где нас нет, - фыркает Колька. - Опоздал утром на полчаса - штраф, вовсе не пришел - предупреждение, за воротник кинул - к работе не допускают... Трос сорвал - высчитали, у огня просидели - по пять сотен, как с куста снял; на прошлой неделе соляру свистнули - с меня за пятьдесят литров - оп - па! В колхозе хрен ли не жить было - каков хан, такова и орда. Как и до пенсии дотянуть... Хоть бы сгорело его производство!

Я пристально смотрел на Кольку, и, как сквозь запотевшее стекло, с циничным самодовольством выворотилась мне его крысиная натура из недалекого прошлого. В райцентре под весну была ярмарка. Дорог хороших не было, до райцентра добирались на гусеничных тракторах. Народ собрался, на тракторные сани расселся, тракториста Кольки нет и нет. Супруги Ямщикovy пришли последними, стоят, гадают, как бы поместиться, не сильно потревожив других. А ты, в дым пьяный, как вылетел из избы с бледным от злобы лицом, подскочил к Ямщиковым и орать: «Дармоеды! Нахлебники! За счёт нас, рядовых, сътно поели, выспались, ещё и в район вас вези?!». Как в воду опущенные, стояли возле саней Ямщикovy, он - механик по животноводческим фермам, она - счетовод. Вера заревела. Иван обнял за плечи и повёл домой. Вот они, времена - то какие нынче настали, на начальника не наскочишь и слюной ему в лицо брызгать не рекомендуется.

Мне сразу захотелось чего - то веселого, яркого, похвастать своим деревенским, смеяться, ехать скорее в нашу писательскую контору. Я улыбался жизни; хороших людей на свете больше, чем плохих! Вечер для меня был нескончаемо долгим. Вышел за

околицу; на востоке стоял ярко - белый месяц, под ним серебрилась в излучинах водная гладь реки.

Но...Несподручно бабе с медведем бороться; того и гляди, юбка раздерется. Это про меня пословица сказана. На всю жизнь, длинно она растянется или оборвется скоро, я никогда не забуду его. Знаю, это гадко - сравнивать человеческую шею с пороссячим загривком, но моего доброхота природа, кажется, слепила из одного загривка, потратив на него весь строительный материал. Загривок - откормленный, непомерной толщины, ленивый в движениях; вот стоит перед ним корыто с едой и, как магнитом, тянет к себе, а он все чавкает, принаравливается, подозрительно оглядывается, нависая всей массой над корытом.

И восстал душа против моей нравственной личности. Внутренний протестующий и строгий голос твердил мне одно: мсти всему, что убило в тебе прежнего человека, что привело к этой минуте, и нет тебе иного суда. Загривок самодовольный, хрюкающий, снисходительный, заботливый, обещающий, коль сам сытым будет, наделить жратвой всех голодных...

«Доброхот» стал неотвязной, неотделимой частью моего существования. Тroe суток я был вроде вольноопределяющегося возле него, намеренно или по делу, возил он меня по разным сатрапиям. Я слышал крамольные речи по отношению к чиновникам, деловые и не очень, с оттенком пренебрежения к деньгам, разговоры. Накатом передалась им веками и психологией освещенная поговорка, что даже находясь на верху величия и славы, человек недоволен своим положением.

Большинство новых хозяев были люди лет под тридцать, чисто выбритые, из себя здоровые, крепкие, крестьянское брюшко круг спины обошло. Готовые постоять за свой кошелек. С долей бравады встанут передо мной, широко расставив ноги и выпятив животы, мол, смотри ты, снежный человек объявился в наших местах. «Доброхот» наставительно представлял им меня с видом пройдохи, которому на веку довелось общаться и не с такими «босяками», которому известны все слабости и пороки интеллигентных натур.

Хвали меня, губа, не то укушу: рисовался перед коллегами по

бизнесу, будто он двужильный и далеко обошел их на скачках. Потом я сидел в машине, «обкатывал» в уме встречи, видел затылок, покрытые выющимся белым волосом руки, лежащие на баранке, сидел на заднем сидении ополоумевший от счастья: скоро напечатают мою книгу! Я видел книгу! Заколдованная сказка - вот что такое для писателя книга. Он её сын, он и пасынок. «Доброхот» был деликатным, чем нимало разнежил меня. Спрашивал, как я отношусь к «прослойке богатых людей», почему «простые» люди, как он, как Савва Мамонтов, графы Разумовские, шли и идут навстречу истинно русской тематике, русскому реализму, навстречу талантливым людям России, а нынешним властям это - трин - трава.

В зеркало заднего вида он, должно быть, видел мое лицо, сияющее блеском ярко вычищенного самовара. Не раз повторился о «классической модели» демократического устройства: сверх богатых людей должно быть до 5%, богатых - 30%, средней обеспеченности - 55%, и 15% пролетариев всякого калибра. Пролетарии есть очень даже необходимая статья пополнения рабочей силы. Кто больше пьет водки? Бояки. Кто плодится как мыши? Бояки. Кто законы не знает и панически боится аппелировать к законности? Они же. Они и солдаты, и кормильцы. То рассказывал про Германию, где ему довелось жить и учиться четыре месяца. Шутил, что если бы мы не побили немцев в 45-м, теперь бы жили припеваючи. Под низкую притолоку гниль да приседай: согласен и под немцев.

Я отвечал с жаром, с искренностью, мои ответы походили на рабские обязательства почитать своего благодетеля. Это теперь я испытываю стыд, сожаление, а тогда испытывал какие-то мучительно - волнуемые затаенные порывы, точно мне лет семнадцать от роду, и юное воображение представляет сладострастный образ красавицы. Пылкий угорелый ум взлетал под облака, нарушая все сложившиеся мнения о быстро разбогатевших личностях, какое-то высшее чувство без мыслей и желаний наполняло душу любовью к сидящему впереди человеку. Меня ничуть не смущал откровенный тон вопросов, ведь в них было много жизненной правды, этот человек вламывался в мое сознание,

мне просто некогда было приглядеться к нему и изучать дотла. Не дано было знать наперёд, что совсем скоро душа моя как бы ободняет, освободится от наваждения, снимет с глаз повязку, и в ней сойдутся две противоположные грозные тучи, и перекрестным огнем молний брызнут на меня же, оробевшего и смятого, и отрезвят, сжигая мосты.

Одна туча - моя мятежная природа, сотканная для нравственных и физических потасовок, вторая - моя вера в доброго дядю. Высшее чувство не говорило: «Ты наивен, как ребенок», высшее чувство было чувством восторга, а проще сказать - забродившего высокомерия. Я видел себя тоже разбогатевшим, разбогатевшим духовно, приподнявшимся талантом над остальными писателями; будучи нежданно - негаданно и притом очень скоро изданным. Я обязывал себя сочинять и сочинять впредь, отдаться терпением и преданностью литературе. Много, много страниц! Хочешь перевернуть лист, и слышишь звон богатырских лат, испытываешь чисто физическое изнеможение, как хорошо оформлена книга!

Вредно и очень вредно для здоровья, когда изданная в уме своем в одном экземпляре книга, сверкнет не виданным предметом и сгинет в прожорливом костре лицедейства. У него свежее, сосредоточенное, тщательно прилизанное лицо с постоянным желанием помочь чужому горю - не верьте таким лицам. Это приkleенная улыбка без малейшего следа сострадания к чужой беде; это наторелый в прошлом комсомольский угодник, он привык благословлять народ с высоких трибун на ратные подвиги. Глаза - горошины, запавшие ни весть как глубоко и смотрящие на мир воровато; есть рот, который можно назвать «партийным ртом». Этот рот с широким горлом - мельничные жернова, они мелют и мелют свою солому и чужое зерно, охаживают вчерашний коммунизм и прогнозируемый демократизм, обещают, ругаются, клянут и бьют кулаком в грудь: «Я! Дайте мне власть, и я!».

Пошло так думать, но я бы с разымчивым наслаждением впился зубами в эту шею, и, ей Богу, ощутил бы собачью радость от дикого визга. В том, что «доброхот» непременно завизжит,

если его укусить - не закричит, не завоет, а завизжит, я точно уверен. Он даже не подозревает, должно быть, что во мне происходит, скорее - наоборот, он давно и забыл про обиженного писателя. Жгучая волна испытать наслаждение именно от такого вида отмщения, который утешил бы меня язвительным внутренним смехом, не покидает меня.

Гадость моих воспоминаний о моей неизданной книге дошла однажды до сязаемого предела. Хорошо выпив на именинах друга, побрел я осенним вечером восвояси. Дорогой даже «включал передний мост», ибо нагрузился больше нормы. Кое-как добрались до дома, я горько разрыдался на крыльце в одинокую полночь. Осенняя мокрядь внимала моим пьяным речам, глаза мои устремились в пространство с выражением истомы и безнадежности. Я продолжал объяснять гостям друга, почему не издают мою «толстую» книгу. Ночь предалась своему обычномудумающему молчанию; я стучал себе в грудь и изрыгал пробудившиеся во мне проклятия нашего лесного эпоса. Издали, с зарастающего лесом поля, стали неумолчно доноситься до меня голоса покинувших белый свет мужиков, - видимо, гости друга разошлись по домам, и я держал ответ перед своим народом. В голове стояла одна мысль: зачем, зачем так подло поступил со мной ты, нынешний богатей? Какой же ты покровитель, какой заботник?! И на грош не съел, а хлеба на гривну раскидал: ну трубить во всю ивановскую о щедрости обжорной команды из «новых русских». Была бы пыль, да люди б сторонились.

Да, жена друга отдарила меня большим махровым полотенцем. Когда запаковывала в полиэтиленовый пакет, я спросил, чего она опять сует? Развернула - сойдёт. Мне показалось с пьяных глаз, что на полотенце выткан весь бородатый и усатый интернационал: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Посылку я донёс, не потерял. Глянула моя женушка утром, Господи! Четыре пышные голые бабы, вид сзади.

Тяжелое это занятие, греховное, постоянно держать себя на волне досады и злости. Вместо того, чтобы сказать себе: «Да плюнь ты на все свое сочинительство, вяжи лучше веники!», я, повинуясь неукротимому стремлению стать когда-нибудь из-

вестным и читаемым, не хочу, чтоб об меня вытирали ноги. Не могу, и всё! Да, я был наивным подкидышем фортуны, плебеем валившегося на меня успеха. Недолго был, пока «доброхот» вез меня в машине, пока слышал ответ на откровенно прямой вопрос редактора: «Почему Вы хотите помочь писателю Фецкову?». И рубит «доброхот» наотмашь воздух: «У человека талант, а мне ничего не стоит выкинуть для поддержания дарования тысячи триста...».

Во как! На триста тысяч рубликов ему, видите ли, начхать. У редактора, бывшего десять лет назад начальником отряда на зоне, отвисла челюсть. Вроде, обладает проницательностью, сколько всякого отребья прошло перед ним за эти годы, глянув на иного - насквозь видит, что это за личность, а Григорий Васильевич представился ему не иначе, как сплошной музыкальный инструмент с головы до пяток. Большой Гриша импровизировал собой флейту и аккордеон, барабан и колокольчики. Купился мой редактор, провел его «доброхот», как воробья на мякине своей показной щедростью. Даже когда Григорий Васильевич покинул наш кабинет, сославшись на занятость в городе, на лице редактора оставался след жадного любопытства. «Надо же, какие купчики в ваших краях живут - поживаются... Третьяков районного разлива. Ну, дорогой, заранее поздравляю. Этот тяжеловоз повезет!» - говорил мне редактор.

Ныне же меня посетило чувство отвращения к сливкам общества. Вот интересно было богачу, раздобревшему на уголовной приватизации потешиться, показать, кто есть кто по нынешним меркам, он выбрал нищего писателя и поиграл, как сытая кошка с мышью. «Ты - писатель России, а я - безвестный бизнесмен, и что из этого? Ты - козлоглас, пиявка чернильная, возомнил себя вторым Пушкиным? Ну, ну, царапай свои бухтины. Я не пишу. Я даю мужикам возможность не сдохнуть с голоду. А каким путем я зарабатываю деньги? Да любым, это уже мои проблемы. Вот захочу - будет тебе книга. Не захочу - не будет. Поговорить на такие отвлеченные темы, как меценатство, можно, но зачем привлекать внимание налоговых инспекций? Да и нужна ли мне эта головная боль? Чтобы ты за мой счет стал еще извест-

нее и даже получил тысяч пять гонорару? Уволь. И вовсе ни к чему мне судебный расклад: я тебя поднимаю, а ты, писака, чего доброго, дерымом выпачкаешь мое честное имя».

Время идёт. Книга - не идёт.

Наведываюсь к благодетелю на его производство. Оказался на месте. Небо заволокло тучами, пошёл сильный, густой дождь, делавший состояние моей обратной дороги ещё хуже; идёт час, идёт другой.

Представьте себе: стоит толпа мужиков, нарочно собранная для получения ценных указаний, большинство из них я знаю, и мужики меня знают. Перед толпой - я и мой «доброхот», он в черной меховой куртке, играет ключами от машины, расхаживает, будто укротитель перед тиграми в цирке; мужики тихонько шепчутся, переминаются с ноги на ногу. Ждём. Красное солнце спускается за сосны. Колька Митрохин сильно пал духом, стоял, потупившись, с большим вниманием прислушиваясь к перешептыванию мужиков. Жаловался мне накануне, что разочаровался и обманулся в своих надеждах и ожиданиях - хозяин обещал прибавку, ссылаясь на «...как только хвосты подберу», а Кольку, как леший дернул «обляять» мастера, и теперь ждал вместо прибавки к зарплате неизвестно чего. И вот «доброхот» начал отхлёстывать неизвестно кого, в голосе звучала непрощающая злоба, мне кажется, слова были нацелены прямо мне в лоб:

- Не страна - поле дураков! Загадочная душа, сильный дух, непобедимая вера...Болтовня! Любят у нас юродивых и нищих. «Подайте копеечку, Христа ради - и»... И подают! Что за народ? Труд для некоторых органически противен, они согласны лгать, унижаться, только бы не трудиться. Прирожденные паразиты. Деньги на дороге не валяются, деньги надо зарабатывать, а не ходить с протянутой рукой!

И так дальше - минут десять. Как мне стыдно, Господи! Вот так же стояли, как выведённые на позорную казнь, сельские интеллигенты Ямщикovy перед пьяным трактористом Колькой Морщиным, а народ на санях молчал, народу, скорее всего, интересно было, гадостнее: кто кого? На санях сидели доярки лет по тридцать угробившие на коров, мужики, лет по тридцать

отдавшие колхозу, а вы кто такие - «антеллегенты сраные»? Ещё как интересно: идеологи коммунизма отдали пальму первенства физическому труду, и затоптали труд интеллигентов - так и надо! Не нравится оплеванным ходить? Бери трактор и вкалывай. То учат вас по восемнадцать лет, а научат дрова в топку бросать на скотном дворе...

Книги нет. Я разбит, но не побежден.

С кислой физией являюсь через год в нашу писательскую контору. Помощник редактора В.П. смеётся:

- Редактор доволен, художник доволен, почему автор темнее ночи - не понимаю?

Григорий Васильевич обещанную редактору сумму за подготовку рукописи к изданию заплатил. Не сразу, конечно, но заплатил.

Эти слова ударили меня по сердцу, как камень. Сколько не боролся с собой, стараясь подавить овладевшее мной волнение, но меня выдали две маленькие слезинки, застрявшие в глазах.

- Встретились, называется! - посерёзнел В.П. - Меня, думаешь, не били? Так били, чуть не убили. А его? - показал на А.А. - О, горек наш хлеб. Мало, очень мало любимцев фортуны, которым с первой строчки дали зелёный свет. А мы? Мы умрём неизвестными...

А когда умру, пусть положат мне в гроб те немногие тощие книжечки, что вышли в свет благодаря А. А. За 15 лет несколько раз писал слезные письма депутатам разных уровней. Увы, страна у нас бедная, депутаты беднее церковных крыс. Сильная рука всему судья. Порой мне кажется, вся депутатская братия от выборов к выборам становится бездушнее, программы выпестованы непримиримой местью к черни, к суконному рылу, к тем, кто выбирал их. Все законотворчество сводится к буйству о собственной наживе, умилостивительному чиновничью коленопреклонению. Наш депутат похож на голодного, но обстрелянного ястrebа: прыг в кресло, окидывает принженное к земле, вытоптанное до него поприще деловым взглядом и утешает себя тем, что надо выждать, надо усыпить бдительность, показать народу свое большое сердце. Придет его час! Будет хорошая добыча!

Мой «доброхот» почему - то к штурвалу власти не рвется. Думаю потому, что знает: не всегда деньги в сельской местности могут поднять нечестного человека выше гласа толпы. Потом, в сельской местности дома, гаражи с иномарками часто горят из - за неисправности электропроводки, или из-за шальных соседей...

Завидую людям, которые мало впечатлительны, которые не делают трагедии из пустяка. Для иного мои проблемы - тьфу, не напечатали и ничего особенного, жили и переживем, а по мне - край житью. Более уравновешенные и спокойные люди имеют право со светлой радостью отнестись к подобному и рассмеяться, я же исподлобья смотрю на таких людей. Грудь наполняется неким роковым законом темного царства - вот ведь дал же Бог им иную дорогу хождения по миру, иную меру существования среди людей, более покладистую, смиренную! Без всяких скидок к себе говорю честно: тяжело жить таким, как я. И живи он, «доброхот», чахни над добытыми тысячами, и не надо призывать меч на его голову, не надо оправдывать себя и тем паче оправдываться публично. Из детства я вынес одну горечь. Не сказать, что дни мои были сплошной каторгой. Копаясь в прошлом, я точно герой рассказа «Безумец» писателя Н. Златовратского, странствую по дням своего детства ищу таинственную жемчужину, именуемую «неисповедимыми путями правды». Когда мне было лет сорок, я первый раз пришел в церковь, упал на колени пред распятием Христа и взмолился: «Отец родной, оставь меня! Ты же не зверь, ты человек. Не приходи ко мне во снах, не гоняйся за мной с топором. Богом тебя заклинаю: дай мне хоть ночь провести тихо, без страшных снов». Через какое - то время отец перестал являться ко мне во снах. О моих снах надо сказать особо. Давно у меня выработалась особая привычка, перед тем, как заснуть, на границе забытья, в сумерках дремоты и теплящегося сознания, я даю волю воображению и как засыпаю (да и засыпаю ли?), мир фантазий и мир приключений довлеют над моей душой. Одни люди прочитали рассказ, спроси через какое-то время чего же интересного они почерпнули в прочитанном, увы, всё интересно, и - «...да я уж и не помню». Я тоже из прочитанного не стараюсь всё запоминать, я в прочитанном со-

чинении отыскиваю своё зерно, как бы переписываю тот же рассказ и проигрываю со своей колокольни. Самое подходящее для такой интерпретации время - лечь в постель и предаться раздумью. Вроде уже не летаю во сне, вроде все задуманные тропинки истоптал, а меня обступают тучей, туманятся и меркнут, то ли во сне, то ли в забытье, захватывающие события.

Я вижу сон, и во сне сам активно выступаю в роли режиссера и актера. Сны бесконечны, я устаю от них; как я мечтаю однажды лечь спать и провалиться до утра, избавившись от бесполезных мучений. Сны навязчивы на всём протяжении моей жизни, тревожны из ночи в ночь. Они переплетаются с действительными событиями, страшно усиливая впечатление, действуют на меня интенсивно, будто это сама действительность. Мало того, я как бы руководжу сном, форма рождается отдельно от содержания и упархивает, когда я, как бы просыпаясь, стараюсь охватить ею нечто определенное. По истине: «механик крути киноленту». Я медленно, постепенно начал забывать кошмары детских лет, и, слава Всевышнему, нынче все реже и реже касаюсь этой темы. Знаю мужика, поднявшегося в большой семье без отца, вечно голодавшего, кашляющего, ходившего в школу в чужих обносках. Станет он вспоминать детство, и забывается, начинает желать возврата тех голодных дней, невыразимой любви печаль разгладит измятое жизнью лицо, и смеётся, и смеётся над теми или иными шалостями. И братья его и сестры, разлетевшиеся по белу свету, приедут на родное пепелище. Им бы власть нашу антисоциальную проклинать, а они с молчаливой радостью на лицах ходят там, где некогда босые бегали и вспоминают только хорошее! Я же врагу лютому не пожелаю очнуться ото сна ночью под страшные удары топора, рубящего дверь в спальню. Не пожелаю напуганному, в одной рубашонке сидеть среди зимы, зарывшись в сено и ждать, когда отец найдет и заколет вилами. Как знать, не отголоски ли тех младых лет наложили на меня сатанинское пятно психически раненного мученика?

Мне уже скоро шестьдесят лет. Но и стоя о край жизни, не желал снова видеть отца в минуты пьяных выходок, не желаю лелеять детство. Не было у нас с братьями детства. Был вечный страх

за свою жизнь. Мы боялись отца пуще огня, боялись бригадиров, милиционеров, мужиков в деревне (и деревенские от нашего родителя ждали постоянную угрозу). Бабка, царство ей небесное, только и страшала нас отцом-тираном...

И хожено, и лажено, да видно сглажено. Надо успокоиться и отдаться течению судьбы. Вдруг да еще всё образуется и встанет на круги свои. Чего доброго, рано или поздно этот «доброхот» может стать причиной моей душевной болезни. Стал писать рассказ про воров, и, задумавшись над драматизмом повествования, вдруг ночью явственно услышал под окном шаги. Ночь была тихая, глухая, жена спала на соседней кровати. Я слышал, как вор топтался, он, должно быть, длинный и худой, мешковатый, обязательно пропойца, отношение к собственности, как у отвергнутого опустившегося бомжа. Этот бомж не мыт и стрижен, лицо лоснится от грязи и сажи, в заношенном рыжем пальтишке, настроение - волга-разбойничье, за бутылку водки задушит человека, как куренка... Вот он шупает окно, пробует на прочность закрепленную раму.

Едва расцвело, тщательным образом обследовал все вокруг дома. Ни следов, ни улик. Но с той поры с наступлением темноты сердце мое как бы сжимается, я как бы ощущаю говор темных сил, рушится душевное равновесие. Плотно закрываю шторы на окнах, плохо сплю, прислушиваюсь, слышу разноголосый и торопливый шум, который зачинается под самой стеной и широкими взмахами летит вдаль. И шум злорадный, ни какой - то беспечный...

Порой мне хочется жить отшельником в лесной чаще. Выкопать землянку, предаться суеверию и забыться от грешного мира. Пусть останется далеко от меня ощущение глубокой нежности и любви ко всем людям. Я же со временем превратился бы в высокого, изможденного лесного богатыря, подходившего с поклоном ко всякой зверушке; не связан житейскими путами и корыстью, волен делать все, что хочу... Чем дольше я сижу над разбитым корытом, тем больше усиливается моя злость. Иначе как немилостью Божией и не назовешь несчастие мое. Должно быть, велики грехи на отце лежали и на мне лежат.

Года за два до встречи с «доброхотом», пошел я на прием к одному областному депутату. Как же, вроде мужик страстотерпец, радетель за права обездоленного народа. А что промышлял воровством - в начале правления Гаранта Стакановича Ельцина модно было занести в автобиографию про сей факт попрания человеческой этики. Незаконно осужденный. Это был неописуемый ужас! Буквально с первых фраз депутат указал мне мое место: рядом с парашей в камере. Посоветовал сходить на зону, на зоне, таких как я, нетерпеливых и непонятно чего желающих от жизни, ждущих от власти калачик с маком, лечат быстро. Закрыл я дверь к депутату с наружной стороны, облегченно вздохнул, плюнул на номер кабинета и закаялся впредь когда-либо идти на поклон к власти. Самому себя вывалить в дерьме... «Доброхот» против «депутата» просто ангел. Святой человек!

Мое мрачное красноречие заводит меня подчас в содрогание от идеи всеобщего разрушения. Весь народ чувствует себя обманутым своей властью. Строили, строили, миллионами жизней мостили светлое будущее, и - на тебе, в одночасье объявились в стране альгавазил, бросил клич «бей, коммуняк!», и началась глубокая моральная болезнь. Революционная песня «дубинушка» зазвучала иначе: «Чтобы барка шла ходчее, надо гнать партийцев в шею...». Справедливо поделили, по - ельцынски: «Это - мне, это - опять мне, это - все время мне, а тебе - дуля с маслом!». Все пошло прахом. Тысячи людей, как ютились в трущобах, так в них и остались доживать, а перевертыши - рулевые сменили должностные вывески, и хапают, грабят, успевают урвать и время, и должность.

Воры пишут законы для воров - так можно сказать о практике приема «законов о беззаконье». Истинно бесы целуют людей в щеки. Одним горячо шепчут в уши, чтоб шли скорее в кабак и забылись, другим - вкривь и вкось, но рвитесь к нефти, газу, лесу. Законы приспособливаются к пальбе по воробьям из пушек, пусть ястребы жиরуют. Разрыв - трава держит цвет в полночь на Иванов день ровно столько, чтоб успеть прочесть молитву «Отче наш». Как знать...

Высок каблучок, да ломится набочок. Судьба что ли у нас та-

кая: в первом порыве, по любому поводу, в доступной и недоступной форме мы готовы снять с себя последнюю рубаху; на тропу войны выходит репрессия, с великим надломом душ нас впрягают в разбитую повозку, и мы тащим, тащим страну из хляби, и хвалим ездоков. А нас пичкают, дурят, кормят какими-то реформами, непонятными размыкчными вертикалями и горизонтальями, аж пуп трещит у оракулов - через пятьдесят лет заживем лучше португальцев...

Царь России нужен, башковитый царь, да крепкая исполнительная власть. И без волокиты лихомицев сечь кнутами при всем народе, ноздри рвать ворью. Без узды Россию не удержать; взнуздать - драться пойдем за народную правду; снять узду - сами себя изведем.

У каждого из нас в душе своя часовня. Был я у депутата на приёме, был осмеян нарождающимся барчуком, вроде вспоминать лихо, ан - нет. Я узнал власть, которая никогда не будет заботиться о «босяках». Вы скажете, нельзя судить огульно по поведению одного человека? Можно. Узнал силу денег. Нынче я в своей часовне, молюсь или проклинаю - никому дела нет. И власть, и богатеющее сословие деляг - временщики, ветряные мельницы. Ты к ним с добром, с открытым сердцем, а они тебя - крылами да крылами в кровь... Обнищание народа - это трагедия. Только пристальным вниманием и народными запросами, просвещением и законностью, верой можно построить что-то стоящее.

Нынешний писатель одинок и потерян. Не я один огорчен до глубины души. Годами стареющие писатели вздыхают над своими рукописями. И приходит в голову такое, что, должно быть, судьба у нас такая, страдать и уповать на авось. А если кощунствуем, и зря Бога гневим? Судьба - не кобыла, верхом не сядешь. Надо что-то делать, вплоть до вызова судьбы на поединок...

Надо выходить из тени на солнечную сторону дорогу. И - к бесу в копытце достигший совершенной черноты и сдобности однобокий пиратский расцвет прозападной литературы!

Народу России, кроме как про разврат да грабеж, и читать не о чем?!

ВОВКА ЕРШОВ

Мать рано разбудила Вовку и строго наказала:

- Воскресенье воскресеньем, на другой день поспиши, а сегодня отца леший где-то дерёт, потому корову прогони, поросенка накорми, посуду помой и в магазин пораньше слетай, хлеба стали мало привозить.

Вовка уперся носом в стекло и во все глаза смотрел на деревенскую улицу. Там, по мнению Вовки, происходило нечто невероятное. Позднее туманное утро, похожее на взгляд умирающего, только что забрезжило. Непонятно откуда брались и почему кружились редкие, гонимые ветром снежинки. В слабом солнечном свете они были легкими пурпурными точками, бесследно исчезающими около земли.

По разбитой тракторами дороге тащились его отец и дядя Ваня Попов. Оба были изрядно пьяные. Видимо, леший был хлебосольным - угостил знатно. Вовка с коровой только выйдут из хлева, отец навстречу хлопнется. Обязательно привяжется. Пьяный он такой прилипало, что лучше обождать. Дядя Ваня коренастый, лицо у него обветренное, бронзовое, все кряхтит и охает, и любит пожалобиться на судьбу, доставая из кармана горсть таблеток: «Во, милый мой, как живу-то». Отец тощий, длинный. Голос у дяди Вани скрипучий, как немазаная петля, а у отца голосина - заорёт, корова на передние ноги падает. А еще дядя Ваня очень хитрый, непостоянный, пронырливый. Он первым тянет руку всякому пустоплясу, с силой жмет ответную, и при этом не испытывает угрызения совести, но даже убеждён, что умные люди должны жить как «белые люди», и иначе поступать не могут.

Каждый из нас старается устроить свои дела как можно лучше, оторвать от общего пирога кус с маслом потолще. Люди враждуют между собой за место под солнцем, даже не задумываясь, что обижают кого-то. Страна наша прирастает не Сибирью, прирастает столами и дьяками всякого пошиба. Чем больше столональников, тем обильнее кустится взяточничество, угодническое корыто не успевают пополнять средствами - всё пожира-

ет растущее стадо. Сильнее слышится трескотня, обещания, заверения; беда от начальников простому человеку, один вред. За последние пятнадцать лет нас опутали всякие пирамиды воровской паутиной, кто только не обманывал, каких процентов не обещал по политическим ставкам, опутали и взяли за горло. Нет доверия к банкам, к депутатам, к партиям.

Сумел сегодня дядя Ваня оформиться на третью группу инвалидности - прав да и только. Пойди он завтра отстаивать права - находится по кабинетам, и, скорее всего, останется при своих интересах. Он действует во имя тех практических определений, которые заставляют лгать, изворачиваться, сидеть на чужой шее, и пятками бить рысака в бока.

Дядя Ваня современный делец, он и Богу помолится, и поглумится над ним. Вы когда-нибудь наблюдали за человеком, окончившим изучение школьных наук в седьмом классе и в сорок пять лет пожелавшим с «должности» рядового колхозника хоть чуточку приподняться над «обнесёнными умом» соседями? Присмотритесь, полезно знать, как обретают желанную свободу, стряхивают с себя долговые цепи и, сложив пригоршни под манну небесную, стоят возле стремительно уносящейся вдаль новой дороги люди из колхозного века. Достаток надо заполучить, надо завоевать, растолкать толпу локтями, значит, требуется изворотливость и большая изобретательность.

Дядя Ваня знает в районе всех начальников, кто на какой машине ездит, кто с кем спит, в какой волости осенью губернатор сидел на лабазе... Туда сунется, в другом месте справку вымолит, ищет и ищет сосок, за который можно потянуть «тетку - родину». То он самодовольно ухмыляется, то хихикает и заискивающе - преданно смотрит сильному мира сего в глаза; случись кому подсмотреть за поведением дяди Вани, отметит сильную неприветливость и даже злорадство во всем: вот он говорил, говорил, вроде всю душу тебе отдал, а отвернулся - голову пригнул и, прикрывшись ладонью, удовлетворенно отоварил сам себя неприятным смехом: «Хо, хо, кхх...»

Отец - полная противоположность дяде Ване. Про себя он го-

ворит так: «Тешу прямо, а уж там - куда вывезет». Еще отец самолюбив, он мучительно страдает после каждого перепоя. Пьяный отец нехороший, придиличивый. Изрыгает невозможные ругательства, опрокидывает столы, бьёт посуду; на дикие, безобразные сцены, скандалы, вроде бы не следует обращать внимания, ибо они не являются редкостью, но Вовка всякий раз, когда видит пьяного отца, пугливо озирается и прикидывает, куда бежать в случае чего.

Вот дядя Ваня и отец встали друг против друга, видимо, прощались. Прощались долго. В окно Вовка видел, что отец начал порывать дядю Ваню; дядя Ваня что-то доказывал отцу, наскачивал на него и скалил зубы. Отец несколько раз наваливался всем телом на дядю Ваню и, помимо воли, или с подачи дяди Вани, норовил опрокинуться на спину. Вовка догадался: отец за украденный с кладбища крест стыдит дядю Ваню. На деревне разговоры про этот крест поутихнут и снова начинаются. Снял его дядя Ваня с могилы расстрелянной в конце гражданской войны игумены Клавдии, якобы ясновидящей. Между хождениями по кабинетам, дядя Ваня промышляет на райцентровской свалке, вроде самоустранился за пределы общественного пира, собирает стеклопосуду и металлом. Репутация его, как некого фрондера, дотоле неизвестного, незыблемо утвердилась. А таких, как отец, работающих за копейки в полуразвалившемся колхозе, дядя Ваня считает неандертальцами. Он постоянно подбивает отца «брать быка за рога», «перекрыть жиdam кислород» - вытребовать имущественные паи. Колхоз всем и вся должен, потому дядя Вани железно стоит на своём: колхоз - это кормушка для ушлых руководителей, они все подлецы, и всё равно облапошат работяг. Надо рвать! Самим честно делить нажитое, на глазах растаскивают Расею!

Миром не разошлись, «почапались». Деревня видела драку, но никто не вышел из своей избы. И Вовка не вышел. Он употребил всю силу воли, чтобы не выскочить на улицу помочь отцу. Кабы трезвый отец, а пьяный... Пьяный, чего доброго, побьёт его. Скажет, мол, опозорил батька.

Дядя Ваня, часто останавливаясь и оглядываясь, побрёл во-

свояси, отец, зажимая разбитый нос и выкрикивая угрозы, направился к себе.

Вовка побежал выпускать корову. Теперь отцу не до него. Затаив дыхание, прислушался: брякает рукомойник у дровяника, значит, отец кровь замывает.

Корову прогнал. Хозяева других коров сразу уходили с пастбища, а Вовка поднялся на самый верх крутого угора. Отсюда, с привольного всхолмья, открывается даль, томящая душу очарованием родимого простора. Любимый Вовкин писатель и поэт Иван Бунин. Уж он бы смог красиво и правдиво передать состояние уходящей осени: рдеет огненный венец на низком покатом солнце, студеная прозрачная вода в блюдечках - бороздах отражает сиротливо поникшие охапки овса, посвистывает где - то рябчик, сливая мелодичность песни с воображаемым журчанием воды на перекате... В начале учебного года Вовка потерял свой пронумерованный «гроссбух», в который регулярно записывал свои впечатления, понравившиеся стихи, вел фенологические наблюдения. Как потом оказалось, дневник незаметно стащила Валька Попова. С быстротой молнии весь класс узнал, что Вовка «философ» и «гииит»; вчерашние товарищи смотрят на него с удивлением и при его появлении шепчутся между собой. От насмешек и недоброжелательства Вовку спасла учительница София Львовна: скоро будем писать сочинение « Я и писатель Бунин», потому советую всем заглянуть в школьную библиотеку. Обращение Софии Львовны не застало Вовку врасплох.

- Поднимите руки: кто хоть что-то читал из сочинений Бунина... Та - ак, один Володя? И что же читал Володя Ершов?

- Вот интересно, почему Бунин так сильно обожал женщин? Например:

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя.
Милый друг, о будь благословенна
Красота и молодость твоя!

Одноклассники с любопытством уставились на Вовку, по-

том послышался ехидный Валькин смех. Учительница довольно взглянула на Вовку и радостно улыбнулась.

- Молодец! Молодец и всё тут! Пять с плюсом за вопрос, пять за декламацию. Ребята, ничего смешного Володя не сказал. Он повторил слова великого мастера. Поскольку фамилия Бунин начинается с буквы «Б», каких мы знаем писателей и поэтов, чьи фамилии начинаются с буквы «Б»? Валя Попова. Правильно, Блок, Блока мы проходили. Ещё есть Байрон, пэр Англии и бунтарь, шотландец Роберт Бёрнс, декабрист Бестужев, поэт и переводчик Берында Павма, Брюсов Валерий, наши земляки: сам Белов Василий Иванович, Багров Сергей, Балакшин Роберт. Да и не перечесть всех. Все писатели и поэты как бы повторяют за философом Гегелем: женщина - цветок природы, икона чудотворная. Они - рыцари прекрасных дам, для них женщина - не только зов сердца, это музыка, любовь, смысл жизни, продолжение человеческого рода; Бунин очень трепетно относился к женщинам, он их боготворил. То с нежной благодарностью, то просто и ласково; как бы удлиняя, увеличивая свое сердце, сравнивая с самыми яркими минутами, воспоминаниями, красками природы, он завещал потомкам беречь женщину, заботиться о матери, лелеять любимую девушку.

Долго стоял на одном месте, долго следил за тем, как колесный трактор пытается вытащить застрявший зерноуборочный комбайн. Большая часть овсяного поля была убрана, в низинных местах агроном землю «сушил», и до того «досушил», что теперь молит бога хоть комбайн добыть бы. Как знать, уж снежинки начали падать, долго ли осени быть. Коровы шли ходом по полю - они последние жнецы, подбирают остатки. Воздух по осеннему тяжелел от запахов сырой земли и прелой соломы. Много отяжелевшей от влаги паутины. Левее комбайна и трактора виден изгиб реки. Мать сказывала, что она помнит работавшую мельницу, помнит, как водил её дед смотреть «чудеса» - с шумом и свистом вырывалась вода через открытые шлюзы и с неудержимой силой падала в реку. В том месте, где падала вода, река кипела и бурлила, била ключом. Дед показывал: там живёт сам хозяин реки, водяной, а ниже, на плесё, ночами русалки

водят хороводы. Вовка пожалел, что мельницы больше нет. На другом берегу реки некогда стояла церковь, при церкви был погост. Вовка с ребятами летом забрели на погост; среди заросших лесом бугорков покоились кости их безымянных предков.

Есть у Вовки мечта написать очерк о кладбище, добрым словом вспомнить тех, кто видел разливы колоссящейся ржи на своей полосе, кто вдыхал запах овинного дыма, кто собирал малину на лесных вырубках. Не раз просил Мартемьяновну «повспоминать», да та только отмахивается: «Што ты, парень, худым-то умом покойников не вспоминают. Вон внука бает, одуванчик ты, бабуля». Пока он смотрел на комбайн, на реку, он забыл о пьяном отце, но лишь только перед его глазами легла обратная дорога к дому, как в душу закралась тоска.

Отец сделал большой глоток водки прямо из бутылки, плюнул и снова начал:

- Вот что тебе надо, а? Сегодня велосипед купили, завтра - по болту что где валяется; снова купили, и снова ремонт, ремонт, ремонт! Люди годами ездят и не знают, как разбирается тоже сиденье, какие подшипники в колесах, а у нас.... То руль под облака поднят, то фара тракторная присобачена, то крылья изрезаны... Батька что? Батька - дурак и пьяница. Ты хоть бы одну гайку открутил осмысленно? Зачем я кручу, почему молотком да зубилом, а не ключом... Да что с тобой говорить, в твоей башке одна извилина, и та -шальная!

Отец вытер рукавом глаза, и едва держась на лавке, снова потянулся рукой за бутылкой.

- Может, хватит? - насупившись, сказал Вовка, побеждая чувство страха.

- Он ещё учить меня станет! - отец начал зажимать кулаки и приподниматься с лавки. - Молчать, гад! Три тонны картошки на мопед выбросили, как псу под хвост! Столько сил положили, сколько... А ты! Ведь и токаря нашёл, и матку подлую уговарил денег дать. Расточить гильзу под «дружбовский» поршень! У тебя в лукошке, - бьет себя по лбу кулаком, - что-нибудь есть? Ты прикинул, новоявленный Джеймс Уатт, степень сжатия у «Дружбы» и мопедовского движка?

Вовка ничего не возразил. Наступило молчание. Отец посидел, зажав голову руками, и заревел. Вовке стало жаль и отца, и себя. Безобразный вид пьяного отца производил на мальчишку удручающее впечатление: отец будет пить и воспитывать его пока не допьется до бесчувствия. Вступись мать в защиту сына, отец направит свой пьяный гнев на неё. Как только не выматерит, какой стервой не обзовёт, в чем только не уличит! С тем же мопедом - начал наседать, будучи трезвым, мать выступила в защиту Вовки:

- Сам - то из зыбки и за руль, как же. Ты хоть раз парню подсказал, что да как? Всё рывком, все собачьей хватью! Когда бы и созвал его, чего помог бы, а то...

Эти слова окончательно раздражили отца, так что он почти хриплым голосом кинул ей в ответ:

- Ах, подсказать? Уж извини, дорогая моя! Надо было сразу бросить мопед под гусеницу трактора! Он охапку дров в печке принес без понукания? А принесёт да швырнет: нате! Он же ненавидит работать, ненавидит труд!

- Ну-у, это ты зря. Вам надо больше общаться, вот и станете понимать друг друга...

Отец отвернулся, засопел. Мать еще что-то говорила, оправдывала поведение сына, дождалась ответа. Лицо отца было словно каменное, без всякого выражения, глаза смотрели в сторону, ни один мускул не шевельнулся.

Уж потом, как хмель свалит отца с ног, мать приласкает Вовку; станут они сидеть и тихо говорить, будет мать просить сына не держать зла на отца. Тяжело ей, обидно. Очень обидно; сын - то уж большой, понятливый. От материнской ласки Вовке сделается хорошо и покойно на душе, на глаза навернутся слезы благодарности.

- Знала я одну семью, - говорила мать, - отец вроде нашего, зверина - пьяный был. Ребят притеснял, мать и жену бил. Ребята поднимались и кулаки зажимали: ужо - о, дай срок, мы из тебя кислую шерсть вынемем. И что думаешь? Припомнили. День за днем месть в себе вынашивали, она тлела да тлела и разгорелась костром. Однажды взяли и зарубили отца. Двое старших

по тюрьмам и теперь ходят, а младший через год приворотил на кладбище отца помянуть, да и удавился над батьковой могилой. Нет, сынок, не держи на батька зла. Перетерпи, потом как найдёшь. Ты только учись! Обязательно в институт поступай, а там, глядишь, и за границу махнёшь. На жизнь, Вовка, можно зарабатывать головой, можно горбом, можно головой и горбом, только объедки с чужих столов, как Ваня Попов делает, не подбирай. И надуманную правду не ищи, не бывает такой. Вот я опять за Ваню Попова: как же, Стенька Разин в гнилом челне в чужой епанче! А по моим соображениям - падальщик он. Кто-то миллионами ворочает, во сне камеру с решёткой видит, и ему бы сотня - другая не помешала, только бы на халяву досталась. Вот я и говорю: учись! И головой работай, и горбом, не стыдись руки в навозе испачкать. Вот наш батька...

С песнями вывалился отец на улицу, да и уснул, обняв землю.

Вовка принес овчинный тулуп, кое-как затащил на него отца, фуфайку под голову подсунул.

Идёт мимо старуха Мартыньяновна, мать дяди Вани, оперлась на батог, выладила на стоявшего над отцом Вовку сморщенное лицо с крючковатым носом, ворча и кряхтя, говорит Вовке:

- Ишь, как же, курорт с ваннами.

Вовка невольно улыбнулся, глядя на старуху. Что-то смешливое и добродушное чувствовалось в её ворчании. Он небоглянул - низенько кланяется солнышко востоку, на спящего отца, и спрашивает старуху:

- А дядя Ваня как?

Старуха сделала вид, что не слышала вопроса, хмыкнула, попыкала батогом землю перед собой, будто намереваясь открыться, да не стала и побрела.

Ночью шел дождь. Косой, тяжелый. Будто плети хлестали по оконным переплетам. Мир не дремал, засыпая, мир внимал первородным страхом от огромной старой липы до мельчайшего камешка. Вовка лежал с открытыми глазами и чувствовал, казалось, предельную сращенность всего живого. У родителей в большой половине избы горел свет. На цыпочках подошел к двери, сунул нос в щель. За столом лицом к нему неподвижно си-

дела мать. На кровати, отвернувшись к стене и с головой укрывшись одеялом, лежал отец. Скорее всего, он не спал, но встать, попросить у жены прощения - ни в жизнь! Он будет мучиться и день и другой, а мать будет молчать, молчать, и не скоро наладятся семейные отношения. Напрасно отец будет одаривать мать пристальным взглядом, - пройдет какое - то время, мать со смущенно-ласковой улыбкой, однажды спросит:

- Ну, когда следующий акт?
- Понимаешь, тут такой случай...

Но скоро кончатся серебряные каникулы, опять подвернётся случай, и всё повторится.

День открывался сумрачно, вопрошающе-ласково, как открываются утомленные сном глаза из-под густых ресниц. Дождь кончился; тучи разошлись, и тут между ними скользнула золоченая лазурь - повисла над рекой радуга. Повисела и пропала - тучи утащили её в свои закрома. Вовка идет в школу, ноги расползаются по грязи, навстречу Мартемьяновна, батогом подпираясь, в сельсовет пробирается. Мать говорила Вовке, мол, дядя Ваня затребовал власть обеспечивать старух, «жизнь положивших за окаянный колхоз», дровами. Как только увидела Вовку, лицо её, исеченное морщинами, помолодело от какого - то внутреннего света и в грустных глазах заискрился свет.

Вовка поздоровался.

- Ладно у вас? - спросила старуха.
- Ладно.
- А-аа... - старуха зябко повела плечами под шерстяной шалью, - у твоей матки ранняя осень. Ты береги матку. Добрая она к людям.

От этих слов Вовка посмотрел на старуху благодарным взглядом.

- А у вас ладно?
- С веком не спорят...

Мартемьяновна что-то невнятно пробурчала и вздохнула.

Под впечатлением от встречи, Вовка шел, и мысленно находился в доме дяди Вани. В избе у них душно и тесно от комодов и шкафов. Дядя Ваня с женой своей всё тащат и тащат в дом. Умирает где-то одинокий родственник - родня «седьмая вода с

киселя», они уж там, о доле своей хлопочут. К дяде Ване в избу не заходит даже почтальонка. Встанет под окном и бьёт палкой по стене: выйдите кто-нибудь! И дочка у них Валька скопидомка еще та. На Вовку свысока смотрит, губы у неё тонкие, в них как застряла скептическая улыбочка ко всему. Характером вся в мать изладилась. Милое дело у Вальки перед одноклассниками сетовать на неустроенность жизни. Вот - де в нашем медвежьем краю с тоски можно сдохнуть, никакого просвета. После школы надо подаваться в город; для Вальки деревня - адово дно, а город - укачивающий полет. На уроках сидит да ногти холит, язвительно взглядывая на учительницу, а София Львовна упорно смотрит на неё. По обыкновению Валька не выдерживает и, по прошествии нескольких минут, с судорожным движением толкает надфиль в карман юбки, неохотно берётся за ручку и рисует в тетрадке автомобили. Какой бы автомобиль у неё не получился, весь в авторских клеймах: Ягуар! У её «ягуаров» вместо фар глаза желтые, жесткие, нацеленные на бросок. Бабку Вальку не замечает до того часа, пока бабка денежку ей не подаст. Денежку схватит, сожмёт в кулаке, здоровьем бабкиным поинтескуется, а отошла и забыла бабку. Бабка живёт в избушке на озадках, её отделили по той причине, что часто говорит «не впопыхах» - и сына добрым словом не жалует, а сноху тем более; «гостиста» больно - кто откуда идёт, тот и грязь в дом несёт; да ещё пенсию «зажимает», тогда как пенсию старым людям «полагается» до копейки отдавать молодым. В начале осени дядя Ваня спёр со старого кладбища старинный кованый крест.

- Оставь -коо басни свои, нашла монашку прозорливой, - отмахнулся такой усталый, такой обнесённый счастьем, что в пору матери, упрекнувшей его в черствости, подать ему копеечку на пропитание.

После уроков Вовка пошел на скотный двор. Может, права мать, надо больше общаться с отцом, тогда и отец станет принимать его за взрослого. Виноват, виноват он с этим мопедом! Загубил двигатель, а ведь так хотелось увеличить мощность, чтоб в любой угор вывозил!

Отец взмок над навозным транспортером. Весь лоток запру-

жен отходами. Ворота распахнуты настежь, двор пуст, благо коровы еще ходят на паству. Солнце исчезло в непроглядном севером небе, глаза уже освоились с однообразным, оголенным видом; бывает, под вечер ворвется во двор вихрь умирающих красных лучей, заскользит по бокам коров - животные начнут озираться, начнут протяжно мычать: прощай, лето красное!

Судьба не обнесла отца опытностью. Он много поработал, испытал. Еще больше видел. И ничего из виденного и испытанного не позабыл.

- Что случилось? - грубо спросил отец, прислоняя к стене лом. Отер грязные руки мешковиной.

Вовке хотелось ответить отцу ласково, горячо, но он не мог победить в себе чувство неловкости.

- Да вот...

Отец уставил на сына холодные глаза.

- Ладно, тогда, - сказал, опять взял лом в руки. - Ты будешь вот этим ломом шаг за шагом поворачивать звездочку, а я на том конце буду направлять транспортер. Для начала оденься в брезентовую робу, пропахнешь весь навозом, мать забранит.

Дома Вовка заносит в «грессбух» наблюдения и впечатления. Их много. Когда шли с отцом домой, отец доверительно сказал:

- Мать меня насквозь видит, но... но не презирает. Спасибо ей за это. Не презирает, но не понимает. Обидно, когда тебя не понимают. Понять - не промахи отыскать, не смешную бывальшину рассказать. Н - даа...

- Папка, не пей, - тихо сказал Вовка.

Отец остановился, посмотрел куда-то вдаль долгим взглядом, точно советуясь с кем-то, полным мыслей и пережитых страданий, тяжело вздохнул.

- Согласен. Согласен-то согласен, а вот поскользнёшься, и - пропадай, моя головушка. Страдаю от этой водки, будь она проклята, сам себя живым в яму иной раз закопал бы, а вот...

- Дядя Ваня пьёт умно, больше приставляется, а ты не умеешь.

- Ишь ты, права мать, вырос.

Через четыре дня на райцентровской свалке дядю Ваню нашли мертвым. Поползли по волости всякие слухи. Кто убил,

кому он дорогу перешёл - областные сыщики разбираются. Мужики на деревне обкуривают новость.

- И чего делят, чего делят? Нефти - качай не хочу, уж до свалки добрались... Бабу из Думы стукнули - понятно, банкира - ясно, одних олигархов бьют другие олигархи...

- Не скажи - и. Олигарх он тот же поселенец, статус у него временный, как и у нас, у резервированных поселенцев. Раскинешь умом - братья нам двоюродные. Правда, сидят братаны в Израиле, хрен ты олигарха каким пестом в ступе изловишь. «Криминальная Россия» да «Бандитский Петербург», каждый день учебная тренировка!

- А не чеченская ли банда орудует, господа поселенцы? Говорят, бритвой по горлу чирк - и ваших нету. Наши больше кулаком или там железякой какой между глаз зафитилият... И то спяну.

- Держите меня. Чего ты плетёшь, какая Чечня? Вот если это... - косят глазами на дом Ершовых, - чего Ёрш с Ванькой друг дружку за воротки таскали? Не наше, конечно, дело, а всё же... Или третьим летом Ванька в областную больницу поехал...

- Это когда ему пуд таблеток прописали?

Пришла в магазин жена дяди Вани, Александра. Красные, толстые губы сжала пузырем и надулась: вдова я! Бабы не в очередь стояли, так, новость огладывали. Расступились, ход ей к прилавку дали, только усмехаются про себя, нет в бабах жалости. Продавец женщина высокая, на мужицкий манер скроена. Глядит она на Александру, присела, вытаскивая буханку за буханкой из своей попрятушки, глядит, передвигая по полке бутылки с водкой, и с высоты своей ровно видит душу покупательницы.

- В морге? - спрашивает продавец.

- Где еще! - резко отвечает недовольная Александра.

Буханки в сумку неряшливо затолкала да прочь из магазина.

- И до чего мы важные... Прощелыга худая. Пускай вся деревня вымрет, лишь бы им сладко жилось, - говорит продавец.

Молчат бабы, переглядываются. Насторожились; засосала тоска в сердце.

Отец с Вовкой мастерят на улице гроб. Вовка сам вызвался помогать, отец его не просил.

- Зимой запахло, - сказал отец, - видишь, как лес затемнел? А запах, запах чуешь?

— Нечу, - говорит Вовка, нюхая воздух.

— Снег топчется... Вот, Ваня, опустим тебя в земельку, снежок припорошит, ровно и не жил, «милый ты мой», ровно тебя и не было на свете. Да -аа, всё - то так, временно....Ещё бы жить да жить, глядишь и колхозный пай долго - коротко срубил бы, а вот как получилось...

- Папка, кто его убил, как думаешь?

- Кто, кто... работники бесовские.

-???

- В каждом из нас столько дерьяма всякого - один Бог знает. Копится и копится, да как закурится - вулкан! Дерьмо - благодать всяких пороков, похотей беса, так и гибнет человек через натуру свою. Ровнее строгай. Станет Мартемьянновна с Ваней прощаются, станет пальцами доски гладить, а доски -то с рубцами - пороки в досаду пошли, не угомонились, пристанище себе новое ищут. И будет, пока жива, нехорошо о нас с тобой думать: поленились Ерш с Ершонком сына моего ангелу передать.

- Папка, я никогда не думал, что ты такой... скажи, какому ангелу?

- Такому. Посмотри в кухне у матери икона стоит «Жены ми-роносицы у гроба». Там ангел на камне сидит, он и примет Ваню.

Долго копался отец с гробом. Посмотрит с одной стороны, зайдёт с другой, задумается, и стоит себе. И, может быть, уж видел он в гробу лежащего Ваню Попова, прощения просил - Ваня лежит с тем равнодушным покоем на лице, какой дарит всем смерть... Вот вздрогнул весь, вытянулся так, как в своё время вытягивался в армии, и говорит:

- Схороним «милого моего» и поеду я в Великий Устюг.

- К Деду Морозу?

- Я сам кого хошь заморожу. Надумал я, Вовка, в церкви побывать. Поедешь со мной?

МЕЗОНЬКА

Утро было тихое, безмятежное; и день начинался, как продолжалась освещенная ночь; окруженный белесой дымкой тонкий и молочно бледный серпик месяца завис в беспредельной шире неба, и горел, будто готовая внезапно погаснуть лампада...

На покосившемся деревенском крыльце лежит на старом пестром тюфяке под рваным тулупом голый по пояс, с содранной переносицей, Василий Иванович Ендовкин, а проще - Васька Мезонька. В ногах у Васьки свернулась калачиком рыжая собака по кличке Кича. Мезонькой в северных краях зовёт мать сыночка своего возлюбленного, порошинку в глазу, кровиночку свою выстраданную, ухоженную, обласканную, ни в чём нужды не ведающую с пелёнок. Случается, правда не часто, от большой материнской любви с годами вырастает хозяйствственный мужик, сразу упирается ногами в углы родительского дома, пришла весна - у первого в деревне топор на срубе стучит, а чаще - сытого облома увидит пестунья мать на склоне своих лет. Самый легкий морозец, бодрящий и крепкий, наполнял воздух особенным, нагоняющим на душу грусть, осенним увязывающим запахом. От былого крыльца одно название. Ни рам на окнах, ни обшитых темсом стенок, ступеньки и те сгнили. Васька вчера «гонял в Бухару» - «халявка» подвернулась, будет спать долго и ни холодок, ни тревога, ни смущение, ни пролетающие мимо инопланетяне, ни собачье повизгивание не внесут коррективу в установившийся распорядок блудного холостяка. Матерый авангардист портретного жанра силой своего воображения молнией рассек бы готовый для работы холст вместе с подрамником по индивидуалистической оси. На левом пространстве - человек, похожий на бояка с отрицательной энергетикой собственника, на правом - старый мужицкий косматый мерин. Мерин пригрелся весной на солнышке среди подсохшей шуршащей прошлогодней травы, сладко дремлет и, должно быть, праздность своего пребывания считает заслуженной наградой да плюс от большого удовольствия тихо качает головой. И всё, точка. На этом всякое пор-

третное размежевание исчерпано. Как мерину не бывать человеком, так человеку не бывать мерином.

Васька здешний, родился, вырос и пребывает в здравии в деревне Кострецово, лет ему сорок, не женат, не судим, сильно не изработался. В плечах широк, роста среднего, лицо худощавое, белое, но обросшее диким черным волосом, глаза дерзкие, и наглые, и страшные. Может быть, глаза наглые от того, что тонкие губы редко добродушны и улыбаются насмешливо - ядовито? Или бледные ноздри трепещут в минуты некого превосходства над миром и тем самым дают команду глазам устрашать робких?.. Васька не работал, не работает, и «горбатиться на дядю» не будет. Чем кормится? - из - под копыта. Греха не прохлебаешь; где украдёт, где продаст, где выпросит. Районной свалкой брезгует. Пиво даже в морозы пьёт прямо у магазина - любит покрасоваться, какой, мол, я, независимый и обеспеченный человек. Еще предлагает отведать пивка всякой старухе, неодобрительно взирающей на него, приложиться к бутылке. Его не коробит тот факт, что деньги на пивко добыл из милости, ползая на коленях перед этой старухой.

Вяло и нехотя отодрал от тюфяка голову Васька Мезонька. Собака обрадовалась движению хозяина, подскочила, лизнула в лицо. Не угодила: язык задел подсохшую корочку на переносице, потому вместо ответной ласки получила удар кулаком.

Сидит Васька Мезонька на крыльце, смотрит на обитую клеёнкой дверь избы, на стену, из пазов между бревнами ключьями висит грязная, самого низкого сорта дешевая пакля. Мать коно-патила когда - то... С коридора тянет старым навозом. Мать когда - то держала коз... Жаль, нет больше матери, четыре года как нет. Кабы жива была! Пенсию мать выработала небольшую, зато стабильную, а какая угодница была! Не успеет, бывало, глаз разлепить, она со всей материнской нежностью: «Картошечки, Васёна, поджарила, с лучком, с мяском, а мясо без салинки, как ты обожаешь, одна любовинка». Того не ведал Васёна, откуда мать мясо для него свиное берёт, он сковородку с картошкой как за ухо кидал.

Всё в прошлом...

- Та - ак! – протянул Васька.

Ещё посидел, на небо поглядел. На днях посетила мысль приладить свалившуюся с сеновала тесину. Тесина съехала, уткнулась торцом в крапиву и стоит, не падает. Ходил, смотрел в образовавшуюся прореху, даже представил, как осенью будет темно, за стенами заходит ветер, польёт дождь... что - то отвело, не стал тесину водворять на место. Не любит Васька осень. Осенью умерла мать, осенью дуют порывистые ветра, особенно глубокой осенью голодно, природа вся исходит на плач и вся плачущая картина действует на него самым гнетущим образом. Каяка - то тоска давит его...

-Та - ак!

Приоделся Васька, зашёл в нетопленую избу. Зашёл от внезапно посетившей его беспрчинной злости на весь белый свет. Мельком глянул на себя в зеркале, пнул грязную и ободранную печь - ишь, разлеглась тут... в переднем углу, где виднелся покрытый паутиной образ Угодника Николая - материнская память, была прошлый год спрятана «заначка», тысячную денежку дал на опохмелку молчаливый седой горожанин, что придумал строить «от большого ума» под деревней Усачихой «ГЭС»... увы, в очередной раз обманулся.

На сленге пьяниц «поездка в Бухару» означает длительный запой. Вчера в первой половине дня он ходил в соседнюю деревню Усачиху, в Усачихе есть магазинчик, и торгует в нём толстая, вечно сердитая Ефимовна. Хотел Васька выпросить под запись если не бутылку водки, то буханку хлеба. Насчёт водки Ефимовна и слов не подпустила, а хлеб, сказала, привезут на вечеру. Попросил воды напиться. Зачерпнула Ефимовна ковш из оцинкованного бачка, подала. Нехотя тянул водицу Васька, глядя на Ефимовну поверх ковша.

- Нынче хлеб худой пекут. Эти буржуи в Россию один мусор взяли, - сказал Васька, напившись и отирая бороду.

- Сожрёшь, - огрызнулась Ефимовна.

Выхватила ковш из Васькиных рук, к умывальнику подошла, ковш сполоснула.

Скривил рот наподобие улыбки Васька Мезонька, хотелось

съязвить, и он съязвил бы, будь выпивши, а трезвому идти в задир было не с руки.

- Амазонка ты, Ефимовна, сущая воительница, - сказал Васька.

- Иди - ко ты ко всем чертям собачьим! - парировала Ефимовна. И демонстративно подошла к окну, стала смотреть на улицу.

Раз хлеб привезут к вечеру, то покупателей кроме Васьки в магазине не было.

Для Ефимовны Васька Мезонька настоящий паразит. У неё самой сынок не чище Васьки. Девять лет как пришёл из армии, перст о перст по дому не колонул. День спит, ночь блудит. О женитьбе и речи нет. Сбилась вокруг её сынка шайка великовозрастных шалопаев, тащат всякое железо и сдают в металлолом, умудряются под напряжением снимать провода электролинии, шарят по нежилым домам, не прочь в лихую ночь в глухом урочище навалить доброго лесу, потом организуют вывоз и «банкет» - пить - гулять, пока всю выручку не спустят. По Ефимовне всех бы паразитов, которых обобщенно слезливо зовут «потерянное поколение» да милостиво держат на «безработке», затолкать в большую яму и год не кормить. Чтоб как крысы сами себя пожрали. Ещё Ефимовна матом кроет всю державную головку: **наплюдили «нероботи»!** Виданное ли дело, искусственно нищету разводить?!

На прилавке в алюминиевой чашке лежали деньги. Сверху бумажные десятки, выглядывал уголок сотенной, а снизу разменная мелочь. Близко к Ваське стояла чашка, протяни руку и... Васька и протянул. Как обидно, что Ефимовна в этот момент оглянулась!

- Ох ты, паразит! - дико вскричала Ефимовна и проворно вылетела из - за прилавка. - Ты ешё!... Ты только ешё!...

Ваську долго упрашивать не пришлось. Он ретировался к двери, угодил носом в притвор, так сказать, искупил позор кровью.

Шёл деревней, зажимая кровоточащее переносье, нашёл на дороге клок газеты, поплевал на него, налепил на нос. Куда шёл? А куда ноги несли.

Донесли ноги тело до реки, до плотины. Прошлый год вы-

ехал из города на житьё в Усачиху пенсионер, начал плотину на реке ставить, а деньжонок хватило лесу закупить да береговые городки срубить. Народ затею не одобрил: это раньше при царе плотины всем миром ставили, а теперь кто поможет? В деревнях остался хромой да пегий, настоящие мужики на погостах лежат. Сельсовет, которого нет? Государство? Ага, разбежался; у достойнейших «сынов народа» одна думка: поскорее да побольнее ободрать своих униженных баранов и на отдых в Египет! А строитель ещё замахнулся в своих проектах на персональное волостное электричество, от мировых цен независимыми жить. В этом году новоявленный Чубайс заболел, с весны по больницам. На берегу пикник, костёр горит, понехавшие из райцентра шестеро толстосумов шашлыки жарят. Васька, понятное дело, перестал бы себя уважать, не приверни на огонёк.

Вразнобой говорили много, досталось и своим, и чужим. Накостили трезвеннику Мише Горбачеву, Абрамовичу - «шитьё на нитки не приходит, живёт беднее последнего чукчи!» - подытожили количество добываемых в стране баррелей нефти, на высокой приливной волне прокатились по всему Тихому океану. Оказывается, даже наши райцентровские «пацаны» обживают неоткрытые острова, доки в акульих плавниках и тамошних отелях, а что касаемо аборигенок... красота - а! особенно хорошо наяривают «танец живота», но... дороговаты да и характером сущие дьяволицы. Незваный на пир Васька Мезонька не выпучивался, заразительно смеялся вместе со всеми, время от времени плевал на отклеивавшуюся газетную заплатку и шлёпал её на переносье, от выпивки не отказывался. Кто - то обозвал Ваську «золотой ротой» - будто не слышал, другой раз презрительно окрестили «лешим в натуральную величину» - и заспорили: а какой он леший? На суд истории вынесли вердикт: леший, это, скорее всего, Карл Маркс, ибо он засеял русские умы логосом. Высокий заморенный бизнесмен зрелых лет стал кричать, что он учился в Московском университете, а логос изобрёл Гераклит, ибо Гераклит из бога, судьбы, вечности, мудрости и законов сварганил винегрет, что на языке древних

означало словоблудие. Тут у ярого оппонента лопнул верхний зубной протез. С приступившими слезами на глазах запрыгал бизнесмен, давясь словами, горячим куском мяса и разломившимся протезом. И шампур на землю кинул, черт с ним, с мясом. С выражением какого - то ужаса и отчаяния, разглядывает страдальца части протеза, потом принимается сиплой площадной бранью осыпать зубника. Собутыльники ржут, потешаются, советуют отковать в кузнице железные зубы из обоймы подшипника. Шампур с остатками мяса достался Ваське Мезоньке. Правда, порядком подпивший жирный бизнесмен - это он налегал на Карла Маркса, предварительно оплевав куски мяса; ничего, зараза к заразе не пристаёт, Васька ел сдобренное слюной и землёй отличное мясо да похваливал. Все заметили, что пришлый малый обладает завидным аппетитом. Как у нас водится, после хорошей пьянки испокон веку идёт выяснение отношений или мордобой. Вроде кто - то подмазал районным лесным царям да не в том «квартале» мазал, или кто - то перехватил у кого - то удачный фрахт, или был пожар да не у того горело, - в разговоре шла речь о пожаре, а вернее всего для пущей исторической важности - какая разница, похож Карл Маркс на лещего или не похож, - чего потом вспоминать, если не было крови? Заморенный бизнесмен выплюнул и нижний зубной протез, бросил его далеко в траву и с сиплым криком: «Барыга!», вдруг ударили толстого, как оплывшего жиром соседа. Жирный мужик ухнулся, точно филин в лесной чаще, страшно и глох, сгреб заморенного и подмял под себя. Заморенный вцепился всем, что имелось в распоряжении десен, в живот противнику. Жирный истощенно заорал, отпустился, моментом свободы воспользовался заморенный, живо очутился верхом на противнике и стал бить того обеими руками, стараясь попасть по пухлому лицу, которое жирный, изворачиваясь, старался спрятать. Что Васька, остальные мужики с видимым удовольствием наблюдали за ходом потасовки и не спешили разнять гладиаторов.

- По яйцам не бить!! Я кому говорю?! - кричал крепкий бритоголовый парень.

- По левому, по левому вкати! В левом девки, - в тон рыжему поддакнул бизнесмен с бородкой под Калинина и давай от нетерпения закатывать рукава белой рубашки.

Между тем озверевший замореный бизнесмен перестал бить жирного бизнесмена, а, нагнувшись, принял кусать и грызть жирного сзади за шею, похожий на чахлого волка. Жирный оглашал воздух жалобным криками о помощи. Замореный мял жирного коленками, а кулаками то правой, то левой руки бил по ушам.

Васька Мезонька под шумок приватизировал бутылку водки и дал тягу. Кто их знает, этих олигархов, ещё в свидетели попадёшь. Водку тянул до глубокой ночи. Жалел, что не прихватил хорошей закуси. Какая ветчина осталась! Вроде палтус копченый под кустом в пакете лежал, уж страсть нос драл приятный запах?

- Во - о!

Васька Мезонька встал с места, озаренный мыслью не мешкая бежать на то место, где вчера бизнесмены жарили шашлыки. Кича, изгибаясь, с недоверчиво - робкими глазами, сунулась в ноги хозяину. Васька перевернул её ногой с боку на бок, нагнулся, почесал за ушами, сдернул с прокинутой бечевки брюки, стал одеваться.

- И ты хочешь шашлычка?... Вижу, вижу, что хочешь. Счас... Чтобы мне пораньше...

Потом были такие же дни, серые, однообразные, похожие один на другой. Шашлыков, правда, больше не ел, довольствовался картошкой и грибами. Кича объедалась мышами. Много мышей в некошеной годами траве. Васька иногда подумывал, что надо купить побольше мышеловок. Изловить штук десять - чем не ресторанное блюдо? Китайцы едят тараканов, клопов, жуков, улиток, всё едят, почему русским обязательно подавай свинину или телятину?

Выпал снег. В избе холода. Дрова - то «с покупу» - в одном месте жердь из изгороди выдернёт, в другом чурку бог даст - везут лесозаготовители дрова телегами, на трясках чурочки и падают. И ту тесину, что с крыши весной съехала, истопил. Хотел

топор насадить на топорище - не получилась, не успела мать научить топоры насаживать.

Лежит на печи Васька Мезонька, думу думает, мать жалеет. Печь чуть тепленькая. Нащупал рукой спички на кожухе, чиркнул спичкой по коробку. Слабый трепетный свет спички выставил почерневшую стену, потолок весь в трещинах... погасла спичка. Подложил под голову руки, тяжело вздохнул; в избе стало как будто темнее, тоскливее... «И чего нынче тараканов нет?.. Мать увела что ли? Бывало, поставит таз на печь и давай ото всюду веником сгребать...»

Мало в картошке калорий.

От грибов только брюхо урчит.

Живут в Кострецове две сестры, обоим за восемьдесят. Детей ни у которой нет, замуж не выходили. Старухи могутные и работные. На двоих сто лет животноводству отдали, обе Почетные колхозницы. Одну зовут Клавдия Александровна, другую Калерия Александровна. Бытует про сестер бывальщинка в волости: якобы по молодости правились в Масленицу из гостей, до того **объелись** блинами да всякими яствами, что свалилась рукавичка у Калерии, Калерия не могла наклониться, стала рукавичку пинать по дорожке. А сестра Клавдия, расхохоталась, нарочно свою стряслася, обе идут да пинают, до самого родительского дома допинали. Вот, дескать, как мы наелись, на весь Великий пост. Страшно боятся старухи всякой нечистой силы. Постоянно подновляют углём начертанные кресты на венцах избы, дверях, даже еле живые от ветхости штакетины все в крестиках. Сказывают на деревне, что старухи выходят обороняться от нечистой силы под самую ночь. Пожаловал Васька в гости к сестрам. Заехал издалека, **обстоятельно**, без спешки речь повёл, упирает на проклинаемую нынче власть коммунистов, а при коммунистах всем жилось лучше, так сказать, вниманием был охвачен всякий человек. При демократах по всем бы законам должен Почетным колхозницам оказывать колхоз, но раз колхоз ликвидировали, то и спрашивать не с кого. Он - де от чистого сердца предлагает престарелым старухам неофициально взять его опекуном. И клятвенно заверяет, что будет на санках возить воду из колонки. Сто рублей с фляги.

Без обману: вода - деньги. Переглядываются Клавдия с Калерией, как и быть не знают. Отказать - вон какое прядло этот Мезонька, схватит за горло ту да другую и отжили; согласиться, значит, принять осенца - барана Мезоньку на кормление. А Васька глаза дерзкие страшными делает, губы тонкие сжимаются в насмешливо - ядовитой улыбочке, и ноздри трепещущие как принююхаются к окованному железом сундуку.

- Ужо, - решается Калерия Александровна, - мы подумаем.
- Ага, ага, - поддакивает Клавдия Александровна, - подумаем.

- Ну, тогда завтре первую флягу и привезу, - важно говорит Васька. - По такому случаю обмыть бы уговор - то не мешало, а, тетушки?

Залила снисходительная полуулыбка Васькино лицо. Жаль, из - за бородищи не видать её.

Старухи и запричитали, затянули тоскливого Лазаря.

Он за двери, а защелка на воротах нежно - прощально пропела в след: «Чу - урр меня - яя!».

- Сто рублей! - изумляется Клавдия Александровна.

- Четыре буханки хлеба! - на Калерию Александровну нападает икота. Она упирает в сестру свои светлые очи, как будто удивляется, что сестра не понимает, в какой капкан они попадут с этим Мезонькой.

- Баяли на деревне, он фляги в заброшенном колхозном ядовитом складе свистнул, - говорит Клавдия Александровна.

- Отт...равит!... Ковшом... на...на...носим!

«Ничего - о, - думает Васька, - возьмём эту крепость». Загадывает он, какие запасы несметные у этих бережливых старух имеются. Только бы войти к ним в доверие, а там!... Правда, слышал от кого - то, что старухи много денег в сиротский дом перевели, да чтобы эти скряги голыми себя оставили?

На другое утро, как и обещал, тащит флягу воды на своих санках. Санки еле живы от ветхости, веревочками - проволочками матерью покойницей увязаны. Смотрит, кругом улём начертанные кресты, да такие жирные, будто головёшкой работали. В ворота стучится - не открывают. Минут пять стучался. Как назло погода ветреная была, сиверок с ночи ревзился, пришло

уши у шапки распускать. Тут с коридора вкрадчивый голос Калерии:

- Хто там, хто хрещёнай?

Васька назвался степенно, по фамилии:

- Ендовкины мы.

- Господъ Вседержитель, войди в защиту рабынь твоих покорных.... Спаси - ибо, Василий Иванович, спаси - ибо. Мы ещё до свету воды наносили. И кадца всклень, и в баню тож. Седни нам вода без надобности.

Зло взяло Ваську Мезоньку.

- Договаривались! Полно балы - то точить!

- Што ты, што ты, Василий Иванович, какие балы умного мужика с глупыми старухами?

В сердцах вылил флягу на угол избы, крестиками исчерканный, налегке вертается домой.

На другое утро опять с флягой воды к старухам катит. Опять им вода не надо. Уж обе с той стороны дверей стоят, одна жалобное с надрывом сказание про безрадостную жизнь выводит, другая поддакивает.

На третье - та же история. Стал Васька ругаться, в стену поленом колотить, грозится устроить сестрам «Варфоломеевскую ночь». Старухи напугались, к соседям, там и так, грозится Васька Мезонька их спалить. Сосед Михайлович - последний вояка волости, в танке горел под Варшавой, ему Васькины угрозы как слону дробина, тут же по телефону вызвал участкового. Участковый провёл с Васькой воспитательную работу и взял с «нарушителя покоя в деревне» расписку, что больше гражданин Ендовкин не подойдёт к дому старух ближе, чем на пушечный выстрел.

Рассматривает Васька пожелавшие фотокарточки. На одной рукой матери пояснение: «Племянка Вера двоюродницы моей Фаины». Долго вспоминал, какая у матери была двоюродная сестра Фаина. Вспомнил: посыпала как - то мать его, окончившего второй класс, с волнухами в райцентр к неким Картузовым на улицу... «Чёрт... какая же то была улица? Вроде кузница ещё рядом была?.. Коммунистическая?... Пролетарская?... Третьего Ин-

тернационала!». Ну, думает, повезло: не гоже родственников забывать.

Собаку оставил дома. Деревня ещё не вымерла, жалостливый человек бросит кусок.

Косой холодный дождик пополам с крупой неровными порывами, будто из частой лейки, поливал идущего в люди Ваську Мезоньку.

Пришёл в райцентр, нашёл улицу Третьего Интернационала. Оказывается, нынче это улица академика Горбунова. Нашёл одних Картузовых, вышел на стук татуированный мрачный детина - нет, мы беженцы с Киргизии Из - за спины детины высунулось лицо старухи, страшное, худое, мертвенно бледное, со слезящимися глазами, закричала голова визгливыми, режущими слух голосом: «Ходют тут всякие бухарщики окаянные! не знаем ни какой Фаины»; у вторых Катузовых отыскалась материна двоюродная сестра, да жаль, умерла пять лет назад. Но племянница Вера жива и здорова. Лет этой Vere пятьдесят, по комнате ходит с палочкой. Стала женщина расспрашивать гостя, чей он да откуда.

- Неудобно как - то...пришел вот...хлопот принес вам...

Но говорил гость это только так себе; на самом деле он сразу смекнул, что Вера эта женщина сердобольная. Он бородишу свою поумял пальцами, просветлел лицом, и вместо злой, недоверчиво - напускной улыбки на губах его заиграла приветливая. И говорить стал каким - то особенным, хрипловатым и растянутым голосом, намеренно давил на жалость. Одет он был в заношенную, старую, завалывшуюся одежду, но больше всего хозяику удивили на ногах подвязанные веревочками галоши.

- Не холодно?

- Не жарко, - с какой - то скрытой иронией в голосе согласился гость, начав стаскивать с себя заношенную фуфайку.

Хотел кинуть фуфайку на ткнувшуюся чепом к окошку глинянную печь - привычка всё на печь бросать, хозяйка палочкой показала на стену. Поужинал Васька - затянуло с поисками, тут хозяин с работы пришёл. Был хозяин маленького роста, кряжистый, похожий на корявый обрубок какой - то гнутой ветром

и стужей деревины, плешивой, с щетинистыми белыми усами, с лицом, похожим на пятак, с черными маленькими глазами. Жена растолковала ему - звали хозяина Капитоном Николаевичем, какой к ним гость пожаловал. Капитон Николаевич поразился Васькиной бороде:

- Из староверов каких што ли?
- Что вы, из работяг, - как можно смирнее и приветливее отвечал Васька. Губы не поджимал, глазами не играл, ноздрями не шевелил.

- К нам духовные нынче гужом, церковь открылась.

Собрала жена Капитону Николаевичу ужин, тот умылся, чинно сел за стол и приглашает Ваську отужинать с ним. Васька благодарит, ссылается на «тётю Веру» - под пыткой Васька не смог бы объяснить, с какого боку ему Вера Картузова приходится тетей. Наливает хозяин по сто граммов водочки себе и гостю, Васька себя не узнаёт, отказывает нутру своему пропитому. Сел сбоку на диван, весь ушёл в слух и внимание. Хотелось ему втереть очки обретенной родне. Капитон Николаевич похвалил:

- Молодец. А то нынче молодёжь пошла психованная... Слыши, Вера, учителя нашли на днях.

- Какова учителя? - спросила жена.

- Ну, этого... Заслуженного! Кузнецова. Петра Павлыча. Царство ему небесное... Трубу водянную за «Сельмагом» прорвало, пригнали экскаватор, копнули раз - другой, он и вывалился. Вонять крепко начал.

- Гос - по - оди - и, - произнесла жена шипящим голосом, вытягивая губы. - Кто его? За что его? Какой человек был хороший, справедливый...

- Вот и живи, - многозначительно сказал Капитон Николаевич. - Чем больше нефти качаем за бугор, тем беднее живём.

- А нефть тут при чем? - спросила Вера.

- А при том: убили - то сын главаря компрессорной станции да внук бывшего прокурора Тошинского, так - то!

- Да они ж ещё в школу ходят!

- Ходят... - сердито хмурясь, сказал Капитон Николаевич.

Дальше хозяин ел молча, точно сердясь на малолетних пре-

ступников. Слышалось чавканье, стук ложки... Когда чашка со щами опорожнилась, спросил сидящего сбоку от него на диване гостя:

- От дела лытаяешь, али дело пытаешь?

- Да и не знаю, специальность у меня - поднять да опустить, всё в колхозе на рядовых тяжелых работах держали.

- Знаю я этот колхоз, ни дна бы ему ни покрышки!! Еле вырвался в своё время. Месяц ходил в сельсовет, матка ходила, на коленках стояла, справку на паспорт просили. Вымогали, дал, аспид Евграф да Силуянович. На улице на радостях положил её на скамейку, сам ботинки шнурную, - преж в сельсовет босиком ходили, хвать - крутит ветер мою справку да в ветренку, в подполье сельсоветское и закрутил. Я зверем реву, опять к Евграфу Силуяновичу, крышку подполья открыли, я в подполье шмыг, вылез - черт чертом, весь в саже - истопница, вражина, сажу в подполье ссыпала... Я на деревообрабатывающем станке у Станиславовича работаю, не желаешь, слово замолвлю?

- Можно бы... а жить где? Кроме вас, родни у меня нет.

- Так и живи у нас пока. Станиславович дом строит, смотришь, под раздачу во время угодишь. Как думаешь, Вера?

- Я что, я как ты, - уклончиво ответила жена.

Так Васька Мезонька поселился жить у Картузовых.

Подозрительно оглядел бизнесмен Станиславович представленного ему Капитоном Николаевичем нового работника. Признал его сразу. И Васька Мезонька признал Станиславовича по бороде «под Калинина».

Воздух в тот день был тих и прозрачен, и необыкновенно чуток. За кирпичной стеной вышли станки. Одна за другой со стрекотанием влетели на частную территорию Станиславовича сороки, уселись на провисших электропроводах.

- Всякое дыхание да хвалит господа, - сказал Капитон Николаевич, усматривая в появлении сорок добрый знак.

- Пернатое дыхание хвалит, - согласился Станиславович. - А человек... сволочь, лишнее звено природы.

Поманил бизнесмен Капитона Николаевича в сторону, пристально глядя на работника, протянул:

- Та - а - а- к! Сколько лет мы с тобой лес портим?

- На Рождество десять, - отвечает Капитон Николаевич.

Капитон Николаевич на вопрос хозяина улыбнулся, почесал себе нос и зачем - то слегка покачал его двумя перстами, щетинистые усы разгладил, поддернул брюки. Всё же приятно, что хозяин с ним на короткой ноге.

- Смотри, друг, чтобы всё у нас было по совести. Поручиться за него можешь?

- Обижаешь, Станиславович! В дьяконы бы ему идти - цены нет!

- В дьяконы, говоришь? - Станиславович потеребил бородку, хмыкнул. - Так чё не идёт?... Ладно, вижу и так: что рвань тюремная. Но! - Погрозил Капитону Ивановичу пальцем. - Дружба дружбой, а табачок - врознь, так? Обдеру тебя по всем статьям гражданского кодекса за его грехи. По рукам?

Васькино обучение длилось четверть часа: взять деревянный бруск, толкнуть его в «рябухи» станка, схватить другой бруск и послать следом за первым, и так всю смену. Как наберётся на другой стороне станка порядочная куча обработанного материала, так сложить эту кучу на стеллаж. Обеденный перерыв час, кормёжка своя.

- Ну, - говорит Капитон Николаевич, - день мой, ночь твоя. Бороду подвязи шпагатом, задёрнет вместе с бруском.

Первую ночь Васька отстоял справно, Капитон Николаевич похвалил. На другую ввалились к нему в столярку пьяненькие окоченевшие молодцы, посидел с ними - в столярке благодать, жарища, в карты поиграл. «Погоняло» парни Мезоньке прописали: будешь теперь «Пономарём». Молодцы и предлагают «пощипать кровососа Станиславовича, разбогател на кишках рабочего класса», потом, этот гад с паршивой бороденкой «всесоюзного старосты» унижает работяг, под дых бьёт высокомерием своим, у него кругом не люди, одни сволочи и вчерашние зэки. Тяпнуть немножко материала, а куда загнать да кому загнать - тропа прошвешена, не первый год замужем.

- Не боись, Пономарь, кто эти горы щеп лопатить станет? А кровосос из кабака не вылезает, девок щупает. За что боролись,

за что на пулемёты ложились? Должна же торжествовать социальная справедливость?!

Пошипали Станиславовича, кубометра два плинтуса свистнули.

На третью ночь опять в столярку явились борцы за социальную справедливость, долю Ваське принесли.

- Пономарь, как с тобой покатило - то! Фартовый ты мужик! Как с куста! ... держи пятихатку!

«Вот, - радуется Васька, щупая в кармане пятисотку, - как надо деньги делать, а то унижайся перед каждой сквалыгой!».

Станиславович Капитона Николаевича чуть не за грудки берёт:

- Больше двух кубов плинтуса куда делись?

Стали считать да разбираться. Точно, два и три десятых куба готового на продажу материала как корова языком слизнула.

- Ну, старый друг, уговор помнишь?

Поник челом Капитон Николаевич. Лицо его потемнело, губы тряслись. Он нахмурился и, видимо, делал страшные усилия, стараясь совладать себя.

- А то: «Обижаешь!» Я тебе сразу сказал: «Чмо болотное!» Ты хоть знаешь, кого пригрел, доброта святая?... Среди шпаны у меня есть свои глаза и уши.

И побрёл Васька Мезонька в печальное родное Кострецово. Идёт, и раскаяние не берёт, «гадов», что подвели его под монастырь с этой «пятихаткой», клянёт, капиталистов - кровососов проклинает. Не стал его бить Капитон Николаевич на глазах у «тети Веры», в гараж завёл, якобы мотоцикл помочь перекатить, да в гараже и измordовал. Угодил Васька своей дикой бородищей в ведро с мазутом, так и бежал, роняя дорогой жирные черные капли. В своей волости храбр Васька Мезонька на испуг брать изживших век Клавдию Александровну да Калерию Александровну, а угодил на чужбине под крепкие кулаки рабочего мужика и бредёт теперь побитой собакой. Хорошо хоть добротно подшитые валенки не сдернул с ног Капитон Николаевич, а как сдернул бы - шлепай в галошах покойницы матери.

Скривил губы в язвительной ухмылке, прищурил наглые

глаза: не получился из него рабочий класс, ну и хрен с ним, с дохlyм пролетариатом, проживёт прослойкой. На прослойку он согласен: «Толстый бы такой слой масла!... между двумя ломтями хлеба!...».

«Опять на картошку... пропади она пропадом!»

Чертыхнулся и...вспомнил: худенько закрыл погреб, а в погребе целых шесть вёдер мелкой картошки! Хоть бы не померзла... Клавдия Александровна да Калерия Александровна стаскали мелочь в лес, кабанам на подкормку, а Васька, блуждая по окрестностям, наткнулся на подарок судьбы и к себе переносил.

Падает косой мелкий снег. Над райцентром плывёт изнывающий душу монотонный звон. За картишками ребята трепались, что в звонари «без масла в задницу к попу влез» вторично провалившийся на выборах глава сельского поселения, сейчас, должно быть, тренирует неудачник слух и руку. На Воздвижение в селе открылась долгожданная церковь.

С час топтался около закрытой на замок кочегарки. Дым из трубы идёт, свет в тусклом оконце горит, блестящие рельсы машины убегают под дверь, а людей по близости нет. Дверь на кочегарке крепкая, железными полосами обтянутая, как сундук обтянут у зловредных старух, поленница дров аккуратные, дрова здесь пилят на специальном станке, сразу видно, что кочегарка эта частная. Поклонишься и кошке в ножки: было желание перекантоваться ночь возле теплого котла. Увы, кочегар не спешил.

Вот перешёл Васька Мезонька реку по навесной лаве, оперся на перила. День умирал; жизнь села мало - мальчики поупсокоились и затихала, реже по большаку несутся машины, звонарь отпустился от веревки; в такой сумеречный час работный народ спешит в теплые свои квартиры, кто - то лезет в ванну, кто - то «едет в Бухару», кто - то блаженно вытянул натруженные ноги и включил телевизор, а в душе Васьки поднимается что - то злое, тоскливо и гадкое. Тонущую в снегу тропку сдавили по бокам высокие тополя; свежий, выкрашенный в красную краску забор отрезает от ничейной народной собственности чью - то вотчину. Наезженная дорога пойдёт бором, за бором поле, за полем перелесок, и так двадцать километров; как на угор перед своей дерев-

ней поднимется да глянет в глухую тьму - тьмущую - уличные фонари из - за экономии средств власти обрезали три года назад, и расплывётся под сердцем некий мыльный пузырь, крикни в пустынную ночь и лопнет. Никто его не ждёт, что разве голодная Кича.

Похожа жизнь на промозглую долгую, гадкую осень.
Осень Васька Ендовкин не любит.

Купавы

В низине, обжатой рекой и увалом, присели избы. Это - деревня Купавы.

Невзрачный мужичок ступил ранним утром с крыльца на податливый снег и оробел: что гигантская птица встрепенулась перед ним в паутине сникающих теней неоглядная окрестность, попыталась взлететь, белесыми крыльями обмахнув крыши изб, хлевов, сеновалов, стоящий под березой у соседей трактор, и вжалась в утро; земля покоилась в предрассветной неге, и стволы деревьев стояли на ней величественно и настороженно, как часовые на посту.

В лицо пахнула стылая сырость. Улыбка забродила на губах мужичка; на минуту, или на две, забылся он в тайной, подавляющей пустынности, даже зажмурился - до чего же люба ты, моя сторона! При виде такой картины, подумал человек о пробуждающейся силе природы, встретившей его; скоро дожди раскуют закоченевшее царство, проснутся лога, напитанные водой, из путевой дали повеет какой - то дразнящей ободряющей пахучей полнотой, зашумит река... Тысячи льдин, издали похожих на рассыпанные леденцы, обсосанные дорогой водой и солнцем, станут наезжать друг на друга, тонуть и всплывать... Воображение обняло человека своими широкими объятиями, и как - то родственно отзывалось в душе, расшевелило в ней давно забытые струны; что - то вроде надежды на лучшую жизнь, заторопилось благодарить Бога.

У людей в этом мире промысел тайный - верно. Ох, и широка

же жизнь, разводиста! Конца краю мечтам нет, да вот узки, скользки стежки - дорожки, всё ступить некуда. Оглянулся на отжитое - где ступал там и оступался; куда бы перстом не ткнул - пусто. На божнице пусто... Что в пространство кулаком стучать? В лоб свой стучи! Тут мысль запнулась и тупо разогнулась - глаза уперлись в соседский трактор, сморщенный и сутулый, издали, как обросший мхом лишайником в этот переметный час.

« Э - э... - болезненно сморщил лицо мужичок, и всё напряглось в нём буграми, потому как были на то причины, и развернулся, подбочась, точно приготовился к драке. - Отжитое к несбывишемуся прикладываю - дурак, вроде как в кармане про запас ещё одну жизнь держу. И то: оступался... Силён задним умом всякий, будто однажды достану из кармана вторую, ангельского разумения, и на этот раз всё по совести, по честности, по - божески жить стану. Неправда: и вторую изживу, и десятую, будь они у меня, с ошибками и никогда желаемое не совпадёт с действительным, потому как нет предела мечтам».

• Ему даже показалось, что смазанный утрешними красками трактор выдавил в его сторону участливое презрение к нему - давнишнее соседское презрение, и потому надо обязательно подстраховаться, если не заискивающей, то угодливой улыбкой. «Вот ведь... привык - то как, будто мы с ним два полоза одних саней... Ровно - те на Крещенье жгучий мороз под вечер выползает с уходящим солнцем - одним валенком в своей избе живу, другим - у соседа гошу. И то сказать: в голове соседа должно быть одна пустота да полное удаление от тягот земных...».

Сравнил мужичок себя с соседом и выбранил себя: ему ли с соседом тягаться? Принизил он соседа, возгордился, а отчего бы? Не захотел пускать его в эти пристальные к жизни тихие, редкие, даже святые минуты, явившиеся к нему из недр земных. Или сказка, которую говорит земля только детству, окутала его душу мудростью и теплотой, он слышит, а сосед спит да храпит? Мысль у человека развязывается наедине с самим собой и то не сразу. Встань посреди своей избы - чем изба не деревенская улица? Долго вслушивайся в крапившую твои шаги тишину, и когда покажется, что во всем доме ты один, и изба твоя, что ча-

совня, начни говорить сам с собой. Не говори вслух, слова отпускают... Как и назвать то, что просачивается внутрь: душа ли, вечность ли, или некая осязательность - это нечто, не поддающееся описанию, не раз потом вспомнится ночами. С колокольни звон срывается по стенам и уходит в землю, и земля как бы плывет из - под ног от того звона, а возьмись услышать звон не звонящего колокола, а *свою церковь* вывести умом в дымчатой сини? Почувствуешь, как до бешенства вооружился против своей жизненной установки, значит, наговорился, можно что - то людям поведать. Тайно многое из того, что руки делают, о чём голова ногам покою не даёт, о чём надо бы сказать, да век то не скажется.

Весной солнце задиристое, хлесткое; чего ему ёжится от озоба, чего задиристому не быть, коль каждый день обновляется, румянится, то подтачивает снежную перину, то отжимает оную?

Сошлись утром два соседа, Василий Сероухов да Александр Портновский, волею случая столкнулись, пришлось Василию первому руку боязливо здороваться тянуть, Александру принять её в свою клешню. Василия Сероухова зовут на деревне Фимушкой, Александра ещё в школе прозвали Портосом. Соседствуют Фимушка с Портосом, Фимушка - угодник в деревне Купавы, Боже упаси, для него нарваться на грубость.

Встретились возле бани, оба в субботу затоплять вышли; баню, по совету тестя да по своему разумению, Фимины поставили рядом с Портновскими на озадках - ястреб возле своего гнезда и мышь защитит. Малорослому Фимушке проскочить бы бочком мимо загородившего дорогу, с долей издевки оглядывающего его соседа-верзилы, да Портос как навис, будто в музее антропологии выискивает признаки вырождения человеческого рода. Лицо у Фимушки круглое, гладко выбритое, с красной мощной лысиной во всё темя, руки - ноги тонкой кости. К физическим недостаткам приклеились пускай уже подзабытые, но моральные издержки: не взяла в сельсовете молодая жена фамилию мужа - посчитала фамилию мужа собачьей, чего доброго детей прозовут на деревне волчками - шариками; родится ребе-

нок, сама в сельсовет сходит и запишет на свою фамилию. Так и потерял Василий Сероухов своё лицо, стал Фимушкой - домовиком. Раз молоденькая бухгалтерша из приезжих с чьей - то нехорошой подачи записала Василия Сероухова Фиминым, на Руси много любителей потешиться, стал Василий деньги в кассе получать и видит, как его публично высекли. Приняло лицо его плачущее выражение, стал он тяжело вздыхать и крутить головой и, не выдержав, побрёл прочь из конторы. Больше в конторе за порогом не бывал.

Портос - глыба, а голосина! Весь сельсовет знает, как Сашка Портновский прозвище получил. Вызывает его к доске старенькая учительница Поликсения Аввакумовна, расскажи, говорит, Саша, как «революционэры» снесли Бастилию, знаменитую французскую тюрьму. Любила Поликсения Аввакумовна придать революциям пролетарское презрение и справедливый коммунистический гнев. Саша Портновский стал сочинять, как мушкетер Портос первым ворвался в тюрьму, хватал от трёх до пяти стражников и сбрасывал со стен. В разг вошёл, говорит, как подкупленные тюремщики связали храброго Портоса и отправили на каторгу в Россию. Вот, поясняет, откуда пошли Портновские в нашем сельсовете, от сильного корня, от мушкетера Портоса, а вовсе не от портных, что с аршином за мухами гоняются.

Класс дождался, когда Поликсения Аввакумовна засмеялась, и стал хохотать. «Иди уж, Портос, троечка с минусом». На следующем уроке Поликсения Аввакумовна едва за стол села да журнал успеваемости открыла, вызывает к доске: «Ну-с, самозванный Портос, минус надо ликвидировать». Саша покраснел, к доске вышел, и давай рокотать густым басом, учительница обоими руками замахала: «Замолчи...». Так и пошёл Саша Портновский по жизни Портосом. Во всем Портос любит первенство. Пришёл новый трактор - механик к Портосу на совет: «Как, Иваныч, думаешь? Если я вот такому-то отдам?». Характером был нелюдим и горд - встретится даже с председателем колхоза, обязательно отвернется, будто заметил что - то оброненное - ни к чему, мол, мне ваши «здравствуйте». Завелась в сельсовете свадьба, молодые по наставлению родителей примолвят Портосу: «Просим

Александр Иванович...». На праздниках Портос напивался под завязку, как начнутся танцы - много ли в деревенской избе, заставленной столами, места для танцев? Станут широкие плечи подергиваться сами собой, со свистом ринется со своего места на средину избы и начнёт «давать жизни». В неестественно веселом расположении духа становится Портос, с неописуемым восторгом отбивает лихой трепак, пол под ним ходуном ходит.

- Щёоо, тррактор вырываешь? - не спросил, пустую бочку уронил Портос.

От бегло сверкнувших, как зарницы, глаз, предчувствий, сильно обмяк Фимушка и говорит, а голос его обрывается:

- Сам посуди, Иваныч: дом брата продал, деньжата есть... зять... власти дышло на частную собственность воротят, вот... теща и тесть согласны...

- Мало тебе батько уши дррал.

Сжался Фимушка; ждал он, не знать чем, провинившийся, ту минуту, когда придётся держать ответ перед Портосом. Как под нахлынувшей со всех сторон водой, вобрал в себя руки, ноги и мысли, сказал, упрямо качнув головой:

- К тому дело идёт!

- На щёоо тебе новый? В железе ты - гусь лапчатый... уггробишь.

Фимушка виду не подал, что обиделся от такой нелестной характеристики. Когда - то, как и Портос, учился он на тракториста, но заветных «прав» не получил: перед самыми экзаменами отравился консервами и пробыл в больнице почти месяц. Потом женился, вернее «в дом вошёл». Год - другой «домовиком» на деревне называли, потом перестали подклинивать: мухи Фимушки не обидят, со всеми приветлив, ко всем со всей душой. Случалось, сосед «сносил Бастилию» - являлся домой пьяный, Фимины пребывали в страхе. Трещали доски: коронный номер соседа разбивать стулья о дощатые стены веранды. Окна, естественно, вылетали в первую очередь. Сядет пьяный и дурной на колченогом стуле у стены, значительно улыбается долго и неопределённо; идёт мать, он мать обнимает, целует, прощения просит. Мать гладит сына по голове, шепчет ему в ухо приятные речи, Портос

вскочит, мать на руки берёт и заходит с ней в избу. «А ты... - всячески бранит жену, - уносись к лешему!»

- Немножко - то...

- Учиться надо на старром. На колхозном. Лещий с ним, с колхозным - то. Угрробил - другой дадут, а тут свой... ббарбаном надо быть, в колхозе жить да свой трактор заводить. Вон у меня карръко под окнами стоит, шерсть кислую из него вымну и ~~спэтэушнику~~: учись на старренъком.

- На заседание правления заявление написал, ты как член, Иваныч...

- «Прротив» проголосую! Ишь, кулачина из перрелога вылез!! Трактор на колхоз поступит, потом как ещё правленцы ~~посмотрят~~ на такой драмтеатр, председатель пойдёт прпросить управление сельского хозяйства сделать такому Фимушке снисхождение... А кто такой ваш Фимушка, спросят? А так себе, рядовой - пехотный Ваня. У тя хоть маленькая грамота за ударный трруд есть? То-то.

- Когда бы и твою полоску подкосил... А хвати по грибы - ягоды ехать?

- Отстань ты со своими гррибами! Взял моду тёщу с бабой слушать! По бабам не тяни, ну их в болото, ведьм этих!

Разминулись; мужики своё дело сделали, за топкой печей в банях будут следить хозяйки.

Намеренно нагнул Фимушка лысую голову к долу - обязательно оглянется Портос, любо ему видеть, что соседа проняли его умные речи, шмыг за поленницу дров и смотрит - уходит ли Портос. Сел у хлева на кособокий старинной работы стул, облокотился на стену, и, по-видимому, стал глубоко обдумывать идею, вероятно, ту самую, с покупкой соседями трактора. Поволоклось от бани то ненужное, что было в Портосе, стало просторнее между огородцами, даже дышится легче.

Сойдутся Нина Фимина с Марией Портновской, Мария не сдержится, надо ей высказаться, надо выплакаться. Подол плаща поднимает, синяки на теле показывает.

- Говорила матушка: «Не кажи людям душу, люди помогут тебя распять»...

- Што ты, што ты, Мария! Разве слово недобroe я про вас выпустила?!

- Твой золотник мал да дорог, а мой... «рреволюционэр»! - плачет Мария.

- Понимаю тебя, соседушка, понимаю...

- Ничего ты не понимаешь. Ты из-за стены видишь, ты на себе не испытала... Бог надоумил: парень и девка после школы по городам подались. Как представляю, что батько с сыном сошлись в рукопашную!

- Оборони, Господи!

- В вашем доме раздолье бабьему голосу, а у нас!

Залаяла собака с широким горлом. Мария Портновская ойкнула, с тихим испугом оглядывается на свой двор и облегченно вздыхает. И говорит, говорит, странно спеша; вдруг улыбнулась большим лицом. Заколыхалась улыбка, плотная, сворованная, улыбка утопила глаза в складках век, и остались только две искристо-жуткие точки, где - там, давным-давно, кончился счастливый бабий век, сгинула бабья страсть; улыбка не шла ни к Марии, ни к тому, о чём спешила поведать.

Все выше и выше поднималось весеннее солнце - зима, притушив свою тощую светом лампаду, убиралась на север. Все роскошнее и впечатлительнее становился деревенский день. По рассказам чудаковатой бабки Александры Фиминой, она в эту пору который год видит примерно одинаковую картину: именно в заморенной долгой стужей дали сначала осядут мутни бескрайние, не надолго занятаются острый и больной для глаз свет, начнут облака толпиться и сваливаться, а как просветит небо синее, так и родится новая жизнь. То, что птицы весну на крыльях несут - и снова чистая правда; детская сказка и с детства осветившая нас светлым, что может быть чище детской памяти? Якобы выползает из сырых пеленок любимое природой невинное дитя, не мешкая долго, упирается крепкими ножками в твердь земную, умывается ослепительно блестевшим подтаявшим снегом, и давай бегать между белыми березами, печальными осинами да начавшими уже молодиться елями. А то согнёт две вершины - чем не качели? И давай взлетать под самые лазур-

ные небеса. Или озабоченно аукает, а то хохочет разымчивым хохотом, вот ближе к вечеру заливаются неутешным плачем: оно и понятно: день - блеск, тепло, радость, вот наступит ночь, из обманутых лаской полей выползёт холод. Как дожить до завтрашнего утра?

Про свои видения бабка Александра рассказывает в магазине. Народу много, когда - де машина с хлебом придёт. Народ не удивляется: восьмой десяток старуха доживает, в таком возрасте не все с головой дружат. Не перебиваются, не подсмеиваются и каверзных вопросов не задают. Все знают, что бабка страстно любит птичий мир, любит лес, обладает необыкновенно тонким пониманием погоды, разбирается в травах. Она точно скажет «голос» того или иного петуха в деревне - рот раскроет, взгляд восторжен и туманен, будто людей не видит, продолжает слушать весеннюю сказку, обаяние светлой картины утра, развернувшегося в воображении бабки так велико, что она вздрагивает, как одумавшись; как надломленное ветром дерево, заскрипит что - то у неё в горле, она по горлу сухими перстами побьёт, и скажет:

- Как и успеть... С улицы бы не сошёл.

Стали свои огороды пахать, все пришли в какое - то нетерпеливое положение. Ясно, все вспашут, но когда вспашут? Пускай будет у Фиминых возможность перехватить тракториста, можно ли им опередить Портновских? Ни в коем случае! Вот когда Портос свой огород вспашет, тогда можно пахать и Фиминым. Дождались Фимины, вспахал Портос свои сотки. Довольный качеством пахоты, хорошей погодой, спелой почвой, прошёлся бороздой взад - вперёд, должно быть, посмеивается себе втихомолку.

- Завтра и мы, - говорит бабка Александра своему Ивану.

Сидят старики на «пригрivenке» - место солнечное, тихое, они много чего видят, их никто не видит. У Александры на руках кот Кука. Молодой, сильный котище, шерстка на нём сверкает. Начал кот беспокоиться, сторожиться, Иван и говорит

- Крысу чует. Отпусти.

Александра кота с рук стряхнула, кот пряником к нейтраль-

ной меже подался. Гля, навстречу Куке правится той бороздой, по которой Портос вышагивал, кот Тимур. Кука дымчатого окраса, Тимур чёрного. Сошлись, как витязи на бранном поле, принялись один другого задирать, обидными речами поносить, страхом давить. Александра и Иван замерли. Охота обоим, чтоб ихний Кука надрал Тимуру морду. Пошла драка нешуточная. Верх берёт Кука - Александра и Иван встали, готовые приветствовать своего героя, откуда не возьмись, бежит Портос, да как пнул ногой в резиновом сапожице Куку... Взлетел Кука, в полете последний раз мяукнул, и пал мертвым на свою территорию.

У Ивана дыхание перехватило. Клюшкой трясёт, готов броситься на злодея... Александра Ивана за шею к земле прижимает: молчи, молчи, батько!

Похоронили Куку со слезами, с обещанием поднять другого Куку, чтоб не только Портосова кота давил, самому Портосу горло перегрыз.

Иван пришёл к зятю Фимушке и сказал твёрдо:

- Сейгод соседа пахать не зови, не свет клином на нём сошёлся!

Фимушка озадачился, но воли тестевой не переступил: вечерком наведался в среднюю школу, за семь километров на велосипеде сгонял - учитель по машиноведению, внук покойной Поликсении Аввакумовны, согласился пахать, только, говорит, плуга у него самодельные, для себя «ковыряю», как другим угодить?

- И ещё условие: пить не пью и денег рубля не возьму!

- Царство небесное Поликсении Аввакумовны. Мудро говорила: «Счастлив тот, где правда прибыльна, кто своими волами обрабатывает отцовскую землю, кто познаёт себя в час немощный, кто отличает прямое от кривого, кто познаёт себя в час развернутой жизни».

Середкой дня, когда Фимушка, Нина, зять ветеринар и дочь портниха были на работе, в огород к Фиминым заехал школьный трактор. Тракторист даже из кабины не вышел. Плуга опустил и развалил огородец, как рыбник, надвое. Прямо по грядам, по торчащим с осени капустным кочерышкам.

Александра к Ивану:

- Ты глянь, батько, ты глянь!... Веком так никто не пахал!

- Ну и голова - ан! - удивляется дед Иван. - Этот - точно с институтом! Это чей же такой?! Вот как пахать надо, а то этот... гробина, пока его уважишь, пока литру не выжрет... сколько годов по одному месту борозда, прошлый год весь желтик выворотил, и не скажи... Картошки наросло с гулькин хрен.

Стали картошку сажать, привезли бабке Александре правнука Митю. До осени, сказала внука, а осенью в школу. Трижды чмокнула бабка Александра правнучка в щеку, но Митя после каждого поцелуя успевал - таки утереться ладошкой. Александра с мужем своим Иваном на отшибе живут, в отдельной избушке. Они - «старая бабка» и «старый дед». «Молодой дед» и «молодая бабка» - Василий да Нина, живут вместе с дочерью, зятем ветеринаром и двумя внучками. «Старый дед» нет - нет да сердито скажет «молодому деду», то есть своему зятю Фимушке: «Да что такое творится! У меня одни девки, у тебя одни девки, у девок - девки, эдак весь наш род под корень пойдёт!». «Девки - те же детки, - ответит Фимушка «молодой дед», - уж видно так Богу угодно... не богато, конечно, мужиками, один... вдруг да мужиков наши дочери понесут?..»

Шустрый, ох пострел этот Митя! «Старый дед» готов на веревку привязать Митю к себе, да разве его удержишь? Вышел на улицу, на скамейку присел, клюшку к стене избы приставил, молоток из голенища сапога достаёт, по скамейке ладонью бьёт, Митя садиться зовёт. Орехов в магазин навезли - орешками заманивает, про город расспрашивает. Мите молоток вручает, мол, бей не жалей. Митя десяток орехов разбил, молоток кинет, побежал. На все просьбы и увещевания «старого деда» у него один ответ:

- Отстань, дед!

Почти в тот же день, как Фиминым привезли Митю, соседи Портновские обзавелись девочкой Таней. Сын привёз из Москвы. Лицом по бабке Марии пошла, с надменно поджатыми губами, телом по деду - рослая, ядрёная. Как и бабка, имеет привычку украдкой коситься по сторонам, и, лишь заговорив, медленно поднимает ресницы. Страшная модница. Платыща носит коротенькие, волосы на затылке резинкой стягивает, с Ми-

тей не поладили - сделает лицо невозмутимо серьезным, повернется и пошла домой. Напрасно Митя уговаривает еще поиграть, остаток дня Таня проведёт в обществе бабки Марии. Митя со своими двоюродными сестрами не водится, сестрицы годами старше, вечерами в кино бегают в соседнюю деревню.

«Старая бабка» Митю кричит, из - под руки высматривает, а «молодая бабка», если дома, со своего крыльца помогает:

- У соседей!

«Старый дед» клятвенно заверил внучку каждый день до-кладывать о здоровье Мити. Митя у него, как соринка в глазу. Телефоном деревня обзавелась: Ивану Фимину, как заслуженному вояке, через военкомат удалось выхлопотать телефон. Поставили Фиминым полевую радиомачту, со всей деревни идёт народ «брякнуть нашим». «Старый дед» вечером очки на нос водружает, «старая бабка» в такую ответственную минуту обязана своими сковородниками не бренчать, посудой не греметь, а смирно сидеть, набирает номер телефона:

- Аллё... аллё, это ты молодая?

У «старого деда» все бабы на один распев: «молодые».

Правнук Митя подкрадётся из - под стола - телефон стоит в углу за столом на широкой лавке, и незаметно надавит пальчиком рычажок аппарата.

- Да кой ляд... Опять провода нахлестнуло где - то... Аллё! Вот ещё враги -то!

«Старая бабка» видит проделки Мити, но молчит, улыбается.

«Старый дед» расстроится, нерадивых радистов бранит, велит Александре звать «молодого деда» - Александра ковыляет к дочери с зятем в гости, благо причина уважительная. Посидит, о том, о сём поговорят, пускай Митя побудет в нетерпении. У «молодого деда» аппарат работает исправно, потому как «старая бабка» Митю проказника силой держит, чтоб рычажок не нажимал, пусть маленькая тайна будет ихней тайной. «Молодой дед» Фимушка смеётся:

- Какие провода, дед? Вроде, проводов над крышей нет.

- Нет, нет... где - то есть, так бы откуль взялось...

Нине Фиминой остался год до пенсии. Большой трудовой

стаж у неё, и всё в животноводстве. Стали ноги уставать, стали кости к непогоде болеть. Уговорила зоотехник: «Ради Бога, попаси этим летом, благо пасти в клетках» - так зовётся отбитое изгородью пастбище. Фимушка был против, да разве он в доме за «большую сноху?» Раз согласилась Нина пасти - мнение Фимушки во внимание не принято. Зато принято во внимание желание заиметь свой трактор, своего «таракашку» - юркий, проходимый, мало топлива расходующий Т-25: Нина только «за». Фимушка и Нина много говорили на эту тему между собой, мнение зятя ветеринара и дочери портнихи выслушали, и предполагаемое мнение соседей учитывали. Идти против Портоса опасно, но и всю жизнь в страхе жить - противно. Марии той всё равно, обзаведутся Фимины железным конём или нет. Скорее согласна будет: всей водки не перепить, не все калмыки её мужу сшибать, пускай и Фимушка покосит, попашет.

Зовёт бабка Александра правнучка Митю «по угорамходить». И «старый дед» поддакивает:

- Учись, Митя, травку узнавать. Учись птичек слушать.

Притомились; сидят бабка с Митеем на самом затылке угора. Бабкина корзина - плетенушка полна одной ей ведомых листочек да корешков. Внизу речка бежит, выше - что грива необъезженного скакуна разбежался шелковистый березовый перелесок, и тесно сегодня в том перелеске от нежного свиста и горлального карканья. Бабка показывает батожком на огромный серый камень - валун:

- Вот, Митя, этот камень не простой, под ним клад заветный лежит. Ты деда Танькино знаешь ведь?

Митя подбежал к камню, на коленки встал, ручонками землю начинает выгребать. Вдруг с визгом бежит под защиту бабки. Оказывается, свалилась сверху камня ящерица и прямо Мите за шиворот рубашки, пока бежал - выскоцила.

- Да ты дослушай сначала...

Пригнала Нина Фиминых колхозных коров на ферму, бабы доярки встречают, каждая «своих» отделяет от «чужих». Крики, ругань, коровы «привезли» на себе полчища оводов и рвутся в помещение.

- Трактор вам привезли, - говорят доярки Нине.
Не знает Нина радоваться ей или нет. Быстрее домой.

Трактор «Сельхозтехника» доставила владельцу прямо на его улицу. Оказывается, управляющий «Сельхозтехники» зимой лежал в больнице вместе с Фимушкой - кровати стояли рядом. Управляющий маялся спиной, у Фимушки резко упал гемоглобин в крови. Тогда - то Фимушка и поведал про желание заиметь свой «тракторчишко». Понравился управляющему Фимушка: простой, не требовательный, и очень порядочный. С других кроватей в палате какой только гадости не плывёт в адрес начальников - от бригадира до Генерального секретаря, а Фимушка нет - нет да скажет:

- Никто про себя не знает, тайна. Пока на жердочке петух сидит, одно поёт; слетел, от белого свету ошалел - другое.

Вот и наказал управляющий шоферу груз доставить по назначению без всяких проволочек, то есть, минуя колхозные мастерские, где обычно разгружают новую технику. Приходит шофер в контору подписывать путевой лист, бухгалтерша в крик:

- Нет решения правления продавать трактор Фиминым!

- А я при чём? Я раб лампы, как говорит джин. Что велят, то и делаю. Пошли всей конторой обратно грузить.

Как назло ни председателя колхоза, ни механика нет, бухгалтерша покричала да и подписала путевой лист, решив про себя, что быстренько механик даст команду Портосу отбуксировать трактор в мастерские.

А Портос обиделся. Ой, как обиделся! И на колхозное руководство, и на соседей Фиминых. Он член правления, председатель обязан был вопрос согласовать с ним; механик «на вороной объехал» - даже прав у Фимушки нет, а на тебе, Фимушка, новенький трактор! Этой весной огород пахать не пригласили, это как понимать? Силу почуяли?!

Ходит Фимушка вокруг трактора, любуется. Инструкцию по эксплуатации достал, сел на табурет, изучает.

Нина трактор обошла кругом, на Фимушку смотрит недоверчивым взглядом.

- Как так получилось - то? Вроде, как бесплатно, а?

На речь жены Фимушка многозначительно подмаргивал лазом от распирающего удовольствия, улыбался.

- Что и без денег? У тя и прав нет, и косилки нет, как косить то собираешься?

- Была бы шея, а хомут? Правильно: същется. Заплатим.

- Видел уже? - спрашивает Нина и кивает головой на соседей.

- Пока гроза мимо ходит.

- Ой, Вася, Вася, до чего мне страшно стало? Пока трактор на своей улице не видела, вроде спокойнее жилось, а теперь - сердце обмирает.

На другое утро механик прилетел на мотоцикле к Портосу, просит «недоразумение ликвидировать», то есть, притащить сгруженный на улицу Фиминых трактор в мастерскую на бусире.

Портос пальцы сложил кукишем, и кукиш едва не в глаз механику сунул. Механик из избы вон, на мотоцикл вскочил и по газам.

Председатель колхоза пожаловал, с Фимушкой, занятым изучением инструкции, здоровается. Нина вышла к такому важному гостю.

Атмосфера на улице словно наполнена не воздухом, а самим временем, которое пахнет свежей заводской краской; председатель из приличия долго не заводит разговор. Широкое жирное лицо его выражало сдерживаемое озлобление, озабоченность и грусть.

- Как и быть, - говорит председатель как бы сквозь слезы, между тем, как в груди клокотал настоящий штурм, - ведь со-жру - ут. Я как между молотом и наковальней. Господи - и, это же основны - ые фонды - ы, поймите же вы - ы!

- А брякни на всякий случай секретарю райкома, что и присоветует, - говорит Нина.

Председателя как повело от такого совета. Подозрительно прищуривает глаз: вот до чего наглые эти Фимины стали!

И, беспомощно скрестив на толстом брюхе руки, грустно и злобно смотрит на новенький трактор. С одной стороны, да черт

с ним и с трактором, их в колхозе навалом, с другой - как это он разрешение даст: нарушение Устава!

- А чего...Чего райком - то? - спрашивает председатель, слегка слюну. Он будто воочию видит, как тайная партийная сила берёт его за горло и тащит совсем не туда, куда ему надо бы... - То - то я, думаю, сгружают... Фу, с копылков сорвало: зять - то у вас с инструктором райкома однокашники!

Председатель уезжает.

- Ну, - задорно смеётся Нина, - отвоевали.

- А как позовонит? - худо верит Фимушка.

- Не -е, кишка слаба! Против шерсти погладят. Струсит! Знаю я этих партийцев долбаных. Нет худа без добра: пригодились красные корочки зята!

День идёт, и неделя проходит. Фимушка освоился, по своей улице тихонько ездит взад - вперёд. Зять говорит, что списанную тракторную косилку стоптал в колхозе, поехали навешивать.

Решился Фимушка: поехали.

Механик капризничает: задело его самолюбие председательское распоряжение насчёт косилки. Подвёл к куче металломата: выбирайте. А сам слинял.

Подруливает к той куче молодой тракторист на Т - 25 с навешенной косилкой - что - то у него поломалось, зять ветеринар к нему. Отвёл чуть в сторону и шепчет на ухо:

- Выручай. Механик - волк тамбовский, я - чайник чайником в железе и тестюха не особо тянет. Литра спирту за мной.

Парень и косилку навесить помог, и всяких частей нашёл много. Со своей косилки весь брус с ножом и пальцами скрутил.

- Не похвалят тебя за это, - укоризненно говорит ему ветеринар.

- Не трусь, Маруся, я - Дубровский! - скалит зубы тракторист.

На другой день ближе к вечеру Фимушка выехал в клеверное поле, ближе к кустам, боясь травостой помять, стал косилку настраивать.

Настроил! Благо тот парень, что брус ему свой отдал, то поле косил. Дивится Фимушка: где он брус с пальцами и ножом около ночи добыл? Потом, думал, огородит парень литру спирту, вер-

ную неделю проспит где нибудь на потолке бани, а парень как
~~зеклышко~~ трезв.

- Как тебя по отчеству? - неожиданно спрашивает парень
Фимушку.

- А зачем тебе моё отчество?

- По возрасту - отец, по статусу - свой брат mechanizator, стало
быть, следует принять тебя в нашу мазутную партию.

- Константинович, - тихо сказал Фимушка.

От слов парня сделалось лицо Фимушки мужественно смущенным в лучах заходящего солнца, глаза широко раскрылись, зрачки заблистили каким-то лукавством, сметкой какой-то, говорящей как будто: «А то!»

- Константинович, командовать парадом буду я, не обижайся. С зятя твоего еще спиртику запрошу - у одного мазурика в райцентре двигатель к мотоциклу выцыганить надо.

Ещё через день...

Трещит вырванная с мясом калитка - сосед Портос идёт в гости к Фиминым. Пьяный. Сбычился, кулаки сжаты. Фимушка прижался спиной к заднему колесу трактора, ни жив, ни мёртв. Через кожу на лысине проступил пот.

Портос попинал переднее колесо, смаочно плюнул на лобовое стекло кабины. Видит страдальческое лицо Фимушки, пессимизм его только усугубляется.

- Скррручивай фаррры! Фонаррри скррручивай! - рычит басовая лава.

- Не надо, Иваны - ыч... Зачем? - затянул Фимушка голоском, похожим на крик голодного козленка.

- Дурррак! О первую лесину отшибёшь!

Терпение - прекрасное качество, но жизнь слишком коротка, чтоб терпеть долго. Много лет Фимушка уступал дорогу Портосу, всё норовил жить тихо - мирно; в свою баню ходили Фимины, когда Портновские в своей перемоются...

- Не тронь, Иваныч, Богом прошу!

Оттолкнул Портос Фимушку, как врежет кулаком по одной фаре, стекло вдребезги. По второй врезал - вторая сияет пустой глазницей. По капоту хлопнул - отлетела застёжка.

Кинулся Фимушка на Портоса, да куда Фимушкину кулаку против лопатообразной лапищи Портоса: как двинет - летит Фимушка под трактор.

Нина выбежала из избы, кричит не своим голосом, инструкцией по эксплуатации бьёт налетчика по лицу. Портос руку Нины перехватил, за спину заломил, как ударит с плеча кулачищем в голову, Нина далеко отлетела от трактора.

- Вот вам пррремия -я, урод - ѿы! - звякнуло сверху над поверженными соседями, затем, после паузы, покатилось навстречу пытающейся подняться на ноги Нине. - Не зас- с -луж- жили!

Выполз Фимушка из - под трактора, лицо в крови, шатается, за ручищу Портоса хватает, умоляет не трогать трактор.

- Рррайком подма - аза - али?!

Бежит Нина в хлев, хватает навозные вилы и с вилами наперевес идёт в атаку на Портоса. Упирает рожки в грудь, требует:

- Пшёл отсюда, урод!

- Кол - ли!!! - Портос поднимает на уши деревню.

Положение спасает мать Портоса. Подошла к сдуревшему сыну, взяла за руку, и, как малолетнего сорванца, повела домой.

Того же вечера правнук Митя поведал «старому деду» и «старой бабке», как приходил драться к ним дед Таньки, а «молодая баба» хотела на вилы посадить драчуна. Иван велит Александре позвать к нему дочь и зятя.

- Вот что, робята, - говорит дочери и зятю Фимушке старик, - дело соседское. Боль стерпите, не заявляйте в милицию. Обидно, но...стерпите. Послушайтесь меня.

- Всю жизнь!... - ревёт дочь Нина. - Горилла! Всю жизнь терпим!

- Нарвётся! - пророчески говорит отец Иван.

Стали картошку копать - нарвался Портос: проехал на тракторе по лежащей на дороге колхозной корове. Остановился - тряхнуло в кабине сильно, вышел, пинками помог пытающейся встать на ноги корове подняться, видит - стоит корова, в трактор и погнал дальше. Корова постояла и упала бездыханная.

На заседании правления зачитывают докладную ветерина-

ра: виновник смерти коровы Портновский. Взыскать одну тысячу двести рублей.

- Щёоо, а мясо где? - гудит Портос. - В столовой!! По две моршонки на ложку?!

Судили да рядили - нет вины Портоса получается. Кабы тушу не тронули, пускай бы черви на дороге съели - Портос виноват, а раз бригадир подсуетился, отправил мясом в столовую - колхозу выгода.

Был на заседании правления колхоза корреспондент районной газеты. Написал корреспондент фельетон, из райкома партии поступил приказ: обсудить фельетон на партийном собрании. Обсудили - приговорили: строгий выговор с занесением в учетную карточку коммунисту Портновскому! Милиция нарянула: нельзя упустить шанс пощипать неприкасаемого коммуниста, коль райком отдал того коммуниста «на съедение»: махнули топором по «максимуму» - лишили Портоса прав на управление трактором сроком на два года.

Трудно «безлошадному», да такому гордому, как Портос, колхознику, трудно себя переломить! Посыпает бригадир Портоса с бабами солому перемётывать - не пойду, не нищий копейки собираять. Посыпает коров вместо Нины Фиминой пасти - позор! Потом, кто такой бригадир по меркам Портоса? Воробей - щипаный хвост после техникума! Неделю Портос мытарит, в конце года не хватит у него минимума обязательно отработанных двухсот восьмидесяти дней, кому шею намылят? Бригадиру. И пишет бригадир на бухгалтерию колхоза докладную за докладной, пишет секретарю парткома. Сошлись «Фурманов» с «Чапаев» (секретарь с председателем), по папироске выкурили.

«Фурманов»: «Смертный, скользи по жизни, но не напирай на неё» - завещал Эпикур.

«Чапай»: На отруба гада, пока «мозговую Бастилию» не снесло!

И шлют колхозные отцы - командиры депешу опальному Портосу: иди телятам хвосты крутить, то есть, водиться. Партийный билет на стол - это лучший вариант, исключение из членов колхоза (волчий паспорт) - худший.

Смотрели Фимины всей семьей, как изливал свой гнев на своей улице оскорбленный Портос, как жена его Мария, хватаясь за грудь и подтаскивая под себя ногу, торопилась скрыться в чужой бане.

- Зря, зря не заявили! – горячилась Нина Фимина.

- Иногда праздновать труса большие выгоды, нежели стонать на больничной койке. И завтра жить надо, - укоризненно возразил теще зять.

А телятка водить - хлебнёшь горюшка! Сдох теленок по вине кормача -плати, сено затхлое привезли - хоть сам ешь, котел коромзапарника нечем греть - выгребай из навоза выкиданные в окна скотного двора плахи и топи. Взвоеши!

Приехала за Митей внучка, гостинцев «старому деду» и «старой бабке» навезла, не забыла и отца с матерью. Сели чаевничать, никому чаю не хочется: Митя шмыгает носом, ладошкой утирает слезинки, его славное, доброе лицико полно молчаливой, но бесконечной любви к «старому деду» и «старой бабке».

- Баб...баба, клад не найдут? Ты никому не говори!

- Не найдут, на тебя клад выйдет, дитятко. Мы тебя ждать будем, ты обязательно к нам приезжай, - «старая бабка» гладит головку мальчика.

- Звони, - говорит «старый дед» и пальцем грозит.

- Я ружьё привезу, мы деду Танькину солью в попу пальёнм. Так, дед.

- Так ему! Пороху двойную мерку в патрон насыплем, штоб ему, врагу...

Опять весна на белом свете.

Бабка Александра долго стояла в погожий день за деревней, опёршись подбородком на батог, высматривала загаданное, щурилась. Хотелось ей в эту, рвущуюся из снежного плена весну, узреть в березовой дали смышеного, веселого мальчишку, очень похожего на Митю, обязательно с запачканными вареньем щеками: Митя две березовые вершины пригнёт одна к другой, усядется в солнечные качели, вымахнут его качели под самые небеса, и прямо к «баушке» на руки. Именно «баушкой» назовёт, по - старинному!

Упоённо - тихое состояние духа, - нет лихолетья, нет счёту годам! Только душевная тонкость и чистота!

Немного тревожно: вдруг да не так жили, не по нравственной линии, худую память о себе оставили? А это - ошибка сердца. И вспомнила старая, как перед колхозами пахал отец под озимые. День был тихий, отсекающий страх; пахал отец легко, голос на лошадь не поднимал, только причмокивал губами; почва была спелая; пласти крошились, не наезжали один на другой, борозды шли ровные, лошадь - Люней звали, тащила плуг легко, как бы в охотку; и грачи, должно быть, сытые, ходили вперевалку и охорашивались, не спеша. Семилетняя Александра прибежала к отцу на полосу, поесть принесла. Отец Люню из оглобель вывел, пустил пастьись, сходил к ручью, умылся, мокрую от стекающей воды бороду отжал, сел и вздохнул легко. Александра к нему под бочок, прижалась. Ел отец черный хлеб, запивал молоком из берестяного туеска. Вдруг отставил туесок, берёт Александру за плечико и показывает рукой:

- Как она... развернулась - то!

Всматривалась, всматривалась девочка туда, куда показывал отец, щурилась, ничего кроме солнца, прятавшегося за облако, не увидела. А отец привстал с места, очень внимательно, как сбросивший с себя тягостное прошлое, встречает непознанное новое:

- Жизнь - то, говорю, развернулась во всей базе!

Сало лучше перепрятать...

1

Августовскую ночь Бог поставил на семи поясах.

А почему, спросите, на семи? Потому как Бог старый месяц на звезды крошит, и ангелы небесные, и архангелы, начала, власти, силы, господства и многочисленная рать херувимов и серафимов, с престола Бога до самого подножья стараются каж-

дую крошку подхватить и на трудную землю опустить бережно.

В августовскую ночь Бог обходит мир, а мир что огород, в нём всё растёт. Богу неважно: ест ли уродливая красная луна зря хлеб у него, или луны сегодня вовсе нет, и небо, как солью, осыпано звездами и где - то за чужими канунами люди своих покойников поминают, всегда за ночью рождается день. Всплывёт над горизонтом ослепительный диск солнца и примется ломтями резать разом вспотевшую землю - всё на свете творится милостью Божьей и... глупостью человеческой.

Кометы подметают небо перед Божими стопами. Не все ночи светлые, бывают ночи и темные. Одному человеку ночь - целая вечность, ворочается и ворочается в кровати, утыкая подушку кулаком, в окно посмотрит, о том, о сём погрезит, не может заснуть, другому - не успел прилечь, и подрадели искушающие духи ночи в его изголовье. Стояли ли вы когда в августовскую полночь в пустынном поле? Вслушивались в тишину?

... Вроде заснули окрестности, на ум приходят слова из «Мертвых душ» великого Гоголя: «Русь! Русь! Открыто, пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города...». Вдруг окрестности как бы испугались, вздрогнули, и вместе с ними вздрогнешь ты, ужаснёшься, невольно позвавший на ночную прогулку дух писателя - то Господь в шествии своём не иначе, как оступился - полночь!

Из всякой щели выползают нечистые духи, сначала они слетаются в ватажки, выбирают атаманов и разлетаются, расползаются по серой земле, чтоб обольщать и дурачить доверчивые людские души.

Как говорят хохлы: «Тиха украинская ночь, но...сало лучше перепрятать».

Случайно отворенная дверь на крыльце издала тягучее, просящееся кошачье: «Пустите». Чуть помедля, тихую и о чём - то глубоко печальном думавшую глубину ночи, разорвал звон лопнувшего оконного стекла. С крыльца мешком вывалилось тело, за телом летело визгливое женское: «Ишь ты, какой!...». И басови-

тое, отрывистое: «По харе?!.. Даc съезжу!». Шлепанье босых ног, мат; кто - то в темноте сунулся должно быть в угол избы той самой харей, по которой кто - то кому-то хотел съездить. Девственная деревенская улица никак не отреагировала на визг и бас, ибо улица была пуста в этот час, да и кому на деревне уши восстричь к чьим - то пьяным выкрикам, в деревне три дома живых, тридцать семь хозяйств заколдованны вечным мертвым сном.

Навалился на хилую, когда - то хорошую и крашенную изгородь молодой человек, долго думал о чем - то, потому как голова его была опущена вниз, а глаза, должно быть, закрыты. Откачнулся, выпрямился, погрозил кулаком избе, и побрёл родной деревней. А в избе, где он только что был, царило долгое молчание, прерываемое тихим шелестом раскачивающихся занавесок на раме без стекол. Молодой человек несколько раз останавливался, оглядываясь, верно, ожидая погони или горячей мольбы вернуться, но погони не было, и мольбы - тоже. Покачался, сплюнул... А луна, стыдливая и молодая, натянула до самых глаз сумрачное легкое одеяло и так любопытно, долго смотрела на землю, что не заметила, как одеяло уползло под сарафан, и опрокинулась луна в любопытстве своем.

От Гоголя до нас нравы стали иными; уж не Господь ли могучей силой своей изменил день и ночь, утро благодатное и вечер миротворящий? Раньше деревни были полны народом, нечистый дух от творимых проказ умом ширился и телом дороднел, а нынче, в доживающей свой век деревне, какое обленившемуся нечистому духу удовольствие столкнуть подгулявшего мужика в лужу? Никакого, масштабность не позволительно мелка. Должно быть, житие нечистых сил, как и людей, стало зависеть от телевизора, - сидят бесы да черти с выпученными глазами, обжигаются горячим чаем, тяжелыми вздохами сочувствуют бредущему деревней пьяному человеку. Нет бы кровушку застывшую на жилах разогнать, резво пронестись по клетям, чердакам, огородам, на одном дворе хозяйской корове шерсть всклочить, на другом борону на калитку бросить...Куда там.

Всё посаженное Богом растёт в огороде его, а прямо ли, вкось ли, часто ли, редко ли, в золотой гордости солнечных лучей или

придавленное звериной завистью соседа, всё жительствует и должно жительствовать отведенный век. Таков закон бытия.

Выплыло красное солнышко. Чуть ожила полумертвая деревня, изумляя мир неугомонной своей живучестью. Где - то на озадках закудахтали куры, злостным лаем зашлась собака. Залетали маленькие птички, и как - то особенно медленно и обдуманно, вовсе не так, как месяца полтора назад летали. Коренастая изба с выбитыми стеклами оконных рам как - то сосредоточенно и мрачно поприветствовала новый день визгом распахнувшейся на крыльце двери. Вышла высокая и осанистая молодая женщина, уперла руки в крутые бока, смотрит на деревню.

Идёт деревней Витя Богомазов, когда - то под венцом стоял, а добра не нажил. В День Победы стукнуло Вите 39 лет. Злостный алиментщик. Лицо у Вити как жестяное, черной щетиной обросли щеки и подбородок, длинные усы похожи на два пучка изжёванной пакли, слюной прилепленные к губе. Летами Витя пасёт колхозных коров, зимами кочует по райцентровскому кругу, от одного предпринимателя к другому. Дольше трех недель на одном месте не держат. Сердит да бессилен - свинье брат; крикун и правдист Витя Богомазов, в любом человеке отыщет пороки, особенно не любит народившихся «капиталистов». По его вине неделю деревня сидит без воды: доверили водокачку; с пьяных глаз не понял, почему электродвигатель «не баско урчит», а раз «не баско», так врезал кулаком по подмигивающему глазку в автомате: не заигрывай без прянников...

Как размягчат винные пары мозг и теплой струей обновают изнывающее в одиночестве сердце, заставляя его радостно биться, идёт Витя свататься. Когда дойдёт до пункта своей мечты, когда завалится на дороге под копну сена. Горох в поле, как девка в доме, кто не идёт, тот и щипнёт, - в своей деревне незамужняя Анна Шилова, к ней приворачивает частенько. Пока не щиплет, без ума приворачивает. Анна тоже замужем была, год к лодырю мужу привыкала, на ум наставляла, привыкнуть не могла и пинками проводила жененька со своего двора. На Витю Богомолова смотрит с презрением. Что из того, что шея у Вити такой же ширины, что и затылок. Ей нужен настоящий мужик, хозя-

ин, а Витяка на четырнадцать лет старше, в тракторах - моторах пень пнём, огородец после смерти матери под крапиву ушёл, дом крыт небом, обнесён ветром - лоскуты рубероида свисают с крыши.

О Вите Богомазове Анна Шилова скажет одно слово: «Тьфу!»

Увидела идущего Анна Шилова с крыльца, удивилась: чего это он сегодня в галстуке, опять свататься? «Не проняло! Ну, так проймёт!». Ступила обратно на крыльцо и дверь за собой закрыла.

Витя Богомазов встал против избы Анны Шиловой, на всю деревню орал развязно:

- Королевишина - аа!!... Эй, спиши, што ли?

Молчание.

Витя Богомазов подкрутил усы, нетерпеливо повторил:

- Аньота!! Выходи, не съем.

Отворилась дверь, вышла на крыльцо Анна Шилова, зло спросила:

- Участковый где?

- Какой участковый? Ты это... - мямлил Витя Богомазов. И конфузно ему, и досадно: припомнилась ночь. Потупился, красивый весь. - Чего сразу...

- Штоб сегодня же! Понял, свиная харя! Штоб сегодня же рама была остеклена! - гневно закричала Анна Шилова.

- Сегодня не могу, сегодня у двоюродника свадьба в райцентре. Ты попаси за меня коров, а, Аньота?

- Ш - што? Тьфу!!

- Ну, виноват, виноват... сегодня не могу. Што мне в ноги валиться тебе? Ладно, уговорила, - нарочно без приберегу наземь коленками пал, молитвенно сложил на груди руки. - Выручи, а?

- Да пошёл ты!

Не очень мягко закрылась дверь за хозяйкой

- Скаешься -е! - тряс кулаком Витя Богомазов. - Скаешься, да поздно- о!

Вырос лес, так выросло и топорище: как отворилась дверь, как сбежала с крыльца Анна Шилова с коромыслом в руках, и принялось коромысло «ласкать» шею Вити Богомазова, удержу

нет. А чего не «поласкать», у сидящего мужика шея очень даже удобная позиция для гладжения. На этом месте следует самыми нежными штрихами очертить то высокое поэтическое существо, как русская женщина в гневе. Если бы все указы былиписаны под её благодетельную руку, мужчины бы вжались в землю, томимые смертным страхом. Так поступил и Витя Богомазов. Упал, вскрикнув дико. Всякая напыщенность, с коей он шёл на предстоящую в райцентре свадьбу, слетела с него. На земле лежал слабохарактерный, безвольный пастух Витя Богомазов, крикун и правдоискатель. Руки его раскинулись, пальцы вошли в землю.

- Сволочь!... Сволочь будет стекла мне бить?!

И снова букет цветов истинно русской женщине - крестьянке. Сколько лет алименты с Вити Богомазова бухгалтерия содрать не может: мал, видите ли, заработка, инфляция забивает потребительскую корзину, на рынках дешевеет нефть, накопленные сбережения граждан идут на оздоровление экономики Запада, потому как Запад повязал нас по рукам и ногам...

А потому Витя с горя дрова пропивает... Вот дали бы все права той женщине, что одна ставит на ноги двоих его дочерей, она бы, верно, «воспитала в духе марксизма» этого Витя.

2

Витя Богомазов выгнал стадо на пастбище, сел на суковатую чурку, и чем дольше сидел, тем больше терзался. Коровы мирно паслись, овод их не жучил, над головой старая осина шептала наставления молодой поросли, окружившей её; ничто не мешало пастуху предаться раздумью. Казалось, всё в мире пребывает в ясной гармонии, и настроиться миру на какой - то иной лад невозможно по той простой причине, что под горячим августовским, мёдом, хлебом, яблоками дышащим небом нельзя отыскать иного лада. Он находил, что Анюта зря с ним так жестоко поступает. Шла бы жить к нему, а лучше он бы к ней. Всякой овощи у Анны полон огородец, хряк годовалый в хлеве, корова...

«Лучше бы я к ней. Ну, посмеётся народ надо мной, домовиком, посмеётся да и свыкнется». Это еще вопрос: он стекла в раме выбил или она, сопротивляясь, телом своим выдавила? Хорошо, что нет свидетелей его позора. Прельщает нас мир житейскими сластями, - откуда не возьмись, явился Вите Богомазову сатана, преобразившись ангелом света, и стал со слезами глубоко проникнутого сострадания к вопиющей несправедливости уговаривать бросить коров к такой матери и идти на свадьбу. «А как в жито бухнут, потраву сотворят?» - сопротивлялся Витя сатане. «А конторские на что? Выгонят! А председатель? Обленился! Жито давно сжать надо, зерно в колосе прорастает! Иди на свадьбу, таково моё последнее слово!».

Потянулся пастух, привстал, коров высматривая - широко разбрелись. Удрученный наставлениями злых сил, пошёл прочь, и с каждым шагом удрученная дума его развивалась и страдала: а как навалятся коровы на жито? На всю катушку за потраву взыщут. До речушки дошел, водицы попил, оглянулся туда, откуда пришел, решительно махнул рукой: «А, пойду!».

...Четыре разукрашенные лентами и надувными шариками свадебные машины выскочили одна за другой из переулка на главную улицу села и тормознули: улицу заполонила похоронная процессия. Впереди, со скоростью «в час по чайной ложке» правится большегрузный «КАМАЗ», свисает задний борт, в кузове стоит обитый красной матерью гроб, по обе стороны гроба на скамейках сидят тронутые горем родственники и близкие. Умер Игнатий Лазаревич Шальнов, последний директор МТС, бывший управляющий ПМК, бывший директор льнозавода. Умер не просто какой - то старик, а человек, которого любили или не любили, но к которому относились хорошо. За катафалком идет и ковыляет пеший народ, кое-кто оглядывается на поджимающие машины, но не делает даже попытки принять вправо. В головной машине нетерпеливый молодой водитель, человек тонкой кости, не очень складный - длинный, с широкими плечами, с головой яйцом, ёрзal на сидении, высывался из машины, неприметно косил глазом на сидевшего рядом отца жениха. Юноше хотелось, чтоб отец жениха дал «добро» на обгон,

но тот как уснул, его глаза были так глубоко упрятаны под мохнатые брови, что было трудно разгадать его душу.

- И чего они... - возмущается юноша водитель, нервно выбивая тонкими пальцами на баранке дробь.

Отец жениха не шевелился, смотрел вперёд.

Было жарко, даже душно, небо зашторили ленивые, смятые, похожие на разведенное по веревкам выстиранное белье, облака.

Водитель стал пристально вглядываться в зеркало заднего вида на своём боку: красная «Нива» с номерами 195 каким-то образом обошла три свадебные машины и заняла место за ихней «девяткой». За рулём сидела молодая, высокая краснощекая женщина.

Отца жениха звали Дмитрием Ивановичем Богомазовым, перебивается случайными заработками по столярной части - развалился льнозавод, где он прежде столярничал. При Шальнове столярный цех был гордостью села, а после Шальнова с руководителями не везло. Сегодня Дмитрий Иванович женит младшего сына. Не сказать, что рад свадьбе, ибо выбор сына не одобрял, но перечить не стал: женись, хрен с тобой.

Ранним утром, когда бормотанье и лень ещё владели медленно просыпающимся селом, и незаметные желания людей дружили с колыханием листвы, он имел разговор с сыном. Сын весной демобилизовался из армии, профессия - отнеси да подай, жить - теснота, а невеста? Вроде училась в пединституте, окончила СПТУ, сидит у родителей на шее. Чему она в училище научилась? Злые языки перемывали кости: любительница дискотек иочных пирушек. Когда повторился, прямо сказал всё, что думал, сын, немножко сентиментальный, медленно соображающий, из тех парней, что способны часами тянуть пиво на берегу реки, расставляя свои слова во времени, как дорожные указатели в паузах смеха, сказал:

- Ничего - о, уладится.

И в третий раз принялся отговаривать:

- Буду я тебе врагом или нет, всё от тебя зависит, а скажу, как на духу. Когда я женихался с одной... Скажем, Настей. Любли

за складами заготзерно посидеть - помечтать. Дядя Проталион Бесовщиком был, приёмщиком зерна, застал нас, целующихся. И сказал - то совсем ничего: «Не обмишулься, Митька», а я едва сдержался, чтоб не кинуться на него с кулаками. На святое, посчитал, покусился дядя Проталион. А прикинул так - сяк, и расстался с этой Настей. Вот и я... Ты глянь на её мать, и твоя жена будет копия своей мамушки лет через двадцать. Ирина капризная, вечно больная, как корова перед отелом - вся в напряге, по курортам леший носит каждый год... Побился же с ней Валентин, ой, побился. Повторюсь за покойным дядей Проталионом: не обмишулься.

Ещё сказал, что жену надо выбирать простую, без высоких идей в голове, работящую, добрую, как его мать. Никогда не дождает жалобами и слезами, кочан капусты готова поделить со всем селом, в магазин зашла - так бы и прибила всю витрину с водкой и винами, столько через хмельной дурман горя людского, в доме - хозяйка, а тут?

- Эх, сын, сын... Укусил бы локоть, да поздно будет.

Вообще -то Дмитрий Иванович сыном был доволен. Потом, его наставления больше для его же собственной подстраховки: лицом будущая сноха на мать не похожа и формы тела аккуратные... Бог даст - в отца, в Валентина изладится.

Есть у Дмитрия Ивановича племянник, Витька Богомазов, пронюхал, подлец, что у дяди пирушка заводится, раненько заправился. Ходит неприкаянным по дому, всем мешает. Жена принюхалась к Вите и достала из комода старенький серый костюм сына. А так бы прикинуть: паси он коров, на кой кляп нужен на свадьбе? Богатый на свадьбе с рублём, а бедный со лбом: не принес на свадьбу рублик, куда там, его бы дядя одарил рубликом. Или кто звал - приглашал? Не любит племянника Дмитрий Иванович, прощелыгой про себя зовёт, но терпит. Главное, доглядеть, чтоб не перепил на свадьбе, а прозвал - не в горсти дыра, в глотке, жди комедию: ино боком, ино скоком, а ино ползком. Учудит такой спектакль со своей попранной свободой и «правдой», потом весь райцентр хотать будет не один год. Сын характером мешковатый, много

не наговорит, во хмелю сонливый, только бы до кровати дотянутъ, то бухнется, где придётся, не шумливый, и работать может. Правда, к работе его надо подготовить, настроение создать, объяснить толком. Сын в сравнение не идёт с зятем Арсеней или с племянником Витей. Хорошо, что дочь живёт в городе, не на глазах, а если б рядом жили - беда! Арсения - порох; чуть подпил - языком Москву вымостили, за калиткуступил - гля, морда в крови, разбирался, «кому на Руси жить хорошо». На свадьбу дочь зятя не привезла, выгодная шабашка подвернулась Арсене, строит гараж большому чиновнику. Обещался Арсеня, пока объект не сдаст под ключ, хмельного в рот не брать. Привезла дочь внука Илюшу. За час этот Илюша весь дом познал.

- У тебя в попе шила нет? - спрашивал дед Дима.

Внук попу пощупал - нет шила.

- А ты по потолку пробежать можешь?

- Дед, покажи, как по потолку бегают?

...Похоронная процессия стала медленно сворачивать на проселочную дорогу в сторону кладбища.

А навстречу прёт внаглу колонна самых разномастных машин, кому бы кого обжать. Понятное дело: через два дня в селе ярмарка, все спешат занять торговые места поближе к точке «вселенной», или летней танцплощадке.

И тут красная «Нива» рванулась вперёд, заставляя не только «девятку» с Дмитрием Ивановичем посторониться, как пошла вилять - машины торгащей, что коровы под кнутом пастуха, разбираясь начали, кто за кем.

- Да она что?! - едва не взревел юноша водитель, выбирая руль вправо. Глаза его стали круглыми, испуганными. Обгон «Нивы» был ему оскорблением, его промахом.

- Спешит... - неопределенно сказал отец жениха и тихо расхохотался.

Юноша-водитель посмотрел на повернувшегося к нему Дмитрия Ивановича: вроде мглистые и нерадостные, как зимний туман глаза мужчины, блестели, лицо стало привлекательным в дружелюбной улыбке. Дмитрий Иванович оживился. Народ

старшего поколения почти весь знает в селе, а молодую поросль так себе. И сына не спросил, кто да кто повезет свадьбу.

- Тебя как звать - то? - спросил.
- Васькой. Зосимовский.
- Да - а?... Прокопия или Ивана?
- И не Прокопия и не Ивана.
- Так ведь... Зосимовских только две семьи...
- Разбежались родители, я взял фамилию матери.

Чувство какого - то сожаления поразило Дмитрия Ивановича, а навстречу этому сожалению поднялось все самое за-таенное, неизрасходованное, сбереженное. Будто наяву он увидел лодку плоскодонку, что покачивалась на волнах в жа-лостном вечернем свете, Настю, будущую мать этого парня с вздрагивающими от плача плечами, сидевшую над телом сво-ей утопшей матери, и всюду встревоженный говор собрав-шейся толпы: «С чего это? Надо же!». В какой - то момент Настя разогнулась, потянулась к узорчатому платку, брошенно-му ей второпях, а Дмитрий Иванович, тогда еще просто Дим-ка, всё время напрасно притворяющийся взрослым мужчи-ной, кинулся к платку. Их глаза встретились, Димка покрас-нел, задохнулся, потерял всякую степеньность. Неловко сунул платок Насте в руки, их руки соприкоснулись. Потом не раз вспоминал этот случай, вот вспомнил и сейчас. Как испугал-ся тогда или засовестился, отдернул свою руку и за спину по-ложил, чтоб никто не заметил. «Дурачок был. После умом хо-телось ронять и поднимать тот платок, глядеть на неё глаза в глаза, а я... Раз - другой с кино проводил, целовались за скла-дом заготзерно...».

- Не женат, Василий? - спросил, сам не зная, зачем ему нуж-но знать. Ясно, что холостой, в селе вести не лежат на месте, хотя нынче модными стали гражданские браки.

- Здравствуйте, что я с дуба рухнул?
- По годам, думаю, под тридцать...
- Двадцать семь.

Ещё метров триста, уже видно большое двухэтажное здание, где на первом этаже «ЗАГС», и тут несущаяся впереди красная

«Нива» под номером 195 начинает совершать последний трюк «высшего пилотажа»: её заносит на бок, проходят какие - то доли секунд, в течении которых Баркин Вася и Дмитрий Иванович видят, как из машины летит тело, потом машина переворачивается вверх колесами, и продолжая движение на крыше, забирает в левую сторону, ударяется в бетонный столб электропередачи.

Свадьба, понятное дело, вся сгруживается, к красной «Ниве» бегут люди.

Выпавшее из машины тело - старая женщина, голова похожа на красный кусок мяса - с размаху шлепнулась лбом о камень и прошибла лоб до затылка.

Вытащили женщину водителя. Кричит от боли, лицо тоже в крови.

Как потом выяснится, внучка решила покатать бабку на новенькой машине.

Подбежал милиционер, на погонах по четыре звездочки. Рожа у милиционера красная, шея жирная, «трудовая мозоль» вываливается через ремень.

- Кто свидетель? Кто свидетель? - кричит, отдуваясь.

Свидетелей нет.

Свадебный поезд тряхнула чужая смерть, но... Мертвые - в землю, живые - за стол.

Свадьбу Витя Богомазов «оглодал» знатно. Своё присутствие на торжествах он принимал как неизбежный долг ближнего родственника, потому пил и ел, плясать выходил, увидался около незнакомых женщин - не зря же черт в чужую бабу ложку дёгтя кладёт, несколько раз обманывался. Тянется рука к стаканчику с водкой, стаканчик ко рту подносит, а он пустой. «Горько!»

- кричал пуще всех. С видом знатока изображал из себя ценителя с тонким образованием, рассматривал заграничные бутылки на свет, приставая вопросами к «городским дамам»: «А вы пробовали это?». А как не кричать, во все горло о себе не заявлять, коль он есть самая ближняя родня жениху. Оглянется на тетку, та пальцем ему грозит: остынь. Порывался на танец с невестой, тут ему жених, то есть брат двоюродный, вынес рассудительное предупреждение:

- Не рви копытом, не в своей деревне.

Последние годы свадьбы стали обходится без драк. Богово - дорого, бесово - дешево: заменила свадьба русскую водочку на заграничное винцо. На свадьбах стало больше увеселительных мероприятий, домашних сценических заготовок, хорошей музыки и... конечно, страху. Какой водитель рискнет выложить за стаканчик вина несколько тысяч рубликов штрафу? Гаишники свадьбу держат под прицелом. Плюс жара. Слабому здоровью долго ли скапуститься?

Пьяный вышел по малой нужде, за высокую поленницу встал, лбом уперся в дрова. Шарит глазами по небу - бледнеет небо, звезд не видно, видно утро занимается. «Скоро бабы коров доить пойдут», - думает.

Тут услышал разговор парня и девушки:

- Вась...Вася - я! Зосима окаянный, да очнись ты, я на третьем месяце. Ты понимаешь? - спрашивала девушка, и, видимо, плакала. Плач беззвучный, потерянный.

- И что? - равнодушно спросил парень.

- Ты глухой что ли? На третьем!

- Спать охота... На аборт сходи, не будь дурой.

Девушка громко всхлипнула.

Старшей дочке у Вити пятнадцать лет. От телевизионных развлекательных программ, от дискотек и модных журналов, нынче девушки взрослеют рано. Вдруг да какой охламон его дочку обрюхатил? Захотелось удостовериться, не дочка ли его за поленницей плачет. Он решительно занёс парня в разряд «гадов», такому гаду надо набить морду. Навалился всем телом, опрокинулась поленница, и завалила Витю Богомазова. Долго выбирался из дровяного пленя, помогла тетка.

- Сыт, родной ты наш? - спрашивала, снисходительно похочатывая. Достала из шуршащего пакета Витину рабочую спецовку. - Пофорсил да и хватит. Переодевайся и с Богом!

И рукой махнула в ту сторону, в какую надобно идти Вите.

Витя переоделся, теткины речи оскорбили его. Костюм свертывать не стал и в пакет совать не стал, вызывающее разбросал вещи по сторонам.

И пошёл прочь, поклявшись себе век свой не переступать порог дядиного дома.

Заявляется в родную деревню, Анна Шилова на скотный двор идёт. С большим усердием принял Витя Богомазов привозить себя в порядок: поладил свалявшиеся усы, отряхнулся, будто конь после тяжелой дороги, обдернул рубаху, вскоченные волосы пригладил взбрызнутой слюной ладонями, страшно вспотевшее лицо вытер ситцевым клетчатым платком не первой свежести.

- Аньота - а, душа моя... - загородил дорогу.

Шарахнулась от него Анна Шилова.

- Да ты постой!

- Тьфу!!

Спящего Витю Богомазова поднял с кровати председатель колхоза. И начал матом крыть - рычать. Мода у председателя в минуты гнева брать самую высокую ноту и зажмуривать глаза, будто опасается встретить соперника крепче горлом. Оказывается, коровье стадо вытоптало жито.

- Ты погляди, пролетарец, что ты наделал?!

- Виноват, виноват, Петрович...

- Виноват он!..

Томительной мукой переполняют душу бранные слова председателя. Голова болит с похмелья, нет ни телесной, ни нравственной силы сказать что - то в своё оправдание. На помощь приходит сатана, так усердно подбивавший его на губительную прогулку. «Врежь ему! Вреж - жы! Развелось этих кровососов!...» Витя Богомазов руки распускать не стал, он обрушил на председателя свойственную его характеру «правду»:

- Ага - а! Нашли стрелочника! У вас всё сушилки не готовы! У вас всё топлива нет!! А кто по два раз на году едет чаек щипать на Черное море?

Тут председатель и осел. Потоптался, плонул себе под ноги и пошёл вон.

Назавтра у Вити Богомазова отобрали пастущий кнут.

- Иди, иди, пролетарец, на все четыре стороны, - напутствовал его председатель колхоза.

Молоденькая, тонюсенькая тростинка - бухгалтерша в красных, облегающих тело брючках, подала «Книжку колхозника» и выписку из протокола решения правления колхоза об исключении Вити Богомазова из славной рати колхозников с лишением земельного и имущественного паёв.

3

Народу - море. Ей Богу, веком такого праздничного, взбудораженного, нетерпеливого, перепотевшего скопища людей село не знало. По главной улице полноводная людская река течет мимо сотен палаток и торговых лотков в одном направлении, ещё полноводнее встречная, - три смежные улицы выплескивают свои потоки. Музыка, песни, пляски, хороводы в народных костюмах. Площадь полна зрелищ и развлечений. Всех встречает огромный черный медведь с бочонком мёда вместо брюха - постарался мастер средней школы, ползмы корпел над своим детищем.

Мать подводит дочурку к медведю, и говорят: «Какой у нас, Мишенька, сладкоежка большой и косматый... Поздоровайся с Мишенькой, он тебе медку даст». Не тут - то было: прячет ребенок ручки за спину: не - е, не хочу я от чудища медку. Всё равно дочку с медведем сфотографировать надо. Коробейники - челноки, деревенские пивовары в расшитых косоворотках, прямо на площади мужик точит на самодельном токарном станке чашки под мёд. Жена у него сидит на велосипеде без колес, крутит и крутит педали, а он точит и точит. Подходи, сделай заказ выточить из дерева себе подарочек. Мастер прикрикнет на жену - давай, Маруся! Маруся «даст жизни», стружка змейкой из - под резца и побежала. Ребятишек катают на пони - сел на лошадку, посидел, ножками поколотил по бокам, слез - сто пятьдесят рублей владельцу пони. Пожалуйста, к вашим услугам автомобиль: сел, проехал три восьмерки, слез - двести рублей.

Грабиловка!

И батуты, и качели, и даже баня - парилка! Сидит в парилке мужик на лавке в одних трусах, тулуп на стенке, себя вени-

Молоденькая, тонюсенькая тростинка - бухгалтерша в красных, облегающих тело брючках, подала «Книжку колхозника» и выписку из протокола решения правления колхоза об исключении Вити Богомазова из славной рати колхозников с лишением земельного и имущественного паёв.

3

Народу - море. Ей Богу, веком такого праздничного, взбудораженного, нетерпеливого, перепотевшего скопища людей село не знало. По главной улице полноводная людская река течет мимо сотен палаток и торговых лотков в одном направлении, ещё полноводнее встречная, - три смежные улицы выплескивают свои потоки. Музыка, песни, пляски, хороводы в народных костюмах. Площадь полна зрелищ и развлечений. Всех встречает огромный черный медведь с бочонком мёда вместо брюха - постарался мастер средней школы, ползмы корпел над своим детищем.

Мать подводит дочурку к медведю, и говорят: «Какой у нас, Мишенька, сладкоежка большой и косматый... Поздоровайся с Мишенькой, он тебе медку даст». Не тут - то было: прячет ребёнок ручки за спину: не - е, не хочу я от чудища медку. Всё равно дочку с медведем сфотографировать надо. Коробейники - челноки, деревенские пивовары в расшифрованных косоворотках, прямо на площади мужик точит на самодельном токарном станке чашки под мёд. Жена у него сидит на велосипеде без колес, крутит и крутит педали, а он точит и точит. Подходи, сделай заказ выточить из дерева себе подарочек. Мастер прикрикнет на жену - давай, Маруся! Маруся «даст жизни», стружка змейкой из - под резца и побежала. Ребятишек катают на пони - сел на лошадку, посидел, ножками поколотил по бокам, слез - сто пятьдесят рублей владельцу пони. Пожалуйста, к вашим услугам автомобиль: сел, проехал три восьмерки, слез - две струи рублей.

Грабиловка!

И батуты, и качели, и даже баня - парилка! Сидит в парилке мужик на лавке в одних трусах, тулууп на стенке, себя вени-

ком березовым хлещет, зазывает попариться. Попариться... когда на улице тридцать градусов жары. И ведь лезут париться! Чего дурная голова не пожелает в такой день. Пыль в глазапускающее изобилие! Корзины под любой продукт и любого фасона, матрешки, резные ложки - поварёшки... А сколько медов всяких! Читай географические аннотации, не ленись: Ростовский эспарцетный, Ставропольский гречишный, Башкирский липовый, Каргопольский кипрейный, Устюгский луговой... Вперемежку соседи ближние и свои пасечники; первый раз покупатели видят «промышленный мёд». Вот диво – то! Тыщу лет мёд мёдом натуральным был, а тут торгуют мёдом «промышленным». Надо купить немного для пробы, чего в этом мёде намешано, авось не сдохну. Скромно стоит чуть в сторонке от людского потока женщина - Христов солдатик, небольшой ящичек на груди с надписью: «На строительство храма». На голове пристойный платочек, очи не стреляют в толпу, очи смиренно опущены долу.

Самовары старинные, начищенные хоть брейся, ключи медные, иконы, подносы, медали, выездные дуги со звоночками, топоры, портреты вождей коммунистической эпохи, да всё перечислить - бумаги не хватит. Самый интересный экспонат - фитильное ружьё. Стволина два аршина. Долго стоит перед горой старых вещей старушка, вдруг как ахнет, изумлённая: «Не сойти с места: от нашего подвала! Ну – ко, милый, дай гляну». «Семь штук» - говорит торговец и подаёт бабке облюбованный ключ. Бабка повертела ключ в руках и чуть не кричит: «Ворьё! Эво, черточки - то! Три прямых да две косых! Милиц... Милиция!!». «Чё ты горло дерёшь, калоша старая?» - шипит на бабку торговец и пугливо озирается. «Мили - ицц...!»

«Карлсон» кружится над селом. Его яркий парашют переливался в синеве неба тремя цветами государственного флага России, проворно рокотал моторчик, был виден пилот в шлеме и очках. Сосновый бор был полон народу, люди задирали головы, стараясь в вершинах деревьев увидеть невиданные машины.

- Кинь денежку! Денежку кинь! – кричала толстая бабка, держа за руку парнишку лет пяти.

Парнишка засунул палец в нос, открыл рот и, должно быть, не понимал свою бабку: чего она, неповоротливая тетеря, так скакет, кричит, и машет руками?

- Подол подставь. Они тебе кинут, - с сарказмом сказал из - под сосны плотный бородатый мужик в майке.

Бородача зовут Тайсоном. Он местная достопримечательность: последние лет пятнадцать палец о палец не ударил, но постоянно пьян. Нет - нет, Тайсон не пропивал когда - то кушак и поярковую шапку не пропивал, должно быть знает Тайсон много способов войти в доверие к пьющим. Вместе с Тайсоном под сосной на голой земле сидели Витя Богомазов и слесарь по обслуживанию газовых плит коротышка Федя Дуров. Пили пиво. Закусывали шашлыками. Правда, мяса в шашлыках была сущая видимость, и мясо обильно сдобрано томатной пастой, потому купленный деликатес внушал подозрение. В бору «шашлычили» не менее подозрительные, пропитанные дымом здоровяки, лицом черные, голосом гортанные, у каждого на груди волос больше, чем у Тайсона в бороде; вроде бы, как определили местные аборигены, наглостью на грузин смахивают. Уговаривал Федя Дуров, село газифицируется, что ни квартира, то 60 тысяч, как с куста: фирма процветает, значит, жиরуют и работяги. Тайсон, выслушав проклятия Вити Богомазова в адрес «кровососов», добродушно побил рукой жалобщика по шее, присоветовал вчерашнему колхознику сразу после праздников вставать на учёт по безработице.

- Родину надо доить, теребить, на то она и Родина, - самодовольно усмехался он, крепкими зубами сдирая с железной проволоки мясо.

- Мой дед погиб за Родину, так то была наша Родина, а теперь... - поддакивал Федя Дуров. - Какая мы Родина, сырьевой склад всяких гадов.

- В точку! В точку, Федя! Чем нас кормят эти азиаты, а? Чтобы на шампур мясо нанизать, куда там, эти русские обезьяны чего доброго свистнут ихние шампура, сгодится ржавая проволока.

Сколько народу сидит под соснами вроде наших героев! Сотни. Из динамиков несётся на всё село зажигательная песня «Я

- деревня, я - село!» На эстраде парни в красных сафьяновых сапогах отбивают чечетку.

Красота!

Над нашей троицей зависает полуголая фигура с волосатой грудью.

- Какие люди!..Дядя Федя, кинь стольник.

- А дяде Феде кто кинет?.. На, не стони, стонота.

Сегодня щедр дядя Федя. Года три назад этот дядя Федя повстречается, бывало, с другим дядей, скажем, Васей. В начале вроде как обрадуются один другому, о том, о сём поговорят, даже про здоровье благоверных жен поинтересуются. Потом, ни за что ни про что, и по ушам друг другу, и по ушам! А всё почему? Не было тогда устойчивости курса нашего рубля. Лес денно и нощно рубят да за бугор продают, а рубль всё равно деревянный, не имеет, стало быть, золотого запасу. Вот нынче «процесс» пошёл - на верхах встрепенулись радетели наши, пошла работа! Отяжелел кошелёк рублевым капиталом, и совершенно другим стали дядя Федя и дядя Вася.

Душисто пиво под соснами, душисто и забористо. В такой день легко и радостно текут все сорта его по глоткам и кишкам. И пьют его не затем, чтобы пить, а чтоб показать всем православным, сколько может выпить настоящий мужик. Икаем, но пьём! Тайная сила пива берёт народ, как лошадь за узду, и ведет со всем не туда, куда народу следует быть. Гогочет, матерится, грозится пиво...

Мимо нашей троицы, приватно - хозяйственно развалившейся под соснами, идёт ватажка молодых парней и девчат во главе с седобородым крепким стариком. Грудь у старика крест на крест перехвачена тяжелыми георгиевскими лентами, в руках букет живых цветов; откинувшись умом в семнадцатый год - с легендарной «Авроры» товарищ матрос ведёт за собой зелёный комсомол. Вовсе ни к чему описывать, кто да как одет из этих комсомольцев, одеты куда с добром! У парня, фигурой настоящего богатыря, на груди аккордеон. Прошла ватажка метров двадцать, кто - то поставил складной стул, старик сел на него, парень богатырь растянул аккордеон. И что стало, и что стало!

Весь в слух ушёл бор, напрягся и выдохнул. Прокаленные солнцем и стужей сосны как шевельнулись ветвями, в азарте быстрее сбросить с себя напудренную пыль дня и вобрать в себя живительную людскую энергию; потянулись сосны - отшельницы благовестом жизни помножась, и вот льётся по всему бору свет радостный, полузабытый; взбудоражил свет думы и святость лет младых, лет военных, голодных, свет словом ангельским непознанным стал утекать под самый купол небесный и находить волны прозрачной, никакими западными культурами не замятой чистоты. Внимание народа было совершенно поглощено красивой музыкой. А как запели эти «комсомольцы»! Наши, родные, выстраданные, от каблучка да донышка, от малой подковки до взмаха белой рученъки; наши, в ширь и вдоль - русские; наши - горькими хлебными корочками обласканные, похоронками омытые; а как орлом взлетим, а как силой навалимся! - у-ух, нечисть всякая, да мы сомнём, тебя, хоть ляжем порядно! Слабо певунам иных народов в песне стоять против наших!

Люди, затаите дыхание! Перед вами молодая мама, почти девчонка лет семнадцати. Через плечо на талию - прежде с такими шалями - кошелками ходили по деревням цыганки, перекинута шикарная, цветастая шаль с кистями, а в этой «кенгурующей» сумке мамы «кенгуру», сидит годовалый парнишка и наяривает своей игрушкой - погремушкой. Мать поёт, голос у неё сильный, по всем бы природным законам надо орать мальцу от страха во всю мощь свою, а он матери музенирует. Чудеса - а... Такое надо видеть!

На песню отовсюду стекались слегка подпившие молодые люди, лица у многих разгорелись, с каким-то особенным выражением оглядывают они публику и усом не ведут, как бы собираясь гаркнуть: «Чё, думаешь, мы не могём?! Ещё как могём!».

Заслонила свет высокая, костлявая женщина. На голове у неё траурная черная повязка. Цветастое платье до пят. Руку правую к голове прижала, левую подсунула подмышку правой.

- Как выводят! Ангелы, - говорила, скорее для себя.

- Коммуняку отпевают, - хмыкнул Тайсон.

- На фонари коммуняк! - как - то дико захлюпал Витя Богомазов.

Это тяжело отразилось на Феде Дурове.

С кулаками Федя кинулся на Тайсона:

- Ну, ты и морда! Это же сам Михал Михалы - ыч!

И на Витю Богомазова:

- Сморчок недоделанный! Михал Михалыч с самим Цезарем Кунниковым в атаки ходил! В плену был! А ты! - рвёт Тайсона за бороду, - отец у них... - задыхается, - отец всю войну у горна простоял, от зарплаты отказывался! У-у, сволочи! Да вы што знаете о рядовых партийцах?!

- Ну, это...сорвалось, - оправдывался Тайсон.

- Сорвалось! Конопать хайло, дай послушать!

Хорошо, что мы вспомнили православие. Вот подходит к нашим героям та скромная женщина - Христов солдатик, с яичком на груди, просит пожертвовать на храм.

- Ты што, сватья, не в курсах? Какие у нищих деньги? Ты ворё, ворьё тряси! Слышала, как наш достойнейший из достойнейших сынов народа пять лимонов слямзил? – наседает на «прошайку» Тайсон. -А чё, мужики, топчут нас, стригут нас, баранов, да сколько можно терпеть?

- Логично! – подтверждает Витя Богомазов, растирает на лице обильно текущие по щекам слезы.

Женщина с яичком молча кланяется и уходит.

Фёдор Дуров бранит Тайсона:

- Стаханов....рота ты золотая.

- Вредный ты человек стал, Федя. Сущая кислота! Уж не медаль ли дали от «Газпрома»? Коммуняк не тронь, демократов - плутократов не тронь, тебя послушать... Или ты в партию к Путину затесался?

- В гробу я видел все твои партии!

Тайсон ржёт. Остудил он дядю Федю, а то... Идеолог хренов! Царь какой, ещё и бороду рвать при всем честном народе вздулся!

- Тебе она как сватьей приходится? - спрашивает Фёдор Дуров Тайсона.

- А-аа... - отмахивается Тайсон, опрокидывая в рот бутылку пива. - Тут, Федя...такая история: первый велосипед у нас в деревне появился у Дуровых. Да - да, у Дуровых! Давно это было, перед самыми колхозами. Сказывали, Павел Фокиевич зимой в Вологду возил на паре лошадей овёс, и не материю, очень нужную для жены и пятерых девок купил, не ящик гвоздей, а велосипед. Даже, сказывали, воротился домой трезвым. Правда, через этот велосипед его и раскулачили...

- Постой, это как Дуровы из нашей деревни в вашу деревню попали, скажи на милость?...

Начинает расти генеалогическое древо: послал царь Иван Грозный дьяка Феофана Дурова народ переписывать в здешних волостях. Дьяк и постарался, в каждой деревне по ребенку, по два смастерили. Бабушки, старые перечницы, и в те времена любили подпустить дымку по адресу слабых на передок младиц: «Ты чей, атаман, будешь - та?» «Атаман» - всей одёжи на парнишке одна рубаха посконная, и ответит с почтенной важностью, как мать учит отвечать: «Я та? Пора бы знать, тетушка: царского дьяка Феофана Дурова сын!». В конце концов, Тайсон добрался до самого сокровенного: ведь и он по матери Дуров! А эта женщина...

-...она - то и есть правнучка Павла Фокиевича!

- Да ты постой, борода... - начинает соображать Фёдор Дуров.

- Выходит она, раз правнучка Павла Фокиевича...да ведь мне она!.. Это мне она двоюродница, а тебе, сукин ты кот, борода леща, вовсе не сватья, она тебе - не пришёй кобыле хвост! Надо на храм дать, как не дать! Сейчас догою...

Федор Дуров ушел искать женщину с ящичком для пожертвований.

- Леший меня дернул с этой сватьей, - досадливо говорит Тайсон и бьёт кулаком землю под сосной. - Сдох спонсор. Пошли, что ли...

Под облака взлетают на качелях кабинки, а в кабинках тех сидят радостные люди. Билет купят, и летают. Хочется Вите Богомазову тоже посидеть в кабинке, на народ глянуть с высоты птичьего полета. Хочется, а денег нет. Вглядывается в лица про-

гуливающих, знакомых ищет. Натыкаются его глаза на двоюродного брата и его жену. Идут под руку празднично разодетые, веселые. Женушка как голубка приклонила головку на крепкое плечо мужа. Витя к ним: одолжи, брат, зуб даю - верну. Брат сотенную подал: отвяжись. А билет сто восемьдесят. Помедлил, ещё дал сотенную. Витя быстрее к качелям, билет ему дают, он в кабинку, его в кабинке один товарищ с голым торсом привязал ремнями, и... взлетел Витя Богомазов выше гомонящей толпы. Круг, ещё круг... Пошатываясь выходит из кабинки, а пиво, пройдя метры кишок, запростило на выход на крутом вираже и бежит в обе штанины. Молодая жена брата двоюродного как увидела такую картину, так давай хохотать да пальцем показывать на предмет своего смеха. И грохнула толпа, заржала, загоготала.

Витя бежал под защиту той сосны, под которой столовался. Сидит сырой, штанины на ногах оттягивает, чтобы просыхали скорее.

Тут по громкой связи дают объявление: «Потерялся мальчик Илюша! Потерялся мальчик Илюша! Граждане, нет ли рядом с вами чужого мальчика?».

Между тем ярмарка разыгрывалась все более и более. На ярмарочной сцене играет туш фанфарного склада - большие начальники награждают продавцов и колхозников, самодеятельных артистов и врачей. Много их, счастливых и обласканных, жмется к сцене, дожидаясь своей очереди получить из рук руководителей высоко ранга диплом и подарок. Слышатся вздохи, шушуканье и даже чье-то сдерживаемое всхлипывание. А рядом лихо играют гармошки, ещё более раззадоривая подпивших гуляк. Удалые частушки сыплются из уст плясунов, лихой топот глушит праздничный туш, полным - наполнил зачерпнулась ярмарка дружно гудевшим гулом.

На бесцельно бредущего Витю Богомазова натыкается дядя, Дмитрий Иванович.

- Витяка, Илюшка потерялся! - говорит с великим сокрушением.
- Ну - у, - отмахнулся племянник, - найдётся.
- Найдётся... Бревно ты бесчувственное!

- Правильно, бревно можно в шею со свадьбы выгнать! - люто кричит племянник.

Не ожидал, должно быть, Дмитрий Иванович такого поворота; улыбнулся какой - то, тоскливо мятущейся улыбкой, и как бы исповедуясь, промямлил с тихим и сокрушенным видом:

- Убежал, пострели... недоглядели.

Потом, как опамятаился, отодвинул племянника, поспешил дальше, тревожно всматриваясь в лица ребятишек, бегающих вокруг лошадок пони.

Совсем свечерело. В воздухе ощутимо распространялась прохлада. Народу - заметная убыль. Улицы в обертках, бумаге, посуде и раздавленных шашлыках.

Наткнулся Витя Богомазов на полотняную палатку, расpięту на колышках. Рыжая торговка снимает с плечиков платья, халаты и блузки, трусики и прочие вещи, сворачивает и толкает в большие мешки. Лицо и руки у неё полные, розовые, вместо положенного платья пестрые шортики. Быстрый, поднаторевший взгляд на прислонившегося к колышку усталого, как изъянного, мужика.

- Ты чей? - спросила.

- Турецкий подданный, - ответил Витя Богомазов.

И усы подкрутить.

Проходит время; торговка снимает и сворачивает вещи, Витя стоит. Скосила на него глаз и сказала мягко, но властно:

- Помогай, турецкий подданный.

Удивительное дело, Витя Богомазов точно ждал этой команды. Засуетился, начал сдергивать вещи, бросать плечики без приберегу. Торговка оттолкнула его, фыркнула:

- Не горбы на пилораме - всё в кучу!

Нагрузила Витю Богомазова мешками, как бедуин грузит верблюда, закурила, и повела к себе. Она впереди, он, скрепившись, за ней. Тропинкой мимо той сосны, под которой днём сидели с Федей Дуровым и Тайсоном. Шатается и царапается всё вокруг, задевает за мешки.

- Ровней, - не оборачиваясь, говорит торговка. - В каких краях - волостях пуп резан?

Витя называет свой домашний адрес.

- Хорошо иметь домик в деревне. Сметана, молоко, редька...
Тебя как звать - то?

- Витя...Виталий.

- Была у двора масленица, да в избу не зашла. Давно жена прогнала?

- Не женат я, холостой со школы.

Торговка как будто запнулась, повернулась к носильщику лицом.

- Врёши! Все мужики - псы меченые.

- Какой я тебе пёс? - в Вите Богомазове начал тлеть подмоченный пивом запал, но только тлеть, даже дымиться запалу не хотелось, а гореть и подавно.

Мешки гнетут к земле.

У торговки нет больше вопросов. Идёт да покуривает, демонстрируя носильщику пусть не идеальные, но неплохие физические данные для её лет. Анна Шилова привлекательнее смотрится сзади, но... Продал душу за овсяный блин; рыжая торговка - плутовка мужика в нём увидела, а Аньота нет.

ГЛАВНЫЙ ПОСЕЛЕНЕЦ

Прошлой зимой приезжал я в деревню Веселухино, на родину моих предков по отцовской линии. Жил у Игоря Всеволодовича, двоюродного дяди. Каждое утро первым делом лез к окну - какая же мертвенност сельской улицы! Смотрю, смотрю из заиндевелого окна, вроде о чём - то думаю...

Вот идёт деревней старуха в магазин за хлебом, резко повернулась, меня как обожгло: боярыня Морозова! Голову закутала шалью, вязнет в свежем снегу, а куда она идёт и зачем? Дурак, ругаю себя, в магазин идёт за хлебом. Не повезут её на розвальнях, как боярыню Морозову, уймись!

Бежала серая кошка... Ободняет поболе - взял этюдник и пошел к церкви. Каждый раз первым мне встречался невзрачный, флегматичный старик. Церковь восстанавливает бригада из бывших колхозников, старик на правах старосты. Руки у старика дрожат, ему бы не видеть ежедневно нескончаемо гнетущую суревую действительность, а отдохнуть в сладком умилении где - то за печкой, нет уж! Здороваемся; смеётся каким - то всхлипывающим, шутливым смехом, каждый день рука старика поднимается все выше и выше - там будет крест, а пока...

- Нищенствующая, - сказал старик. - Ты, милок, погодь рисовать, ты старину задень, с крестом, в красе...

Зимой я томился по жизни летней природы, и было отрадно ~~встречать~~ сотканную жизнью полноту покоя и мира - таким я хотелувековечить на холсте этого замечательного старика.

Деньги на восстановление церкви присыпает земляк, веселути~~кинский~~ Антон Петрович Забродин, и живёт богатенький земляк в Америке. Наш! Денег не знает куда девать, а мы «всю жизнь в назёме»...

Фамилия у старика, как и моя, Шиловский, звать Серафимом Ивановичем. Утром он собирает бригаду, пораженный таким бесстыдством как пьянка, призывает к значимости возложенной на работяг ответственности:

- Робята, головушки забубенные, Антон Петрович деньги шлёт, надеется, вся волость надеется, а вы? А вы? Что вас питьё - то одолело? Разе он для себя? Ему в Америке да при его голове, а нам?

...Полная невосприимчивость собравшихся возле магазина баб к говорящей Шуре - уборщице. Мало ли кому чего снится... Не волость, богадельня; почитай, в деревнях остались одни пенсионеры да инвалиды, снов этих до выгребу. Тут бы день протянуть, дождаться почтальонки с пенсиею. Мало ли чего в верхах ~~жалдышат~~ о будущем расцвете нового общества, о здоровой жажде жизни, школу и ту закрывать хотят, расцвет какой - то. Жмётся эта Шура к власти, как знать, на чью мельницу воду льёт. Голос у Шуры какой - то обречённый, глуховато - печальный, слышать его сущее наказание, и поза, в которой пребывает, раздра-

жает. Вся в ожидании сурового наказания за свой язык: слегка вздрагивает, как от холода, и вытягивается, высматривает или ждёт кого?

- Один вред от этого телевизора, один вред, - продолжала Шура. - Я про корзину эту потребительскую. Смотрю да смотрю... И на тебе: как бы достаю я с подволоки эту корзину иловую, а в ней сам Игорь Всеволодович сидит, турка туркой. В руках папка, на папке написано: «На подпись». Да што эко от вас покою - то нам нет? Спрашиваю, куды, спрашиваю, продукты, кои поселянам обещают месяц от месяца боле давать, подевал? Он папку развернул, нос помял перстами, и давай отчityваться. Выходит, все мои продукты моль - инфляция подъела да на содержание власти ушли, потому я государству ещё должна оставлюсь... А потом, смех и грех, корзину мою нарядные бабы бюджетницы штурмом берут...

Уборщица Шура еще говорила про вредный телевизор и потребительскую корзину, вроде её слушали, только никто не поддержал. Даже не хмыкнула ни одна баба с иронией: как затеряя пластинка, власть, власть, власть... Нужна она нам, власть?

Глянул конец сентября на землю прямо - таки майской благодатью, открылась осень, которой будто не было до сего дня. Недоверчиво смотрели люди в чистое небо, изумлялись: диво да и только, солнце - то изливается, что мёд блистающий. Уж и птица почти вся прошла, и снег на Богородицу падал да моментально сгорал золотой пылью в лучах солнца и оседал режущим едким озномбом; думали на Покров старики мороз стряслет со своих саней мерзлые оковы, а тут вынырнул нежданно - негаданно лазурный мир и осчастливили всех.

К серому, приземистому, обшитому тесом зданию с темными от нависших ветвей берез окнами, подкатила «Волга». Из машины выбрался Главный поселенец, он же Игорь Всеволодович Шиловский, глава Вапюгского сельского поселения. Отряхнулся, поправил под мышкой блестящий черный дипломат - необходимый атрибут нынешнего чиновника, на модные полуботинки глянул - и чего итальянские модельеры уперлись в какой - то магометанский узконосый стиль? Небрежно махнул рукой

шоферу. Машина плавно тронулась с места и покатила дальше по проселочной дороге.

Положил тяжелые руки на выкрашенную им самим железную калитку, будто с болезненным наслаждением причиняет себе боль, решаясь, войти или не войти? Кажется ему, что прежде он должен непременно осознать значимость первого шага, а потом открыть врата власти. И до чего хорошая нынче жизнь пошла, жить бы да жить, править да править! В такой день не верится, что скоро запросится в тепло иззябший, напористый ветер, женщины будут кутаться в шали и ставить между ног калориферы, будут сетовать на свою долю... Лет пятнадцать назад бежал бы Игорь Всеиволодович в такой день поднимать льнотресту и сотрудниц своих подгонял бы, а нынче... отрада! Пятнадцать лет, да еще три раза по десять - ровно не жито. Годы разрастаются в какое - то непонятное число, которое невозможно охватить умом, невозможно почувствовать, только можно по отдельным вехам стянуть в одно целое. Колхозов нет, поля в дурной траве, не замычит корова, не налетит ястребом секретарь райкома. Раньше дождь ли сечет, снег ли заносит, хочешь не хочешь, собирай недовольных депутатов и проводи обязательные заседания, отчитывайся по закупкам молока от населения, докладывай о каждой копейке на ремонт и строительство дорог, жилья, ищи вдовам погибших в войну мужей, венчай и отпевай...

Хорошее времечко, даже немного волнующее, словно преддорожное, сытое, распухшее от статистики и депутатских платформ, поделившее общество на две неравные половинки: власть и народ. Случилось что - то похожее на «опричнину» и «земщину» - русская история любит делать зигзаги государственно-политического и социального переустройства. Согласен полностью: старая фуфайка годится что разве погреб закрывать; пока идет неуклюжее блуждание на переломе эпох, непомерное увеличение чиновничьей рати, распыление казны, бросание из огня да в полымя из - за постоянной оглядки на Запад, но Игорь Всеиволодович верит: возврата к старому не будет, а будет деловая и размашистая поступь - запрягаем мы всегда долго, но ездим ходко; год от года будет возрастать полнокровность нового обще-

ственного строя, рождаются новые ценности, рождается другой человек; достигнув величайшего расцвета на вершине эпохи, новый строй одряхлеет, низвергнется - так было и так будет.

Раз в неделю Игорь Всеволодович ходит смотреть, много ли «подалось в церкви» - с бригадой у него отношения натянутые, он их всех, кроме родича Серафима Ивановича, давно занёс в свой список «колхозные бомжи». Работники тоже не испытывают большой радости от визитов главы поселения. Замечает Игорь Всеволодович вздрогнувшие у «разжалованного» им бывшего коммуниста губы, как у ребенка, видящего дурной сон, видит надменное лицо его: кто тебя звал, паразит? Лениво идётстройка, очень лениво. По рассказам уборщицы знает, какое утро и кто встречает продавца ещё на подходе к магазину, кто канючит «... хоть с напёрсточек».

Лет пятнадцать назад мечтал председатель сельсовета о новенькой персональной «Волге?» Какая «Волга», бежал да запинался этот председатель. Игорь Всеволодович не ком земли, оторвавшийся от подмытого берега, не отпал он от деревянной своей деревни, он всегда свой, не пришлый - налепной. Без власти как жить? Пусть мелкая сошка в масштабах области, так свою власть не зазорно и матом покрыть - своя в обиде будет, а областную не обматеришь, не дотянешься. Нынче нелюдимая сила обывателей не бурлит и не клокочет, как клокотала в годы горбачевской перестройки, она смиренная, изошла в пустую и тихую говорильню по тёмным углам. Хорошо помнит Игорь Всеволодович, как избирали его секретарем парткома колхоза, как всю подноготную выведывали партийцы, отчитывали, упрекали, наказывали, а потом три года жил и оглядывался на своих товарищей по партии, постоянно ловил на себе нехорошие взгляды: «Должен!». Ты должен блести себя, должен вызволять из узилища оказавших тебе доверие коммунистов и не поднимать на собраниях вопрос о моральном облике угодивших в узилище; должен идти на ферму и разбираться, почему у коммуниста кочегара взорвался котёл, почему коммунист зоотехник в сенокосную пору голая лежала на раскладушке возле своей бани... В прошлом любой начальник был живущим доказательством гре-

ховности советской жизни. Не спешит нынче старуха как прежде в сельсовет просить «дровец» да попутно отругать «горлопанов» - холодная пустота встретит бабулю. Да и бабули грамотные стали: чего просить, тормозни предпринимателя - кругом одни бизнесмены, и рубят они круглый год бывший колхозный лес, привезёт манипулятор.

Из - за угла вышел с кислой улыбкой Фрол Забродин, косолапо загребая ногами в резиновых сапогах, шел по дощатому настилу навстречу Игорю Всеволодовичу. Мир, весь сладкий и корявый мир, во всей полноте своего прошлого и настоящего, будто мятежный ветерок доверительно обмахнул главу поселения с головы до пят и пропал; окажи, благодетель, простолюдину ~~з~~нимание.

Фрол - чуть горбатый, худой, с седой щетиной и заплывшим глазом, в залощенной солдатской форме. Форма от сына досталась, а сын парится на нарах лет десять. От Фрола несёт перегаром и застоявшимся дымом. Месяц назад он разломал печь в здании, а успеет ли до морозов сложить? Бог его знает...

- Здорово, - Фрол протянул Игорю Всеволодовичу не совсем чистую руку.

Игорь Всеволодович равнодушно пожал протянутую руку, ~~посмотрел~~ на часы на своей руке, спросил:

- Фрол, собачья твоя душа, где тебя черти носят? С потрохами в бизнес ушёл?

- Потешайся, твоя берёт.

- Если насчёт... - Игорь Всеволодович щелкнул себе по горлу.

- Не- а, другое. Личное.

Заплывший глаз теперь казался подозрительно прищуренным.

- Заходи через полчаса.

Без отзывчивости, равнодушно смотрят глаза Фрола, здоровый с легкой иронией, подбитый угрюмится. Это, конечно, мгновение, но всё - таки лишнее, для главы обидное. И головой как - то заносчиво тряхнул Фрол:

- Власть... А мы што?

На неуклюжем крыльце появляется уборщица, она же по со-

вместительству истопник, она же по производственной необходимости сторож, и зовут эту труженицу одну в трёх ипостасях просто Шурой. Лет Шуре под пятьдесят, замужем не была, детей не нажила. Раз в два месяца напивается «в усмерть», запрётся в своей кочегарке (в здании водяное отопление, печь с котлом находится в подвале), упадёт лицом на стол и плачет тяжелыми, пьяными слезами. Из груди вырываются звериные стоны, дикое мычание. Несколько часов подряд восемь работниц Вапугской администрации слышат всё, что творится этажом ниже, язвительно переговариваются. Винные пары, туманом застилавшие мир, постепенно рассеивались, действительность принимала свойственные ей унылые, безрадостные очертания, и тогда Шура песней гнала тоску прочь. Работницы администрации «аплодировали» самодеятельной артистке топотом ног в пол. После очередной пьянки Шура дней пять живёт «на уколах» - давление под двести двадцать. Уборщица Шура может много чего поведать... Не понимают её терзаний, её невыносимой тоски по иным краям «бюджетницы» - так в народе с издевкой величают работниц администрации, а Игоря Всеволодовича - «главным поселенцем».

Счёту нет да и веком счёту не будет всяким историям, что тащатся по белу свету; столяру не смастерить сундук, а кузнецу не сковать замок на тот сундук, в который однажды, сговорившись, затолкали бы свои тайны жители одной маленькой деревни. Одни истории давно заблудились и кружат, кружат по волостям, обрастаючи былью - небылью, другие тревожно и радостно, как бы впервые ощущив предутреннюю полевую стынь, пробираются от избы к избе, посмеиваясь да приговаривая: «С бороды - на ложку, а с ложки... в молоко»; какие басни и побасенки гогдами перемалываются, выбраживают, густо завариваются, крепнут, какие чуть присели, окуренные словно бы насмешкою, - об разумить или наставить на путь истинный неразумного человека? Отряхнулись и сгинули.

Чудный день; залезли плотники на самый верх деревянной церквушки, воткнули топоры в бревно: воспоём Господу, благо деяющему нам! Величественное, часовое оцепенение природы!

Серафим Иванович молчит, заботливо наклонил вниз седую голову, смотрит вниз, равнодушно - печальный. Не о дне сегодняшнем думается на крыше церкви, прошлое и настоящее привятся по задумчивым и пустынным дорогам, по окрестностям близь лежащих деревень, обжатых пожухлой травой. При таком небесном свете долго и сладко загадывается о дне вечном; постой, дорогой читатель, пусть и уборщица Шура постоит на неуклюжем крыльце сельсовета, будет у неё время поведать Игорю Всеволодовичу последние новости.

В тот год, как был Игорь Всеволодович в председателях сельпо, однажды в субботний день после обеда зашёл он в склад, а в складе девка Катерина селёдку из разбитых бочек в ящики складывает да перевешивает. Накануне машина с рыбой опрокинулась в овраг, шофер, вроде Катерине кавалером приходился, полумертвого вытащили. Не довезли до больницы живого, умер. Мороз был трескучий. Игорь Всеволодович вдохнул холодный, насквозь рыбой и ещё чем - то затхлым пропитанный воздух склада, раскашлялся. Должно быть, врасплох он застал Катерину со своими думами: отшатнулась от ящика, глянула на Игоря Всеволодовича, порывисто - тяжело вздохнула, и давай голосить. Кашляет Игорь Всеволодович в свою меховую рукавицу, смотрит, горько плачет девка Катерина над подавленными рыбинами. Охватила Игоря Всеволодовича жалость к бедной девке. Шофер был парень хвастливый, верно, обещал Катерине золотые горы, а вот, поди ты...

Сел на ящик напротив девки, руки её холодные из брезентовых рукавиц освободил, дует на них, гладит; горе должно быть помутило разум Катерине. И почему она жадно - долго и просительно смотрела на него, или боясь, что уйдёт со склада этот уверенный в себе дядька и она останется снова одна, почему сама подвинулась к взрослому мужику, почему подарила прелестную улыбку, почему сама положила ему голову на грудь... И целовал Игорь Всеволодович влажные, даже скользкие от холода губы, целовал доверчивые глаза, называл голубицей сизокрылой...

Потом были бессонные ночи, сознание вины; в сущности, он не винил ни себя, не винил девку Катерину, винил его Величе-

ство случай. В глубине души мечтал, что всё обойдётся, Катерина не понесёт дитя, всё забудется. Месяца через полтора Катерина остановила его, нарочно караулила, потупилась, с ноги на ногу переминается и просится на курорт. По телу Игоря Всеволодовича пробежал знобкий, трусливый холодок, он подозрительно глянул по сторонам - никого, и вдруг обрадовался - молодец, сметливая девка! Если что - с курорта дитя привезла. И никаких ухмылок односельчан, никаких разговоров, упреков жены - с ноги не сошёл Игорь Всеволодович, выбил путевку с самый лучший дом отдыха. Родила - послал в роддом сельсоветскую грузовую машину за роженицей. Одна Катерина сына поднимала. Ох, и любопытное семя эти бабы! Катерина с ребенком идёт в магазин, как доверчивую Катерину не остановить, с личика ребенка легкую занавеску не отодвинуть: «Ой, какой же он у нас хорошенъкий... Какой басенькой... Богатырь, ишь, ишь, как ручками колотит, губками причмокивает... Носиком -то, носиком - то как швырчит, гу - гу, гу - гу, скоро помятюкаться начнёшь. Как назвала - то?». «Алешей». «Олексий - Божий человек, хорошее имечко».

Гугукает, душа вражья, а сама прикидочку делает: на кого же ты похожа, сиротинушка, в старую синюю шаль закутанная? От покойного Катеринина ухажера вроде глазенки серенькие... Неужто в самом деле на курорте согрешила? Не правда: эдакой крепыш, на семимесячного недоношенного не тянет... Затеяла судьба игру без промашки: чей да чей у Катерины сынок? Стал ребенок по избе ходить, Игорь Всеволодович заставил Катерину учиться полгода на продавца. Только курсы кончила, её - за прилавок. Поползли перешептывания в пользу Игоря Всеволодовича: вот бы все начальники так о людях заботились! Райком услышал про внимательного и заботливого Игоря Всеволодовича, на бюро пригласили, вот вам, товарищи колхозники, отец родной. Скрытничала Катерина, таилась, пока в школу сын не пошёл, чувствовала на себе затаенные и щекочущие взгляды, а как - то фельдшерица стала делать уколы ребятишкам, дошла очередь до сына Катерины, фельдшерица и выдала: «Надо же, у тебя родимое пятно листочком на левой ягодице! У Игоря Всеволодо-

вича...». Осеклась; и так, и сяк в лицо парнишки всматривается, нос пальцами щупает, тут и узнал сын Катерины дрогнувшей душой, что не с курорта его привезли, дома нашли. Поползли слухи: хорош гусь наш Игорь Всеволодович! Обрюхатил да в ~~Продавцы~~ затолкал?

Игорь Всеволодович нарочно пуговицы пиджака расстёгивает - уф, жарища какая, перепотел, по сторонам осматривается - где сегодня «народные мстители?» Смотрите все, и ты, Фрол, спиной да смотри, пусть Главному поселенцу - браните, стерплю, пусть просто главе поселения скрывать нечего: встал он рано и напрял много: машину с хлебом за мостом из грязи своим крепким плечом вытолкал, потом известного дебошира, которого в канаве собаки обнюхивали, со своим шофером на ум наставил, потом... А сам наметанным глазом по лицу уборщицы старается определить не только то, чего сегодня таит эта хитрая баба и в тоже время делает вид, какую бы новость не поведала ему уборщица, он уже знает. Председатель - большетелый, ~~Грузный~~, с толстым, как иглами искошотым носом, из славной пляды непотопляемых чиновников. С председателя сельпо да в ~~Председатели~~ колхоза, с председателей колхоза да в секретари парткома, с секретарей да в главы поселения и так далее. Везде гож. А потому гож, что практикует не первый год, зубы, так сказать, съел «на выборных должностях». Пробудится ночью, лежит и думает: может он когда-нибудь чувствовать и жить, как тот же Фрол Забродин? Нет, не может он так жить, наложило время на него свою печать, которую ничем не смыть, ничем не соскоблить. Обыкновенный работяга день протянул как-нибудь, домой воротился, топор, вилы, лопату в угол кинул - и всё, не захватит его печаль о чем-то большем. А потому не захватит печаль, что работяга- человек подневольный, безразличный к думам начальников. Сколько лиха вынес он в горбачевскую перестройку с этими талонами, жалкими субсидиями, открытыми бунтами, торговлей?...

Уборщица любит заезжать «от кремля», немножко пропесочить обленившихся районных начальников. Чего барами не жить, когда в Москве только и пекутся, как бы побольше началь-

ников на вертикаль - горизонталь, как мяса на шампур, насадить. И такой у нас в стране «бюджет» затюканный, голодный, обиженный, заваливай этих «бюджетников» взятками, никто не берёт. Председатель делает тактический ход: сначала на лице его вселенское изумление: «Не может быть!». Подталкивает - говори, говори, не тяни резину своим похоронным голосом; потом восторг - и востёр же на язык русский человек! - смелее говори, не бойся, власть, как врач, должна знать про все болячки; потом негодование, - стараешься, бьёшься как рыба об лёд, ночи не спиши ради этих «вострых» обалдуев, и всё псу под хвост!

Краткий доклад уборщицы главу поселения удовлетворил: пока народ безмолвствует.

Ровно в девять работницы администрации заняли места за компьютерами. Игорь Всеволодович велел крайней от дверей молоденькой бухгалтерше позвать стоящего на улице у калитки Фрола Забродина.

- На тебя запрос пришёл, бизнесмен, - говорит Игорь Всеволодович и показывает на стул.

- Ну, их всех... в болото, - шипит Фрол, присаживаясь, заплыvший глаз его разлипается и снова слипается. - Кончил бы ты меня позорить этим бизнесменом, Игорь Всеволодович.

- Какой же позор? За лето, сказывают, две тонны дюраля сдал?

- Я - а? Две тонны? Да до меня всё выгребли инженеры, тонны. В навозе телегу тракторную ржавую выкопал, верно, дюраль какой - то. Кому бы толще сморозить, окаянные! Матка земли с огородца узелок наложила, просыпь, наказывала на гроб - Феденька слезу мою увидит...

- Просыпал?

Фрол нервно вздрогнул; с ума можно сойти, до того мучило, утомляло непрестанное напряжение постигшей беды.

- Просыплемь тут... Ну, думаю, пока из морга брата привезут, да пока катафалк прирулит, сбегаю я за пивком. Ларёк во дворе, долго ли... Да в квартире обстановка давящая, все переживают... А пива в Москве - море! Я «Адмирала» смотрю, как - то с братом покойным жучили. Изучаю, прицениваюсь, щастъ в потайник, а бумажника нет. И документы, и деньги стяши-

ли. Недалеко милицейская машина, я, чудило наивное, к ним. Один такой с бычьей шеей понимающе припевает: «Ты - деревня, я - село, наши крыши повело. Дуй, родимый, в семнадцатое отделение, заявление напиши. И забудь». Троє их было, все ржут. Мне этот с крепкой шеей, где отделение искать, показал. Стали с меня показания снимать, я как на духу: деревня Веселухино, Валугское поселение... Только про поселение обронил, тут и попал, как кур во щи: «А ты не сбег, сволочь?!». Живёхонько мои данные внесли в базу данных, - вишь, кумекать и я немного стал в компьютерах. Ага! Есть такой арестант по фамилии Забродин. Отпечатки пальцев сняли, дело завели, запрос тебе послали... в кутузке, то бишь, обезьяннике, три дня держали. Сознавайся, скотина, сколько глухарей на тебе?! И под бока, и под бока... «Говори, какой Абрамович на казне сидит?!». «Нет у нас Абрамовича, дорогие вы наши товарищи, Шиловский Игорь Всеволодович за большую сноху». Врач меня психический осматривал, признал симулянтом. От врача вышел, огляделся, а этой хреновины, которая всё видит, не заметил. Бежать. Догнали. И дрожу я мелкой, противной дрожью: убьют. «Куда бежал?» - спрашивает коренастый кривоногий охранник, глаза ясные, пронзительные и холодные. «Так», - еле выдавил из себя. Охранник поднял кулак, я невольно прикрыл руками голову, жду, когда врежет. Он плюнул на кулак, да как вмажет... во, глаз вывернуло от боли. Схоронил, называется, брата... Правда извинились: с сыном Гришкой перепутали. Для Москвы все мы сплошь арестанты. Документы выпрямлять надо, а деньги где?

- Да - а, - понимающе протянул Игорь Всеволодович. - Раз поселение, стало быть - зона. Поаккуратнее другой раз с адресом быть надо... Меня - то зачем приплёл? Вдруг занесли в какой неблагонадежный список?

- Ну - у, тебя - то за что?

- За то... Раньше говорили: каждая подпись - год тюрьмы. Вот на документы тебе Всеволодович подай, а как на водяру... Ещё телегу в навозе отрыл или у родственника американца выканжил?

Фрол порывисто поднялся, шагнул к Игорю Всеволодовичу и, словно провалившись, стукнулся перед ним на колени.

- Ты ведь Главный поселенец... - громко вздохнул он, чуть не плача. Заплыvший глаз смотрит во всю мощь. - Через тебя... Че-рез реформы ваши меня били... а - а!

- Чего - о?... За реформы били?

Глава поселения дикими глазами смотрел на Фрола - и вдруг раскатисто захохотал. Нахохотался, достал носовой платок, нос свой пористый мял, слезы проступившие убирал.

- Ладно, - Игорю Всеволодовичу понравилось, что Фрол сказал то, о чём сам думает да веком не скажет. - За одного битого двух небитых дают. Печь клади, а о деньгах забудь.

- Забудь... а моральные издержки? Я ведь смотрю по телевизору передачу «Федеральный судья», мне компенсация положена за вред. Не судиться же мне с московской милицией, уж ты приими на себя - власть! Игорь Всеволодович, жить...

- На пенсию матери. На что нынче народ живёт? На пенсии да пособия.

И начинает в груди Игоря Всеволодовича нарастать, всё выше подниматься волна ненависти. Как и пятнадцать лет назад, и три раза по десять - опять должен. Должен того же Фрола как - то устроить по безработице - восемьсот рублей в месяц, деньги не ахти какие, но таких фролов в его палестинах, готовых за стакан водки не только колхозную телегу продать - Родину, много, хоть печатный станок в кабинете ставь. И всем дай! И вроде как нетактично спрашивать с безработного, одно горе да хлопоты от пролетариев долбаных! Мрачно смотрит он в стакан, где поблескивает крепкий чай.

Фрол видит: сегодня не его день. Главный поселенец до бешенства вооружен против своей жизненной обстановки, - он тащится прочь, без компенсации за причиненный вред здоровью.

...После второй отсидки, Гришка Забродин «забил стрелку» на ферме - не понравилось, что бригадир обозвал его тюремщиком. Доярки с визгом разбежались кто куда, старшая - в контору. Игорь Всеволодович в тот год начинал председательствовать. Ретиво бил копытом, хотел вывести колхоз в миллионы по доходам. Вечер поздний, готовится к заседанию правительства. Делать нечего, позвонил в милицию. Дежурный отве-

тил: выезжает оперативник. До колхоза почти тридцать километров, снегу до пупа, дорога прочищена плохо. Только ближе к полуночи добрался иззябший старший лейтенант на мотоцикле до фермы. Сопли на шубе висят сосульками. Пошли с оперативником бригадира искать, по рассказу старшей доярки, Гришка пинал его сильно. Не нашли. Тогда пошли на дом к Забродиным, Гришку связали, притащили на ферму. Затем Игорь Всеволодович пошёл будить тракториста - решили с оперативником везти Гришку в отделение на гусеничном тракторе. А тракторист пьяный. Жена волчицей на Игоря Всеволодовича: «Да пропади он пропадом ваш колхоз! Вам надо, вы и везите! Не поедет!!» Пришлось Игорю Всеволодовичу ехать сопровождающим. Сам воду в радиатор в темноте носил - побил Гришка все лампочки, сам тракторные сани подцеплял, а оперативник за рычагами сидел. Гришка уперся: не поеду на санях. Затолкали в кабину. Жаль, не обыскали. У Гришки бутылка водки была в голенище валенка сунута. Выехали в поле, остановился трактор и стоит. Ночь глухая, ветер на санях до костей пробирает. С разных сторон бегут к трактору, хватать за ручки - заперлись. Сидят да водочку пьют Гришка с трактористом. Оперативник за пистолет: «Убью гадов! Хоть знать буду, за каких паразитов посадят!». Ближе к утру прикачали в милицию. Сонного Гришку в КПЗ, иззябшего Игоря Всеволодовича отправили домой на милицейской машине. Через сутки Гришка Забродин был дома, провёл с Игорем Всеволодовичем «воспитательную работу»: «Не царское это дело - перед менами сучить...». Потом Игорь Всеволодович часто вспоминал преподанный Гришкой урок и соглашался: не царское. И колхоз не его личная собственность, и он сто лет в председательской упряжке не проходит.

Сумерничают Игорь Всеволодович с женой. Шумит потихоньку электрический самовар. Жена, сложив руки на огромном животе, постоянно вздыхает. Мода у неё такая, сидеть и вздыхать, даже глаза закроет. По телевизору идёт очередная серия нескончаемого бразильского сериала. Припозднился с работы Игорь Всеволодович. Приехал важный землестроитель с обла-

сти, завтра, говорит, будет проводить ревизию земель, находящихся в частном пользовании.

- Перемеривать будем что ли? - нервно спрашивает Игорь Всеволодович.

- Перемеривать, - спокойно отвечает землеустроитель.

- Лопухи да крапиву? Вы сначала спросите народ, нужна инвалидам да пенсионерам ваша земля или нет?

- Здравствуйте: она моя, земля вашего поселения? Земля принадлежит народу, правильно? Ратовали - берите, и только через суд можно отказаться от земли.

Сидели, гадали: как и подойти к этому щекотливому вопросу, как не взбудоражить народ.

- Чего седни нового? - лениво спрашивает жена.

- Не пахал, не сеял новое - то...Фрол с похорон воротился.

- Схоронил Федьку?

- Ну.

- Ровно пень глухой. Глянь в зеркало, скоро мхом обрастёшь на своих должностях.

Переводит Игорь Всеволодович взгляд с лица дремлющей жены на большой портрет её, висящий на стене, и замечает, что изглаживается молодость из его памяти, появляется что-то чужое. У губ врезались жесткие линии, как-то расплзлись щеки, шея отяжелела, часто бессмысленно глазеет в окна на деревню, брюзжит тягучим голосом, когда не в настроении, глаза выцвели - как в песне: «А годы летят, как в степи поезда, стали серыми дни, друг на друга похожи...».

Стоит Игорь Всеволодович на крыльце, смотрит вдаль, засунув руки подмышки. Было уже поздно, но спать не хотелось. Лето ли вернувшееся растревожило его, или какая-то смертельная тишина, а, может, завтрашняя ревизия частной земли? Не было в той тишине спокойствия. Завтра его - власть, встретят откровенно враждебно, как ненужную помеху, праздношатающегося бездельника. Укорят не раз сотками, которые нынче без помочи колхоза трудно вспахать, трудно скосить. Прочтёт он на лицах поселенцев искреннее и отчаянное недоумение с этим обмером. И прошлое будило его назойливо, требовательно, даже

поглаживало. Он смотрел в ту сторону, за реку, где жил его сын Алешка. Ничего не было видно, всё заволокла осенняя мгла. Недоступный горизонт обозначился для него какой-то мудро бесмысленной улыбкой. Если вытянуть руки, попытаться изжигать должности «подкатить» одну к другой, от каждой пахнет забирающим, даже обязывающим воздухом, и от этого веяния все окружающее отплывает, как отсеченное, словно от ошеломляющего изумления вырастут поднимающие ввысь крылья; страх не страх, острое сожаление подобно клещам подобралось к сердцу: на руках сына не держал, не приголубил Катерину, всё опа-сался, всего боялся, а надо ли было?

«Время такое было... Вот бы сейчас - да, пошли все в баню! А тогда... Сейчас привёл бы эту Катерину к себе и сказал: будет второй женой. И точка!». Он говорил это сам себе с глубочайшим убеждением, его мысли показались ему непреложной истиной, будто зрел перед собой районного прокурора и смутное предчувствие, которое он тщетно пытается объяснить себе, витало в мучительной тишине. Он бранил, как теперь принято называть, застойное время: потому его Алешка вырос не хозяйственным, что не было рядом его, отца. И женился Алешка на непутевой - выписал из тюрьмы ладу свою, свои девки на нет изошли. Школу кончил, председатель кнут в руки подал; летом пастух, зимой берут предприниматели лес грузить на машины. Парень здоровый, на грубость не нарывается, сколько дали за труды, на то и согласен. Нет - нет, не он был в тот год председателем колхоза, он в тот год поднимал престиж районного лесничества. Будь Игорь Всеволодович рядом, в игольное ушко влез бы - протолкал сына Алешку учиться на токаря. Топит сердце Игоря Всеволодовича волна жалости, сочувствия, разбегается волна и обваливает гневом своим на прожитые годы - прятался, не помогал Катерине, до седых волос дожил, а чего нажил? Всё те же косые взгляды, сплетни, раздуваемые кем - то слухи: «Ничего - оо! Ужо, следующие выборы покажут! Сковырнём Главного поселенца и бюджетниц его в шею!». И смешно и горько: кто «сковыривать» будет, хотел бы знать Игорь Всеволодович? Последний раз выборы сорвались дважды из - за малой активности избирателей, по до-

мам с ящиками ходили члены избирательной комиссии. Не раз пытал уборщицу Шуру: скажи да скажи, кто гадит мне в портфель? Хмыкает Шура, а, должно быть, знает.

Ночью жена подняла Игоря Всеволодовича: горит что - то за рекой.

- Ходила в туалет, гляжу в окошко...

- Чему там гореть...нефтебазу давно растащили, что разве дощатый склад... Спи.

Но смутная тревога подняла с постели: где - то там, за рекой, его сын.

Присмотрелся - точно, склад горит. Брызжущим фонтаном искр поднимался к аспидно -черному небу высокий столб огня. «Да - а, своё палим, не жалко, - горько подумал Игорь Всеволодович. - Ни себе, ни людям. Все довольны». Твердо уверенный, что горит бывший колхозный склад горюче - смазочных материалов, пошел спать.

Снова день расцветает золотом и лазурью.

Оказалось, сгорел домишко сына его, Алешки. Домишко так себе, колхозный, на семи ветрах, в одной квартире Катерина жила, в другой -Алешка с женой и сыном. Ветхий домишко, красная цена ему три телеги дров. Ни сын, ни жена, ни внук Игоря Всеволодовича не пострадали: соседи растолкали пьяных родителей, а парнишку вынесла та самая фельдшерица, что однажды распознала в Алешке сына Игоря Всеволодовича. Катерина пожара не видела: была отправлена накануне в районную больницу.

На своей персональной «Волге» подкатил Игорь Всеволодович к погорельцам, - мысленно «к черту» послал областного землеустройителя, пусть день пересидит в районной гостинице. Жена Алешки рёвом ревёт, Алешка ходит кругами возле бывшего жилища, чадящие головёшки пинает, глаз от земли не поднимает. Жалостливые лица у односельчан. Столпились стайкой, жалеют все Катерину: наживала, наживала, копеечку к копеечке прикладывала, то телевизором обзаведётся, то шкафом, и на тебе, как корова языком слизнула. Чувствует спиной Игорь Всеволодович рано проснувшуюся деревню, его укололо в сердце

ознание, что многие сейчас гадают, как поступит отец с семьёй сына.

Из солидарности, а скорее не желая слушать объяснения причин пожара - учёл подавленную психику сына, Игорь Всеволодович тоже походил, стараясь не встречаться с Алешкой, ~~повздыхал~~, смотрит, прямо к нему бежит парнишка. Перепачкан в саже, босой. Семенит толстыми ножонками, рубашонка на животе порвана, в руках зажаты два камешка бурого цвету. Должно быть, этот постреленок ползал где - то в стороне от взрослой суеты, а, может, его и не хватились. Мальчик не ощущал ни страха, ни боли. Сел на землю напротив Игоря Всеволодовича, и, не сводя с него глаз, один камень отложил в сторону, второй стал быстро - быстро очищать, и тут сердце Игоря Всеволодовича дрогнуло от восхищения: да ведь картофелину чистит его внучок! Не дочистил, стал жадно есть. Ровные тонкие бровки прятались под прядкой волос, губки смешно вытягивались, хватая мякоть вместе с кожурой. Игорь Всеволодович забыл обо всем, что его угнетало - о вздорных слухах, то утихающих, то закипающих с его родством с Алешкой, о своих проклятых должностях, на которых «сыел зубы» и потому даже во сне помнил: он должен всем, рядовым и Родине, забыл о развалинном колхозе; что верно, то верно: не сопротивлялся Игорь Всеволодович разрушению колхоза, наоборот, способствовал. «Как он за жизнь - то хватается, а?...Этот не замрёт, не правда! Моя кровь!!».

К парнишке подошёл Алешка, взял на руки, подкинул.

- Не замерз, Гошка?

Уходил с пожарища Игорь Всеволодович другим человеком, словно, для того чтобы признать родство с Алешкой, ему обязательно нужен был пожар. Как он был благодарен Катерине и только Катерине: внука Игорем с её подачи назвали, уж Катерину, доверчивую, к народу со всем почтением - он знает.

«В своём доме петух поёт первым - признать надо было Алешку своим, глядишь... А признай - из партии вышибли бы. Из партии - под зад коленкой, и своя семья распалась бы, и хрена тебе - не должности... Эх, деревянная ты деревня! Сейчас бы я

Катерину второй женой! Вот что, сказал бы своей первой, квашня ты разопрелая, и не мешай, и под ногами не путайся!»

Сидит в персональной машине Игорь Всеволодович, стекло двери опущено. Упорно всматривается в горящую золотом даль. Ветерок обметает лицо свежестью. Бежит машина краем широкого - широкого поля по тугой дороге. «Забирает лес в полон. Ишь, как сосняк пошёл» - по сердцу Игоря Всеволодовича течёт ощущение боли и недовольства. Не слышит Игорь Всеволодович тайного голоса поля, а лет тридцать назад слышал. В пожухлой траве должно быть теплилась ничтожно малая жизнь, как внутри черной, остывшей головёшки теплится робкий, тлеющий огонёк. И в деревнях «теплится», а лет тридцать назад кипела: тогда деревни были полны народу, был колхоз...

И тут печальные думы о возрождении деревни, о нескорой былой значимости её, кормилицы и воительницы, сдвинул с главной темы пожар, вроде малая частность, тем не менее настолько значимая для Игоря Всеволодовича, что он велел шофера остановиться. Вышел из машины, отошёл и смотрит в ту сторону, где остался сын с внуком. В той стороне опять по весне распустятся душно пахнущие цветы, мир вдоволь напьётся бурной красотой, зарокочут двигатели тракторов, лица людей засветятся таким безмолвным счастьем, таким трепетным обожанием...

Здесь всё наше, всё, рожденное на земле; здесь не прервётся нить радости, движения, осмысления, потому как женщины рожают детей. Сегодня теплынь, сегодня лето, а завтра погорельцев разбудит нахмуренное небо, холодная сырость вспьётся под изорванную рубашонку внутика... Несколько минут в каком-то раздумье ждал Игорь Всеволодович чего-то, всецело объятый засевший в мозг мыслью, шофер даже стал ёрзать от нетерпения; сел на место, и велит шоферу разворачиваться.

- Хватит, списываю с себя все долги, - сказал отрывисто. - Должен, должен... Вот внуку - должен, а большие - ша!

Русский крест

Андреа де Вальдес шла последней по трапу самолета. Намеренно пропустила всех пассажиров, прилетевших вместе с ней из Мадрида, из-под руки смотрела на плывущие над горизонтом тяжелые, как припорощенные инеем облака и твердила себе: «Я - русская!».

Люди этот факт пока не знали, но какая-то часть природы, состоящая из неба, неприютных дождевых облаков, истоптанной тысячами ног травы, голубей, обязательно должны признать, вспомнить кадниковский дворянский род Межаковых.

Она испытывала чувство вечного остановленного счастья: пережитое княжной прабабкой - в природе должно остаться грустью. Она ступала на землю своих предков, она ей доверяла - должен быть какой-то косвенный сигнал, крик, связующая ниточка прошлого с настоящим. И ступив, она оглянулась на самолет - уставшая машина будто прижималась к надежной земле, шли пилоты, на ходу застёгивая пуговицы на регланах; что-то одушевленное и славное томилось сейчас внутри Андреа: она ждала зов! В ней полыхало радостное возбуждение. Она преобразилась, узнала теплоту родины, будто откинулась годами в прабабкину молодость, вобрала, как выпущенное людское беспокойство, прошумевшие революции и войны... Ей казалось, что, несмотря на все бедствия ихнего рода, здесь начиналась и здесь продолжается счастливая жизнь. И она приехала подтвердить это. Жизнерадостная толстушка пани Ковальская подхватила замешкавшуюся Андреа под руку.

- Россия, Андреа, - растроганно сказала пани Ковальская.

- Россия, - в каком-то блаженстве согласилась Андреа, и слезы набежали на глаза.

Ни одно сердце не терпит отлагательства, оно болит, оно ждет чуда. Андреа торопилась под Вологду, к родному печищу.

Целый день они ходили по улицам древнего города, были в музее. Ветер шевелил исподнюю листву на старых тополях. Андреа перестала обращать внимание на

людей, её разволнивал вопрос, ради разрешения которого она и приехала: неужели история ихнего рода забыта людьми?

Пани Ковальская поклялась себе никогда не связывать свою судьбу с мужчинами - от них одни неприятности! Пятнадцать лет прожила в Советском Союзе. Она изучала историю Вологодского края, много знала про Соловецкий монастырь, польско - литовское нашествие, написала книгу о красавинских купцах и промышленниках Грибановых. Поездка в Кадников явится отправной точкой для создания книги о прошлом и настоящем бывших крепостных крестьян дворян Межаковых.

- Андреа, с таким сарказмом и юмором могут говорить только русские. На мой вопрос, где гостиница « Золотой якорь», таксист ответил: « Да просто, там Володя маленький пописать вышел». Это памятник Ленину так называется. Вот бывшая гостиница «Пассаж», гнездо буйных анархистов и пристанище интервентов... А вон, как сказал таксист, дом, где жила сестра Ленина Машка Ульянова...

В музее они не нашли никаких данных о пребывании на этом свете помещиков Межаковых, Гольских, министра Милкова, зато революционная тематика была расписана обширно. Портреты, героическая деятельность, сплошные победы над жестоким и коварным врагом. Долго рассказывала в гостинице пани Ковальская Андреа о советской психологии, объясняла, почему, например, безумный ленинец Кедров представлен как национальный герой, почему до установления советской власти в России все было очень плохо, а после октябряского переворота - все очень хорошо. Ничего удивительного нет, ведь коммунисты в России объявили войну дворцам, выжгли дворянские усадьбы, разрушили церкви, они уничтожили миллионы себе подобных, у них одна пятилетка сменяла другую, народ как подопытный кролик, бесконечные эксперименты на выживаемость. Андреа сидела на кровати, подтянув под себя озябшие ноги - почему не топят? Видела одну страшную ночь в заревах пожаров, видела неизвестных существ, очень похожих на людей...

- Я была в Африке, видела эфиопского императора-людоеда, хоть что-то я понимала, а здесь...

Кадниковская земля встречала женщин совсем испортившейся погодой, осенними холодеющими полями. У Андрея забилось сердце от предчувствия и воображения. Она переживала простую радость, как будто стала нужна всем, ждущим ее неизвестным людям. Пани Ковальская опустила стекло двери, в салон машины ворвался вихрь скорости и ветра.

- Куда же вас доставить? - спросил таксист.

- К управляющему, - ответила пани Ковальская.

Таксист чего-то прикинул, притормозил напротив ковыляющей с пустым мешком через плечо старухой.

- Бабка, где тут у вас бригадир живет?

- А во-он...крышу вишь золезную? Август Петрович и проживает.

- Примерно такой эпизод есть в романе великоугстюгского писателя Засодимского «Хроника села Смурин», - сказала пани Ковальская Андрея.

К незванным гостям вышла из избы сухая и темноликая пожилая женщина, затравленно покосилась, настороженно ответила на приветствие. У нее покраснело не только лицо, покраснела даже шея - не русские! Она прикусила губу, нервно потирала руки, сунутые под фартук с вышитыми петухами, растерянно оглядывала молчащую высокую белобрысую Андрея и веселую разговорчивую толстушку пани Ковальскую, вдруг на лице ее что-то промелькнуло хитрое и умное, она радостно спросила:

- Пожить хотите?

- Да, да, - пани Ковальская обрадовалась, словно кончила тяжелую работу, - пожить. Мы заплатим, мы хорошо заплатим.

- Живите, - равнодушно сказала женщина. - Вона у нас пе-рёд... летнюю избу так зовут, так и живите. Сами-то мы с батьком в зимнюю перешли. Смотрите, девки, столованье у нас не городское, блюд не много.

Пани Ковальская засмеялась. Андрея незаметно для себя подвинулось к хозяйке, прижимая руку к сердцу, спросила по-испански, помнят ли в деревне про дворян Межаковых. Хозяйка беспомощно заморгала глазами, силилась улыбнуться. Пани Ковальская перевела.

- Как же, как же - жили, - подтвердила хозяйка. - При царе. У нас скотный двор кирпичный стоял, его барин заводил. Заботливый, радетельный был.

- Андрея, ты дома! А звать, как звать вас?

- Мудрено, Неониллой Порфирьевной. Да вы проще, Неонилкой.

Изба была срублена из огромных бревен. Чисто, вымыто до блеска. Пахнет смолой, томительно - свежим запахом сена, медовой кашкой - все давным - давно знакомое, все родное. Обязательно узнает, почему так сильно пахнет сеном, тогда как тут недавно жили... Подумала, что эти бревна в стенах когда-то были молодыми сосенками в вотчине предков, их колючие вершины слышали ржание кобылиц в лугах, певучие голоса женщин - жниц, свадебные перезвоны колокольчиков под дугой...

Хорошая подруга пани Ковальская, слушать ее залюбушься. Рассказывает очень понятливо и живо, с шуточками - проба- уточками, ее зоркий глаз подмечает то, чего Андрея не видит. Пани Ковальская все сравнивает, как жила и что знала, то, что в книгах вычитала и теперь открывает. Милые и прекрасные минуты. Надо было ехать летом, ранним утром видеть ало-зеленое небо и слушать трель жаворонка, повстречать молодых крепких косарей, идущих на покос с мокрыми от росы ногами - так писал в стихах поэт Кольцов. В долгие летние сумерки ходить по тем тропинкам, по которым ходили ее предки и слушать скорбно-медлительный колокольный звон. Как знать, не здесь ли прабабка встретила свою любовь? Не здесь ли после отмены крепостного права дворянин Межаков отказался от владения 24 тысячами десятин удобной земли?

Луки солнца легли косыми полосами на широкую деревянную кровать. Андрея проснулась, в сорочке подошла к большому окну, села на лавку. Боже мой, она провалилась в древность! Разве есть где в мире подобная красота и девственная суровость! Поднялась и пани Ковальская, села рядышком. Стали обмениваться впечатлениями. Из приземистого дома напротив вышла женщина - Андрея и пани Ковальская по одежде и сапожкам догадались, что она не деревенская, позевала, прикрывая рот ла-

донью, стала переходить изрытую тракторами улицу. Пани Ковальская прочитала на доме слово «Клуб». Женщина шла к ним, вернее не к ним, к хозяевам. Они вечером видели управляющего, как называла бригадира пани Ковальская. Было в нем что-то мощное, звероватое, сразу ударила в глаза какая-то тупость и сонливость. Управляющий был пьян, он стоял и покачивался перед хозяйкой, а та, смущаясь присутствием иностранок, проводила воспитательную работу, бранилась, как потом сказала пани Ковальская, легонько. Хозяин был неприветлив, слышать не хотел о кровати, несколько раз его взгляд задерживался на высокой Андреа, но хозяйка тащила за рукав: иди спать!

Женщина прошла в другую половину дома.

Андреа загорелась:

- Придумай причину, Мария! Почему так рано? Почему в этом «Клубе» живет так много молодых людей?

Женщины быстренько оделись, пани Ковальская взяла электрический чайник.

Управляющий, похожий на лохматое чудище, сидел, как подозрительно задержанный, в одних трусах на табурете посреди избы. Стойная шатенка приткнулась бочком на лавке у самой двери. При появлении иностранок из кухни выскочила хозяйка, склонила, схватившись за голову.

- Ох ты, пугало! - вскричала она. - Оденься, рожа бесстыдная!

Управляющий пожевал толстыми губами, недовольный покосился в спальню.

Пани Ковальская перевела Андреа речь хозяйки.

- Воды надо? - спросила хозяйка, подскакивая к женщинам.

- Да, - ответила пани Ковальская.

- На другой раз на колонку бегайте, тут она, недалеко. - Поперпнула из бачка большой ковш, вылила в чайник. - Дак что, Алла Павловна, опять день зря? - тихо спросила шатенку.

Есть лица, при взгляде на которые невольно представляется то задумчивый вечер, то ненастные сумерки, то светлый день. Алла Павловна напоминала прекрасный день уходящего бабьего лета. Она была в том возрасте, когда губы женщины еще помнят поцелуй страстного поклонника, когда ею еще любуются

мужчины. Брови как нельзя лучше походили на две разлетевшиеся молнии, что, случается, играют на прощание красному лету; расстригут скоротечно проплывающую тучу надвое, и чисто небушко.

- Трактор снова провалился в какую-то трясину. Мешков нет.
- Вот незадача...Батько! Пошто трактор не дашь?
- У меня не завод, - проворчал в спальне управляющий.
- Ужо!

Хозяйка убежала вслед за мужем, в спальне шепот перешел на брань. Вышел одетый управляющий, умостился за столом, судорожно зевнул, долго молчал, смотрел в окно, сказал твердо:

- Будет трактор.
- Вы и вчера обещали, и позавчера...Август Петрович, это ваша картошка или наша?
- Ваша, наша...Репей. Колька афганец будет.
- Как это Евдоким тебе его даст? Будто у самих картошки нет, - встрела жена.
- А ты не суйся, куда не просят! - управляющий побагровел, стал перебирать пальцами по столешнице. - Иди к своим чугунам!

Пани Ковальская и Андреа сочли за благо выйти вон.

Андреа, после приступа первой радости на земле предков, стало вдруг не по себе, потерянно. Она опустила глаза, вдохнула холодный воздух, поежилась:

- Как-то тяжело.
- Русские говорят: « Стерпится - слюбится».

Завтракали втроем. Неонила Порfirьевна широко улыбаясь, теплая, уставшая от хлопот по хозяйству, рассказывала, что Алла Павловна руководитель студенческого отряда, студенты приехали копать картошку. Дела в колхозе идут «через пеню - колоду», и скорей бы развалился колхоз к «едрене - фене». То трактора нет картофелекопалку таскать, то машина не придет за картошкой...

- А раньше, как раньше выполняли все работы? - спросила Андреа, надеясь услышать, что при НИХ всё как по маслу катилось. Но хозяйка хмуро ответила: - Да так же. Черной дырой наш колхоз зовет соседский председатель Иван Иванович Мамонов.

Мамонов - это хозяин, простецкий, к каждому ключик подберет, и не учился нигде, а наш - облом-председатель...Батька моего видели? Немного баше, совпартишку кончал. У Мамонова мужики землю разбирают в аренду, а у нас один Евдоким с ребятами взял. У нас взял Евдоким, так Евдокима сжить все хотят, пожаром страшают. Хорошо парень у Евдокима вояка, в Афганистане был, а так бы сожрали и не подавились. Мы ведь, девки, семь миллионов рублей государству уж должны. Выплатим, думаете? Ешиут! Вот Мамонова бы нам! И не женатый - хитро подмигнула пани Ковальской. Та говорила и говорила по-своему, а высокая Андрея слушала, то улыбалась, то головой качала. - Одна охота на уме...

Идут деревней Андрея и пани Ковальская. Пьяный, костлявый тракторист пытается завести двигатель трактора. Шнур намотает на шкив, только бы дернуть, а сам валится. Встанет, тащится на трактор, как бы укорят его: « Что, зараза, филюнить вздумал?».

- Боже мой, он же...- с ужасом говорит Андрея.

- Дам ценный совет, Андрея: русский язык надо изучать через матерную речь, - смеется пани Ковальская. - Слышишь, как образно этот русский вспоминает Христа, мать... говорит про брагу. Какая богатая лирическая связка! Русские - сплошь поэты. Не знаешь, что такое брага? Это напиток, очень древний русский напиток. Её делают из всякой дряни.

- Боже мой, как они живут...Ужас какой-то, Мария.

- Красиво жить не запретишь. При царе-дураке жили ужасно. Ваши предки безжалостно угнетали народ, не давали им учиться, терзали, продавали как скот, - так написано о правящем классе, крестьяне много работали, были трезвенниками, теперь они работают паршиво, бесплатное образование, бесплатная медицина и бесплатная выпивка. У русских, Андрея, две проблемы: работа и, пропади она пропадом, работа. О работе говорят на праздниках, на свадьбах, на похоронах, но, пропустив пару стаканов водки, они проклинают работу. Есть такой анекдот, когда русский на допросе отвечает: « Нам хоть водка, хоть пулемёт, лишь бы с ног валило».

- Сегодня вечером обязательно позовем в гости...как её назвать, надзирательницей? - говорит Андреа. - Красивая женщина.

- Нет, она простой педагог. Скорее всего, бедная - жены профессоров на картошку не ездят. Понимаешь, Андреа, у русских картошка - это и второй хлеб, и головная боль. Если вырастает на поле тонна, то в амбар попадает всего четверть тонны, остальные три четверти сгнивают, замерзают, остаются невыкопанными... Картошка, Андреа, это... Русские говорят в таких случаях: «Не было печали, так черти накачали».

Вечерами пани Ковальская обкладывалась бумагами - столько впечатлений! Андреа шла искать Аллу Павловну. Она смотрела, как та стирает белье, подшивает всевозможные накладные, расписки, счета из магазина. Подшивала и говорила, что бригадир жук - навозный, с которым надо ухо держать востро. Андреа ничего не понимала из сказанного, тогда Алла Павловна пыталась изобразить важного, лохматого, постоянно похмельного бригадира, его жену, наскакивающую воробьем на слона, обе смеялись до слез. Алла Павловна показывала ей календарь с прожитыми здесь днями, перехватывала странички под Новый год и указывала на сваленную в углу картошку.

- Они будут копать эту картошку до Рождества? - Андреа спросила пани Ковальскую.

- Она шутит. Под Рождество здесь стоят такие морозы, что птицы на лету падают.

Пани Ковальская записала адрес Аллы Павловны, Андреа сказала ей, что пошлет русской учительнице денег на хорошую одежду и обувь. Учительница бедная, точно подметила Мария, Андреа увидела на голенище хромового сапожка свежую за-платку. Если бы не осень, с её какой-то сырой обреченностью, Андреа обязательно полюбила бы родину своих предков. Главное, тишина. Чуть только начало смеркаться, деревня как вымерла. А дома какие! Есть двухэтажные громадины, с горенками и узорами на окнах, есть современные дома из бруса. И люди в деревне под стать домам. В старинных домах живет патриархальное сословие, старухи при встрече Андреа в пояс кланяются

и крестятся, в домишках из бруса селится перелетная птица, эти не поклоняются, при встрече дерзко стригут глазами. Долго стояла у разрушенной церкви. Дед и прадед, и пра-прадед молились в ней. Полное запустение. Березы растут на стенах. Много рябины в этом году, будто русская кровь не отмщенная поднялась из земли, поднялась и гроздьями явилась потомкам.

К иностранкам приворотил слегка подливший Колька, сын Евдокима, взявшего в колхозе землю в аренду. Пани Ковальская перевела Андреа, что парень воевал в Афганистане, был ранен в плечо, теперь просит денег на билет в Австралию. Разве его гонят? Разве не может развернуться дома? Почему в Австралию? Потому, что Австралия - сестра России, там папуасов за людей не считают, как в России - русских. Он приедет, как-нибудь выхлопочет паспорт любимой Анюте, но в обиду себя не даст: «Меня можно убить, но нельзя обидеть. Вы, зажравшиеся, никогда не поймёте нас». Там тепло, не надо ходить и просить, Христа ради, выписать билет на дрова, там хорошие дороги и правительство не обманывает народ. Он не будет папуасом, пошли они к ихней матери, он останется своим, русским. Андреа попросила пани Ковальскую ответить, чтоб он пришел завтра. Сегодня у русских праздник «бабье лето», они пригласили к себе гостей - Аллу Павловну и хозяйку. Хозяйка сказала, что неделю простоят очень плохая погода, ибо рано утром первой вышла на улицу неприбранная и злая женщина. Надо исправлять положение.

Парень назавтра явился трезвым. Попросил денег на билет до Югославии. Почему хочет ехать в Югославию? Там война, пойдет помочь сербам. «Не один ли хрен мне сыхать за Россию или за Сербию?» Хорошо, сказала Андреа, она даст денег. «Дурак. Молодой, сильный, родства непомнящий дурак». Пусть парень сходит с ними на прогулку в дремучий лес. Она хочет побывать в настоящем русском лесу.

Пока шли голым полем, Андреа несколько раз спросила парня, будет ли страшно в лесу. Парень не отвечал, хмыкал как-то пренебрежительно, будто сожалел, шел и не оглядывался.

Парень сел на вывороченный бурей ствол ели, закурил, ска-

зал, что он будет аукать, пускай женщины идут в любую сторону, но возвращаются на его зов.

Кругом царствовал дикий русский лес. Кажется, ему нет начала, нет конца. В ожидании полного обнажения, как в предчувствии сходящихся бурь, в вершинах лесин гудел ветер; позиционные облака над сиротеющей землей, будто цеплялись за деревья и раскачивали их. Андрея страшилась всего. Ей казалось, лес полон волков, медведей, где-то звериными тропами крадутся бродяги - золотоноши, в потаенных местах склонились раскольничьи скиты. Она читала в журнале, что под северным городом Мурманском живет снежный человек по имени Афоня, и ходит тот Афоня в Норвегию воровать американских радиоспециалистов. А если где-то рядом шастает сын партизана Афони? Пять бессонных ночей в окружении подозрительных шорохов, скрипов, хрюканья в зарослях папоротника...

Зажмурится, шепчет слова молитвы запекшимися губами, всем телом дожидаясь, когда острые когти раздерут ей живот или корявые пальцы дикаря сдавят шею; тревожно всматривается в темноту, желая опередить злые холодные глаза. Дикарь обязательно обличьем похож на пьяного тракториста, пытавшегося завести двигатель трактора. Старатели любят не одно золото, они пьют водку и насилуют женщин. Она согласна. Она упадет перед насильником на колени, подпишет любые документы, подарит отель на берегу лазурного моря, лишь бы ей даровали жизнь. Она так молода, так хочется жить!

Забрезжит просвет в чаще, осядет пар лесной, улягутся страхи - птички над головой цвињкают, забудется Андрея в полуобморочном состоянии. Со стороны посмотреть - спит женщина, только Андрея не спит, она чувствует движение могучих сил природы, ее ум напряжен ожиданием спасения. В деревне уже хватились, ищет пани Ковальская, ищут студенты и Алла Павловна, даже толстомясый бригадир не пьет эти дни и ищет ее. Отец ради нее не пожалеет денег, поднимет на ноги посла в России...

Вот раздадутся голоса, выбежит обрадованная толстушка пани Ковальская и засыпает ее поцелуями. Она будет удивляться, хлопать себя по бедрам. « Господи, не оставь меня! ». Один раз

за эти дни она явственно слышала звон колокола, густой, печальный, и екнуло под сердцем от того звона, разлилось теплом. Бежала, вообразив, что дозорные скита заметили ее и дают сигнал, продиралась через заросли черемухи, очутилась на берегу болотца и онемела, и пропал звон. Кругом кочки, покрытые ягодником, а клюквы - россыпи.

Сегодня утром отчаялась, не хотела дальше идти. Зачем? Смерть найдет ее здесь. Как жалко себя! Ехать бы в Африку, Африка обжига белыми туристами, везде автостоянки, носильщики, охраняемые ночлеги. Помнится, выбирали они с пани Ковальской страну, куда поедут путешествовать. Раскрутила глобус, зажмурила глаза, и только хотела ткнуть иглой, как откуда-то спрыгнула кошка на стол и уронила прабабкину фотокарточку в золоченой рамке. Стекло разбилось, Андрея открыла глаза: « В Россию! Мы едем в Россию! Моей рукой водит дух». И почему она заблудилась? Вроде дурачились с пани Ковальской, кричали, пугали одна другую, прыгали через ручей... «Даже солнца нет в нашей России, - тоскливо думала Андрея. Ее глаза страдальчески смотрели на заломленную ураганом вершину сосны. Страшно ли будет? Какая я дурочка. Скоро зима, повалит снег, и найдут когда - то здесь мои косточки, обглоданные волками. Перст божий: какая- то доля моей крови должна остаться на земле дворян Межаковых. Пусть из крови вырастут ягоды рябины...».

Андрея - единственная дочь богатых родителей. Казалось бы, живи в свое удовольствие, пей - ешь с золота. Ан, нет, не доволил Господь спознать великую радость материнства. Ей тридцать один год. Сменила четырех мужей. Диагноз медицинских светил оставался неумолим: нет! И плакала на святой прабабкин образок Николая Угодника, и по храмам давала, по святым местам ездила - увы. Отец переживал пуще дочери: на кого я оставлю рудник, завод по производству оргстекла? Андрея очерствела со своей бедой, и перестали мечты будить воображение.

Выстрел. Лай собаки. Андрея встрепенулась, села, облизала сухие губы.

«Господи, прабабка...Дух!..»

Через какое - то время к ней подбежала серая собака, обошла кругом - шерсть на загривке дыбом, легла поодаль, вывалив красный язык.

- Собачка...Хорошая собачка, очень хорошая собачка...

Из - за ветвей вышел усатый мужчина лет под сорок, с ружьем, в больших сапогах, в защитном армейском костюме. Слезы оросили лицо Андрея. Она начала вставать, протягивая незнакомцу руки, собака зарычала, охотник прикрикнул на нее, смотрел на Андрея и сверкал белыми зубами.

Она упала на грудь охотника, стала ощупывать его и плакать. Этот лесной человек с такой хорошей улыбкой не мог быть сыном снежного человека Афони, не мог быть и золотоношей. Непонятная человеческая речь ласкала слух.

- Обрадела...Ни зобни, ни корзины, все побросала. Верю тебе, все побросаешь. Исхудала, не первый день старик за батог водит. Рябины, конечно, прорва в этом году, да на одной рябине далеко не утрёшь. Слышал про вас, иностранок... Ну-ну, не давись слезой. Так бы взглянуть, будто из нашего сельсовету...Э-э, как это по- вашему будет? « Но пассаран!».

Андрея отшатнулась, потом еще крепче прижалась.

- За этот пассаран много наших ребят полегло о тридцать шестом годе. А ты часом не разведенка? У нас такое бывает, с горя бабы руки наложить на себя хотят, и побежали в ропочь. Вот чего ты в лес побежала да в чужом месте? Э-э, да ты по мужику стосковалась. Стыда тут, бабонька, нет. Все мы люди, все мы люди. Наш брат мужик дурной бывает. И бабье племя вертихвостное хвалить нечего, а мы - в половину обезьяны. Дасть нам Господь камень драгоценный, держи, а мы подержали и пошли куролесить...

Охотник опустил ружье на землю, обнял Андрея, поцеловал как родную дочь в лоб. Чувство обретенной жизни захлестнуло Андрея. Ей хотелось смеяться, плясать, целовать этого русского. Мужчина положил руки Андрея на плечи, отодвинул от себя, как бы проверяя себя в каком-то открытии, по- новому оглядел женщину - какие хорошие глаза! Сколько удивления и яркого всплеска!

И впился в ее губы своими губами со страшной решимостью. Андреа задохнулась, русский, казалось, вытянул ее через рот. Его пальцы скользнули на талию, на бедра, и тогда он начал подтряхивать ее с завораживающей страстью. Налетал, казалось, сон, какое-то наваждение, она рассыпалась слова пррабаки, хотя никогда не видела ее живой и тем более не слышала: « Отдайся ему...». Почти не осознавая, что делает, Андреа провела пальцем по щекам мужчины, почувствовала, как напряглись мускулы его лица. Голову повело, что-то закипело в груди и стало неудержимо поднимать вверх, она глубоко вздохнула, пытаясь раслабиться, и повалилась, увлекая за собой мужчину.

Она лежала бревном - голод и усталость сковали члены, но измученная плоть блаженствовала. Русский был страстен, он хорошо знал ремесло дамского угодника. Ни один мужчина прежде не мог так вознести ее на вершину счастья и повергнуть в пручину гибели. Сверху, в черной рамке вершин, кипело унылое небо, как штормовое море. Любовник то замирал, то ласкал Андреа, то жестко мял, как обманутый влюбленный мнет увядшие цветы. И боль перерезала живот. Она видела синие, обрамленные густыми ресницами глаза, полные губы, усы приятно кололись, ей хотелось ответить дыханием любви, на какую еще была способна ответить, только силы покинули ее. Она знала мужчин, знала их неистовство в момент захватывающей страсти, а этот русский был исключением из правил.

Что-то дикое, жеребячье, азиатское просматривалось в его поведении. Он даже не понял, что она голодна, он понял другое: женщина хочет быть любимой и потому так покорна. Даже дурацкий выкрик «но пассаран!» она отнесла к атрибуту русской любви. Еще он мычал что-то...

И отрывистый, изможденный стон ушел в стоокое небо.

На вечеру они правились пустынной лесной дорогой. Потом русский понял, что иностранка хочет не столько любви, сколько поесть, он пожимал плечами, удивлялся: как это я оплошал? Руcский подал ей толстый ломоть черного хлеба, заправленный свиной тушонкой с хреном. Теперь она шла, тяжело переставляя ноги. Руcский бережно подхватил ее за талию, вел, как водят не-

вест в церковь. Непонятный, хороший русский! Она простила ему всё. А как не простить, если прабабка велела?

Господь обещает всех людей напитать, обогреть, всем дать самое необходимое, лишь бы мы искали царствие Божие.

... Стояла чудесная пора ранней весны. Таинственно, как в день создания деревья окутались сиреневым туманом. В час меж сумерками и светом, отец и дочь де Вальдес сидели на большой террасе.

- Дети Ивана Мамонова... такие беспокойные, - с нежностью говорила Андреа, поглаживая выпирающий живот. - Подавай им национальное блюдо: кислые ягоды с болота. Сколько там клюквы! Я видела лося. Он стоял и смотрел на меня, а рога, такие лопаты!... Отец, я не перестаю думать о России.

Отец сидел, подпервшись, смаргивал слезы и, не отрываясь, смотрел на дочь. Это слезы радости, слезы любви.

- Как они живут, ужас! Пани Ковальская перевела такую фразу: «Мне ничего не надо, лишь бы у тебя ничего не было.» Ошибки нет, она переводит точно. Поголовная пьянка, произвол властей, на все наше имение, теперь «коольхоз», один телефон. Хозяйка говорила, что два года назад умерла женщина. Её везли на большом тракторе, трактор изломался... Они живут только сегодняшним днем, как будто завтра умрут скопом. Мне кажется, русские - это снаряд с подмоченным порохом. Чуть - чуть снаряд подсушить, и он взорвется... А баня, отец, это исчадие ада! Помещение тесное, в углу куча раскаленных камней, на стенах сажа, мать Ивана вылила на камни ковш воды, мои волосы трещали, я задыхалась... Потом мы пили хлебный квас...

- Дважды дед! - с жаром говорил отец. Как только дочь сказала ему, что беременна и притом двойня, он редкий день не навестит Андреа, он не верит, он все время удивляется, рассказ дочери в который раз повторяется, а он просит рассказать «подробнее». - Сразу два внука! Одного мы назовем...

- Иваном, - весело обрывает дочь.

- А другого?

- Иваном!

- Согласен, - отец поднял руки вверх. - Пусть оба будут Ива-

нами. Я сообщил всем нашим родным и знакомым. Меня подбодряют... Дочка! Россия стоит того, чтоб в ней заблудиться.

- Отец, ты такой веселый, такой бодрый... дай я тебя поцелую. Жаль, что мама болеет и не может разделить сейчас нашу радость. А если меня водил дух прабабки моей Межаковой? Ты допускаешь такое?

- Допускаю и выражаю этому духу искреннюю благодарность!

- Отец, выполнни мою просьбу: съезди в Россию, подари отцу этих неспокойных малышей маленький вездеход. Пусть он ездит на нем по лесу и стреляет медведей. Может... Ты поговоришь с ним? И привези клюквы. Много клюквы! И русской учительнице Алле...

- Все, что пожелаешь!

Вдовье дыханье

Бывшего колхозного бригадира Ивана Ивановича Шулёнкова позвали копать могилу по самой крайней необходимости - увы, больше некому. Кроме него, в деревне ещё один мало - мальски стоящий мужик - Володька Кособрюхов. Да, как на грех, пьяный Володька вышиб руку - с одной рукой на поминках за столом сидеть можно, а вот копать. Начал было отнекиваться, на возраст ссылаясь, но жена Зина приговорила:

- Надо. Не по - божески в отказ идти.

Копали вчетвером. Выделила двоих копальщиков по цене «полторы тысячи на нос плюс кормёжка» недавно образованная в райцентре фирма «Вечный покой». Привезли копальщиков на шикарном микроавтобусе - стоимость пробега автомашины включена в договор. Вылезли ребята, из себя вроде не хильные, только озябшие, в ботинках, из одежонки - черная матерчатая спецовка с белой надписью на спине «Вечный покой». Зима в этом году выдалась малоснежная. Крепкие обручи навёл на

землю дедушка Мороз, такой лютой стужей пропитал недра, что ни лом, ни топор не берёт землю. Заикнулся Иван Иванович про костёр - глядишь, оттает хоть сколько - то, а пропившийся и опустившийся до уровня нищего квартиранта Гирька Лупцов, прочистил свою прокуренную хриплую глотку матерщиной в адрес умной «канторщины» - для Гирьки все начальники, бывшие заслуженные или около штурвала власти ныне отирающиеся, есть злое, невсхожее семя, лодыри, воры и подхалимы.

С Ивана Ивановича пиши обобщающий портрет недалёкого начальника средней руки, зевающего крючковора или думного столоначальника. Долбит он ломом, откалывает кусочки величиной со спичечный коробок, на обжатое стужей солнышко поглядывает. Старый бригадир любит перечитывать записи разных лет. Сегодняшний день - погоду, народ, глубину промерзания земли, да по какому случаю он на кладбище оказался, обязательно вечером занесёт в «поминальник». Много за жизнь толстых тетрадок исписал Иван Иванович. На память не надеется, месяцесловы перечитывает регулярно, лето примечает по зиме, зиму по лету.

Несправедливость видит Иван Иванович каждый день. К примеру, в этом полугодье пенсию прибавили на копейку, а шуму, а щенячьего победного визгу! Редкую неделю на буханку хлеба не накинут полтину, и - молчок, всё кризисы, всё выравнивание мировых цен, вот и угонись дебет за кредитом. Три года назад могилы копали за сто рублей «с носа», нынче на тебе, полторы ломят! Долог ли зимний день? А покойницу Настасью около двух часов дня уже подвезут, такой давно заведён порядок. Подвезут, а могила не готова, и станут провожающие переглядываться, топтаться, в могилу заглядывать, шептаться, мол, пошире бы надо, стенки погладить не мешало бы, - не чужая, наша; нашли копальщиков...

- Ты шубу-то сымы! Опред! - кричал Гирька Лупцов.

Свою фуфайку Гирька снял, на ближний от будущей могилы крест бросил. Снял было и шапку из собачьей шкуры, постоял с голой головой и опять одел.

- Кабы твои года, Гриша Лексеич, а то...

- Да ты и в мои - то года подшипники в переднем колесе своего колесника по две смены менял!

- И што? Ходкое на тихое наводит.

- Тут бы бандюгана с Кавказа со взрывчаткой! Слыши, Ванча, на деревне баяли, што похаживал ты к покойнице, а? - громко спросил Гирька Лупцов.

- Собака лает, ветер носит, - помедлив, ответил Иван Иванович.

- Ты это... проворнее ломом ворочай! Чё, ты, как в носу пальцем ковыряешь?

Районные копальщики в разговор не вступали. Иван Иванович - старик, Гирька нарочно на него сердито кричит, знает, что Иван Иванович не отговорит. Криком Гирька районных сельщиков подгонял. Для них во втором часу покойницу привезут, или придётся опускать гроб при свете фар - всё едино. Для них главное - еда да выпивка.

Флегматичный Иван Иванович, мешковатый, спокойный, ему хоть камни с неба валитесь - не сделает необдуманного шага. Не сказать, чтобы крепко в Бога верит, но как за стол садится, на жену Зину глянет и... перекрестится. Характер человека часто соответствует его природным данным; громадный и толстый, с лицом, напоминавшим морду бульдога, разве при таких параметрах будет человек на ногу резвым, на слово бойким, на дело подъёмным? Иван Иванович для каждого шага находит причину. На перину пал - храпит, что стены трясутся. В баню пошёл - часа полтора на помывку клади. Стаканчик водки выпил - размяк, всё сразу в голове перепуталось и перемешалось. Ещё стаканчик во здравье жены Зины пропустил - закувыркался, все углы по улице рожей выровнял. Раз пять по молодости напивался до беспечности. Один раз с покойным Серёжкой пошли на Федота бреднем рыбу ловить. Ни с того, ни с сего, заорал Иван Иванович: «Чур!! Чур! Половина Богу, половина нам!», ботало, как воображаемую винтовку для атаки перехватил, с берега бух в омут и пузыри пускает. Завалился в бредень, не иначе как сама Богородица заступилась, помогла Серёжке вытащить не соображающую шести с половиной пудовую тушу на берег.

Опамятоvalся на другой день. Спрашивал Сережка, про какую половину кричал Иван Иванович? Ивану Ивановичу стало неловко: «Веком клада не видал, а тут... явление мне было: апостол Симон Зилот клад указал».

Прав Гирька Лупцов: в золотые годы день уходил у Ивана Ивановича на смену подшипников в переднем колесе. Не поспешит, раз десять с одного приложит - правильно ли, тем ли боком обойма пойдёт? И почему именно так на заводе придумали, а не эдак? Станет свободный ход регулировать, то гайку затянет, то ослабит, то ему шплинт не подходит, то вроде резьба у гайки произносилась... Всех мужиков в мастерской от токаря до тракториста не раз обойдёт, слушает, кто чего говорит; потому уволен был из механизаторов и определён в бригады.

И ведь нашёл себя! Быть учетчиком чужого труда и исполнителем чужих распоряжений уготовала ему судьба. У него на сенокосе во всём порядок: до сотки все полоски промерены были, что кустик заяц перескочит, и тот из выкошеннойплощади выброшен. Изгородь лесную колхозники ведут, - в его бригаде было больше двухсот голов коров, «окаянный Ванча» лишнюю сажень не примахнёт, до жерди сосчитает и в поминальник свой занесёт. Ты хоть ругайся с ним, хоть Бога в свидетели зови - будет так, как он записал. Крышу на своей бане добрую неделю крыл. Жене Зине надоело, созвала брата, тот, пока Иван Иванович по делам бригадирским шатался, мигом тёс кинул. Дом Ивана Ивановича крайний от скотного двора. Бывало, пригонят доярки вечером коров с пастбища, голодные, злые, потные, гнус их весь день поедом ел, станут коров во двор загонять, а коровы разбрелись, какая где животина травинки щиплет. Крик, ругань... Иван Иванович смотрит из - под руки на подобное безобразие, понимающе кряхтит, кепку за козырёк так и сяк передергивая, из веника выдернет пруттик и пойдёт бабам помогать непослушных коров выдворять из жирных лопухов. Та же Настасья ураганом налетит на добровольного помощника с вицей, закричит:

- Уйди! Уйди, жеребец стоялый!

- Вот и унорови вам... - скажет Иван Иванович, нисколько не обидевшись.

Гирьке Лупцову от роду тридцать два года. Крепкого телосложения, рослый, длиннолицый. Вроде с лица не воду пить, а привередливым женщинам сизый нос не нравится, и пугаются его «кобыльего лица», на голове копна белокурых неухоженных волос, губы полные, причем нижняя как покусанная пересиливает полнотой верхнюю. Гирька женат «гражданским браком» с двумя дамами. Одну «голубушкой» величает, другую «вороной щипаной». С «голубушкой» живёт, пока у той мясо есть, выпивка есть, кончилась кормёжка - к другой на постой переберётся; другая, алкоголичка тощая, у неё ломоть хлеба в доме уже богатство; наголодаются, в грязных рубахах находится, побьёт «ворону щипаную» и опять к первой под крыльшко с нехитрыми пожитками правится. От одной к другой кочует и никогда не извиняется за перемену места жительства. Гирькина «голубушка» продавцом в магазине работает. Ждут бабы хлеб - когда - то в райцентровской пекарне обрядятся, когда - то привезут, перемывают кости всем с краю. Пал жребий на Гирьку, переглядываются, подлые души, на продавца кивают: уж не она до любви жадная, мужику всю нижнюю губу искусала?

Работа отогрела нанятых работников, спросил их Гирька, как они совковыми лопатами деньги гребут в своей ритуальной фирме. Что - то ответили неохотно, другое - их как не касается. Видит Гирька, неразговорчивый люд пошёл эти бизнесмены и предприниматели, переключился на Ивана Ивановича:

- Слыши, Ванча, да, подкатывал чунки -то али нет?

- А по тебе как? Я так и скажу.

- Вроде о мертвых не говорят худо, ты уж по правде давай.

- Х- мы, по правде ему... Батюшко сыскался.

Не земля - бетон. Ударится лом в камешек, искры чиркают.

Утирает мохнатой шапкой лицо Гирька Лупцов, бранит всех святых и угодников.

- Слыши, Ванча, преж ты сколько начислял за могилу?

- Начислял? Не было расценки такой. Раньше так... Раньше за уважение считалось могилу соседу выкопать. Ты это... Гриша

Лексеич, ты это не матерись, кладбище - не поле, орать не надо, и святых... Святых трогать ни к чему.

- За так, - засмеялся Гирька. - Сорок грехов боженька списывал?

- Сорок не сорок... Списывал! А сколько? Может, и сорок...

Снял шубу Иван Иванович, помахал минут десять ломом, да опять одел. Не Петрово говенье в одной рубахе могилы копать, да и годы... Сколько и Настасье было? За одной партой три первые года сидели. А потом...

«Потом... Много потом воды утекло. Рядом жили. Овдовела Настасья рано, дак, рак у её Сережки в желудке завёлся, потому и помер... Беда с этими раками. Ужо, время будет, похожу по кладбищу, надо посчитать, сколько мужиков от рака умерло. Мудрят, химичат ученые всего мира, а што толку от их мудrosti? Кабы от рака польза шла человеческому организму, тогда, бают, триста лет человек жить мог. Триста!»

Осенью, за два дня до Фомы - Иван Иванович 19 октября именинник, пошёл он в районную больницу. Задумка была уехать с шабашниками - нынче нет колхозников, кто не на пенсии, тот шабашит в райцентре «на палках», то есть, трудится на станках у частников. Лесу пока много, лет на десять верных хватит; у тех «господ», у которых кошель развязывается, чтоб деньги в него опустить. У кого ума в голове от воровских реформ заметная прибыль против вчерашних тугодумов, те, где можно и где нельзя, успевают добыть копеечку.

Погода была скверная. Снег с дождём да ветер шквалистый... В деревне ни один фонарь на столбах не горел, ибо нет фонарей и в помине. Ветер гнал по лужам воду, склизко... Вышел из дома раненько Иван Иванович. Ночью упала через улицу старая береза - росомаха, еле перелез. Как назло оделся в валенки с галошами, взял для страховки два батога, и шел деревней, прижимаясь к самой изгороди. Деревенская улица была вся изорвана глубокими колеями - нынче лес возят на большегрузных машинах, а улица общая. Возили до тех пор, пока «вставали ноги», то есть, проходили машины, и никто не выступил против. Люди стали немыми: говори, не говори, по барабану депутатам про-

блемы деревни. Горько сетовали на творимый беспредел, едко высказывались в адрес властей, молили Бога, чтобы скорее удалили морозы.

Смотрит, свет у Настасьи в избе горит, сама она сидит у окна, брезвально опустив на колени руки, напряженно всматривается на улицу в темень улицы. Свет как - то, точно боясь чего или стыдясь того, что осветит, робко падал на промокшие кусты крыжовника. Последниё год Настасья как таилась от народа; жена Зина не раз говорила, что в магазине Настасья купит буханку хлеба и - в двери, а в глазах у неё, как обида. Остановился Иван Иванович, так и сяк прикинул, чего Настасью рано «с насеста снесло», может, решил, приболела и ждёт, чтоб кто -нибудь приворотил... так с двумя батогами в избу и зашёл.

- Ты чё это? - удивлению Настасьи нет границ.
- Да вот... Ты у окошка сидишь, думаю...
- Бока отлежала, вот и сижу. Куда пошёл -то?
- В больницу.
- А -аа...

Вглядывается на него сбоку Настасья, кривит губы в ядовито-злобной усмешке, говорит, покачивая седой головой:

- Што эко с тобой, тебе же веку не изжить. Захворал он... За жизнь палец и тот не уколол, а тут скудатче надумал.

Неловко стало Ивану Ивановичу. Растирался. Наступило томительное молчание. На самом видном месте на стене возле окошка висели большие фотокарточки обеих дочерей Настасьи, они - то и вывели Ивана Ивановича из замещательства. Старшая, задиристая Ленка будто выпалила: «Ты чё к маме пристаёшь?». Вроде из добрых побуждений приворотил, а получил оплеуху.

Весь день думал, чего Настасья на него всю жизнь «нагнетает», «подъедает», «подтрунивает?» Вроде... вроде... «Может, когда девки её гостили, да вместо матери траву косили, я какой девке не начислил? Вертлявые обе, мог и маху дать. Не так Настасье хотелось сказать: «Скоро ли умрёшь, Ванча?», вот што ей хотелось сказать!» - твердо уверовал новой своей гипотезе Иван Иванович.

Ближе к вечеру идёт домой. Ходил в больницу из - за глаз. Вра-

чиха капли прописала. Погода - загляденье! По лазурному небу
двигаются медленно - величаво со студеной подветренной сторо-
ны в теплую одинокие, похожие на снежные горы, облака. Буд-
то лета ему не хватило, парит в выси ястреб, нет - нет да жалобно
вскрикнет. «Ты не торопись меня хоронить, Настасья». А потом...
«Вот скажи, чего ты меня жеребцом стоялым всю жизнь бранишь?
Я те што, дорогу перебежал или слово матерное сказал?».

Кинул у деревни батоги Иван Иванович, мимо дома Настасьи идёт, та опять под окном сидит, вроде как думу думает.... Не вытерпел Иван Иванович, решил высказать ей всё, о чём весь день думал.

В дом не пошёл, навалился на калитку всем телом, рукой вызвал Настасью на улицу.

- Подарков нанёс, што ли? - спросила Настасья.

Охорашивается, платок на голове поправила.

- А вот спросить тя хочу: пошто ты всю жизнь меня подковы-
риваешь, подъедаешь, жеребцом стоялым ругаешь, а? Вот скажи,
Настасья?

Куда что подевалось! Постарела Настасья. Осунулась вся, по-
кашливает, седые волосы - смотреть не на что, а была косища по
пояс! Одна улыбка прежней осталась, ядовито - злобная...

- Помнишь, на другой год после смерти Сережки, пришла я к
вам под вечер, вы с Зиной клевер обмётывали на огородце? Рев-
лю, завидно и обидно, одна, как перст. Пришла попросить тебя
стожары мне заткнуть?

- Ну, дак, я ведь и заткнул. Лом взял, лунки прошиб... У тя
глина на огородце - кирпичи режь да в печь сади. Как не пом-
нить, дождя с Петровок до Ильина дня в тот год не было, стяну-
ло землю - то.

- Во, во, Зина тя послала! Ещё и подтолкнула, мол, иди.

- Правильно, Зина. Она такая.

- Зина -то твоя с соображеньем, а ты - чурбан недоделанный!
Стожары ты заткнул, а вот... Горьким моим вдовьим дыханьем
побрезговал! Через тебя сердцем очерствела, будь ты проклят!

Развернулась Настасья и пошла в избу. У порога повернулась
и резко бросила:

- Жеребец стоялый!

Топает до родного порога Иван Иванович, вспоминает, с каким ломом к Настасье ходил лунки пробивать, как ему Настасья выпить водочки предлагала... Отказался! Такая жарища, а она с водкой суетится. Долго ли инфаркт схватить? В избу звала, красненького, говорит, бутылочка в шкафу стоит, дожидается гостя хорошего. Поинтересовался: «В эдакой плетенушке?» «Ага, в плетенушке! Пошли, пошли, Зина ведь отпустила...» Не пошёл: в плетенушках вино поставляют грузины, те ещё плуты. За рукав тащила...

Когда яма была вырыта настолько, что вчетвером стало тесно, стали копать по двое. Гирька Ивана Ивановича в свою очередь не пустил.

- Сиди наверху, тя краном потом не вытянуть. Эй! Кто здесь за атамана?! - закричал в унылое разнообразие кладбищенских оград, венков, крестов. - Списать с Ванчи десять грехов, с меня - семьдесят!

Побрёл Иван Иванович по кладбищу с ревизией: много ли мужиков от рака умерло? Сказывали на деревне, что после Покрова пронеслась через кладбище буря, что кресты, оградки повалила, есть даже сломанные сосны. Потому Иван Иванович сначала высмотрел себе дорогу, а затем пошёл. Наткнулся на крест, сваренный из изношенных гусеничных пальцев. Чудеса - а!! Это кто же тут похоронен? Ни надписи, ни фотокарточки, и рядом безликие могилы.... «И какой дурак крест такой зашвартовал? При раке умирают тяжело. Кто плачет, кто водки просит - со светом легче прощаться... Лицом исхудает, телу жарко... у Сережки глаза были полные необыкновенной нежности. Настасья, говорят, легла животом кверху на лавку под образа, глаза закрыла и отошла... Н - да, чего ей умирать приспичило? Жила бы да жила...».

Вергается Иван Иванович к могиле, Гирька сидит на своей фуфайке, курит. До талого слоя добрались, теперь долго ли землю выбросать трём здоровым мужикам?

- Што, - спрашивает, сплевывая, - со всеми поздоровался?

- Какое, Гриша Лексеич, разе всех обойдёшь...

- Да - а, большая деревня. За последние годы крепко вытянулась. Ты бабку мою Анну Кузьмовну помнишь?

- Кузьмовну? Как не помнить, представилась после престольного праздника. Я тогда в третий класс ходил, с покойницей Настасьей... Последняя парта у нас была. У тя бабка знаешь, от чего умерла? Думаешь, от рака? От рака нынче добрая половина народу умирает. От шанег. Объелась. Я на крест интересный наткнулся, из пальцев гусеничных. Какой дурак экой заворотил?

- Он перед тобой, - с иронией говорит Гирька.

- Да неуж? А с виду, дак... Уши большие, голова министерская...

- Вековина!

- Оно так, - согласился Иван Иванович. - Чего тя на бабку кинуло?

- Чёрта лысого с похмелья кидает, а мне во сне какой ночи явилась. Даже фотокарточки бабкиной нет, и видеть не довелось, а до чего явственно выписалась! Клюшкой грозит, бранит, ругает сильно.

- Есть за што, - засмеялся Иван Иванович.

Во второй половине дня вороны густо обсели кладбищенские сосны. Должно быть, слетелись трапезничать со всего сельсовета. Привыкли и они к заведённому распорядку похорон.

В начале второго прибежала заведующая почтой:

- Здравствуйте, мужики. Звонят.... Что сказать, Иван Иваныч?

- Позалоговать надо, вот што скажем, - ответил за Ивана Ивановича Гирька. Лопату наверх кинул, сам выбрался. - Вылезайте, курнём, не по рукам и били, - велит районным копальщикам.

В начале третьего опять прибежала заведующая, благо от почты до кладбища метров четыреста.

- Пускай, выносят, - говорит Гирька. - Пока доедут... Этому еретику Володька, пустое брюхо, должно быть невтерпёж. Уклонист окаянный....

Похоронили Настасью в три часа.

Речей не держали, мороз поджимал, стоять на месте не позволял, да и день угасал ходко. Обложили венками могилу, разо-

слали полотенца, выставили корзину с рыбником, вилками, стаканчиками. Работники фирмы «Вечный покой» вымотались изрядно. На промёрзлых ботинках по пуду красной глины. Стали поминать - у обеих руки стаканчики с водкой худо держат. А Гирька катил «на лоб», пил да закусывал кусками жареной красной рыбы. Последнюю неделю квартирует у «щипаной вороньи», оголодал. Много дочери Настасьи навезли из городов всякой провизии. Всё такие же вертлявые, худенькие, чернобровые, будто им лет по двадцать.

- А чего это наш Иван Иванович маму не помянет? - наседали дочери на Ивана Ивановича.

- Ой, девки, я и смолоду сдержан был, а топерь...

- Помяни, не упрямься, - подтолкнула заботливая жена Зина.

- Што разе капелюшку... ну, Настасья... много бы хорошего сказать надо, да впопыхах - то... И живём впопыхах, и умираем... Не сердись, земля те пухом. Всю жизнь в животноводстве, много тонн молока выдоила, много тонн силосу переносила... Вдовствовала, одна на вдовьем дыханье. Семь грамот от правления имела... да - а, достойна заслуженного уважения!

Приехал микроавтобус. Горбоносый хозяин фирмы «Вечный покой» жестом показал своим работникам место в салоне. Старшая дочь Настасьи сунула обеим по бутылке водки в карманы спецовок. Хозяин фирмы взыскал с наследниц Настасьиных сберкнижек «по полной программе», стаканчиком водки помянул усопшую, кусочек рыбки в рот положил, в кабину - и был тиков.

На кладбище совсем посерело. От серого неба мутно целились белые шапки сосен, местами торчали из снега стволы и валежник.

Покойную, только что преданную земле, привезли сюда на стареньком частном колесном тракторе. Днище тележки в летних коровых лепешках. По приставной лесенке в три ступеньки Гирька с Иваном Ивановичем первые, потом - все провожающие забрались на тележку. Тракторист спросил, не надо ли кому под задницу старую фуфайку одолжить? Все отказались, встали коленками на подосланные половики.

Поехали.

Нахальные вороны посыпались с деревьев на свежую могилу.

Заголосили Настасьины дочери, захлюпал носом Иван Иванович. Жена Зина всхлипнула, промокнула глаза концом полушилка, порылась в кармане шубы, достала носовой платок, подала Ивану Ивановичу. Сердцу старого бригадира стало беспокойно, ему вдруг до боли захотелось ещё поговорить с Настасьей, пусть бы бранила, обзывала - стерпел.

«Умерла вот... И мир не вздрогнул. Да- а, смерть есть не только завершение жизни, сколько отражение её. Чуяла, должно быть, смерть, то и открылась. Хорошая ты была, Настасья, баба! Столько лет обиду в себе носила? Нет бы, как на духу, сказать, так в дыханье своё вдовье спряталась!».

3

**«ТАЙНАЯ АЗБУКА
ОБНИЩАНИЯ...»**

Добытчик

Стоит на часах месяц. Стынет земля. Все кругом как - то особенно торжественно, величественно; старая добрая осень без спешки и злости готовится передать с рук на руки раскисшую от дождей квашню краснощекой молодице, что скоро вымахнет из - за леса в белых санях. Часы лениво тянутся; и видит месяц широкие непаханные поля, некошенные наволоки, вырубленные леса, обмелевшие реки и доживающие свой век деревушки. Вдали выщербился ресторан ярко светящимися глазами, и поет, и кричит, и надорванный блатной «Лесоповал» будоражит ночную дрему дикими выкриками.

Все течет, все меняется, вот чаепитие - остается. Чай сближает родных и дает отдых от домашних хлопот. Хозяйка по стариинному укладу за самоваром - царица, словоохотливая и деловая. Кипящая водица располагает к веселости и разговорам. Хозяин оставил подозрительный вид - днем наскачили азиаты - торговши, и вроде жена потратилась крепко - на вопросы отвечает невнятными звуками.

Под окошком надоедливо тарахтит двигатель трактора. Это мужики привезли дров соседке Маисе Мануиловне, уже разменили другой час. Как говорится: «Пошли по миру кормитьца, на рыло бесу торопитьца» - выпивки много, про закусь говорить ни к чему: от рыжиков до палтуса и колбас копченых. Замужние дочери шлют матери из городов денежные переводы, только бы мать нужды ни в чем не знала.

- О, черт! - ворчит хозяин Семен Колпаков. Его ласковые голубые глаза приняли какое - то детское выражение и смотрят в зашторенное окно. - Ведь и пьют, и пьют... Выкормки.

Он намеревался сказать еще что - то, но жена обрывает:

- Привяжетца ни к чему - то... Не дратьца же с ними, уедут долго - коротко.

Тучная жена зевает, утирает потное лицо полотенцем, блаженно вытягивает под столом босые ступни. Вспоминает, как на свадьбе пьяный зять Маисы в дорогом черном костюме и доро-

гих черных полуботинках забрел в лужу, намеренно сел в грязь, на все просьбы Маисы и её дочери матерно орал: «Да пошли вы!...», а ныне:

- Вот ведь повезло Маиске с зятьком, так повезло. Десять тыщ! Не поскучился, десять отвалил и телеграммкой добавил: «Мама, мы тебя любим». В тот день у Чахутиных кумушка Ирины умерла.

Жена не могла удержаться от слез, должно быть, представив своего младшего сына, кочующего по белу свету в поисках счастья.

- Где наш-то Вадька на ремонте стоит? - спрашивает Семена.

- В Джибути. Пора бы и запомнить, сколько раз звонил, - отвечает Семен.

- Язык сломишь, запомнишь тут...

Жена с кряхтением поднимается из - за стола, нераздетая валится на кровать, укрывает босые ноги одеялом.

- О -охо - хо! Господи Иисусе, только дожили до хорошей жизни, а жизни - то... а жизни - то нет. И наши разъехались, и Маискины разъехались. И колхоз поёт Лазаря. Да -а...батько, большая эта Джибути?

- С нашу - то деревню будет, - хмыкает Семен.

Семен встал из -за чая в неприятном расположении духа. Начал ходит по избе. Мысль, перебегая с предмета на предмет, невольно обращается к озерку под деревней: скоро зима, лёд, потом рыба начнет задыхаться...

- Пойдешь что ли? - осторожно спрашивает хозяйка, не поворачивая головы.

Семен смерил её взглядом - толстая кукла, уперла нос в потолочину! С головы до ног с таким выражением, с каким рассматривал подошедшего в капкане крота. Потом, раздражаясь смехом, воскликнул:

- Тулуп сверху не бросить?

- Поиздевайся, поиздевайся, как же - любо! Наживешься на един салтык, попомнишь меня!

Семен садится на табуретку у двери, достает из - под кровати сапоги -бахилы.

- Все равно рыбе каюк, - говорит, толкая ногу в сапог. - Как не каюк, до дна проморозит...

- На божницу - то глянь, ладно ли творишь? Промёрзнет, не промерзнет - уж, как Бог положит, а ты намеренно вредишь. Помнишь, в тот год, как деньги меняли, русло всем колхозом копали? - спрашивает жена.

- Когда что было... Колхоз по швам трещит, кому бы кого облегчить, не до копанья. Чтобы закарпатцу Шишку досталось? Фигоньки! Глаз он положил на озерко, карпов он разводить станет... Наехали всякие рыболовы пучеглазые.

- Да ну-у?

- Бумаги обтаптывает. Подлез в районе к главному барышнику по имуществу казенному, флягу меду катнул ему. Я задницу никому лизать не стану, свой пай сейчас выберу... С Богом ли, без Бога ли...

Стоит Семен Колпаков на крыльце, глаза в ночь обвыкают. Тарахтит и тарахтит двигатель. «Дернуть тягу или...да черт с ним, молоти он. Ужо!...».

У него возникает дурацкое желание подсмотреть, что вытворяют трактористы у соседки Маисы Мануиловны. Прокрался к окну, приминая малинник. Занавеска на окне раздернута. Высоченного роста Леха по прозвищу Подойниченок, курит, держа сигарету пальцами левой руки. Правой рукой обнял напарника Ваню Обмылкина. Длинные пальцы то ли гладят шею Ване Обмылкину, то ли кожу щиплют. Ване Обмылкину неприятно, он ужимается, а терпит. Леха Подойниченок как перепьет - беда всему вылюдью. Маиса Мануиловна сидит на диване, готовая сорваться по первому желанию трактористов.

- Так что, Ванько, стременную и по коням? - спрашивает Леха.

Молчит Ваня Обмылкин, ерзает по лавке. Представляет Семен, как, должно быть, сидит Ваня с красной рожей и пыхтит. Лицо Лехи, разгоревшееся от водки, дышит такой несокрушимой силой, что опасно возразить или ослушаться.

- А наливай! - командует Леха.

- Налить - то я налью, кабы все ладно, мужики? Всяко бывает, - вещает Маиса Мануиловна.

- Не ной, тетка! Это уже наши проблемы! Слыши, Ванько, что - то мы с тобой мою любимую давно не пели, а? «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон...». Ну - у, бравый Швейк с задней повозки, подпевай! «Но от тайги до британских морей Красная армия всех сильней!». Эх, Маиса Мануиловна! Вот представь себе, земля качается - тыщ десять солдат рубит шаг! Силища - а!...И чего меня домой принесло? Ванько, какого лещего я в колхозе забыл?

Семен Колпаков идет своей дорогой. Зябко. Тиши обняла окрестности. Высоко и осанисто стоит месяц над настежь распахнутыми калитками и отводами, забирай ты нас с добром и животом, зима - зимушка! Прикрой снегом срам наш крестьянский - поля дурной травой полоненные! Идет Семен, и с ним вместе идет безотвязная дума о разорении деревни. Ясно и последовательно развивается эта дума, где - то тихо скорбит, где - то «все по барабану» ей: на что надеются Леха Подойниченок с Ваней Обмылкиным?

Помимо воли своей начинает он припоминать колхозных председателей, кои стояли у руля, и хотя, по собственному его признанию, винить их было не в чем, а обида - вот он, день «светлый», ради которого дед вошел в колхоз с конем да коровой, израненный на войне отец зачал его и помер, - осталась. «А кто знал? Кто ведал, что поля пахаться не будут, указ такой выдаст Бориско Ельцын: колхозы рубить под корень, молодой народ на земле оседать перестанет? Ишь, Шишку озеро подавай! А наши где озера? Где мой трактор? Где наши с бабой паи? Всем мы должны!». И чувствует он, что не разгадать ему тайной азбуки обнищания, да и ночь глухая, безответная, и злится он над своим бессилием и неумением понять перемены оные. Понимает, что надо отрешиться от задачи, кою не может решить, надо жить проще, как Леха живет или Ваня Обмылкин. Тужит он, тужит о деревне, а хвати тот же райцентр? Машин стало, как в городе, магазинов - пруд пруди, ресторан открылся, поговаривают о публичном доме... «Да - а, как говорит моя баба: а жить - то некогда».

Вытащил Семен Колпаков из ивняка свою лодочку, прислу-

шался, тихо сел и поплыл. Пахло затхлой травой и мокрой землей. Зоркие глаза заметят малейшую опасность. Возвышенной грустью мудреца, знающего все земные тщеты, месяц плыл за одиноким пловцом, серебристыми блесками засыпая водное зеркало. На средине озерка Семен Колпаков поднял весла, несколько минут прислушивался, наклоняясь к воде. В слабых отсветах воды он видел себя с раскрытым ртом. Потом достал взрывпакеты, стянул резинкой три вместе, одной спички зажег шнурья и кинул в воду. Несколько энергичных взмахов веслами, и лодка отлетела на безопасное расстояние. Глухим стоном простонало озерко, украсив себя водяным султаном, ожившие волны добежали до берегов, оттолкнулись, и стали подминать одна другую. Семен саком счерпал плавающих верх брюхом рыбин, для верности поработал ловушкой наугад, покурил, и по отработанной методе рванул еще раз.

С тяжелой ношей правится домой. Идет еле заметной тропкой со стороны огородов и бань. Добыл килограммов тридцать рыбы. Осторожничает: обманчива спящая деревня. Да и погодка, будь она неладна, никак не разбранится, хорошая рыбу глушить, а с рыбой возвращаться - зашториться облаком от лишних глаз не мешало бы.

У дома все еще тарабанит трактор. Уставший, но довольный, в бане переоделся в сухое белье, идет в избу попить чайку да перекусить. Остаток ночи он посвятит чистке рыбы и засолке.

Стоит на крыльце, всматривается в темноту. Вроде тихо... Не утерпел, опять прошел под окно соседки Маисы Мануиловны. Спит, уронив голову на стол между чашек с закусью Леха, Ваня Обмылкин калачиком свернулся на лавке. И Маиса спит, откинувшись на спинку дивана.

Подходит к трактору, уж руку протянул к тяге подачи топлива, вот те нате: два мужика правятся улицей волчьим цугом, тащат что - то. Присел, чтоб лучше видеть. Длинноногий Шишко! Передним идет, а кто второй? Должно быть, вторым идет подслеповатый Костя Хомутов, Костя - зять Шишко. «Это что же? Что же? Бочка - не бочка, кадушка - не кадушка...». Как потянули рукой тягу, взревел двигатель, кинули Шишко с подельщиком

поклажу и бежать. Захохотал довольный Семен Колпаков. Свет в окне ихней избы загорелся, жена занавеску отодвинула, всем лицом сунулась в окошко. Заглушил двигатель и скорее к тому месту, где Шишко с товарищем поклажу уронили. Охота Семену узнать, чего мужики своровали. Смотрит, щупает, на язык белый порошок кладет - сухое молоко! Два мешка. «Ушлый же, собака! Советскими под пятьдесят рублей мешок тянул при коммунистах, нынче тысячи три... Ужо подождём, вернутся».

Стоит Семен Колпаков за толстой березой. Редко у него бывает такая храбрость. Должно быть, рок вступил в противоречия с его натурой, упиваясь озлоблением против людей, приносившей себе явный вред. Еще вчера он, кажется, не совершил бы такой поспешной и необдуманной выходки, но сегодня, под влиянием упреков жены, захотелось доказать и жене, и самому себе, что не он один в колхозе вор. Сейчас он чувствовал себя способным лгать всем так, чтобы ложь имела право на путешествие по сельсовету. Лукаво смотрел на Семена месяц, блестела на кончиках рожек его затаенная улыбка.

Каково было удивление закарпатца Шишко, когда из - за березы вышел Семен Колпаков, приглушенно покашливая в кулак.

- Помочь? - спросил участливо и насмешливо.

Шишко молчал. Он был похож на выпитую из серебристого света статую, сухопарую, с очками на утином носу, прямыми, падающими на воротник фуфайки волосами. Вороватая душевная тяжесть Кости достигала своего предела. Сопел он за спиной Шишко, готовый осыпать Семена проклятиями.

- Та - ак, - неловко пробасил Шишко, протягивая Семену руку. - Не виделись вроде сегодня.

- В Библии сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб твой», - говорит Семен, улыбаясь во всю ширину лица. Пожимает руку. - А Христос завещал что?

- Много чего завещал, - через силу ворчит Шишко.

- Делитьца завещал, - снисходительно говорит Семен.

- Завещал - так бери.

- Бери... Нет, голубок. Позарился один простак на халаву, Ко-

стей звали, три года парился. Я вас, мужики, не сдам, резону нет своим гадить. Для крепости снесите -ко один мешок ко мне на крылец.

- Наглеть - то не надо, - хрипит Шишко, раздувая ноздри. - Подтруси молочка до твоего крылечка узорчатого, утром доказывай ментам, что я - не я, и кобыла не моя.

Тут вышел наперед зять Костя Хомутов, схватил Семена за грудки.

- Сучья подхвостица!

И раз - кулаком в лицо Семену, и другой. Напрасно Шишко пытался оттащить Костю от Семена. Тот был в слепом бешенстве. Дрожали плечи, тряслись руки, кривилось лицо. Третий удар пришелся прямо в рот Семену, после чего Семен грохнулся на землю, стукнувшись затылком. Шишко стал поднимать Семена, забирая под мышки, шепотом ругая зятя. Наконец Семен стал подбирать ноги; видя это, и Костяобразумился, сел на мешок с сухим молоком.

У Семена был разбит нос и рот. Он не мог говорить, мог только скулить.

- На, на, - Шишко совал Семену носовой платок. - Нет бы, как белые люди, так права качаю... - Фуфайку с себя скинул, оторвал от рубахи лоскут материи. - Иди, Семен Вадимович, восвояси, иди.

За голову схватилась жена, увидев мужа в кровищи.

- Господи -и! Вот оно, наказанье тут как тут... Ерепенюсь: свой пай беру. Ведь сколько поговорила, сколько поговорила.

- Близко рвануло, - тяжело сказал Семен.

- Рвануло! Хорошо, хоть глаза не вышибло. Э -эх, загонишь меня в могилу!

...Подернулись макушки черемух серой крупчатой кисеей, яснела улица; прошла ночь. Утро принесло Семену Колпакову душевный разлад. Не проспавшийся, плеснув в горсть воды, стал перед зеркалом мочить нос и рот. Мысль, множество раз побыв возле того места, где ему разбили физиономию, раз за разом возвращалась в тело. Уму все было ясно и непреложно, а сердцу... Сердце жаждало мести.

- Басок, - хмыкнула, выглянув из кухни, жена.

Пошел в баню чистить и солить рыбу.

И думал, думал, как отомстить Шишку с зятем Костей. Первый раз безмолвные стены бани были свидетелями того, как человека объяли какие - то новые силы, вследствие чего с неким остервенением хватает человек рыбину за рыбиной, вспарывает брюхо, вываливает в таз внутренности, швыряет рыбины в кафку с водой и приговаривает:

- Наскочили!... Я вам нахрап сомну! Вверх дном озерко опрокину!

В глаза Семена Колпакова болезненно ударяет длинная золотистая лента света через маленько оконце бани.

Лениво приподнялось над деревней солнышко, медленно и неохотно пролило с небес остатки страстной жизненности. Заморенная деревня без креста и молитвы вроде проснулась, кто - то «объезжает» диван перед телевизором, с ума сойти: Америка оглашает список первой сотни богатейших людей России! Кто - то идет накормить кур. Куда спешить? Все - в прошлом! В районе обещают к весне ликвидировать колхоз. Зря говорят, что жизнь не бремя, что жизнь - крылья. Бремя, да еще какое бремя! Одно спасение: пенсия. Дожить бы! И куда после ликвидации голову приложить бедному колхознику? Озерко Шишко заберет, пилораму армянин выщыганил, половина коров за долги фирме «дети Чубайса» отдана, трактора инженер с председателем втихую переоформляют по родным, по приятелям...

Хорошо Маиса Мануиловна успела дровами запастись, как без дров в стужу вступать?

В избу идет, на пороге жена встречает, с жаром новостью делится:

- Ну - ко, батько, Леха Подойниченок трактор утопил! С угору опустил, сам выскочил. Говорят, и крыши от кабины не видать. Во - о, а талдычили: «Два аршина наше озерко, два аршина». Добры два аршина! Спрашивал предушко, на кой ляд утопил? «Авось переживём тебя, Мамая! Скоро замерзнет, берега топкие, хрен добудешь! На нары вас с Шишком упрячут, доста - а - нем!».

ЖИВИ, КАК ВСЕ

Федя Федин на людей смотрит с добром и угрюмостью, рот у него мягкий, готовый смеяться и плакать. Есть в его лице какая - то наивность, ожидание чуда: то он улыбнется сиротливо, то чутко поглядит по сторонам и, видимо, убедившись в правильности своих предположений, рассмеется.

В святки Федя поехал в Москву, благо деньжата на ту пору приятно зашелестели в кошельке. Перед Покровом Федины продали каким-то жуликам быка, уж думали все, сожрали олигархи бычка - три месяца ни слуху, ни вести, надули их торгаши. Вдруг торгаши объявились, еще извинились за задержку, и деньги Галине Фединой при всем народе в магазине отдали. Народ верить отказывался: всех за сердце зацепили извинения, в кои еще веки жулье извинялось перед колхозником за причиненный моральный ущерб? Взял Федя сальца в дорогу, пять бутылок водки, тулуп отцовский из клети достал, и валенки крепкие подшитые одел. Стояли у него за баней новые drogi, он их выкатил на улицу, сеном набил, и устроился на возу поудобнее.

Мимо идет праздно шатающийся высокорослый Костя Царев, или просто Царь. Вид у Царя благообразный, собой сутулый, глаза сонные, губы красные, сохранившие с младенчества одутловатую красоту. Говорит врастяжку сидящему на дорогах Феде Федину:

- Поехал, что ли?

- Ага, - ответил с возу Федя Федин. - Есть что сказать. Горит душа-то.

- Ну, ну.

Царь пинал ногой в валенке в колесо drogi.

- Хоть бы розвальни запряг, снегу-то много. Для сугреву прихватил? - Царь выразительно щелкал себя по горлу.

- А как же, дорога не близкая, - ответил в полном разуме Федя, и сено под себя уминал.

- Может, нальешь?

- Сейчас,- скалил зубы Федя Федин, - держи карман шире. Недовольный Царь отошел от drogi, оглядывается, плюется.

Примерно через час Федя Федин чувствует, что начал озабочиваться, и степенно пьет первую стопочку водки. Занюхивает салом; короток зимний день.

Вороны обсели вершины берез, посидели, сорвались дружно, полетели в лес. « Эхе-хе, морозец силит,- отметил про себя Федя. – Это, должно быть, я к Тотьме подъезжаю, дома-то какие нарядные, знать, народ живет справно, не как у нас, только бы в телевизор глаза путили...Какой конёк баской на крыше! По всем приметам на том угоре церковь стоять должна. Знамо дело, тотемские купцы на Аляску ходили, не нам чета. Земля должно быть жирная, ишь, будто деревню из нутра выдавила. Воскресенье сегодня, надо бы в храм божий заворотить, путь не близкий. И в бане, как на грех, не помылся».

Скрипит снег (кто-то обгоняет, должно быть, надо посторониться, дать дорогу, неровен час столкнут в сугроб), слышится женский голос:

- Эй, крещеный? Ночевать не приворотишь?

- Отстань, баба, не вводи в грех. У меня дома набористее тебя осталась.

- Разуй глаза-то, разве я - стожар гнилой?

- Отвяжись кому сказано! Сойду с возу - кнута схлопочешь!

Расхохоталась баба, ушла баба к себе домой.

Сделал Федя глоточек водки, салом занюхал.

«Так вот, дорогой ты наш, хорошее дело затеял, давно пора. Давно! Лет так тридцать назад. Вот тогда бы ... Да и сейчас!» Федя поехал на встречу с Президентом, и есть что Президенту сказать. Не дурак он, нынешний Президент, поумнее американского будет. «Воли ему не дают, вот беда-а! Американцу прощё, народ в Америке не такой, народ там кастрированный законами, а мы - народ дикий, азиаты - мы. Посмотрел бы я, как этот Буш нашим народом убардует. Не-е, не управить, слаб подгузок. Народ наш - не хухры- мухры, верой одержимый, мы всё пытаемся узнать смысл своего существования, нам бы в достоинстве пожить, а не в заброшенности, человечность свою почувствовать. Люди питаются друг от друга не только хлебом, но и душой, иначе чтобы мне за всех страдать? Где да как приложе-

ние своих сил найти? Где узнать рассеянность своей грусти и утешиться? Я ещё железного Сталина правление захватил. Сталин - это Сталин, тут лишку глаголить нечего. Председатели колхозов были сплошь вчерашние вояки, раненые да контуженные, эти и себя не жалели, и народ за какую-то машину держали. Давай! И давали, давали! Ни на себя, ни под себя, из последних кишок давали. Машине этой бензин не надо, кнутом щелкнули, матом покрыли, она и бежит. Хорошего - мало, сам знаешь.

При Брежневе вояк совпартшкола потеснила. Некоторое понятие к народу появилось, зажили подходящие, на деревне гармошки заиграли. Я при Брежневе избу шифером одел, мотоцикл купил, пять раз в санаторий с паспортом съездил. Совпартшкола хорошо правила, не похаю. При Ельцине её институты потеснили. Совпартшкола как бы застеснялась, колею высшему образованию дала. У нас в колхозе с институтами двенадцать человек набралось. И скажу я тебе прямо: нет большего зла для России, чем много умного народа у власти держать. Кто кого подклинивает, кто кого зажимает, один умён, а другой изворотливее, все бы руками водили, а работать - медведь пускай работает. Тут ещё партия вожжи с этой перестройкой натягивать стала. У нас баба в секретарях ходила. Дура-дурой, ей бы около шестка, около корыта, а себя - академиком возомнила. Спецов стравила, персональные дела заводить стала на каждого, те и остыли, всяк в свою конуру уполз. А сейчас, товарищ Путин, надо бы смешнее, да уж ни в какие ворота: ворьё выплыло наверх. Около тебя, слышно, тоже ворья много. Так разобраться, страна наша - тот же колхоз. У нас братан заправляет, четыре года на нарах парился. Соседи нас пересибли, у них тоже братан, но ихний братан две ходки успел сделал. И тащат эти братаны, только треск стоит, как приватизируют. Ты вот скажи, товарищ Путин, следующий кто штурвал крутить будет? Швед или папуас какой? Вроде свой ресурс исчерпали...».

Снова деревня, в окнах свет.

«Хорошо здесь люди живут, - отмечал про себя Федя. - Оно и понятно: чем к Москве ближе, так и быть должно. Это наша деревня - кулига для чертей; здесь, поди-ко, летом хорошо, благо-

дать, ишь, до чего тихо, аж ушам больно...Неужто и в гармонь никто не играет? Есть в нашем народе, товарищ Путин, чувство какой-то безисходности, как бы горе вилку с рыжиком под нос суёт...».

Приклонилось небо к земле, месяц рожками распахнул чертог вечности, захороводились звездочки. Смотрит на небо Федя, ищет глазами невидимую грань добра и зла, на совести укор сильнее всех сомнений.

...В водогрейке телятника сидят за столом (доска, приколоченная к чурке) Костя Царев и нервный, скучающий мужиченка в шубе с чужого плеча - Пашка Вдовин. У Пашки незаконченное начальное образование, работает конюхом в колхозе, в его «эскадроне» старый седой орд по кличке Васька. Конюшня большая и пустая, зябко Ваське одному, потому Пашка Вдовин затащил его в водогрейку, привязал на цепь. Мерин наелся каши, разомлев, злых духовпускает, почмокаает губами-рукавицами (не иначе как благодарит конюха) и стоит, понурив голову. Царю не нравится соседство мерина, он велит Пашке выгонить лошадь на улицу, но Пашка хозяйственно протестует:

- Он старый, Васька-то, у него ноги болят. Вася? Слыши, про тебя говорим. Он - добрый, все чисто понимает.- Пашка подходит к коню, гладит морду.- Ничего, Вася, вот весна скоро придет, травки свежей пощиплешь и забегаешь ходко.

Царь смотрел на придурковатого Пашку с каким-то сожалением: вот, живет человек - не живет, мучается, всей родни - старая бабка, и живет часто впроголодь, а будто пытается небольшим сердцем своим и добротой создать свою истинную жизнь. На лице Пашки то испуг, то смущение. А вот Царь редко испытывает стыд, все ему трын-трава. Троих детишек оформил сельсовет по бедности родителей в школу-интернат (у нас государство заботится о нищих!), младшая дочка в зыбке лежит. Лодырь Царь, ничего ему делать не охота, вот бы выпить на «халяву». А Пашка пытается жить справно, да ничего у него не получается. Большие, открытые, темные глаза Пашки наполнены блестящей силой детства, они с доверчивым интересом смотрят на людей. Пашка часто говорит о не-

ком блаженстве жизни, безымянном блаженстве, по-ему выходило, что счастье томится в нем, он знает про то и когда-то родит его...

Водогрейка на телятнике, что открытая гавань. Сюда заходят корабли с изорванными парусами, сломанными мачтами, пустыми трюмами, побитыми навигационными приборами. Здесь дерутся, мирятся, штопают паруса, свободные женщины смеются особенно весело, снова дерутся и снова мирятся. С одного боку на котле продрано гвоздем слово «секс», с другого - «ко-каин». За теплым котлом славит Рождество Христово неугомонный сверчок, откуда-то капает и капает вода, дробясь о бетонный пол. В водогрейке Царь чувствует свободу, сердце его не могло утомиться, здесь он господствовал над телом и надо всеми мучающими силами Перестройки; если Пашка-дурачок собирался рожать свое счастье, то Костя Царев расслаблялся, потешался над колхозными порядками, выдувал из себя вместе с табачным дымом остатки всякой веры.

Царь советует Пашке надуть коню ноздри табачным дымом, пускай спляшет Васька.

- Зачем, Костенька? - тихо спрашивал Пашка и улыбался Царю счастливым, согретым в тепле лицом. - Вася старый. Зачем Васю обижать?

- Как думаешь, Пашка, не толкнуть бы нам пару мешков муки? Водочки купим, закуси заморской, посидим, как белые люди, а?

- Что ты, что ты, Костенька! - в испуге замахал руками Пашка. - Мне Василий Иванович наказывал, что муки в колхозе сегодня мало. Беречь надо. Коровки молоко с одной соломки не надоят, им, Костенька, мучка надо.

- Ну-у, Василий Иванович...Мужик ты или не мужик?

- Мужик.

- Не похоже. Тебя этот Василий Иванович за дитё держит. Кинем пару мешков на твоего Ваську и смотримся до райцентра. С лапочками возьмут. Знаю я одну кикимору, и недалеко от дороги, а, Паша?

- Нет, Костенька, нет,- еще больше пугался Пашка. В какой-то

момент он вспомнил, как хоронили мать, а этот Царь резал вареную колбасу на гробе, болезненная чувствительность захлестывала от похабства, он не может сдержаться и кричит, смахивая рукой проступившие слезы. - Сволочь ты!.. Маме больно было!

Одиночко сегодня Косте Цареву. Пашка Вдовин его не устраивал: придурок. Как назло никто в водогрейку не приворотит... Царь чувствовал тоску и ожесточение. Он ругался на жизнь, вроде не безродный, но одинокий.

- Ну-у, чего вспомнил... Это, Паша, как бы справедливая откровенность природы. Мертвые - в землю, живые - за стол. Не все ли равно мертвым...

- Это моя мама!

- Твоя так и твоя, я разве отнимаю? Забудь,- говорил Царь, чувствуя в жилах своих усталую и сырую кровь. - Федя Федин в Москву едет на дорогах, тебе смешно?

- Пускай едет, - не глядя на Царя, ответил Пашка.

Царь краем глаза видел, как жалостно и беззащитно Пашка закрыл лицо одной рукой, а второй - лениво водил по шее коняки. Что-то накатилось на Царя черствое: вот как ни умен и храбр человек, вроде нормальный, сильный, а все равно грустен и жалок он, и умрет от собственной слабости. А с другого боку зайти - ладно, что ничего путного в жизни не сделал, жил да принарекливался, в каждой простоте видел диво дивное, за что бы не взялся, чтобы не поднял - все равно испортил или изломал; умер так и умер, и вспоминать нечего.

- Чукча с ушами, - зло говорил Царь.

Он заметил разительную перемену в поведении Пашки, как от сна очнулся придурок! Скверное настроение и прочие факторы, доконали самочувствие Царя. Не прощаясь, он ушел из водогрейки.

До дорог с сеном он проходил без всякого сознания, только шевеля ногами.

- Эй, Федя?- позвал, приваливаясь телом к возу.

В ответ услышал легкое похрапывание Федина.

«Поехал, - хмыкнул про себя Царь, - ходок к Ленину, тоже

мне... Одно дело послевоенное светопреставление - голод шевелил живность, а теперь-то какого рожна ему надо?»

- Федя, не околел ещё?

«Интересно, что он скажет там в Москве? Не-е, скажут, дурак ты набитый. До тебя Америка открыта, до тебя и велосипед выдуман. То мы не знаем, как да чем деревня живет? Знаем: век свой доживает. Да кому он нужен колхоз, Федя? Вот мне он нужен? Не нужен. Так и другому, и третьему. Пашке Вдовину нужен, у него Васька есть... А что, Федя, помогу я тебе до Москвы доехать. Вот приведу Ваську, запрягу, и - ты на Красной площади. Охотный ряд найдёшь, я думаю...».

Федя проснулся под легкое посвистывание метели. Беспритомность почувствовал путник, нашарил под тулупом бутылку с водкой, ломтик сала. Выпил да закусил. И прогоняя сон, решительно налил второй стаканчик.

Воз дернулся. Федя Федин явственно услышал лошадиный утробный вздох.

«Конечно, товарищ Путин, народ мы шальной, но Народ мы не бросовый. Ты вот возьми: проработал я трактористом без году три десятка лет. Я что, из-под палки работал? Нет! Нет, товарищ Путин. Любил я эту работу, сколько земли перепахал, сколько тонн зерна намолотил на комбаине... Много! Развели турусы на колесах, свинячью склоку, вот-де, коммунисты-убийцы, вот-де, коммунияки, сплошь воры: плюнь ты говорунам в рожу, и не слушай никого.

Я вот скажу тебе прямо: преж жну на комбаине, свой труд собираю, нет у меня счастья большего, как заскочить в кузов машины, да встать под шнек, под моё зерно! И пусть меня засыпает оно, пусть льёт на меня золотистым потоком! Не постыжусь свысока сказать: жгучую, всесжигающую радость я черпал в труде. В каком-то порыве на руле выцарапал: «Слава труду!». Это как художнику, например, картину написать помогает не только талант, сколько пылкая любовь к жизни.... Безрассудный я был, забывался, уносился мыслями бог вест куда, сладостный дурман проникал в мой мозг.

Товарищ Путин, товарищ Путин, обрати ты своё внимание

на деревню, не дай деревне погибнуть. Сделай ты, как в той же Америке, будь она неладна, кормильца поставь во главу угла, хватит нас, славян, мочой поливать...».

Опять качнуло, даже стаканчик о бутылку звякнул. Прислушался: завывала метель, должно быть, набирал ветер силу на открытых местах. Решил посмотреть, где же едет, какой народ встречный ; высунул из сена голову- мать честная! За деревней в белом поле всего одна сосна растёт, так стоят его drogi под той сосной, лошадь к сосне привязана. Воз-то и дергается, что настоялась лошадь, то вперед даст, насколько повод позволяет, то назад, человека как бы торопит.

«Это как понимать? - размышлял Федя, вылезая из сена до пупа. - Выходит, я в самом деле еду?...».

Опрокинул на лоб еще стопочку, нюхал ломтик сала, и, по всему получалось, что это - не ихнее поле за деревней; загоны на ихнем поле во-он от тех кустов идут во-он к тем кустам, а тут пашут в нарушение всяких правил агротехники...И кусты какие-то матерые по окраине, хоть на дрова руби - березняк стеной.

«Это, должно быть, где-то под Вологдой...Под Вологдой ельник давно выхлестали, еще до того, как Вологду столицей лесной объявили. По приметам, это ближе... Конечно! Дым- то откуда идет? Правильно, железная дорога близко. Тогда... Надо на таможне отметиться. Где там у меня?...».

Зарылся в сено, опять с товарищем Путиным за одним столом. Всю нужду поведал, по полочкам наметки разложил, с чего надо деревню начинать поднимать. Всю историю колхоза выложил.

- Давно эти колхозы разгонить надо было, но не с плеча, товарищ Путин! Не с плеча! Ты глянь, с молотка Родина идет! Кому ты веришь, Гайдару, Грефу, Гусинскому и всяким олигархам? Мазурики! От лукавого эти реформы, всеми фибрами чую.

Не знает Федя, что хватился Пашка Вдовин своего мерина, до бригадира сбежал со своим горем, рёвом ревит.

- Василий Иваныч, не уберёг Ваську, цыгане сграбастали! Он хороший, Васька-то, у него ноги болят...

Бригадир Пашку успокоил, мол, не позарятся цыгане на доходягу, они на машинах нынче раскатываются.

- Волки загрызли!

- Что ты, Паша, какие волки? Слыхом не слыхать про волков.

Кто-то подсказал Пашке Вдовину, мол, свежие следы от колес Фединых дорог ведут в поле.

Отчаяние, тоска и нужда порой сжимают сердце в человеке до последней щели, лишь предсмертное дыхание расправляет его; побежал Пашка в поле по следам, отыскал своего Ваську. Как он обрадовался!

Вгорячах расшвырял Пашка Вдовин сено на дорогах, видит, спит, в тулуп закутавшись, Федя.

- Ух ты, ворюга!

И раз Феде по лицу ударил, и другой залопатил. Федя разлез-пил веки - Пашка сразу обмяк, устыдился своего поступка и покраснел.

- Доехал таки, - блаженно щурясь, говорил Федя. Помедлил, что-то соображая, и нервно рассмеялся. - Добро встречаете, сразу по морде? Я тебе что, за свет не плачу, рыжий пёс? Воеводы на чужом-то, взяли моду сразу с плеча...Рася пока еще Рася, хотя, по-вашему, под резервацию славянскую перекроенная.

- Я это, Феденька.

- Пятьдесят два года Феденька. Пашка? Ну-ко, встань боком. Вылитый этот, как его... Ну этот, который всё знает и говорит, говорит... Да Бориска Немцов! Куда меня занесло-о, в логово вражеское...Заместителя, значит, выслал. Так я прямо скажу твоему заместителю, товарищ Путин! Верю я тебе, товарищ Путин! Невероятно, но факт. Ельцыну собаке не верил, пропойца и дурролом, и Мишке комбайнери ставропольскому не верил, а тебе верю. Мочи их, гадов, мочи в сортирах!

Лицо Пашки вытянулось, стало безобразным, потом слезы омыли его, и оно приобрело вполне приличный вид.

- Феденька, прости меня, я Пашка Настасьин. Ну, признал? Вишь, ухо у меня прижало, мама на сносях прижала...

- Не согласен!-громко кричал во все поле Федя. - Не согласен на рыжего плуга!! Опять ваучеры? Хватит грабить Родину!

Еще сутки Федя ездил на дорогах в Москву. Вьюга совсем залятowała, режет, страшно нос из тепла высунуть, сена полвоза по деревне раскидала. Незнакомые бабы жалели, в примаки зазывали. Кто-то стащил у него бутылку водки. Подозрение, конечно, на Царя большое, но не пойман-не вор (всяких прохиндеев нынче развелось - пруд пруди, не поберегся, расспрашивая встречный люд об ихнем житье-бытье, пока политграмоту «землякам» читал, кто-то присмотрелся к вещам и тяпнул) и пришлось разворачиваться в обратную дорогу на незнакомой станции. Вроде то сразу за Ярославлем было, а, может, и на московской кольцевой...

Жена дома обрадовалась, на божницу усадить готова, не знала, чем задобрить.

- Слава-те, Господи, батько живой выбрался. Умотал волок-то. Я уж и баньку истопила. Долго теперь не поедешь?

- Что разве после выборов. Порох, матка, народ. За старое уцепился мертвой хваткой. Не перегорел нутром. Ты к людям со всей душой, с советом, а они - злее волков: « Живи, как все. И нечего тебе нынешние порядки захваливать! Моли Бога, что землю на кладбище пока выкупать не надо».

Два деда

повесть

В ласковое майское утро мягко открылись небесные врата, и ангельские чины вежливо попросили свежую партию вновь представившихся подготовиться правдиво отвечать на поставленные вопросы, не толкаться, соблюдать тишину. Сиреневый дым благовонных масел, разлитых в чаши, окутал всех. В первых рядах шагнул, должно быть, имея на то моральное право, профессор Матвей Созонтович Шишов. Рядом с ним стоял, вытянув дряблую шею, негритянский колдун; любопытство Матвея Созонтовича было очень велико - неужели есть чистилище, котлы со смолой, рай и ад? Все иные чувства улетучились напрочь. Любопытство разгорелось до такой степени, что будь за небесными

вратами клокочущая пучина, он и в неё шагнул бы, и напрасно колдун совал ему в руки защитный амулет - косточку из хвоста павиана.

Странная радость, схожая с ослепительной радостью упавшего с горы человека и не разбившегося: скорее! Скорее увидеть волю Божию во всей славе и мощи её! В основе любопытства был заложен фактор признания за собой ошибочности прежних взглядов. Было отрадно - душа продолжает жить, и горько: он твердил и осуждал, твердил и доказывал, твердил, инакомыслящих хлестал ленинскими цитатами: «Бога нет, мы - дети обезьяны, всё - поповские сказки...».

Ему верили, аплодировали, его награждали...

Признаться в своих ошибках, согласитесь, может далеко не каждый.

Михаил Михайлович Аршинов таким любопытством не страдал, в загробную жизнь тоже не особо верил, в очищение своей совести про себя рассуждал: «Я и молитвы - то ни одной не знаю. В бой пошел: «Господи, спаси и помилуй!» - вот и вся молитва. Нас не учили святых почитать, жил как все, что уж положат, на то и согласен». Он не спешил на Божий суд и правился в задних шеренгах. Конечно, если бы знал, что Митюха Шишонок норовит и тут проскочить первым, он бы поднатужился напоследок. Это еще с какого боку посмотреть, имеет ли Митюха право притворно улыбаться Судье; так ли он ясен в своей непорочности? Еще чего доброго портфель у ангела носить будет. Независимый Мишка Аршин не пожелал бы мириться со столь оскорбительной заносчивостью недруга юности.

Матвей Созонтович Шишов жил в столице, преподавал в университете имени П. Лумумбы. Негритянские вожди и черные агаты - колдуны были его приобретенными братьями по долгу, по научной работе, по свирепым пляскам; их неистовое мычание заразило многих наших сограждан желанием отдать себя пустыням и нагорьям ради оазисов процветания угнетенной Африки. Михаил Михайлович Аршинов как вцепился в ржаную стерню, что за мамкину титьку, так и не отпустился до последнего вздоха. Профессора Шишова, почетного чле-

на нескольких иностранных академий, сразил недуг, именуемый ныне абракадаброй "Меланома кожи призрака коммунизма". Черный колдун умер от невыносимой муки в сердце: столько пещер разворачали, столько «на - гора» подняли, приросли к твоему подолу, Русь!

Рядовой колхозник Аршинов был далек от проблем мирового пожара, далек от щедрых вливаний в экономику развивающихся стран; ему что негры, что малайцы были на одно лицо: затюканные, бесправные и нищие. Наш народ одинаково роптал в адрес Никарагуа и Анголы: «Еще и этих корми». Народ ликовал, когда Никита Сергеевич стучал полуботинком по трибуне ООН: что, акулы проклятого капитализма, сожрали нас? Да мы! Будет жить Россия!

В День Победы старый вояка надраил единственную медаль «За отвагу», собирался идти на митинг к памятнику погибшим землякам, и тут увидел языки пламени за зерноскладом. Бывший рядовой, хвативший лиха в немецком плену, познавший штрафную роту и воркутинские шахты, бросился в последнюю атаку и погиб под обломками крыши. По всем статьям, после регистрации в раю, души Шишова и Аршинова должны были встретиться, чтобы или навечно разбрестись по дальним урочищам райских кущ, или, простили обиды, никогда больше не разлучаться. Давным-давно яблоком раздора между одноклассниками стала Надежда Румянцева, в последствии Шишова. За нее, обоими любимую, не раз дрались парни. Если Мишка норовил «заехать» в глаз Митюхе (не заглядывайся - не твоя!), то Митюха обязательно кровенил Мишке губы (не лезь целовать - не твоя!).

Со смертью профессора Шишова осиротел единственный внук, аспирант Егор Шишов, в иностранных академиях пролили траурную слезу, в курируемой им Эфиопии император съел восемнадцатую женщину. Молодой человек получил скорбную весть, находясь в Канаде. Естественно, он не мог кинуть горсть земли на гроб деда. Побыв в одиночестве среди крестов, памятников и могильных плит на русском кладбище, поклялся выполнить последнюю просьбу деда: отдать недругу юности дневники с воспоминаниями о предвоенной жизни, трактат о причи-

нах поражения Антиоха III Великого в Сирийской войне, изложение взглядов ученого на классовый антагонизм...

Смерть колхозника Аршинова болью отзывалась в сердцах людей старшего поколения.

Прошел месяц.

В кандидатской диссертации Егора Шишова наметился сдвиг от основной темы. Научный руководитель Шишова предложил внести в разработку "Торкретирование железнодорожных конструкций с помощью спектральных полей" ряд существенных поправок, а сам подался в кооператив "АНТ", в последствии обанкротившийся на продаже оружия за границу. Изнемогая от тяжкой усталости, сорвал аспирант Шишов оковы обязанности к библиотечной пыли и городской жаре, решил будним днем утолить жажду одиночеством среди прелестных пейзажей.

В деревне Заздравной объявился молодой человек огромного роста. Немного сутулый; у него был крупный нос, высокие скулы, глаза навыкате. Казалось, этот похожий на усталого бурлака человек ко всему относится с безразличием, даже когда говорит, смотрит куда-то в сторону и вниз. Равнодушные холодные глаза говорили о тлетворном влиянии Запада; по волосам поползли слухи, мол, внук Митюхи Шишонка скоро получит Нобелевскую премию, а деньги отдаст на восстановление порушенной коммунистами церкви. Поселился парень у строителя Сабурова, племянника бабки Надежды. Первые три дня он бродил неприкаянным по наволокам, близким лесам, точно снимал с земли и травы отпечатки босых ног деда; на четвертый - принёс соседу Сабурова, любителю-пчеляку, рой пчел. Как привился рой на еловую лапу, так и принес его, водой обрызганный, на лапе.

- И не накусали? - удивился сосед-пчеляк.

- Я к ним с вопросом: «Кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть?» - пока думали, и были таков, - ответил молодой Шишов, от чего у пасечника отвисла нижняя челюсть: «Да-а, башковитые эти Шишонки...».

Выполнить завет деда не представилось возможности: адресат переселился в загробный мир.

Однажды...

Нет, погодите. Подать мороженое вперёд щёй, всё равно как спросить жену, износила ли она подаренные чулки. Как уже отмечалось, смерть колхозника Аршинова отозвалась в сердцах людей сталинского поколения. Это был поистине бык, покорно тащивший колхозный воз, слабо реагируя на эксперименты, производимые с сельским хозяйством. Он будто не замечал смеяющихся хлопотливых ездоков, отсутствие смазки в колесах, помочь других быков, испоганенной дороги. С тех пор, как молодому теляти спустили лишнюю кровь (после «исправления» в своем плену ходил к прокурору просить выправить паспорт, и за такую наглость схлопотал год тюрьмы), он крепко усвоил: клок сена надо заработать. Неважно, сколько за труд начисляли копеек, в какую дыру не совали - пахал до седьмого поту.

Мало, очень мало осталось в колхозе простецких, зла не помнящих мужиков. Тepерешнее семя хитроватое, стрессовое, ты его в постремки, а он обратно в избу к телевизору. Михаил Михайлович Аршинов оставил после себя достойную поросль: три сына, пять внуков и одна孙女. Внучка Галя к двадцати годам была красавица на загляденье. Она легко одолела десятилетку, и тут задумалась: в институт или под коров? Полушария мозга не могли столковаться. Скорее всего, виной - разбалансированная экономика и хамское отношение к интеллигенции. В добрые старые времена было проще: при достижении шестнадцати лет дочь колхозника автономно считалась колхозницей. Ей не грозила беда потерять паспорт (колхознику паспорт не полагалось иметь), не пугали городские шалманы, отсутствовала погоня за модой. Ограниченнные возможности, колхозный клуб, библиотека, свадьбы да поминки: мир хлопот начинался со ступенек родного крыльца и заканчивался на родном погосте. Теперь же пошёл перекос с детских лет: сидит парнишка на горшке, а в голове потребительское свободомыслie:

- Дайте шоколадку, или замажу штанишки какой.

О, времена! О, нравы!

- Иди в контору, - сказала мать, женщина строгая и к воспитанию детей прилежная. - Столов там много, и тебе найдется...

В конторе колхоза "Заздравное" столов пять или шесть занимали счетные работники, два - экономисты, три - агрономы, три - зоотехники, нормировщик, лаборанты; в келье, похожей на собачью конуру, дремала кассир, бедным родственником у самого входа стоял столик единственного мужчины адмоаппарата - строителя Сабурова. Весь остальной штат, включая председателя колхоза, председателя профкома, секретаря парткома, троих кладовщиков и двоих ветеринаров - женщины. Инженерные маги откололись от матриархата, в ремонтной мастерской у них было свое монастырское подворье. Новому работнику нашёлся краешек стола, отчего уборщица стала браниться: не проползти со шваброй. Определились со штатной единицей - секретарь - машинистка.

Галя быстро научилась щелкать на машинке "Москва", стала почитывать литературу о вычислительных машинах. Секретарь парткома завалила девушки перепечаткою её докладов, протоколов партийных собраний, анализами и проектами. К моменту нашего рассказа Галя занимала выгодную строчку невесты с хорошим заработком. Дальновидный председатель в юбке заручилась ее обещанием поступить на заочное отделение института. Колхоз содержал ветеринарную амбулаторию и спецмашину при ней, главврач часто подвергался испытаниям Бахуса. Ветврач настолько проспиртовался, что ленился мазать спиртом кожу животных при инъекциях. Он плевал на пальцы, продерживал через слону иглу, и на том кончалась всякая стерильность. В перспективе - этого врача надлежало с почестями отправить на пенсию.

Колхозная контора - кузня погоды и информбюро. Каждый день с восьми часов и до пяти вечера она похожа на муравейник, то приготавлившийся к дождю, то праздно млеющий под негой светила. Рабочий день начинался с чая, легкого обмена семенными новостями, наведением художественных причёсок. С десяти до одиннадцати - надувание губ, расследование авторов слухов и сплетен. Около обеда - мировая. С двух до трех - обработка поступков и распоряжений председателя колхоза, идеологическая подпитка парторгом, сбор новостей. Дальше чай, рабо-

та с документами и в пять, с красными лицами, утомленные, все дружно хлопали парадной дверью.

Вам не понятен термин "надувание губ"? Пожалуйста: это придиличное, расходившееся тесто, опарой которого являются такие обидчивые вопросы: "А ты видела? А ты слышала? А ты чего делала? А я он чего говорил?". Мировая - штыки в землю ,на носу у кого - то скоро день рождения. Все женщины - дочери Евы. Кое - что, конечно, они писали и подсчитывали между делами.

Галя сидела на табурете за своей частью стола. Когда входили в контору колхозники, аппаратчики, как по команде, деловито зарывали носы в бумаги, пальчики Гали дружно отбивали дробь на партийном барабане.

Молодые парни глаз не сводили с машинистки. Дело в том, что Галя не любила танцы, концерты, эстрадную музыку, вообще считалась запечной девой. Выманить её считать звезды или слушать перестук звонкого дождя - и не подходите, и не зовите.

Сегодня женщины мыли кости строителю Сабурову. По неясным причинам строителя не оказалось на службе. Этот старый мерин, вечно воняющий перегаром, не подал вчера главному бухгалтеру отчет о движении стройматериалов. Главбух мешала громы и молнии, её заместитель предлагала выгнать бездельника; змеей шипела кассир в своей клетке. Общий гнев передался на председателя.

- Галя, бери моего кучера и найди этого прохвоста, - распорядилась председатель.

Председательский кучер не сразу повернул ключ в замке зажигания. Он слегка выговорился по поводу председательши, в конец заездившей его, усомнился в целесообразности розысков строителя, сорвал злость на близко подкатившим к УАЗику юному велосипедисту.

- Пора вам мылить шею, Иван Иванович, - сказала Галя.

От этих слов и без того короткая красная шея шофёра набухла кровью. Иван Иванович нахохлился, сверкнул глубоко спрятанными зрачками.

- Бабье проклятое! - сказал сквозь зубы.

... Егор Шишов никогда не был робок с женщинами. Не горяч, не опрометчив, не пылкий поклонник дам. Тех, кто миんだльничал с ними, испытывал даже магнетическое влечение души, он не понимал или не хотел понять. Он не слыл впечатлительным, готовым на безумие ради избранницы, не любовался прелестными созданиями, поухаживав на скорую руку, брал, что ему нужно и охладевал. Женщины не были для него желанны, он ценил в слабом поле достоинство и кротость, подчинение, умение хорошо готовить пищу. Он не искал на лицах женщин непостижимых тайн, и красивые, и некрасивые, - здоровые и не чопорные, молодые и не ханжи - попользовал и отвалил.

На легкий стук в дверь, Егор отложил журнал, встал с дивана. Вошла стройная девушка с лицом нежным и чистым, увидев застывшего среди комнаты высокого незнакомца, о котором полно разговоров, вспыхнула.

- Степан Ильич дома?

- Я за него, - ответил Егор, упирая глаза в пухлую розу губ.

Гая подозрительно прищурила глаза, несколько смущилась.

- Я серьезно. Некогда.

- Я - сама серьезность. Так что изволит моя очаровательная соблазнительница? Если я преложу сегодня вечером встретиться у лодок?

Гая была ошеломлена. На какое - то время она будто онемела, и была не в силах сделать ни одного движения. Эти наглые глаза, кислое лицо, уличная бесцеремонность (а по слухам умом переплюнул деда!) подвергли сомнению деревенские рассказы.

- Чего-о? Не ходко ли запрягаешь, соблазнитель? Кому ты нужен, вышка на ходулях! - парировала девушка.

Она не возмутилась, она это сказала с таким безупречным спокойствием, точно готова была к ответу.

Это был удар ниже пояса. «Вышкой на ходулях» его дразнили в детстве дворовые пацаны, а тут совсем незнакомая девчонка не оставила безнаказанной дерзкую выходку, «погладила по шерстке». Но он стойко выдержал удар, от стыда не сгорел за совершенную бесактность.

- Неплохо! Очень даже неплохо! И как же вас зовут, храбрая

амазонка? - Егор изобразил на своем лице простодушнейшую улыбку.

- Зовут зовуткой, величают уткой. Где Степан Ильич?

- Иду-у, -из чулана послышался недовольный голос строителя Сабурова. - Леший разорвёт...

Степан Ильич, прихрамывая, вышел к молодым людям с опухшим лицом и полотенцем на голове. Из-под закосматившихся бровей угрюмо смотрят глаза, в них читается какая-то неутолимая тоска. Пестрая рубаха застегнута на единственную пуговицу около пупка.

- Отчитываться папа римский будет? - строго спросила Галя.

- Отчет, отчет... Что за народ проклятый! Разорвало всю контору, да?

- И чего впустую ныть? Делу время, а потехе час.

- Она правильно говорит, - поддакнул Егор Шишов. - Так царь Алексей Михайлович поучал: «Ратного строя николиже забывайте: делу время и потехе час».

- Скажи... Скажи - «иду-у»!

Галя пошла из избы; как было сказано, Егор Шишов в обращении с женщинами предпочитал натиск цветам. Он попытался бесцеремонно силой задержать Галю, но та оттолкнула его, щеки её залились румянцем: «Какой наглый идиот!»

- Да ты... Чучело огородное.

Прелесть женских форм, колдовские чары, грации свели с ума миллионы рыцарей и обалдуев. Девушка была красивой, умной, идеалом мечтаний, но... Грубой, закомплексованной. Смешанное чувство почтенья, восхищения и любопытства. А как оглядела с головы до ног, с каким безразличием, точно столяр - гробовщик мерку сняла - вот это-то и восхитило, и потрясло Егора должно быть первый раз в жизни.

- Ты с ней того, - Степан Ильич кинул полотенце на стул, снял рубаху. - Накостылияет. Это Галька Аршинова. - Полез в шкаф, ругает жену. - Замнёт всякий раз... Дед у неё был работяга-а. А порой брызнет кулаком в морду, иди, жалуйся... Одену эту. Перебор вчера вышел с закарпатцами. Еще ногу подвернул, ступить не могу...

На вечеру Егор Шишов пришел к лодкам. Было их в одном месте восемь штук, три - докнивали на берегу, а пять - цепями привязаны к толстенной осине, источенной короедами и жуками. День кончался. Солнце играло в поддавки с облаками; казалось, художник на короткий миг тронут отчаянным призывом сердца сохранить некое озарение, но миг проходит, сердце пленяет грусть, повергает в уныние, и он несколькими мазками прячет сокровенное до лучших времен. Егор бесцельно ходил по песчаной косе, поднял несколько раковин.

Он пребывал в угнетенном настроении.

Когда-то давно дед его, должно быть, так же стоял на этом месте и... «А что дед чувствовал, о чем переживал, о чем загадывал? Он обязательно должен был чувствовать в себе потребность к анализу. Это вера. Это гармония природы. Да-а, а сегодня... Сегодня я был полным идиотом, - на губах Егора застыла печальная улыбка. - Как она меня колыхнула!? Он стал осваиваться с чувством, сильно его взволновавшим. Внучка соперника моего деда! Какое-то захватывающее путешествие во времени или ... веление Судеб?».

Егор как будто очнулся, но мысли его блуждали непонятно где. Воображение нарисовало спрятавшихся за облаками образы деда и Михаила Михайловича Аршинова; один с одного боку подсматривал за ним, а другой - с противоположной. И лицо у этого Михаила Михайловича Аршинова точь - в- точь, как у внучки. Он стал пристальнее вглядываться в небеса, поймал себя на мысли, что внучка Михаила Михайловича Аршинова отбирает у него смелость. И ему даже приятно от этого, ему хочется подчиниться ей. Ведь срезала, грубостью срезала его за хамство! «Зайду в реку и приму её веру. Веру предков моих. И сгорю как мотылек в пламени безумия. Дед, ты слышишь меня? Обещаю начать новую жизнь. Брошу науку, брошу... Все брошу, остаюсь в колхозе, и буду вкалывать на тракторе. Знаю, не одобряешь. Между нами было много серьезных и долгих разговоров, ты все учил меня, учил, а я вырос таким...».

Тем временем ночь отобрала у дня свет, пора было идти на ночлег, а он продолжал полемику с дедом. Вернее назвать это

было вовсе не полемикой, а размышлениями о странных и не всегда понятных положениях. Сегодня он оказался безоружным сам перед собой; результаты самоедства только пуще разжигали в нем злость на самого себя. Он спрашивал деда, спрашивал себя: почему в нем оказалось много изъянов? Вроде утонченный ум, взыскательный к малейшим недостаткам, культурный и начитанный, ценит все прекрасное, преуспевающий в науке, а такой хамоватый, невезучий в любви? Что это - каприз судьбы? Слепое подчинение прихоти?

А дед почти все время молчал и если говорил, то угрюмо, с видимым усилием. Таким он был последние три года. «Все заблуждаемся, - часто повторялся дед. - Заблуждаемся до безумия. Самонадеян ты, Егор, а это - одиночество. Велика лестница жизни, но лестница состоит из ступенек». Будничный непокойный деревенский мир, почти девственные светлые леса, говорливая река, общительные люди - все исполнено любознательностью для городского жителя. Разве мог дух деда потерять свою субстанцию, свою самую большую для него родину? В деревне все пронизано ощущением жизни и радости, а дуновение с небес, это послание предков. С самой высокой ступеньки лестницы.

Что же делала в этот час Гая Аршинова? А лежала на кровати. Шла сто тридцать первая серия «Санты Барбары». «Прясл! Соблазнительницу нашёл! Сейчас, на шею ему брошусь. Ученый еще! Все вы, Шишонки, такие нахрапистые». Гая невнимательно смотрела надоевшую мыльную оперу. Она старалась не думать о Егоре Шишове, но сознание причиненной обиды (её еще никто не пытался лапать, тем паче лапать в присутствии людей) не покидало её.

Разболелась нога у строителя Сабурова. Председательша колхоза вошла в понимание, велела дома ногу лечить; день в сennой трухе парит, а жена зудит:

- Люди -то косят да косят, у тебя вечно - когда ехать, тогда и телегу ладить.

- Отвяжись -ко, женка, - неохотно отвечал Степан Ильич.

Охота женщине впрячь в работу гостя городского, эдакой силищи молодой молодец, да он бы сена выметал не один за-

На вечеру Егор Шишов пришел к лодкам. Было их в одном месте восемь штук, три - докнивали на берегу, а пять - цепями привязаны к толстенной осине, источенной короедами и жуками. День кончался. Солнце играло в поддавки с облаками; казалось, художник на короткий миг тронут отчаянным призывом сердца сохранить некое озарение, но миг проходит, сердце пленяет грусть, повергает в уныние, и он несколькими мазками прячет сокровенное до лучших времен. Егор бесцельно ходил по песчаной косе, поднял несколько раковин.

Он пребывал в угнетенном настроении.

Когда-то давно дед его, должно быть, так же стоял на этом месте и... «А что дед чувствовал, о чем переживал, о чем загадывал? Он обязательно должен был чувствовать в себе потребность к анализу. Это вера. Это гармония природы. Да-а, а сегодня... Сегодня я был полным идиотом, - на губах Егора застыла печальная улыбка. - Как она меня колыхнула! Он стал осваиваться с чувством, сильно его взъярившим. Внучка соперника моего деда! Какое-то захватывающее путешествие во времени или ... веление Судеб?».

Егор как будто очнулся, но мысли его блуждали непонятно где. Воображение нарисовало спрятавшихся за облаками образы деда и Михаила Михайловича Аршинова; один с одного боку подсматривал за ним, а другой - с противоположной. И лицо у этого Михаила Михайловича Аршинова точь - в - точь, как у внучки. Он стал пристальнее вглядываться в небеса, поймал себя на мысли, что внучка Михаила Михайловича Аршинова отбирает у него смелость. И ему даже приятно от этого, ему хочется подчиниться ей. Ведь срезала, грубостью срезала его за хамство! «Зайду в реку и приму её веру. Веру предков моих. И сгорю как мотылек в пламени безумия. Дед, ты слышишь меня? Обещаю начать новую жизнь. Брошу науку, брошу... Все брошу, остаюсь в колхозе, и буду вкалывать на тракторе. Знаю, не одобряешь. Между нами было много серьезных и долгих разговоров, ты все учил меня, учил, а я вырос таким...».

Тем временем ночь отобрала у дня свет, пора было идти на ночлег, а он продолжал полемику с дедом. Вернее назвать это

было вовсе не полемикой, а размышлениями о странных и не всегда понятных положениях. Сегодня он оказался безоружным сам перед собой; результаты самоедства только пуще разжигали в нем злость на самого себя. Он спрашивал деда, спрашивал себя: почему в нем оказалось много изъянов? Вроде утонченный ум, взыскательный к малейшим недостаткам, культурный и начитанный, ценит все прекрасное, преуспевающий в науке, а такой хамоватый, невезучий в любви? Что это - каприз судьбы? Слепое подчинение прихоти?

А дед почти все время молчал и если говорил, то угрюмо, с видимым усилием. Таким он был последние три года. «Все заблуждаемся, - часто повторялся дед. - Заблуждаемся до безумия. Самонадеян ты, Егор, а это - одиночество. Велика лестница жизни, но лестница состоит из ступенек». Будничный непокойный деревенский мир, почти девственные светлые леса, говорливая река, общительные люди - все исполнено любознательностью для городского жителя. Разве мог дух деда потерять свою субстанцию, свою самую большую для него родину? В деревне все пронизано ощущением жизни и радости, а дуновение с небес, это послание предков. С самой высокой ступеньки лестницы.

Что же делала в этот час Галя Аршинова? А лежала на кровати. Шла сто тридцать первая серия «Санты Барбары». «Прясл! Соблазнительницу нашёл! Сейчас, на шею ему брошусь. Ученый еще! Все вы, Шишонки, такие нахрапистые». Галя невнимательно смотрела надоевшую мыльную оперу. Она старалась не думать о Егоре Шишове, но сознание причиненной обиды (её еще никто не пытался лапать, тем паче лапать в присутствии людей) не покидало её.

Разболелась нога у строителя Сабурова. Председательша колхоза вошла в понимание, велела дома ногу лечить; день в сенной трухе парит, а жена зудит:

- Люди -то косят да косят, у тебя вечно - когда ехать, тогда и телегу ладить.

- Отвяжись -ко, женка, - неохотно отвечал Степан Ильич.

Охота женщине впрячь в работу гостя городского, эдакой силищи молодой молодец, да он бы сена выметал не один за-

род, только знай подхваливай. Потому и бросает на мужа косые взгляды, дескать, сам не шьешь - не порешь, и возможность хорошее сено выставить упустишь. Что он тебе год жить будет? Накупается в реке, по лесу набродится - и поминай как звали. В ее словах было столько правоты, что Степан Ильич чувствовал себя неловко. Деревню обняла страда, она заставила множество разных и противоположных миров маленьского человеческого общества мыслить одинаково, двигаться быстрее, думать спорее и даже торжественнее, и хлопотать с заботой не только о своем клочке сена, сколько об общем стоге. Никогда не свободен мужик. Он как муха, привязанная на нитку: жужжит и летает около своего дома, огородца, поля, а нитка все крепче год от года. Стал Степан Ильич косу насаживать, косовище испортил, кинул в сердцах в крапиву, долго сидел молча на скамейке у стены. В глазах навечно прописалась все та же неутолимая тоска.

Помолодел день. Егор сходил за водой на речку, ополоснулся, и теперь старался думать о том, как он будет жить иначе, с чего начнет, так сказать, исправление. До сих пор он делился мыслями только с дедом; размышления шли вяло. И те мысли, что посетили его в этот час, путались, выпадали, как из дурного набора. Было забавно от услышанного обращения Степана Ильича к супруге: «женка». «Угловатое обращение. И подмаргивал».

- Пособи, - говорит Степан Ильич, - сковылять да Елены.

Пробовали рядом идти - не получается: голова Степана Ильича подмышку упирается Егору. Посадил Егор родственника на закорки и понес.

Елена Аршинова - костоправ известный. Для нее не существует чужой боли, она её на себя переводит. Раз воз льнотресты клали, пьяный тракторист не посигналил, подал трактор. И упала Елена с самого верху на голую землю. Долго в больнице лежала, всё нутро отшибла. Смерть загадывала: как с возу летела - непомнит, а как звездой человеческой, свет сеющей полетит - видела. От самой земли след красный начинаться будет, чем выше по небесному морю, тем гуще и ярче след разгорится, облака округлогрудые раздвинет, а как достигнет таких высот, с которых земля еле видна станет, так заснёт, и будет плыть

в великой любви. Не будет ей преграды, никакого знака не будет, а в сознание будет заветное желание: люди, дорожите жизнью! Мало людей в чудеса верит. После пережитой беды что-то случилось с Еленой, будто солнце огненное заглянуло в её сердце и одарило силой врачевания.

Они застали Галю за столом. Девушка торопилась на работу. Увидев мужчин, она покраснела до самых плеч, белевших в вырезе платья, ниже склонилась к столу и едва не выбежала прочь. Мать поняла состояние дочери, велела мужчинам покурить пока на крыльце.

- Притащился, - сдерживая волнение, сказала Галя.

- Вон он какой... Не в дедка. Пряслы, Господи, под матицу. Дедко у него небольшой был ростом, кряжистый, - сказала мать.

- Говорят, жесткий был.

- И этот... Выпучил глазищи -то.

- Не давись, успеешь.

- Притащился... Пусть бы смотрел, назло бы с час проела.

Мать рассмеялась, прижала голову дочери к своей груди

- Какая ты у меня... А вот возьмет да украдет тебя этот Шишонок, а?

- Мама! Ты никогда, никогда... слышишь.

Встали кости на место в покалеченной ноге Степана Ильича. Наложила Елена тугую повязку - на повязку пошел её шерстяной платок, велела Егору на спине нести Степана Ильича, чтоб «не намять воспалившуюся холку».

- Нет худа без добра, Степан. Смотри ты, как короля тебя на горбу через всю деревню носят, - низким голосом рассмеялась Елена.

Обращалась к Степану Ильичу, а сама как бы равнодушно и вяло разглядывала застывшего рядом Егора. Еще будучи малолетней, несколько раз видела Матвея Созоновича Шишова; нет, этот чужой и далекий, и нет ничего общего деда с внуком. Такой нескладный, такой смешной... Егору неловко. Подсознательно чувствует, что его изучают; было и загадочно ново, и хотелось предстать на своеобразных смотринах с самой выигрышной стороны. В открытое окно лился воздух, замешанный на нектаре

спелых трав, по деревне шли на сенокос люди и смеялись, и туда - сюда мелькали кошачьи глаза настенных часов - ходиков.

- Правда, что у нас церковь поднимать станут? - спросила Елена Аршинова Егора.

Егор пожал плечами, недоуменно покосился на Степана Ильича: откуда такие слухи? Словно не осознавая неловкости своего положения, глянул в наивные глаза женщины глубоко и спокойно, и как-то повелительно ответил:

- Нет.

- А жаль. Начать бы, а там всем миром, глядишь, и подняли бы.

Ближе к вечеру Степан Ильич говорит Егору:

- Учись -ко, Егор, крестьянствовать, под старость кусок хлеба. Надо бы Аршиновым помочь с сенокосом. Баба вдовая, но честная. Очень хорошая баба. Нашел бы ты такого Ивановича, жирный такой шофер председательский, да столковался с ним наволок у них подшибить. У него свой трактор и косилка своя, делов-то - начать да кончить. Глядишь и в честь войдешь, а?

- Что ж, резон есть, - деловито ответил Егор. - Как я покос ихний найду?

- Да он сам найдет, не первый год замужем. Вот сторговаться... Скряга Ванюха. Выпить не дурак, но на чужие. Ты на реку с подзорной трубой ходишь. Отдай ему.

- Степан Ильич, эта трубу мне подарил в Канаде потомок русских князей Тороховых. Сами посудите...

Степан Ильич многозначительно посмотрел на Егора.

- Девка у Аршиновых дорогого стоит.

- Без меня женили, я по рыжики ходил, - засмеялся Егор. - Дед, бывало, пел под настроение. На гармошке играл - медведь на ухо наступил, а пел озорно.

Наволок Иван Иванович выкосил ближе к полночи. Подзорную трубу за работу он принял неохотно. Кабы, сказал томным, даже болезненным голосом, по - видимому уже сразу забыв о трубе, миноискателем расстараться, я бы без всяких разговоров... мог бы (поглядел по сторонам и щепнул) готовых тюков

сена штук пять ночью катнуть в огород. Вон их сколько на поле лежит, кто считал.

- За рекой хутор богатый был, похерили его большаки в тридцатом году. Так, сказывают, дом самого богатого мужика сгорел. Еще до раскулачивания. И будто бы было две доли золота. Брата да сестры. После пожара долю сестры нашли погорельцы, и снова дом закатали на те деньги, а доля брата... понял?

Ночью перечитывал дневник деда. И было немного стыдно: хвалился дед знатно. Он редко оказывался вровень с Мишкой, превосходил того в силе, в усвоение уроков, был ловок во всем. Стоило Митюхе Шишонку растянуть меха гармошки, как девки валом валили спеть да сплясать. По-видимому, молодой Матвей Созонтович был лишен честолюбия. На людях, как правило, пренебрегал Мишкой Аршиновым, никогда «первым не затевал ссоры и только давал сдачу», во всем старался поучать «худоумного» Мишку жить. «А хороша же эта Гая Аршина, дед! Чертовски хороша! Хороша да не моя. Жаль!» - закрыл толстую тетрадь и пошел прогуляться.

Два дня прошло, с неба не капнуло. Степан Ильич подкосил свой наволок. Ну, говорит Егору, сначала Елене пособим сено выставить, потом свое подоспеет.

- Я так заключаю Егор, что в глубине души ты рад бы с девкой ихней поближе сойтись, или боишься её, или с какого краю ухватиться не знаешь. Ты городской, ученый, а она что - деревня. Или с душой своей не в согласии живёшь, или другая края в Канаде осталась?

«Сват тоже мне, - эта мысль почему-то больно подействовала на самолюбие Егора; в его глазах Степан Ильич из добряка превратился в балаболку. - Погоняет, будто сам не разберусь».

Медленно росла любовь Егора. Степан Ильич старался все время сделать так, чтобы молодые люди вместе загребали сено, вместе обнашивали его к зароду, а Егор намеренно отходил в сторону, на приглашение «позалоговать» отказался и лежал в стороне на свежем сене, смотрел в небо и кусал травинку. Вот его дед пытался открыть для себя радостный смысл, что есть в жизни, падал и поднимался, разгадал или ушел в глубокую бес-

предельность непонимающий? «А была ли в твоей жизни сумасшедшая от любви женщина, гордая и счастливая? Только врать, дед, не надо. И в моей не было. А хотелось бы... Несчастный я человек. Жил я жил, себя не казнил, а теперь вот сам сатана не иначе пожелал искусить меня. Еще ты со своими откровениями. Хотя какое искушение? Блажь. Разгоряченное воображение. А если не блажь, если хочется мне, дед, любовь познать? Ведь могу же я принять эту чистую девушку как не землей рожденную? Могу. Я спрячу за обширность этого понятия много слов, которые скажу потом. Сейчас я томим одним желанием: пусть она хоть на минуту захлебнется душевным волнением, улыбнется мне своим сладостным ртом... Пока хватит. В общем, все выглядит благополучно, даже прекрасно. Степан Ильич постарался на славу, а я - прошлый раз дурак, сегодня - индюк. Но ведь она совсем меня не знает! - и до самого дна колыхнулась душа: - она меня полюбит!»

- Он всегда такой нелюдим? - тихо спросила Елена Степана Ильича.

- Может, какая идея прикачнула, мало ли...

- Гляжу в окошко: лучики ярь протыкают небесную. Все думы - то как с сеном убардовать, какой сон. Гля, он идет. Встал столбом против наших окон, руки в карманах, и стоит. Мне, Степан, не по себе стало. Долго-о стоял. Потом засвистел тихонько и пошел.

- Знать свою весну еще не засвистел.

- Ветерок похаживает... Гляя, на зароде постоишь? - обернулась к дочери.

- Мам, настою худо, потом ругать станешь. Да и форма...

- А ведь говорила, не раз повторила, что штаны возьми! Чего не загораешь - то? Стесняешься?

- Вот еще!

Гляя, будто назло матери, скинула легкое синенькое платье, осталась в одном купальнике, и пошла загребать сено.

- Ох, и аппетитная у тебя девка, Елена! Аж, дрожь...

- Не умри хоть, то и зарод не вымечем. Гля, родня -то твоя... ожил.

Заторопились. Широкая туча медленно выползала из - за зубчатой лесной гряды. Спокойным, переливающимся гулом туча поприветствовала людей.

- Эх, не домечем!... Доча, собирай кучнее! Не носи сама, наваливай, наваливай Егору-то! - закричала сверху зарода Елена.

Тут и пришел час Егора Шишова! На вилы берет - худой лошаденке не утащить, да все бегом, да с энтузиазмом, на какой был в тот миг способен. Он чувствовал, он знал, он видел: Галя восхищается им! Глаза её, полные блеска, смеялись, и вся казалась богиней - так дивно прекрасна собой. Замрет на миг, всматриваясь в тучу, и устыдится своей наготы; сбегала к оставленной на меже сумке с едой, надернула платье. Причудлива природа любви, как много она зависит от внешних условий. Туча послужила добрую службу.

Когда над сенокосом ядовито прошипела первая молния, Елена спускалась с зарода. Степан Ильич и тут намеренно кликнул Егора, мол, принимай, а то как да не удержу. И Елена будто ждала этого, без приберегу упала на руки Егора. На ноги встала, сарафан закатавшийся оправляет, виновато улыбается в потоке умирающего солнца:

- Чужое выставил, Степан, а свое замочил.

- Кто смочит, тот и высушит. Авось пронесет мимо.

- Дай Бог, дай Бог!

Спит и не спит Елена; усталая. Сидит на кровати, в окно на улицу смотрит. За окном - белая ночь. Большой зародище сена наметали - довольна душенька, у Степана сено замокло - жаль. Представляет, как раздосадованная «женка» готова с живого мужа кожу содрать. Ревнует она Степана к ней, ей бы только к чему- нибудь прицепиться. Один раз при всем народе закричала на Степана: «Так иди к ней! Иди да и живи! Я ведь старуха, тебе на ночь двух молодух мало!». Некоторое время, после насокков жены Степана, места себе не находила, всего стала бояться. Ей стало казаться, что Степанова жена улучит момент, или дом подпалит, или её отправит. Или корове сунет в хлебом какую заразу...

Однажды разрыдалась у своей бани; был поздний вечер, Гали

дома не было, и стесняться было не кого. Судорожные рыдания её как бы отдельными взрывами, то замирая, то усиливаясь, будили безмолвную деревню. Много невысказанного накопилось, вдовья лямка соленая. Немного успокоилась, слезы вытерла, подняла склоненную на руки голову, и отчаянно вскрикнула: стоит Степан в нескольких шагах, и устремил на неё неподвижный взгляд. «Скажи, - сказал, - приволоку вражину и заставлю прощения просить». «Шальной мы народ, бабы. Ой, шальной. Вдвоем остались, и сын своей семьей, и дочь своей. Живи бы теперь да радуйся, в заботе друг о друге пребывай, а она каприз строит. Не мужик, золото, а цены этому золоту не ведает. Пятьдесят Степану в Ильин день... Боже ты мой, пятьдесят уж!».

По средине деревенской дороги идет, заложив руки за спину, Егор. Свернул к Аршиновым и стоит, сутулясь, на дом смотрит. Елена подалась к самой раме. «На свидание пришел... а доча спит. Будет свистеть или нет? Лучше бы посвистел. Соловьев. Любила я слушать, как Игорь свистел. Не плыть бы тебе, Игорь, пьяному тогда за реку...». В горнице скрипнули половицы, потом отворилась оконная рама. Как встрепенулся Егор, как бросился под самую стену!

Шепот. Сердце Елены тревожно забилось. Она прислушивалась, пугаясь своих мыслей: ну, как да ПУСТИТ дочь Егора? Она прислушивалась к ударам собственного ускоренного пульса. Напряжение становилось невыносимым. Рама растворилась шире - петельки ржавые, и сама рама покосилась немного от времени. «Пустила-а, эх...». Опустила голову Елена, обидно стало за дочь. Заплакала. Поднимала, заботилась, и получай, мать, подарочек.

«Что же ты, Галюшка, делаешь? Где же гордость твоя девичья? Подняла голову - срединой улицы несет на руках Егор её доченьку! Святая Богородица! Так -то лучше, - облегченно вздохнула, слезы отерла, лбом к стеклу прижалась. - Не урони. Прижмись к нему, дочка, ухватись за шею и не отпускайся до самого последнего вздоха. Так -то лучше... Не посвистел - в двадцать шесть свистят редко».

День жаркой погоды - подоспел сенокос у Сабуровых. Женка Степана Ильича выкидала из подвала грабли да вилы, встала к

углу избы, глаза в землю уронила. Спросил что-то муж - вспыхнула лицом, глаза беспокойно забегали по граблям да вилам. Еще спросил - загорелась лицом, начала хватать грабли да вилы и кидать их без приберегу обратно в подвал. Злая улыбка пробежала по губам и искривила их: повернулась к мужу, закричала:

- Да пропади оно все пропадом! И хозяйство, и корова, и все пропади!

Ушла за избу.

Степан Ильич с отчаянием покачал головой, стал доставать из подвала инвентарь.

- Потопали, - говорит Егору. - Елена обещалась, упарим. Ничего-о, не первый раз, перемелется. Такое с бабами бывает, когда работа за работу берёт, роздыху не дает.

Не проскакался Егор, что и Галя обещалась прибежать помочь. «Ужо мамка наша в банк уедет, вся контора и разлиняет по своим сенокосам». Отдал он Гале дневники своего деда.

Приносит почтальон Егору срочную телеграмму. Надо немедленно ехать снова в Канаду. Торопит декан университета. Попросил Степана Ильича уговорить председательского шофера свезти его на станцию, а сам поспешил к Аршиновым. Встречает его на крыльце Елена. Нет, говорит, Гали. Видно до подружки ушла в другую деревню. Недоумевает Егор: полчаса назад Галя шла от реки с бельем, какая подружка? Чует обман в словах Елены. И пустой, ничего не выражавший взгляд, свойственный ему прежде угрюмый нрав, прокладывают обратный и расстрапанный след по раненому сердцу, крушат хрупкие этажи неокрепшей любви, питающие причудливую природу сжигающего влечения. Чувство собственного достоинства способствуют тому, что он испытывает враждебность к Елене. И чувствует как бы освобождение от принятого перед дедом обещания. Потоптался, сдерживая рвущееся наружу бешенство, на окна посмотрел, идет деревней обратно, затылком чувствует, что люди шепчутся про него, знают то, чего не знает он.

Дорогой Иван Иванович настойчиво просил «присмотреть» миноискатель. Пусть никому не нужный, ржавый, лишь бы «золотишко» нашел на хуторе.

Билет на поезд купил, сидит на широкой вокзальной скамье. Обидно. Вроде все ладно у них с Галей складывалось; он был с ней любезен, что ни день, то все любезнее. Если по инерции говорил что-то, на его взгляд, нехорошее, тут же поправлялся: «Извини, пожалуйста». Даже самому было приятно, и вызывало мысль о том, что быть приятным очень даже выгодно для мужчины. Не стремился увенчать встречи успехом, придумал себе непрятязательную сдержанность и радовался, что девушка привязывается к нему. Правда целоваться была категорически против, и говорила мало, выспрашивала про Канаду, а вот купалась с азартом. Сидели рядышком и, прижавшись друг к другу, рассеянно смотрели на реку. Гая вспоминала, как дружила с девочками в школе, а теперь почти все девочки разъехались. «Закинет руки за голову, потянется, и, извиваясь всем телом и выставляя вперед груди, мечтательно скажет: «Пожить бы на юге... печь топить не надо, дрова не надо, с дивана не сошла бы».

Белобрысый милиционер позвал Егора пройти в дежурную комнату милиции. Екнуло под сердцем: за что берут? Подает ему милиционер телефонную трубку.

- Недолго.

Приложил трубку к уху, гадает, кто его вычислил на далекой железнодорожной станции.

- Слушаю. Шишов.

- Твой дед был хвастун, наглый и презренный пошляк! Да мой дед! Мой дед под Воронежем остался в живых один от роты, но никогда, слышишь, никогда не трепал языком на каждом углу, как он храбро воевал. Он делал свое дело! А твой... Твой голода не знал, фронта не видал, баxвал! Негритянками толстогубыми не брезговал, какой ужас! Распутник! Чем гордится твой дед? Или он хотел даже перед смертью доказать моему деду, как преуспел в жизни, а ты, Мишка Аршин, был недотепой, недотепой и остался? Удивил Сирийской войной... Стратег какой выискался, усомнился в духовной самого Мономаха! Самое место твоему деду искать копи царя Соломона. На пару с кучером нашим Иваном Ивановичем. Схватил, повалил, ему девки рады - радешеньки!... Чего молчишь?

- Я весь во внимании.

- Яблоко от яблони не далеко падает. И ты... Вы с дедом своим переучились на другую сторону. Я весь энциклопедический словарь перекопала, на Марсе что ли собираешься строить железные дороги?

- Ну, знаешь!...

- Знаю!

- Галя, прошу тебя: гни да не перегибай. Скажи, что конкретно ты имеешь против меня? Это наш последний разговор?

На другом конце провода послышались всхлипывания.

- Егор... воротись.

- Не могу. Надо ехать.

- Если не вернешься, то... прощай навсегда!

ООО «Лютик»

Мир полон цветения, брожения, тления - всему своё время... Отцветет горьким цветом молодость, отбродит терпким соком зрелость, придёт час, когда забыл человек, что вчера ел, о ком вспоминал - прокисла память...

Задремала поющая речка на дневной жаре, обмякли листья крепких лопухов, в тень прячется всякая живность, кою природа наградила если не умом, то инстинктом, а вот трое взрослых мужиков и одна молоденькая, невысокого роста девушка с чуть раскосыми бровями, похожими на крылья молодой ласточки, сидят на солнцепеке, бархатный ветерок жгуче нежит их лица. Девушка - на камушке возле самой воды, ладонью поднимает текучее серебро и обратно сливает.

Мужики сидят на обросшем дурной травой берегу, в нескольких шагах от воды, вокруг ячеистого ящика из - под водки. Три красных гусеничных трактора, прозванные в народе «почтальонами» из - за больших кабин, стоят с раскрытыми дверками - жарко, до железа рукой не дотронешься. Вроде за старшего у мужиков Григорий Пшенов, годами вышел и шеей - хоть ободря гни. Первый атаман на деревне тот, кто зорче видит, дальше

слышит, у кого слепая кишкa - и тa страдает за общество: знаю, с чьего я стола кормлюсь, сама наемся, и вас накормлю.

Пили водку, закусывали зеленым луком, черным хлебом и чуточкой подпорченными солеными огурцами. Давненько, лет пять назад закусывали свиной тушенкой, нынче мясо занесено в «красную книгу». Григорий Пщенов практичный работник, но и в политике немного «волокёт», «извилиной шевелит».

Он положил в рот ломтик огурца, сделав отчаянно кислую гримасу, выплюнул, обратился в сторону сидящей к мужикам лицом девушке, вызывая на разговор:

- Тоня, села бы на песок, камень он, смотри, студёный. Тоня, чего наш дояр ООО «Лютиком» назвал, а? Раньше колхозы модно было называть имени Ленина, «Память Ленина», «Заветы Ленина», «Ленинский путь», «Ленинский пахарь», теперь - по траве... Лютик этот и коровы не жрут - ядовит. У соседей тоже ООО, «Калинка - малинка», знать тамошний дояр - гармонист... Слышишь, Тоня?

- Меня на крестины не звали, - ответила девушка, не оборачивая головы на мужиков.

- Во, и нас обошли. Слышишь, где он живёт, в какой землянке, этот партизан Сергей Яковлевич Андатов?

- Я что, агент ОО?

- Что не говори, а нынче модно жить в Америке или Израиле. Лежи на пляже, одному вору брякнул, другого вора с именами поздравил, дою, мол, бывший колхоз, переведи миллион - другой на мой счёт в банке...

Девушка местная, выучилась на агронома, в силу всяких факторов переходного периода (жаль, в институтских программах упущен момент обратного хода часов, т. е. реставрации капитализма в России), состоит в должности организатора и пестуна трактористов ООО «Лютик». Где -то далеко есть у ООО «Лютик» управляющий, его никто из членов ООО ещё не видел. Три года без побега - как присосался к колхозным остаткам, весь металлом вывозил, мастерские опустошил, в народе его так и зовут «дояр». Даже Тоня не представляет, какой из себя управляющий? Молодой или старый?

Все указания получает Тоня по телефону, управленческого аппарата в ООО - она да бухгалтерша. Бухгалтерша Елена Викторовна с управляющим не поздоровалась за руку, в глаза не смотрела, его подписи на документах - да, хорошо знает, такие нынче порядки пошли, вроде много росписей и ни к чему, всё катит! До пенсии дотянула Елена Викторовна, пережила все ипостаси: колхоз, кооператив, колхоз и кооператив одновременно (в одном кабинете председатель колхоза с экономистом сидел, в другом - председатель кооператива со своим экономистом, бухгалтерия была одна на две руки, оба -владыки коров, корма, техники, людей своими душами считали и часто бралились до рукоящной). Мечтает, чтоб передать кому - нибудь дела по - добру, по - здорову, и внуков нянчить. Помнит Елена Викторовна, как двадцать три года назад не ободрал бригадир шкуры с павших от какой - то заразы телят, а её судили, и присудили год условно. А что теперь делается? Уму не постижимо!

Тоня не ответила трактористу. Зачем ? Всё равно трактористы считают себя правыми, обиженными, обворованными. Сегодня утром она заправила баки их тракторов дизельным топливом. Налила по сто литров каждому. И что же? Едва успели отъехать от заправки, как этот противный, большеротый, худущий - заляпанные мазутом штанины полошутся на тонких ногах, с отвислым животом Васька Лютиков организовал «совет в Филях»: надо «толкнуть» литров тридцать на пропой. И толкнули: у неё на глазах Васька налил из бака своего трактора канистру, вторую налил Григорий Пшенов. Покупатель - сосед Тони, пенсионер дядя Дима. Жадный пенсионер, заверни в бумагу собственное дермо и скажи, что, маде ин не наше - зубами схватит. Третий тракторист, с лицом бурым от ветров и солнца, давно не бритый пенсионер Василий Иванович, устыдился.

Тоня помнит, что Василий Иванович бывал членом правления колхоза, членом партбюро, членом ревизионной комиссии, членом профкома и иным членом. В колхозе каждый колхозник нёс в былую славу его такую общественную нагрузку, какую мог вынести. Взгляд у Василия Ивановича немного диковатый, человек он тихий и покорный. Он имеет привычку в разговоре не-

сколько раз оглядеть собеседника, словно желая что - то вспомнить, и каждый раз отводить глаза в сторону. Тоня знает: Василий Иванович тоже сольёт из бака литров двадцать - тридцать топлива. Для себя. Про запас. Старая привычка: вспаханные гектары делятся между пахарями по израсходованному топливу.

К Ваське Лютикову в стакан с водкой угодила жирная синяя муха - навозница. Васька пальцем задавил муху в стакане, достал её, отбросил, палец о штанину вытер, сделал маленький глоток.

Григорий Пшенов снова потянулся к Тоне:

- Ты бы хоть выкупалась...

Васька Лютиков засмеялся громким, недобрый, угрожающим смехом.

Григорий Пшенов неодобрительно глянул на него, пожал покатыми плечами, пробормотал ровным, мертвым голосом:

- Чего и смешного... Ожеребился никак?

Не сразу Васька Лютиков понял, что от него требует Григорий Пшенов. Только когда Василий Иванович толкнул в бок, как опамятаился. Лицо его застыло на миг: нижняя челюсть большого рта отвисла, глаза выпучены, на лбу пролегла складка. Потом складка разгладилась, глаза ожили: Васька Лютиков не умел долго обижаться.

- А вдруг она без лифчика? - взыгрался Васька Лютиков.

- Трепло, растянул пустую рожу, - встал в защиту Тони Василий Иванович.

- Пусть я трепло, пусть вы умные. Она у нас за атаманшу, пусть скажет, где наши миллионы оседают! - затараторил Васька Лютиков и даже встал, всем видом своим показывая, что кипит в нём кровь ко всякого рода нынешним ворам - чиновникам. Тоня вроде своя, мыкает судьбу вместе с ними, но ей управляющий за что - то платит, и, по слухам, хорошо платит.

- Остынь, перекалился на экой жаре, Генеральный прокурор без галстука. Она что ли Расею под нож пустила? Тоня, купайся, говорю, чего жаришься?

- Пахать - то думаете? - спросила Тоня.

- А на хрена? Ведь ты нам по две нормы выгонишь? - нагло спрашивает Васька Лютиков и садится на своё место.

- С каких я пирогов выгоню?

- Эх, молудо - зелено. Твоему боссу гектары не нужны, хоть вспаханные, хоть тротилом взорванные, ему надо отчитаться в верхах, что его ООО тянет, как хороший паровоз, только знай рублики под колесные пары бросай. Так ведь, Григорий?

- Так - то оно так, - подтверждает Григорий Пшеноов.

По несколько расширенным ноздрям видно, что он как бы надувается от непонятной важности. Что, допустим, Тоня с её институтскими знаниями? Ничего, вроде школы ШКМ, а вот ты теорию примени к практике, пощупай, так сказать, ломтик хлеба от амбара до засека, т. е. кинь в землю семечко, а нюхни свежий пирожок... Нос дерёт? Коль дерёт - будешь со временем рассудительным начальником, а пока слушай, что мы скажем.

- На кого - то надо разносить. Мы вроде мертвых душ, всё стерпим. Тебе же легче. Вспашем - боронить надо, сеять надо, жать надо, а так... Тоня, ты ведь и сама всё понимаешь, и мы не по уши пыльным мешком хлопнутые. Не обижайся: нынче всё от фонаря, главное - сделать товарную морду, то есть - подход, отход, фиксация.

- Хоть немного - то попашите, - слабо соглашается Тоня.

- Попашем, Василий Иванович? - спрашивает Григорий Пшеноов.

Василий Иванович помедлил с ответом, то Григория Пшеноева оглядит, то Ваську Лютикова, потом вытянул шею из - за Григория Пшеноева на Тоню, повернул лицо в сторону тракторов и сказал:

- Пласт ноздреватый, с синевой.

- Время ноздреватому быть, - захотел Васька Лютиков. - Рожь наш буржуй сеять собирается или опять пары парить?

- В десятку! - сказал Григорий Пшеноов. - Рожь: ни комбайна, ни сушилки, если для кабанов, то с горохом надо. Что - то я мешка семян в пустом складе не видал. Прошлой грозой и шифер со склада снесло. Пары прошлый год пахали, один осот прёт... Тоня, как сегодня пахать будем, вдоль или поперёк?

- Прошлый год вдоль, значит, поперёк.

- Поперек так попрек. Пьём. За стопудовый урожай.

Некоторое время сидели молча, кто чего жевал, кто куда смотрел, должно быть, раздумывая каждый о своём и всём общем. Ветер продолжал чуть слышно шелестеть в высокой береговой траве. Васька Лютиков закурил дешевую вонючую сигарету, попинал ногой в кирзовом сапоге землю.

- Прошлый год сеяли мы пятьдесят гектаров льну и вытеребили столько же. А деньги за работу где? - спрашивает Васька Лютиков не знамо кого. Подождал и захохотал. Сначала смех подхватил Григорий Пшенов, потом и Василий Иванович.

Было такое дело, замахивался дояр на лён, уж и семян привёз тонну. Тоня ездили в ООО «Калинка - малинка» о льнокомбайне с тамошним управляющим договариваться. Пшенов и Василий Иванович хвалили её за дальний прицел и сметку, потом трактористы выехали пахать, а топлива нет. Барин - «дояр» на тревожные звонки Тони отвечать не пожелал. Дожди пошли, время потеряли, так и «отселялись». Семена льна «дояр» распорядился ликвидировать. Тоня плакала: канадские, высокая продукция, чуть не сто процентная всхожесть, большая энергия прорастания...

Какую оторванность свою от всего народа, бывших колхозников чувствовали мужики, грузя мешки на телегу! Семена, надежду, жизнь, надо уничтожить собственными руками! Под этими ощущениями наплыvalа волна мыслей и чувств, ненависти к человеку, которому банки валом валят деньги, только бы этот «дояр» губил и губил наихтое поколениями... Послушались! Василий Иванович просто сказал: «Надо, так надо», вывезли в лес, и вместе с мешками побросали в глубокий лог. Бросали мешки с семенами в лог, хотелось завыть на весь лес: «Что вы делаете, гады?!».

За день осилили гектара два.

За день много чего говорили, больше о всяких пустяках, вроде того, что хорошо лежать на песке голышом пузом вверх, или лежать в тени и посасывать пиво, а ещё лучше на пляже в окружении длинноногих отпускниц. Сладко жмурясь, Григорий Пшенов вспомнил, как затесался однажды к одной бабочке... В

щелках глаз его с какой - то особой проворностью сутились чертики. Василий Иванович осторожно спросил:

- Настя, Федька рыжего девка?
- Галька партийка! А, Гриш? Галька? У неё родинка под правой титькой. А- ха -хаха! - ржал Васька Лютиков.

Мужских тайн Тоня не слышала. Как загудели моторы тракторов, пошла домой. В три часа управляющей велел ей отчитаться, сколько вспахано на сегодня, сколько израсходовано топлива.

Было душно и тихо. За полем горел закат, солнце валилось за ельник, и по небу тянулись багряно - розовые полосы. Лет десять назад в это время деревенские бабы встречали мычащих коров, блеяли овцы, хлопал пастуший кнут... А чуть позже, от озера пойдут, переваливаясь, сытые гогочущие гуси: «Почему, почему нас никто не встречает?».

У всех троих двигатели заводятся «шнуром». Какие стартеры, какие аккумуляторы? Их давно след простыл. Намотал Васька Лютиков шнур на маховик пускового двигателя, ему бы дернуть, а его от трактора отбрасывает дьявольская сила. Подошли Григорий Пшенов с Василием Ивановичем, потоптались, - если они двигатель Ваське заведут, вроде как, того обидят, и стал Григорий Ваську подпирать своей крепкой спиной, а Василий Иванович шнур намотает на маховик и Ваське Лютикову подаёт: дергай.

Водку допили, и по газам.

Васька Лютиков до своего дома не доехал: перед самым мостом «сошёл» с гусеницы. Пьяный начал было ершиться, выбрасывать из кабины инструмент на дорогу, и сапоги скинул - только мешают, но Василий Иванович остановил: будет день, будет пища - завтра гусеницу оденем. Послушался. Инструмент обратно в кабину побросал, сапог одевать не стал, босой забрался к Василию Ивановичу, запел.

Тоня ровно в три докладывала управляющему Андатову, что вспахано пятнадцать гектаров. Пашут все три трактора.

- Мало! Мало! Организуй пахоту в две смены! - простуженным голосом лаяла телефонная трубка.

- Какие две? Трактора не выдержат. Ладно - на одних руках, а как две...

- Не умничай! Делай, что велят! К десятому июля вспахать двести гектаров! И отчитаться! Сразу борони! Когда лучше озимую рожь сеять?

- Около первых чисел августа.

- Согласен! Держи меня в курсе. Топливо надо расходовать экономнее.

- Сергей Яковлевич, мужики просят денег... Сергей Яковлевич? ... Сергей Яковлевич?!

- Пи - пи - пи - пи, - слышалось в трубке.

...Василий Иванович с женой Ниной по - кустарному опорожнили бутылку водки. Без тостов. К чему гусарские «виват!» или «за присутствующих здесь дам»? Дама одна, весу в ней шесть пудов, возраст... Это уже лишнее, такие подробности знает только наша деревня. В райцентре, например, знают только в больнице, почему у нашей Нины из положенных тридцати двух зубов осталось семь? Изdevательство! Закуси было много: колбаса за сто рублей (туалетная бумага, соя, красители, консерванты, ноль мяса, соль и обертка), колбаса за сто пятьдесят - кошке отрезали кружок, понюхала, фыркнула, хвост презрительно подняла и пошла павой прочь; холодец в такой золотистой сервированной упаковке, что хоть в комод ставь его на длительное соседское задыхание; его, правда, не Нина, ни Василий отведать не решились по причине тлетворного запаха; пара огурцов собственного засола - эти шли куда с добром; черняшка - буханка с подгрызенным, должно быть мышкой, боком - на днях закинули в магазин, рады - едим. Несколько вчерашних студеных варенных картофелин в мундирах, черный виноград. У богатого и по бороде масло течёт; виноград ели аккуратно, только после принятия «нескольких капелек на зубок». А чтобы вы хотели: зима, снегу лешему до уха надуло, светлого дня с воробыиный шаг, а тут -виноград заморский!

Воспоминания, молодые годы, дети и внуки... А жизнь одна!

Где конь катается, там и шерсть остаётся; лежит на диване Василий, Нина на кровати. Разговоры с внуков дошли до соседей

правой руки, с соседей правой руки плавно перекочевали на соседей левой руки. И чего все нам хочется знать то, что их век свой нас не касается? Предположения, догадки, размышления всякие. Эх - хе, в деревне всё и всех касается, ибо, если заглянуть за горизонт в вековой перелог, все мы одним дышлом крещены, кругом родня, кругом свояки да кумовья.

Тело - государево, душа - Божья, спина - барская; не знать нынче, какому святому молиться; и тело - ничьё, и спина - ничья... Что разве душа? Душа -да, Божья.

Вот на днях загнулся Васька Лютиков, умер, как собака бездомная, нашли по утру за поленницей дров - в старые добрые времена поленница была сельсоветская, а нынче принадлежит Главе поселения. Слово «Глава» пишется с большой буквы, и подчиненные «главе» - «ударницы», бабский взвод. Щёл Васька, должно быть, потеряв ориентир по времени и пространству, сделать власти внущение: «Наша страна богатейшая из богатейших держав насчёт нефти и газа, жаль, кругом - одно ворьё и чиновники жируют возле труб и банков, а на выпивку русскому мужику нет?!» Скопытился, так и не узнали «поселенки» его левацких, левее Ленинских тезисов.

На похороны Васьки Лютикова «поселенки» раскошелились, дали, едко разводя помаду отштукуатуренных лиц траурными речами, тысячу рублей. Тысячу эту пропили те четверо, что долбили могилу Ваське в ветреный мозглый день, покупали водку в магазинчике у частника за двести пятьдесят - «Путинку». Разве похороны своего, деревенского, какой бы он ни был, ни есть повод для больших разговоров? Кому хочется, кому хоочется; перемоет кости Ваське Лютикову деревня не один раз. На удачу, говорят, казак на коня садится, на удачу и конь его копытом бьёт; а коль дошёл бы до «поселенок», выматерил, хоть бы петля на дверях от матерных слов скрипнула? Нет, не скрипнет нынче петля от тяжелого мужского мата.

Далеко заходили любопытные мужики в лес - трактор Васьки Лютикова искали. Не находили трактор. А если кто и найдёт, вряд ли побежит «дояра» радовать, пусть ржавеет там, где Васька его спрятал. Может, в озере утопил - у соседей в ООО

«Калинка - малинка» имеется такое; говорят, четыре жердины - глубина.

Всё возможно: ушла Тоня из ООО, и сдуруел Васька. Потерял он жилу становую, вроде как было начальство, криво - прямо правило, своё начальство и пожурить можно, а не стало... Какой из Григория Пшенона руководитель? Так, пустозвон против Тони.

Оттерпимся - до чего -нибудь дотерпимся.

Две полы, да и те голы.

Когда - то Нина работала на ферме, дни и ночи около коров. Особо переживала за жизнь и психику Гаранта Стакановича, президента нашего, когда тот с танка избавление от коммунистической тирании обещал. Потом аплодировала тому же президенту - обещал избавить русский народ от позорного слова «колхоз». Семь лет назад нашлись доброхоты, избавили народ от «колхозного рабства»: коров - под нож, всю механизацию и автоматизацию - в утиль, народ - на «безработицу». А ферма - то была какая! Мечта, не ферма! Только кнопочки нажимай. Стоит нынче ферма без окон, без дверей, по слухам принадлежит жене управляющего Андатова, а каким пупом та баба ихнему колхозу родня, есть околовземная загадка... Говорят, всё управление сельского хозяйства и глава района - воры, непробиваемые ребята, им разве что докажешь? Глава района дом восьмиквартирный «построил» за шесть дней. Двадцать четвертого декабря заложили первый камень, (священник был приглашен), тридцать первого подмахнул документы: готово, дом под крышей! Пять миллионов рублей - как с куста! Кто с кем делился - неизвестно; просочился сей пакостный факт в районную газету, главе пришлось шапку снять перед смердами: оправдывался, мол, сроки поджимали, область деньги требовала израсходовать, или снимут дом с финансирования...

Правда «восторжествовала»: через год был суд, и присудили шалуну штраф сто тысяч рублей... за халатность. А где миллионы? Нет нынче правды, есть сплошная приватизация.

Безлощадным стал Василий Иванович. С одной стороны, три года, как на заслуженной пенсии, с другой - ещё мог бы поработ-

тать, и охотка есть. Как «отсеяли» озимую - ни сотки не поселяли, отчитаться управляющий заставил агронома Тоню и бухгалтершу Елену Викторовну за двести гектаров. Однажды Тоня и говорит мужикам:

- Велит самый лучший трактор отдать. Якобы задолжал он кому - то, должник погрузит и увезёт.

- Самый лучший у Василия Ивановича, - говорит Григорий Пшенов.

- Вот я и... Номера назвала, - виновато говорит Тоня.

- Да ты! - закричал Васька Лютиков. - Ты нас спросила? Ему, - тычет рукой на Василия Ивановича, - пенсия идёт, а мне на безработицу, на восемьсот в месяц? Жену отдай дяде, сам - поди к б...! Дров не на чём привезти скоро будет, вся надежда на «поселенок»! Эх, власть ты наша власть!

- Номера не долго перекрутить... Тоня, толкнём его трактор, - говорит Григорий Пшенов. - Лютикова. Покумекаем, раскулачим - направляющее правое я сниму, гусеничные ленты изношены до нельзя... Во, ты же муфту сцепления новую прошлый год ставил! Василий Иванович, войди в положение: отдай трактор Лютикову. Поможешь кулачить?

- Помогу, чего не помочь. Я бы, мужики, долго не мешкал, а потом оба трактора в лесу спрятать не мешает, мол, работают, а этот... бережём.

Василий Иванович говорил складно и правдоподобно, и всё поглядывал на Григория Пшенова да Ваську Лютикова, даже подмигивал сегодня, явно ища у них одобрения.

- Что, Тоня, согласна? - спросил Григорий Пшенов.

Тоня махнула рукой: делайте, что хотите.

Как у нас «потребительская корзина» братается с «прожиточным минимумом» - как равняется, так и равняйся, эта мозговая работа больше подходит Григорию Пшенову, чем Василию Ивановичу. Когда - то в своём хозяйстве держали корову, телят, пару хряков, кур, овец, а нынче голь гольянский - одна кошка. Зато кошке почёт да уважение! Вот не придумала покушать колбасы за сто пятьдесят, - да что ты! Телевизор надоел. Включай любую программу - людей бьют как мух, насилиют, грабят, кто кого об-

манывает, кого за что судят. Не увидишь на экране простой доярки или тракториста, в моде упитанные банкиры, воры, неприкасаемые депутаты, качки - насильники, длинноногие простиутки. Тоска зеленая по простому советскому кино...

Есть в ООО «Лютик» тридцать бычков на откорме. Мать Тони Евгения за ними ухаживает. Летом проще, травы по колено, сотни гектаров полей зарастают лесом, а зимой - туда. Отгрузил управляющий тонн пять фураж, несколько тонн прессованного сена, глядь - поглядь, и сена нет, и фураж нет. Евгения в контору, к Елене Викторовне, поклонится для приличия, усмехнётся, а Елена Викторовна обогреватель к ногам прижмёт - не топят в бывшей колхозной конторе, сидит в шубе, ватных брюках, шерстяной шали, накладные показывает: получила ты, Евгеньюшка, шестьдесят тонн фураж да тридцать тонн сена. Евгения схватится за голову, глаза выпучит и стоит.

- Истинный крест столько не было, - скажет, совладав с собой.
- А по бумагам другое, - говорит Елена Викторовна.
- Бумагами скотину не накормишь. Телятник обветшал, вода перемерзает в поилках... Из - за Тоньки маюсь, а так бы - гори оно ярким пламенем, это ООО!

- Во, во! Пока колхоз был, Иван кивал на Петра, а Петр на Ивана, и все желали колхозу провалиться в тартары. Всем колхоз кость в горле был, каждый своротил больше другого, мы - счетные работники, конторщина грёбаная - дармоеды и воры. За что боролись, как Григорий Пшенинов баёт, на то и напоролись.

Сегодня был около ихнего дому незнакомый мужик. Приехал на шикарной машине с тонированными стёклами - закачаешься. По всей деревне проехал, пуста деревня народом. Ни души на улице. Оскудела деревня народом. Кто помоложе, да попроворнее, в райцентре шабашат, всё больше на пилюрамах и станках, кто на кладбище прописался, кто засматривает в окно почтальонку: скоро ли пенсию принесёт? Притормозил у бывшей колхозной конторы, сходил до дверей, на дверях замок. На берёзы возле «своего офиса», то бишь возле бывшей колхозной конторы, посмотрел, на обсевших кроны ворон - ночью должно быть прикуёт основательно.

Сбежала Тоня из ООО «Лютик», устроилась к предпринимателю на деревообработку. Обидно, горько, стыдно матери и всей деревни стыдно: институт кончил с красным дипломом, теперь вот день за день гонит погонные метры плинтуса, рейки, бруска. Снимает квартиру у родственников в райцентре. Предприниматель молодой, холостой, тоже институт окончил. Нет у меня, говорил, принимая на работу, бухгалтерии, нет погонял и захребетников. Сам в Москву материал вожу, сам сбываю, лесникам в лапу даю, пожарникам даю, электрикам даю, экологической службе, всем прочим «доярам» - даю; что - то - приобретаю, где - то прогораю, сам ночами не сплю, считаю доход - приход. Особенно свирепствует районная администрация: праздник за праздником, торжества за торжествами, барышни из районной администрации на вороных подъезжают: подай, богатенький ты наш, и мы тебя, авось, не забудем...

Елена Викторовна распрошалась с ООО и благодарит Бога, что не угодила в тюрьму. Нынче на распорядках в ООО «Лютик» Григорий Пшенов. Пришло Григорию жену свою на телят ставить. Как Тоня ушла из ООО, Евгения пришла к Григорию Пшенову, записную книжку Тони принесла, вот отыщи, говорит, телефон «дояра», и скажи, что в гробу я видела его быков. Григорий туда - сюда, вроде в ООО удержаться ему надо, - стаж, трактор под задницей чужой, и немного денег жат капает...

Управляющий сразу показ диктаторскую хватку:

- Принимай дела! Телятницу найти! Не найдешь - копейки за три последние месяца не дам! А этот сопливой агрономке...

И давай матом крыть несознательную молодежь.

Сел приезжий обратно в машину, закурил. Идти искать Григория Пшенова ему явно не хотелось. Ехал медленно, всё ждал, что кто-нибудь да покажется. Видит, Василий Иванович в фуфайке, валенках с галошами, в распущенной шапке белье развесивает на веревки, натянутые через всю улицу, машина и остановилась. Водитель из машины не вышел. Стекло опустил и громко так, неприветливо, спросил, как на кладбище попасть, да не знает ли («Эй, ты!»), под каким крестом лежит на кладбище Елизавета Васильевна Лютикова. Василий Иванович кричать

на всю деревню не стал, подошёл ближе, нет, говорит, не знаю, где похоронена. Броде много могил перекопал, а Елизаветы Васильевны...

- Васька Лютиков умер, он бы... А вы кто будете?

- Россиянин. Хочу детям летом показать, где наши корни.

- Это правильно, - согласился Василий Иванович. - Может, чайку изволите?

- За рулем, - как - то кисло усмехнулся приезжий. - Может, доешь со мной до кладбища? Пятьсот хватит?

- Храни вас Бог, у нас зря денег не берут.

- И не отказываются! - ещё кислее усмехнулся приезжий.

- Как вас звать, господин хороший?

- Иван Иваныч. Ну, пятьсот?

Подошла Нина с корзиной белья, говорит:

- Что, батько, Петрово говенье на дворе? Околеет одежа, в баню носить пересушивать будешь?

- Шестьсот? - настаивает приезжий.

- Извините, Иван Иваныч... При всем желании не попасть сейчас на кладбище. У нас прогребают дорогу, когда покойника везти, а так... Указ самого господина Андатова. И не найти, поверьте мне.

- Летом покажешь?

- Попробуем. Нина, ты не видала на кладбище креста Елизаветы Васильевны Лютиковой?

- Спроси чего полегче. Когда она преставилась?

- Около 65-го, 70-го, - отвечает из -за стекла водитель.

- Не знаю... Вот Васька умер, он бы... Тоже Лютиков фамилия была.

- Заметано. На! - приезжий подает, не открывая дверь машины, Василию Ивановичу две бутылки водки. - Предоплата. Постарайся оправдать доверие.

Развернулся и помчался, только снежная пыль вьётся.

...Едва прошёл по деревне слух, что Тоня «дезертировала» из ООО, Васька Лютиков ранним утром прибежал к Тоне. Занималась заря. Алая полоса четко пролегла по краю неба, тая и бледнея; неохотно начинается осенний день, пусть даже небо чистое,

ни одного облачка. Вот захлопал крыльями старый петух - мать у Тони заявила: «Мы свои яйца есть станем, а вы ешьте напичканные гадостью окорочки заморские», осиплым спросонья голосом известил подвластных ему кур о наступившем дне. На стук в дверь вышла мать Тони, Евгения, удивилась:

- Что стряслось?

Васька вдруг затопал кирзовыми сапожищами по половицам крыльца, закричал:

- А мы - сдыхай?!

- Кто тебе сдыхать, велит, живи да радуйся, - спокойно и безразлично ответила Евгения, поводя крутыми бедрами.

- Живи! У меня красных дипломов нет. Она хоть сколько-то стеребит с дюара, а я что стереблю? А? Ну, куда я теперь, скажи на милость?

- Ты к поселенкам иди, ищи правду, а Тонька что - десятая спица в колесе.

- Эх, Евгения! Скаемся, когда вовсе скатимся! Разбуди ты её, совет спросить хочу.

- Говори, я старше годами, замужем два раза была, свахой хаживала, скорее присоветую.

- Тебе бы только подъедать, только бы задеть побольнее!

Бегом с крыльца и пропал.

Дня через три приходил к Василию Ивановичу Григорий Пшенов, не знаешь ли, спрашивает, куда Васька Лютиков трактор умыкнул? Негде нет, и по следам ходил, и все закоулки на бывшей колхозной базе облазил.

- Сильно зашибает? - спросил Василий Иванович.

- А то! Трактор не иголка, как ты его спрячешь?

- Пока сам не пригонит - не найти, - вынес решение Василий Иванович.

- Ворожил что ли?

...Вспоминали Василий Иванович с женой, что на том дворище, где когда - то жила покойная Елизавета Лютикова, ютились одной осенью студенты - картошку копали, потом наезжала всякая рвань с родины Михаилы Горбачёва, последнего Генерального нашего секретаря, жил высланный на поселение

бывший зэк, потом был пожар... Всё таки Нина припомнила, что Лютиковы эти были раскулачены «с частичным лишением в правах»; учились с Василием в школе в том самом «кулацком переду», что перевезён был под школу - дед рассказывал. А Василий всё же припомнил, что однажды копал он могилу на кладбище, покойника долго не везли, он ходил по кладбищу и наткнулся под сосной на обвалившуюся могилку, на кресте которой было можно прочесть «...тикова Елиз...». Сошлись Василий Иванович с женой во мнении: это хорошо, что о корнях своих стал народ вспоминать, выходит, не газ да нефть - самое главное на этом свете!

Одну бутылку водки выпили, другую решили оставить на «потом».

- Помнишь, Нина, драку осенью 67-го у старого клуба? В армию я отправлялся? Ну, когда мне два зуба выбили?

- Чего это тебя столь далеко откинуло?

- А ведь батюшка его родной мне тогда два зуба -то кастетом вынес! Тоже корни искал... За раскулаченного деда мстить приезжал. Вроде шесть лет в Воркутинской тюрьме был. Порядки сразу стал устанавливать...Лютиков он по прадеду, то и ООО «Лютиком» назван! Вишь, откуда зло - то прёт? Лютикова Ливерия первым в волости кулачили ещё в декабре 29-го, а в 30-м, ихнюю двухэтажную домину на школу ШКМ перевезли. Помнишь, старушка - клюка гнутая у Васьки Лютикова доживала? Ну, подвесы вязала, с детишками у Васьки водилась? Во, это - младшая сестра самого Ливерия и была! А вот Елизавета. Кто эта Елизавета?

- Не фантазируй! Какой Лютиков, Андатов - это фамилия, спроси Тоню или Елену Викторовну, - возразила Нина.

- Андатов! Иван Иваныч, россиянин! Я как глянул - маленький, подвижный, горбоносый, весь какой - то изломанный, и голосина какая -то ржавая, лицо истоптанное - вылитый Яшка. Помню, кричал у клуба: «Зона знает Мандата!» Да - а... Сколько нынче хорошая корова тянет? Тысяч тридцать? Машина его миллиона полтора, ужо расскажу завтра Григорию Пшенову. Как же, хозяин приезжал, на полу согнутых надо Григорию за

околицу забежать да смирно стоять... Жаль, Ваське не довелось такого богатенького родственника узнать.

Спит Василий Иванович, спит жена его Нина. Никакими словами не передашь аромат свежего сена, смешанного с разными цветами. Снится Василию Ивановичу, как идёт он вечерней порой в обнимку с Ниной по скошенному наволоку, берегом реки, любовно причесанные копна за копной будто наезжают одна на другую - так много сена в этот год выставили! Всем нутром чует: вот эту копну они с Ниной метали, эту - Григорий Пшенов с Тоней - агрономкой, эту - Васька Лютиков, а стояльщиком у Васьки сынишка малолетний был - кособочит копна...

Явственно видит, как бригадир делает на подпорах затески топором и пишет химическим карандашом: «До Благовещенья не брать!». Копны пойдут на «бронь» - хорошее сено на Подсмольных наволоках. Не зря сам Ливерий кормил им ранней весной отелившихся коров, потому коровы у Ливерия Лютикова были завидные, белой масти, а доили... А доили как!

Ходят и ходят

Возле электрической подстанции на снегу вниз лицом лежал человек без признаков жизни. Но человек был живой и внимал ангельскому пению, исходящему не иначе, как из самой преисподней; внимал воплям и зычным ударам молота о наковальню откуда - то из - за ушей; человек лежал, пытался чего - то осознать и не мог. Мрак и выюга были кругом; ни неба, ни пути, ни огонька - всё смешалось в пьяную муть...

Где -то далеко за горизонтом исчез навеки начальник районных электросетей, потому в селе исчезло очень важное - электрический свет, и за этим светом полетели каркающие гонцы. Человека звали Нектарием Владиславовичем Колоновым, работал он рядовым электриком, и, будучи порядком выпивши, сорвался со столба. Нет - нет, не с самого верху, по лесенке из старых гробов в четыре перемычки вскарабкался на подставку, стал одевать на

валенки лазы, потерял равновесие и, подчиняясь закону физики о земном тяготении, сорвался в штопор.

Оклемался дома. Черные птицы покинули гудящую голову, глаза увидели родные стены и сердитую жену. Был доставлен без претензий на удобства - товарищи «стражи порядка» постоянно над беспомощным электриком, убедились, что дышит, положили в УАЗик и привезли. Почему не в пункт «скорой помощи», а домой? Ответ простой: супруга Нектария Владиславовича - Зоя Вениаминовна, сама - заслуженный врач, терапевт.

Глаза разлепил, стоит над ним высокая, осанистая женушка, уперла руки в крутые бока, спрашивает, по какому случаю нажрался?

- Ш - что? - отвечает муж вопросом на вопрос, да отвечает с нажимом, с хозяйствской твердостью в голосе. - Да пошёл ты!...

В подпитии забывает, что, ежели хочешь послать жену куданибудь далеко, например, за пивом, так нужно сказать ей вовсе не «пошёл ты», а «пошла ты».

- Суду всё ясно, - говорит жена. - Ещё раз рот откроешь - ночевать будешь в клоповнике.

Очень даже вразумительный совет. Предупреждение берётся во внимание: Нектарий Владиславович прошлый год прописывался в местной «тюрьме» три раза. То на десять суток, то на пятнадцать. Зоя Вениаминовна сама выносит «обвинительный диагноз». У неё свой человек в милиции - участковый Коля Попов. С того света, можно сказать, вернула: пьяный подросток ткнул Колю ножом в живот. Ночь, метель, хирурга вызвали в дальний колхоз, тракториста раздавил его же трактор, связи нет, а Коля кровью истекал. Решилась, сама делала операцию. Первую - в своей жизни.

- Коля, дай десять суток и... ума прибавьте с ребятами.

- Зоя Вениаминовна, вы как всегда, шутите. Как же мы ему ума прибавим?

- А то ты не знаешь, - грозит пальцем Зоя Вениаминовна.

...Нехороший Нектарий Владиславович во хмелью. Буйнит, порывается сменить цивилизацию на необитаемый остров, оскорбляет честь и достоинство всех женщин.

Длинная ночь, безжалостно длинная, скучная, казалось, за-владела всем божьим миром и не думала проходить. Телевизор молчал - надоел до чертиков, за дверью спал на полу во всей одежде муж; сидела Зоя Вениаминовна на широкой кровати, опершись спиной на стену, вздыхала: где же оно, моё прошлое, с тихими неповторяющимися радостями? У каждого своё гла-застое прошлое, и закатывается оно, как солнце, в потухающую даль и жалко становится дня, утраченного понапрасну. За окном напротив таинственная мгла сияла мягким лучезарным светом. Это зал игровых автоматов зазывал доверчивый народ испытать счастье.

Утром раненько Нектарий Владиславович собирается на ра-боту. Был он голодный, сумрачное, точно грязное лицо, взгляд рассеян и зол.

- Завтракать - то будем? - с вызовом спросил супругу, на что супруга язвила его острой поговорочной стрелой:

- Что, дитя Чубайса, опять нашего Савелья гнёт с похмелья?

Терапевт районной поликлиники Колонова Зоя Вениаминов-на пришла на работу, как всегда, ровно в девять. Коридор уже гудел народом. Кто - то искал «крайнего», кто - то «последнего»; старушка с клюшкой насмерть стояла у дверей кабинета, пыта-лась «давить» на совесть дородному лысому мужику с множе-ством значков на груди:

- Думашь, медалей навешал, дак - и почетный гражданин?

- Што ты, што ты, - отбояривался шутливо мужик, - мы Бога чтим, без очереди не лезем.

И «вежливо» так ужал старушку своим телом в чей - то объе-мистый живот перед носом докторши:

- Здравствуйте, Зоя Вениаминовна.

Стараясь не встречаться ни с кем взглядом - день длинный, ещё насмотрится на эти лица - услужливого пациента не по-благодарила ни словом, ни взглядом, прошла в кабинет, защел-кнула дверь на замок. Переодевание и косметическая прибор-ка, условный стук в дверь - забегает медсестра Анемиева Валя. Дверь снова на замок, переодевается и рассказывает, как ночью «Я чуть с ума не сошла! Грохот - лист железный полетел, скре-

жет, ветер такой! Такой ветер...». Зажмуривает глаза и содрогается при том, словно показывая, как у неё замирает сердце.

Медсестра Валя вешает на спинку стула кожаную сумочку.

Зоя Вениаминовна молчит, не рассказывает медсестре про свою длинную ночь. Зачем? Райцентр - большая деревня, дороги от дома к дому тряские, завтра сама всё будет знать и с любопытством ждать, когда Зоя Вениаминовна поведает об очередном вывихе супруга. На крыше ихнего дома ветер не рвал листы железа, деревянный дом Колоновых как бы поднырнул под двухэтажный особняк быстро разбогатевшего на приватизациях чиновника, все удары стихии и райцентровских сплетен принимают на себя кирпичные стены.

Они сидят каждая за своим столом напротив друг друга, смотрят в окно. За окном - зимний бор, в бору - трёхэтажный жилой дом. Когда -то дом строили для медработников, но теперь в доме большая часть квартир принадлежит неизвестно кому. Сосны в снегу, они в состоянии необъятной грусти, это кажущееся, приходящее и временное спокойствие. Обе женщины знают, что под снежными шубами спряталось мрачное чувство буйства и непримиримой мести. Вот дохнет ветер, закачаются шапки вершин, и станут сосны со стоном раздеваться. Стон, конечно, они не услышат, они лишь догадаются. За пятнадцать лет совместной работы бор для них стал объектом восполнения душевных сил. Валя видит, что Зоя Вениаминовна «встала не с той ноги», потому про беспокойную ночь больше не говорит, - за окном вороны исполнены самой суетливой деятельности. Ещё бы: посудомойка больничной столовки выплеснула на грядку пенсионеров Сидоровых помои. Вороны свои, прикормленные. Нинка попыхивает сигареткой, стряхивает пепел только что не на спины дерущихся птиц.

Врач молча кивает Вале: пора, отпирай дверь. Отпирай... и слушай, терпеливо слушай с почтительным вниманием бесконечные рассказы про нищету, про горькое житьё - бытьё, про пьянство, про модный «гражданский брак» и прочее. Каждый входящий заносит в кабинет, будто боясь расплескать, безучастное, больное тело своё, пронесет скопище болезней от порога до

стола, и отдаёт, бездушный, языку высказать скорбь, и доверит сознанию положиться на одну веру в знания твои, лекарь: пожалуйста, сотвори чудо; я и оживу, и засмеюсь, и не раз вспомню тебя.

Входит больной. Безликий какой - то, синюшный, землистые щеки ввалились, или злой, или с роду такой, одежонка не первой свежести, хотя рубаха новая. Держится правой рукой за бок, в левой руке медицинская карточка. Суется с этой карточкой к Зое Вениаминовне, но медсестра Валя перехватывает карточку. Быстренько записала в журнал и подала Зое Вениаминовне.

- Что - то бок болит, - говорит больной.

- Давно? - скорее по инерции спрашивает Зоя Вениаминовна.

Первым сегодня она предполагала увидеть усердливого мужика, она ему уже поставила предварительный диагноз: «Выбирает группу инвалидности», а первым угодил вот этот тощий бомж, а, может, последний колхозник из Н - ского поселения.

- С осени. Днем еще ничего, а ночью... хоть веревку на крюк накидывай. Горит.

Спросила про «стул», про калорийность употребляемой пищи, и всё записывала, записывала. Пациент говорил про тяжелые колхозные мешки, про дорогу, которую нынче не прогребают. Тут Зоя Вениаминовна замечает, что во рту у мужика вместо зубов торчат четыре или пять желтых огрызка.

- Снимите рубашку.

Корявые пальцы не скоро расстегнули все пуговки новой фланелевой рубахи. Пациент явно нервничал. Зоя Вениаминовна стала смотреть в бор.

Пощупала живот, смерила давление, послушала сердце и говорит:

- Оdevайтесь.

- Доктор, дак, хоть не рак?

- Да что вы, сразу и рак?

- Дак, не сразу, с осени! Пятый месяц болит!

- Надо сдать анализы.

Медсестра Валя начинает выписывать направления. Зоя Вениаминовна опять уставилась в окно.

- Это сколько я прохожу с этими анализами? - спрашивает пациент.

- Дня два, три, - не поворачивая головы, отвечает Зоя Вениаминовна.

- Кабы жил около райцентра, а то... Автобус раз в неделю. Мне бы полежать, а?

- Можно и полежать. Валя, какая у нас в стационаре очередь?

Медсестра Валя хорошо знает своё дело. Рабочий день только начинается, раскидываться койками в стационаре не следует:

- Пятая.

- Пятая, пятая, пятая... Медпункт от вас далеко?

- Да в нашей деревне, напротив Фомы Славянина.

- Не этот Фома Славянин осаждал Константинополь? - с легкой ironией спрашивает Зоя Вениаминовна.

- Не - е, наш и в армии - то не был. Сухорукий.

- Анализы сдавайте, а вот с очередью... Палата мужская одна, в первую очередь, сами понимаете, идут экстренные... Дней через пятнадцать позвоним на ваш медпункт.

Пациент уходит.

Рука Вали Анимеевой тянется к электрической кнопке. Взгляд Зои Вениаминовны останавливает руку.

- Надо меньше жрать! - резко говорит Зоя Вениаминовна в сторону входной двери. - Жрут, жрут, лечи их!...

Медсестра немного удивлена, хотя согласно улыбается и тихонько раскачивает острым носиком. На лицо изработавшийся колхозник, хотя бы зубы взять, некогда их было лечить? Заболел зуб, рвать - и баста, когда - то еще в райцентр выберется. Или лопатки взять, на правой - шерсть растёт, а почему левая лопатка как вылизанная сковорода? Потому голая, что мешки не скупились драть волосяной покров. Или живот взять, лишнего фунта сала нет, пуп хребет целует.

Валя достаёт из своей сумочки платок, обтирает им лицо, гладит лоб рукою и говорит тихим голосом, по которому заметно было внутреннее движение:

- Прошлый год у этого мужика жена умерла.

- Не помню, - отвечает Зоя Вениаминовна.

- В областную больницу просилась, рак матки.

Смотрит в окно Зоя Вениаминовна, твердо уверенная, что все беды в нашей грешной земле только из - за спиртных напитков. Гибельный процесс, который несчастные жертвы вербуют под знамена порока, совершаются в каждом четвертом, в каждом третьем, да и в каждом втором теле! Может быть, она чем - то виновата в смерти жены тощего мужика... Может, не отрицает. Бедность деревенской жизни чем - то симпатична Зое Вениаминовне, потому что бедность сопротивляется болезням вяло, рычит и щетинится тогда, когда ей кажется, что все плевали на деревню от Президента до последнего вора – чиновника. Бедность силится встать вровень с городом, с тем же райцентром, и никак не может; и не разбогатеет; разбогатев, деревня утратив свою девственность.

Ходят и ходят; из месяца в месяц, годами ходят, не солнышко, всех не обогреешь.

Осторожным шагом заходит услужливый пациент. Сделал глубокий вздох - выдох, из кармана брюк достал широченный носовой платок, вытер лысину, поправил на широкой груди награды, и тяжело, почти шатаясь, хватаясь за кромку стола, плюхнулся на стул.

- Ноги не заносили, Зоя Вениаминовна, - оправдывается.

И давай ныть, без всякой натяжки считая себя благовоспитанным человеком; аж изгибается от любезности, выворачивая призательность нелегкому труду врачей. Оказывается, он весь «исчах»: в ушах «дятел долбит», сердце «как кукушка кукует, куканет, да житом подавится», «опростаться» без стакана молока не может, в легких «шмели свили гнездо», в кишках «как паровоз составы сдвигает», а в голове... Господи! Будто киномеханик ленты перезаряжает. Зоя Вениаминовна все жалобы записывает и попутно спрашивает: есть ли потливость, бессонница, головокружение, рвота...

- Всё есть! Впору домовину ладить, - лебезит пациент.

Лицо его веселеет.

Сии слова произвели в Зое Вениаминовне недолгое, но при-

ятое колебание, разрешившиеся улыбкой, которая лишь мелькнула по губам и перешла в следующий вопрос:

- Как голова у Валентины Сергеевны, не болит?

Больной не говорит, стоном стонет:

- Ваши бы слова, Зоя Вениаминовна, да Богу в уши! Двадцать три года в бухгалтерах, да никакая машина столько не выслужит.

- Та - ак... Сейчас мы вам пропишем кое -что, недельки две будете принимать, и всё пройдёт.

Валя начинает выписывать лекарства. Зоя Вениаминовна диктует, и диктует те, что стоят полтысячи и больше рублей...

Больной раскланивается, доходит до дверей и возвращается.

- Про спину не сказал, Зоя Вениаминовна. Как собаки грызут.

Мне бы надо легкий труд прописать, сами видите...

- С этим к невропатологу, - говорит Зоя Вениаминовна.

- А потом опять к вам?

- А потом - в аптеку. Полечитесь, потом и приходите.

- Да, загляну через две недели, ладно?

Дверь закрывается.

- Не сволочь ли? - говорит Зоя Вениаминовна, кивая на дверь.

С ночи разлившаяся по телу желчь вытесняет из неё все остатки добродетели.

- По физической природе - нескрушимый плебей! Идёт сейчас коридором, в сердце радость: надул врачиху! В голову ударяет откуда - то луч убеждения: я вырву группу!

- Не вырвать, - убежденно говорит медсестра Валя.

- Только кольца в носу не хватает. Заметила армейский значок «Гвардия» на богатырской груди? Илюша Муромец. Четыре раза отмечен знаком «Ударник коммунистического труда», во даёт!

- Этот плут орден Ленина около ночи, шутя, отчеканит! - поддерживает медсестра.

- И чего кисло людям? Через двое суток на третью посидит перед телевизором в котельной - изломался, видите ли. Раньше хоть уголь был, сейчас газ. Уж так изработалась его Валентина Сергеевна - не мы ли курортную карту ей каждый год заполня-

ем? Не - е, шишок под носок, вырвет он группу инвалидности! Давай бабку с клюшкой, задавят.

Заходит, да не бабка, заскакивает вертлявая санитарка родильного отделения со стреляющими глазами, белый халат распахнут - не иначе, как с боем продиралась через очередь на коридоре, тащит молодого кашляющего бородатого обалдуя.

- Зоя Вениаминовна, пожалуйста... Да раздевайся ты, статуй! Зоя Вениаминовна, мой брат.

У санитарки пронзительный, высохший, так сказать, горловой голос, который слышать может далеко не каждый.

От брата санитарки воняет перегаром. Он старается не дышать на Зою Вениаминовну, отворачивает лицо, кашляет в кулак.

- Воспаление легких? - скорее с намеком, чем по наитию, спрашивает санитарка Зою Вениаминовну, на лице изобразилось самое почтительное внимание и некая требовательность. Зоя Вениаминовна знает - перезнает брата санитарки: живёт на «бездоботицу», то есть получает восемьсот рублей в месяц, а пьёт каждый день. Спит там, где упал. Ему тридцать шесть лет, хоть бы чурку дров за жизнь расколол, гвоздь вбил, грибов корзину принёс - всякая работа в тягость. Часто пребывает в кампании собутыльников с искрасна - бронзовыми рожами, однажды слышала на автобусной остановке комментарии брата по поводу убийства видного московского адвоката: «Мало бывают, мало! Надо этих кровососов пачками топить!». Запомнился голос: противный, в отличие от сестры - гундосый. Видимо, брату надо идти отмечаться «в конторе», иначе его лишат пособия, а как идти, если водка не вся выпита? Если «колосники» шипят?

- Нет, это похоже на бронхаденит, - говорит Зоя Вениаминовна.

- Больничный лист можно выписать? - спрашивает санитарка.

- Можно, но он ничего не даст. Пусть брат выйдет.

- Бронхаденит, дорогуша, это туберкулез трахеобронхиальных узлов, - объясняет Зоя Вениаминовна санитарке, когда за па-

циентом закрылась дверь. - Надо взять направление у фтизиатра и ехать в областную больницу.

- Господи, неуж -то? Ехать? А где денег-то взять?

Обескураженная санитарка устало бредет к двери. Не надо никакой больничный лист!

- Повадилась, вертишайка какая, - значительно улыбается Зоя Вениаминовна в сторону дверей. - А вот съезди, покланяйся, проезд оплати, за гостиницы оплати, по врачам походи; это тебе... Зови бабку.

Бабке нужны были таблетки или порошки, которые бы помогли ей «весной картошку посадить».

И залилась добродушным смехом, коим обыкновенно смеются счастливые люди. Суровое лицо Зои Вениаминовны как - то насмешливо и вместе с тем завистливо уставилось на старушку. Сложила на столе руки и умиленно вздохнула, загадав следующее: «Да - а, мне до её годов не дожить. Нет, не дожить. Должно быть, муж у этой бабули скопытился от пьянства в расцвете сил. Счастливая...».

И тут Зоя Вениаминовна говорит:

- До картошки еще далеко, потому... Валя, выпиши направление в стационар. Полежишь, подлечишься...

- Што ты, што ты, девка! Какая я тебе больная? - воспротивилась старушка.

И раздеваться не стала, со стула встала, сделала прочь от стола шажок, на батог оперлась. - В больнице - то бывала три раза, и то робят рожала. Стану я по больницам ошиваться! Пропиши порошки, и на том спасибо!

И кинула на Зою Вениаминовну, а потом на медсестру Валю, глубоко благодарный взгляд женщины, много повидавшей на своём веку горя и мало добра.

Получив рецепты с побеждающими всякую немочь таблетками, и отдавши поклон с проступившими слезами, имеющими выразить душевную признательность за благодеяние докторши, старушка вышла из кабинета.

- Скажи, а? - говорит Зоя Вениаминовна медсестре Вале. - Вот есть же люди!

- Есть, - подтвердила медсестра Валя.
 - А то ходят и ходят, ходят и ходят, измором Измаил берут...
- Валя, глянь, - говорит Зоя Вениаминовна.

Медсестра всё понимает: надо отобрать из толпы жаждущих исцеления пациентов, на которых врач потратит минимум времени.

- Справки ГАИ? Платные медосмотры?

Дверь в кабинет приоткрыта. Медсестра загораживает свободный вход.

- Я за той женщиной, а та женщина за той бабой! - слышит Зоя Вениаминовна напористый мужской говорок.

- А ты не дави, не дави брюхом! - женский гневный, почти мужской тенор.

- У меня брюха нет, во, пощупай, сплошная груды! - мужской смех.

Вперед выступает рослый, одетый в черный костюм красивый мужчина. По его лицу пробегают судороги; наблюдательный глаз медсестры видит, что человек, коверкаемый ими, злился и вместе с тем старается не дать воли злости.

- Заходите, - медсестра Валя отдаёт приоритет очереди этому мужчине: «Вроде идёт первый раз... Наш или приезжий? Из администрации?»

Красивый мужчина зашёл в кабинет развалистым шагом грузчика, идущего на склад за мешком муки, прошел к столу и представляется:

- Отрепьев.

- Григорий Богданович? - живо интересуется Зоя Вениаминовна.

- Что вы, я не беглый дьякон Чудова монастыря. Василий Иванович. Слесарь.

- Интересно, и где же вы слесарите?

- Около молока и навозу.

- Занятно. Смею полюбопытствовать, вы тот инженер, что вложил ума московскому банкиру? Валя, помнишь осенью на «скорую» нас с тобой вызывали?

Медсестра согласно кивает Зое Вениаминовне, а сама во все

глаза смотрит на мужчину, вставшего в защиту отвергнутой, обруганной, обесчещенной девушки.

У Отрепьева не лады «со стулом».

- Валя, как там у нас с очередью в стационар? - спрашивает Зоя Вениаминовна.

- Есть место в шестой палате, - с готовностью отвечает медсестра Валя.

- Оформляй. Следующий!

Рабочий день близится к обеденному перерыву. Не надо думать, что все обратившиеся за медицинской помощью какие-то скользкие и непорядочные люди, пьянички, лихоимцы и прочее. Истина проста, как день: порядочные, совестливые, даже в очереди к врачу всегда в накладе; зашла, например, женщина, лицо до такой степени изморилось и обгорело, что решительно нельзя по виду её определить возраст и сделать на «вскидку» белую предварительную оценку состояния здоровья. Оказалось, это беженка из ближнего зарубежья, жила в Таджикистане - говорит, её продал свекор - таджик за двух баранов, и отрабатывала она долг два года. А как сбежала? Судьбе угодно было пригласить кого-то из русской дипломатической службы отдохнуть от дел праведных на ту бахчу, где трудилась рабыня. И жилья у неё нет, и семьи нет, и родни нет.

Временно взяли уборщицей в районный Дом культуры - благодарна всем! Лицо плачет, рот некрасиво расширился, слезы текут по носу и подбородку - дозвольте три дня полежать? У хозяев приехала дочь из института с парнем, её просят освободить временно комнатку.

- И жалоб на здоровье нет? - спрашивает медсестра Валя.

- Нет, милые вы мои! Три бы денечка...

- Валя, пиши старшей медсестре хирургического отделения. Найдет место.

- Спасибо, спасибо, милые вы мои!...

Медсестре Вале залегла в душу долго не спихиваемым гнетом история с рыцарским поступком слесаря Отрепьева:

- Говорят, банкиру восемь лет дали?

- Дали... - хмыкает Зоя Вениаминовна. - Дали да ещё подда-

ли. Судили - то где? В Москве, а Москва - это уже не Россия.

Посудомойка Нинка Закорюкина вытаскивает на крыльца столовки какой то белый бак, манипулирует крышкой и большим ножом - скребнем. Из кабинета видно, как пораженные, должно быть, резкими ударами вороны взлетают на сосны.

Пора передохнуть.

Зоя Вениаминовна и медсестра Валя идут сквозь шеренгу больных в столовую. Кто-то из пациентов будет сегодня «поститься» - не у всех денег хватит на обед, автобус, и покупку в ларьке, похожем на мышиную норку у автобусной остановки чего - нибудь такого памятного... Мороженого, например. Кто - то последует в столовую вслед за медработниками, и будет незаметно наблюдать, как живые боги кушают ту же пищу, что и все смертные, и жуют так же, и вилку салфеткой обтирают так же, и поварих за дым в столовой бранят теми же словами.

В начале пятого часу дня приём прекращается. Зоя Вениаминовна и Валя Анемиева покидают поликлинику.

- До свидания, до свидания, - прощается Зоя Вениаминовна с пятью пациентами, не попавшим на приём, - приходите завтра. Вас - много, я - одна; завтра всех примем первыми.

Пациенты не согласны; кто - то (явно из воинствующих товарищей) пугает врачей главным врачом, другой (явно из свежеспеченных господ) хочет выступить в районной газете; худощавая, молодая женщина (скорее всего гражданка или поселенка) с натугой повышает голос до крика:

- Да штоб вам всем! А как голосовать на выборах - пажа - алуиста, придите! У- у!

Пациенты разбредаются, бесцельно оглядываясь на корпус районной больницы.

Поездка в «Чистые ключи»

День холодный, серый. Нет зовущей летней синевы, солнце силится пронзить слабенькими полосками света низко плывущие над землей облака. Пролетают редкие, крупные снежинки.

Они плавно опускаются на землю и моментально исчезают. Что - то не ладится в небесной канцелярии: начало лета, береза лист выметала полный, неделю назад земля новый сарафан примеряла, а сегодня впору из клети доставать шубу.

Полнокровным сердцем трудится березовая аллея, огромное скопище грачей на деревьях. Птичью возню силится перекрыть мощный голос, должно быть, сам Федор Иванович Шаляпин исполняет романс, истинную трагедию неразделенной любви; настежь раскрыта дверь грузотакси «Газель», из - под машины торчат ботинки носками вверх.

Ушел титулярный советник
И пьянировал целую ночь,
И в винном угаре явилась
Ему генеральская дочь...

Желающему знать, куда меня занесло, признаюсь: прибыл я в санаторий, известностью своею и строгостью нравов (Адамовы ребятки до греха падки!) переплюнувший сказочные санатории Черноморского побережья, и зовётся «Чистые ключи». Шумно в «Чистых ключах», со всей области съехались работники социальной сферы, программа ожидается насыщенной. Ряды машин; на проходной, подобрав ремнём объёмный живот, опёршись на шлагбаум, стоит важный охранник, слоняются без дела шоферы, «обнюхиваются» и делятся новостями; возле торговой палатки снуют цыганки.

Есть затасканная фраза - «полезная общественная деятельность». И не нужно смеяться, это смысл жизни человека, заложенный самой природой. Возражений нет? Их не должно быть! Инстинкт жизни держит нас на поверхности, но счастья не даёт. Наши пращуры находили счастье в тепле, сытости, в семье. А что надо нам, людям, осваивающим Космос? Общение! Общение и удовольствие от общения, удовлетворение от деятельности - это уже современный душевный комфорт, если хотите.

Идём, поёживаясь, по «тропе любви» - так во всякого рода оздоровительных и культурно - развлекательных учреждениях

зовутся проложенные для прогулок отдыхающих дорожки. До торжеств, а по слухам я приглашен для вручения грамоты губернатора, добрых два часа. Дорога хорошая, выложенная кирпичом и плитками, опускается с горушки до маленькой, теряющейся в зарослях крапивы и ивняка речки. Мне незддоровится. Голова не болит, а стала будто чугунной, и каждое слово, каждое движение отдаётся тупым гулом.

По привычке начал было считать ступеньки. Но за разговорами - меня сопровождали две барышни из нашего районного ведомства - потерял счёт. Барышни в «Чистых ключах», как и я, не бывали прежде, свободное время решили использовать с толком. Не скажу, что они находились в том приятном забвении, которое обычно исходит от милых и ветреных молодых девушек. Мои барышни были солидного почти пенсионного возраста, прошли хорошую жизненную школу, и самое главное: в нашей быстро несущейся жизни не растеряли лучшие человеческие качества. Может быть, в глубине души у попутчиц глухо отзывалась мысль, что «скинуть бы мне лет тридцать, ну, хоть бы десять...». Но поскольку года скинуть ещё никому не удавалось, каждая соглашает просачивающиеся из молодости противоположные чувства на твердость добродетельного чиновника: «Как хорошо и на совесть постарались раньше строители, а ныне стараются работники санатория и лично заведующая Валерия Б-ицкая!».

Согласен! Барышни ни разу не ойкнули, ступая со ступеньки на ступеньку в туфельках на высоком каблуке - шпильке. Я поддерживаю похвальные слова в адрес неизвестной мне Валерии Б-ицкой - не вижу разбросанной винно - водочной посуды! Уж чем, чем, а посудой мы богаты. Через тысячу лет археологи будут находить огромные скопища стеклотары и удивляться: чем же занимался народ в те далекие мутные времена? И ненужные пакеты не раскиданы по кустам, и костры палят в специально отведенных местах, а шашлыки...

- Здесь, - говорит Любовь Витальевна.

- И шампуры! Гляньте, как шпаги! И уголь, и беседки! - с восторгом говорит Анна Андреевна.

Любовь Витальевна напитана доброй нравственностью и приучена к скромности. Подчиненные ей дамы - социальные работники, в большинстве своём - женщины, любят и уважают начальницу, без зависти взирают на её преимущества: никогда не говорить лишнего, за сказанное отвечать, не обижать насмешками других, «держать хвост пистолетом», если даже у самой на душе кошки скребут. Её кредо: любить себя до некоторой степени позволено и надо, но ставить себя выше других - никогда! При самом первом знакомстве с Любовью Витальевной, у всякого, должно быть, рождается сильное желание сблизиться с ней, ибо на приветствие она отвечает упредительной приветливостью, которая пленяет - она внимательна к собеседнику, и его речь слушает с возрастающим интересом и беспокойством, как бы подталкивая на откровенность, и глаза являются душу твердую, пылкую и полную сострадания.

Стоим у огнища, стоим и смотрим на угли. Несколько минут царствует общее молчание. Доверительность некоторого рода установилась между мной и женщинами за получасовое путешествие по окрестностям санатория. Моё отношение к шашлыкам? Хорошо бы на шашлыки шла баранина, а то... Как - то ехал на Москву и видел возле дороги сараюшку - шалаш, на которой надпись: «Свежие шашлыки». Дым, сизый дым, горбоносый кавказец вынырнет из дыма и унырнёт в дым, должно быть, дровишки сырье, к его «Жигулям» привязана тощая собака. Вовсе не имея пламенного желания поесть свежих шашлыков, ради интереса, попросил сына - сын возит в столицу пиломатериал, остановиться. Шашлычник бросил на меня взгляд не очень ласковый, хотя сердитое выражение его глаз имело причину быть таковым. На мой вопрос, когда шеф будет кормить голодных, шашлычник махнул засученной по локоть рукой в сторону обратной той, с которой мы прибыли. «Пэрвый - аттуда!». Станный предрассудок, подумал я, забираясь в кабину КАМАЗа, кормить сначала тех, кто мчится из Москвы. Вот такие они - «свежие шашлыки».

Лицо у Любови Витальевны слегка бледное, это, должно быть, от скверной холодной погоды; впрочем, бледность - совер-

шенно к лицу и задумчивому выражению глаз. На мою сказанную историю Любовь Витальевна засмеялась, подняла на меня большие глаза:

- Думаете из той собаки?

- Очень может даже быть! - ответила за меня Анна Андреевна. - Вот когда мы с Сережей были в Швеции, нечто подобное рассказывал нам экскурсовод...

...Раньше в аэропортах висели рекламные щиты: «Аэрофлот приветствует Вас! Экономьте время! Летайте самолётами!». Красивая, длинноногая стюардесса одной завораживающей улыбкой сражала пассажира наповал. Какой стан, сколько собраний прелестей неизъяснимых! Непонятная сила побуждала подойти ближе к рекламному щиту и убедиться, что не иначе, как гений Рафаэля, передал столько грации и ангельской невинности. Анна Андреевна в прошлом и есть та самая стюардесса. Я, первый раз увидевший её, забыл, что годы пропахали по моему лицу морщины, притушили огонь глаз, и снежной пылью истощена некогда пышная шевелюра; со мной стало что-то необыкновенное.

Мне пришла в голову странная мысль, что я уже видел её, я знаю о ней всё; черты этого нестареющего лица я всегда облекал в свою мечту, это был идеал моей прелести! Стоит ей только заговорить, и душистые локоны коснутся моих щек, я буду говорить ей заумные вещи, и мои слова будут замирать на губах. Удовольствие самолюбия проникнет в её душу против её ведома, она почувствует предмет моего восхваления, и моя страсть дойдёт к ней приятною дорогой...

Была у Анны Андреевны мечта однажды выйти из приземлившегося самолёта «Як - 40» в родном, райцентровском аэропорту, и, можете себе вообразить, как было бы приятно видеть изумленные лица парней, с коими танцевала, кои охапками кидали в её распахнутое окно сирены! Но... Это - в прошлом. Институт, пятнадцать лет работы в захолустной школе, и заведование школой - интернатом для детей с заторможенным мышлением. Муж Анны Андреевны - учитель истории. Имеет привычку поправлять на голове воображаемые волосы, а волос - два

ключка над ушами, любит рыбалку, фотоохоту, «исправил», как он выражается, историческую неточность, написал большущую статью для журнала «Вокруг света», что Кир вовсе не воевал Вавилон, а с большим шумом осаждал город и ушёл, несолено хлебавши...

Стояли на мостице через речку, гадали, много ли водится рыбы. Судя по двадцатилитровой стеклянной емкости, лежащей на дне и веревочкой притянутой к свае мостика, длина рыбешек не превышает длины спичечного коробка. Рыбина с четверть не пролезет в горлышко бутыли.

Всякая нелепость имеет своё основание. Горит костерок, вокруг огня сидят в креслах - качалках три дамы и бородатый господин. Все четверо курят. Мои дамы тихо подходят, как бы боясь вспугнуть, я плетусь сзади. Голова всё так же гудит гулом. Слышим голос бородача:

- Всё, всё, кончаем о грустном, и картину учителя Левитана - Саврасова «Могила на Волге», напрочь забываем. Вы в школе запинались за картину Левитана «Вечер после дождя»? А знаете ли вы, что маститые искусствоведы мой «Вечер» находят лучшим? У Исаака Ильича вечер какой -то будничный, проходящий, а мой - долгожданный! У него дождь уходит в мутной и мягкой синеве, но в небе, цвет которого напоминает зацветающую бруслику, беспределная легкость, у меня же - молодая надежда становления завтрашнего дня! И как мне быть? Отдать лавры первородства Исааку Ильичу, или за дождём вечера прописать радость лазури, теплой зари, свежести?...

Дамы молчат. Художник распустил павлинин хвост, его душа настраивает сердце, пробуя то одну краску, то другую - вот она, слава! Дама с бюстом - караваем, с деланным недоумением хмурился; две другие - явно настроены на продолжение сравнительной оценки полотен. С чрезвычайно выгодной стороны представлялся высокий лоб одной дамы, очень изящно обрамлённый откинутыми назад светлыми волосами. Кроме того, у неё были упорные, настойчивые, яркие голубые глаза. Вот она приятно нагнулась вперёд, пошевелила прутиком угли, и затянулась сигаретным дымом. Мне смешно: чего ху-

дожник мечет икру, этот тщеславный художник? Дамы далеки от искусства, им бы лучше - ночь; они веком не слышали о спутнице Левитана - Софье Петровне Кувшинниковой; но по достоинству оценить кошелек художника могут профессионально. Это лишь кажется, что в их глазах стоит вощенаяпустота, всё в дамах подтянуто, возбуждение обострено, каждую из троих должно быть терзает вопрос: «Сколько?! Сколько срублю бабок этой ночью?».

Вдруг художник обернулся, словно почувствовал, что за ним наблюдали, и я увидел неподдельный испуг на его лице. Я отвёл глаза, мне совсем не хотелось ни здороваться, ни слушать его похвальбу.

Отходим. Смотрю на Любовь Витальевну: во взгляде снисходительная настороженность и потаённая усмешка.

- А ничего, лет через тридцать, возможно рядом с Левитаном поставят, - смеётся Анна Андреевна. - У меня в школе тоже есть парнишка - художник. Малют и малют. Что, спрошу, нарисовал? Думает, думает и скажет: «Дядя Коля по рыжки пошёл». Упорный, но не хвастун.

После прогулки пошёл искать дежурного врача, как ни как, санаторий, здесь врачей должно быть пруд пруди. Наткнулся на администраторшу. Сидит за столом на врачающимся стуле, смотрит в окно. Администраторша вскочила поспешно, задержнула на оконке занавесь, спросила меня, закрасневшись, дрожащим голосом:

- Что вам нужно?
- Врача, - отвечал я женщине.
- Какого врача?

На меня смотрит пристально, даже - зверовато. Лицо какое-то потерянное, жалкое, вовсе не гармонирующее с её импозантной внешностью любимицы фортуны. Всякий, кто бывал на курортах и в санаториях, знает, что место администратора дорогое стоит, кормовое место, администратор - царь в своём курятнике.

- Голова болит.
- Чего вы ходите, чего вынюхиваете?

- Помилуйте, я ничего не вынюхиваю, у меня болит голова, и я ищу врача!

- Врача... Думаете, я не найду управы?! В открытую за мной ходите. Даже слежки не скрываете. Чего вы меня травите, чего травите? - вдруг всхлипнула администраторша.

- Да никого я не травлю, Бог с вами. Мне нужен врач, вы понимаете? Врач!

Женщина недоверчиво косится на меня, встаёт и идёт по коридору. Я за ней. Дошли до «Бухгалтерии», на следующую дверь показывает рукой.

- Тут.

Купил таблеток, выхожу, администраторша не отошла далеко, дожидается.

- А вы, правда, кто? - спрашивает.

- Шпиён, - тихо говорю и нарочно испуганно оглядываюсь кругом.

- Шпион... Кто, правда?

- Казачек засланный.

- Да ну вас! Нервы, извините.

Хожу по длинному коридору взад - вперёд. Ничего не думаю. Останавливаюсь у большого портрета. Кто же такой? Фотографическая карточка, снятая с человека в тот момент, когда он, тщательно причесав волосы, расправил усы и бакенбарды, аккуратно приладив галстук и сунув правую руку под полу сюртука, принявши умную позу, улыбнулся самым приветливым образом. Что написано под портретом? Достал очки, одел, читаю: «Межаков Павел Александрович». Какая историческая личность! Участник боёв с Наполеоном, образцовый помешник, поэт и литератор, автор сборника «Уединенный певец», предводитель губернского дворянства, попечитель гимназий, и главное - Павел Александрович открыл первую в губернии лечебницу для крестьян. Вот, оказывается, чей дух витает и поныне в покоях «Чистых ключей»!

Смотрю, как под гирляндой из надутых разноцветных шариков, по ковровой дорожке бредут в концертный зал женщины. Мужчин мало. В нетерпении пребывает молодой человек с ми-

крофоном в руке. Видимо, где-то получились накладки; к нему то и дело подлетают юные дамочки, докладывают обстановку. Я слышу: «Нет оркестра! И нет самого Маренина!». Молодой человек - и актер и декламатор, и отменный импровизатор; он весь - в движении. Он во власти той особенной летней тоски, с которой молодое сознание будто провожает напрасно пролетающую жизнь. В свежесть дня пытается пробиться сквозь стекла окон некая «настоящая» нота и пробиться не может. Стало оживленнее, легче, когда молодой человек решился запустить домашнюю заготовку:

- Раз, два, три... Господа и дамы! Отдыхающие санатория согласились принять участие в наших торжествах. Сейчас... Да, да, первым... Первым идёт... Кто бы вы думали идёт первым? Космонавт Юрий Гагарин? А вот и нет. Сам Павел Александрович Межаков! Ура - а! Ура дворянину Межакову!

О, росс! О, доблестный народ!
Единственный, неповторимый...
По мысли ты неутомимый,
По духу ты непобедимый...

Переступает с ноги ногу изображающий дворянина Межакова осанистый, суровый, седовласый, как библейский муж на иконе Дионисиева письма, отдыхающий в спортивной форме. Должно быть, почувствовал всю ответственность, что вертается через столетия на заброшенные дворянские вотчины. Рядом с «Межаковым» озирается беспокойный отдыхающий, чуть моложе и потоньше; и этот вознамерился поиметь «дворянские привилегии», уж ступил вперёд «настоящего» Межакова, на что «настоящий» Межаков рванул самозванца за плечо на себя и крикнул:

- Не замай, дай мне!
Вот что, значит, войти в образ потомка казачьего атамана!
- Раз, два, три... По ковровой дорожке идёт Владимир Вольфович Жириновский, гладиатор и борец за многоженство. Товарищ, товарищ, вас потеснил дворянин Межаков? Не беда, вы -

Владимир Вольфович! Владимир Вольфович уже засучивает рукава... Засучивайте, господа! Нагоните на себя дерзость, в Государственной Думе предстоит не шуточная баталия: принимать ли в пионеры любимую жену красноармейца Сухова Гюльчетай? Ура - а, нашему Жирику!!

Потом «идут по ковровой дорожке министр культуры Екатерина Фурцева, женщина космонавт Валентина Терешкова».

Жидкие выкрики, слабенькие аплодисменты. Что-то надеется аплодировать, скорее бы начинали торжественный вечер.

Наконец шествует Маренин и сопровождающая его свита. Свита несёт охапки цветов, дипломы и грамоты. Маренин то и дело кланяется в обе стороны, женщины ужимаются, пропускают областного начальника и громко приветствуют. Все бьём в ладоши изо всей силы; заждались.

Речь господина Маренина, пересыпаемая овациями публики: заехал издалека, и ехал неторопно: от древних славян (помочь, братчина, ссыпчина, потлаг, примачество, рекрутская повинность, смирительные дома, массовое кооперирование инвалидов в двадцатые годы и т. д.) Кончил словами индийского поэта Р. Тагора:

....Цветы похожи на слова,
И окружает, как безмолвье мира,
Их безглагольная листва.

С праздником! С праздником Вас, дорогие наши работницы социального фронта! Я готов засыпать вас цветами, милые женщины! Примите слова искренней благодарности за ваш труд, доброту и отзывчивость, готовность всегда прийти на помощь!

Вот мы в большой вместительной столовой. Четыре ряда столов, и усаживается за каждый стол ровно десять человек. Прикидываю: столовая готова принять минимум четыре роты голодных солдат. Похвально!

Выпитая водка располагает к любезности. По началу за столом говорили тихо; за первым столом при входе в столовую засели господин Маренин и его свита. Речи, речи... Микрофон кочует от одного оратора к другому. Большой колокол (началь-

ник департамента господин Маренин) выдал густой, приправленный щедрой губернаторской пригоршней звон, и стали мелкие колокольчики наперебой звенеть, дребезжать. Все поздравляют «наших милых дам» - работников социальной сферы с профессиональным праздником, желают дамам и барышням добра - здоровья, долгих лет жизни, терпения, благополучия, а уж они, речистые ораторы, приложат все силы, чтобы простому пенсионеру, инвалиду, сироте, безутешной вдове, жилось день ото дня лучше. Кому не хочется жить лучше? Кошку погладь, и кошке приятно... Аплодисменты, аплодисменты, аллеи улыбок.

Боже, ты мой, как много красивых, нарядных, милых женщин! Я забылся, рассматриваю даму, сидящую за соседним столом. И до чего ж хороша! Где мои семнадцать лет да красная рубаха! Какое нежное, немного располневшее лицо; какие губы, оживленные улыбкой удовольствия и неизъяснимой прелестью выражавшейся в развороте всего стана в сторону ораторствующего чиновника! Представил, что у неё есть муж, этот муж угнетает ревностью, - ревность обязательно гнездится в воображении изрядно выпивающих мужей; сегодня она дышит свободой и не держит отчет перед ревнивцем - пусть дома муж побесится...

Милая женщина, как приятно тебе в этом зале! Конечно, всё, что болтают ораторы, тебе кажется умным и замечательным. Хотя оно так и есть; а теперь почему ты смотришь в пространство, милая барышня? Ну, посмотри на меня, без всякого подъёма, просто так посмотри; ты вздыхаешь: ассоциации, я понимаю... Меня пробудил от моей забывчивости невнятный шум, похожий на шум полузванных вопросов и полуответченых слов, - окидываю глазами наш стол и вижу, что все женщины подняли рюмочки с водкой, и их взоры обращены на меня. Тут я вспомнил, что нахожусь в «Чистых ключах» в роли свадебного генерала, где приличие должно замещать всякие ощущения, и где признак рассеянности и влюбчивости кладёт печать смешного даже на генерала.

- За нашего писателя, - говорит тост Любовь Витальевна.

Женщины за столом поддерживают тост, приличный сему

торжеству, я же в ответ предлагаю выпить за красоту и ум присутствующих женщин.

- А гусары за женщин пьют стоя, - озорно подмигивает Анна Андреевна.

Сидела Анна Андреевна напротив меня, сначала смотрела на соблазны с апатичным равнодушием, даже как - то косилась на богато сервированный стол, ела неохотно, потом стала смотреть в мои глаза, как бы разглядывая или желая прочесть в них этот, ещё не написанный мной рассказ, и вот выдала поучительный тезис. Делать нечего: за женщин всегда надо держать первый тост, а не в средине ужина, я встал, заложил левую руку за спину, и выпил рюмочку.

В зале три семьи, взявшие одиноких чужих старух на содержание. Внимание, под моим прицелом сидит такая семья. Мужчина грустный, весь обоженный солнцем - когда этой семье вручали на сцене пылесос, зачитывали биографические данные: мужчина работает трактористом в колхозе, а женщина (лицо, как кирпичом ободрано) - почтальон. С родителями две дочки, такие упитанные, розовощекие, разновозрастные девочки в джинсах. Когда они проходили на сцену, я невольно хотел предупредить их, что ступеньки высокие и шагайте осторожно, а то можно порвать штанишки.

У мужчины отвислые усы запорожца - сечевика.

Фрейд был мелкий человек, если считал инстинкты непобедимыми. Нет спору, они могучи, но не настолько, чтобы заставить оказавшегося в большом свете, при большом скоплении народа, в ярко освещенном многоголосом зале обыкновенного нашего мужика есть, что душе угодно: и виноград, и мясо, и цыплята, и ветчина и ещё верных пятнадцать блюд, не считая водки. Мужик поковырял вилкой в наложенной женой тарелке, и сидит, так исподлобья, так осторожно, будто сыр наблюдает за залом. И гладит усы. Привычка, должно быть. Жена толкает его в бок: ешь, чего пялишься? Вон как наши дочки выполняют другую норму поглощения пищи! Но мужик непоколебим. Понятно: день за днем трактор, мастерская, поле, пыль, холод, снег зимой в деревне до подпазух - кто поселенцам снег разгребать ста-

нет? А тут музыка гремит, жратвы - веком не снилось той бабке, которую они приютили у себя, начальники - сама любезность, всей душой за наш народ и многострадальное Отечество... оторопь берёт!

Идёт по проходу между столами дамочка, ни дать ни взять - последний писк моды от самого... Кто у нас из портных любит психопатические наряды «я летучая мышь, мой мотылек»? Я её сразу признал: та самая, с настойчивыми голубыми глазами, что сидела час назад у костра с художником и другими дамами. Она порядком навеселе. Волосы нарочно взбиты - верно, готовилась к атаке на зал и нагоняла на себя решительность. Останавливается против нашего мужика, прикинула что - то и забирается к нему на колени. Обнимает за крепкую загорелую шею, шепчет что - то в ухо, а мужик выворотил на меня глаза и сидит, не дышит. Наверно, мужик откинулся памятью в те годы, когда жена была тонюсенькой тростинкой, сидели рядышком под летними звездами, он был переполнен таким чувством, которое можно назвать одним старинным словом - возвышение.

«Да ты штоо! - шипит жена мужика и пытается вызволить мужа из объятий. - Совсем шифер поехал?!». Я незаметно наклоняюсь к Любовь Витальевне и пересказываю сценку, проходящую за её спиной. Любопытно, Любовь Витальевна разворачивается в пол-оборота. Следом за Любовь Витальевной весь наш стол начитает переживать. Жаль, лицо мужика загорело до черноты, будь оно незагорелым, мы бы точно увидели лицо красное от стыда. Дамочка спрыгнула с коленей мужика, на прощание чмокнула в лоб и пошла разбитой, вихляющей походкой дальше между столами. Зато как порозовело лицо у жены мужика! Как она зло фыркнула на мужа! Тот в ответ усмехнулся и задорно хрюкнул. Взял вилку и начал есть. Куда подевалась его настороженность? Такой сделался довольный, весёлый, нагоняет в еде упущенное.

Кончен бал.

Сидим плотно. Я зажат на заднем сидении Любовь Витальевной и Анной Андреевной.

Беспредельные дали стали казаться прозрачными - ночь то

слепила встречными фарами, то вымётыала высоченный лес по обе стороны дороги, и дорога чернела маслянисто и густо; всё как - то особенно успокаивало, согревало как бы уютом... Даже зевать хочется.

- Чтобы сразу не уснуть и не стукнуться лицом в чего - нибудь, а дорога длинная, и если я попрошу вас, Анна Андреевна, ответить вот на вопрос: «Как вы спустились с небес на гречную землю?». Вопрос не праздный, ибо я до сего дня представлял тех, кто трудится на социальной почве, людьми, сменившими выбранную дорогу по каким - то особым причинам, так сказать, по «остаточному принципу».

- Что вы право! - Анна Андреевна вздрогнула, отклонилась корпусом на спинку сидения, выпрямилась. - Вы как тот корреспондент, помните, Любовь Витальевна? Я ему на бумажке сначала написала, что являюсь заведующей «Комплексным центром социального обслуживания населения», - говорила Анна Андреевна.

- Пьян, что ли был, корреспондент?

- Не пьян, а рафинированный какой - то интеллигент. Записывал в поминальник всех старух по имени - отчеству. Врубиться не мог в понятие социальной работы. Для него вся наша служба - что - то вроде богадельни при монастыре. Он даже порывался выступить перед инвалидами и старушками о реформах Петра I и Павла I. А как обиделся, как обиделся... Любовь Витальевна, помните, как я поправила его, что Приказы Екатерины II назывались Приказами общественного призрения, а не презрения? Плохо подготовился товарищ, - засмеялась Анна Андреевна.

- Признаюсь, я тоже подкован на одну ногу. Так поведайте, как из стюардесс выходят работники социальной сферы?

- Даже очень просто. Погиб мой отец; перевозили коров, а он стоял, как грузчик, в кузове тракторной тележки вместе с коровами. Тележка перевернулась и... насмерть. Я так и не увидела Рим. Глубокая осень, дорога вся изрезанна колеями. Ночь, сижу я подле отца, в нетопленой горнице положили, у него три брата в городах жили, дожидались их приезда, слеза слезу побиваёт. Мать, понятное дело, с ног валится, сестра да братишко Лень-

ка спят... Задремала. Отошла в жилую избу, прилегла на диван. Пробудилась - горим! Сбежалась вся родня с деревни, пожар потушили. Оказалось, свеча стояла в изголовье, упала, да упала на церковь - братишку Ленька из спичек выстроил макет храма. Много коробков спичек извёл. Половики сгорели, из одежды кое- что... Это бы сейчас, когда в деревне у многих стены в коврах, шторы на окнах. Потом, на девятый день, стали на деревне судачить: не надо было свечи ставить, Андрей Борисович кипя-ток был, через слово «бога в душу», поминал, вот его Бог - то и встретил. Не знаю, может, и не надо. Так и отлеталась.

- Теперь мне анкету заполнить? - сказала Любовь Витальевна. - Что ж, я училась в сельхозтехникуме на бухгалтера. Уж на третьем курсе была. Мать бухгалтером в колхозе двадцать лет работала. Идём однажды с сенокоса. Устали. Раньше работали, сами знаете, допоздна. Бежит нам навстречу тетя Маня, тяжелая на ногу была, задыхается. «Валентина Михайловна, ходчее! Ходчее! Прокурор сурьёзный из городу по твою душу!». Бежим к колхозной конторе, сидит на лавочке такой упитанный холёный боров, костюмчик, рубашка... Вот рубашка - до сих пор перед глазами, белая с красными тонкими полосками. «Сколько ждать можно?! Совсем распоясались в этом колхозе!». И как начал мать бранить! За шкуры. Видите ли, колхоз в прошлом квартале не сдал шкуры с павших коров и телят. Три шкуры! Мать пытается объяснить, что с павших, а может быть, заразных животных шкуры нельзя снимать, животных хоронят в шкурах, а он как наставит указательный палец ей прямо в лоб, да как рявкнет: «Тогда с тебя шкуру снимем!. И пальцем ей в лоб. Мать так и села... Я обет положила: в колхоз не ногой! Перешла в пединститут на первый курс, а потом замужество, работа в школе, и заведующая отделом социальной защиты. Чем могу, помогаю старушкам, бывшим колхозницам. Шкуры у них - дубленые...

Я охвачен чувством сожаления, и ещё что - то особенное, как туманное, отдаленное воспоминание шевелится в душе. Все мы родом из деревни. Деревню не надо украшать эпитетами. Деревня сыта зренiem. Не надо собирать воедино рассейнную вокруг нас красоту, надо чувствовать суть деревни

подошвами ног. В деревне долго живёт человеческое добро, будто в воздухе после заката долго бродит тепло - запах сена, хлебов, зреющих яблок. Добро в деревне - это спираль, развернутая в беспредельность...

Мчались быстро и без остановки. Шофер, молодой парень с бритой головой, еще не произнес ни слова. За стеклами машины ночь. Трясёт изрядно.

За короткое время мое воображение как просветлело, и в нём прорвалось наружу нечто непосредственное моё. Я понял, что поездка обогатила меня.

Вели беседу о помещике Межакове; не скажу, что впечатление от игры отдыхающих санатория было в моей душеочно и сильно, ни к чему было прославленного сына Отечества выставлять мешковатым шутом.

- Я вам лучше прочитаю стихотворение слепого поэта Михаила Суворова, запало как - то в душу:

Переменчива погода, словно моды,
Только, сердце, не меняйся ты!
Пусть вихрятся над тобою годы,
Отцветают песни и мечты,
Только, сердце, не меняйся ты!
Сохрани взволнованную нежность
К первым всплескам зелени в садах...
Пусть морщины лоб упрямо режут
И румянец тает на губах.
Только, сердце, не меняйся ты!
Не меняйся в чувствах и стремлениях,
Выбран путь, стучи в груди, стучи
И неси на крыльях вдохновения
Радости звенящие лучи!

- Вы анекдотов много знаете? - спросила Анна Андреевна.
- Анекдотов? Как - то обстановка не располагает, потом перезабыл все анекдоты.
- А чего так? И концерт вам не понравился? Как красиво де-

вочки выступали, а они ведь почти незрячие, которая получше видит, та поводырём у совсем слепой. Жалко...

- Понравился, - во мне закипело возмущение против нелепостей, из которых состоит жизнь: никто не виноват, что юные девочки слепые, все мы виноваты, что не можем создать жизнь без этих страшных драм. - У нас в деревне слепая Тоня Папина жила, вот память была! Особенно любила сказки сказывать. Сама сочиняла. Жива ли, нет ли?

- Жива, - говорит Любовь Витальевна. - Живёт и здравствует, и двух дочерей родила.

- Надо же? - и мне сразу стало легче на душе. - Дома обязательно всем скажу. Помню, старухи о Троице сидят, рассуждают, и смерти ей, слепой, желают. Какая - то радость завистливая в них была оттого, если бы Тоня умерла, не мучилась. Брат у неё - такой урод... Сынишка в лужу заполз, он Тоню бьёт, поросенку понесла корм да пролила ведро, беда. Бил, как скотину, с горя, должно быть, от неосознанной злобы. Рассудительные речи о слепых сводились у старух к тому, что инвалидам не надо жить. Раз Тоня услышала старух, виду не подала, что услышала, идёт, багажком постукивает о дорогу. Отошла, на угол у нашей бани оперлась и плачет, как скулит, тихо так, знать, почувствовала ненужность свою ни к людям, ни их немилосердному богу. Жена моя успокаивала. Слышал, увезли её в инвалидный дом, а дальше...

- А дальше ваша Антонина Папина стала собирать мебель. Да ещё какую мебель! И комнату ей в общежитии дали, и кавалер, тоже незрячий, нашёлся.

- Да - а... «Господь умудряет слепцы» - верно сказано.

- Маренин готов нас цветами засыпать, - говорит Анна Андреевна. - Нет бы низовому нашему звену зарплату хотя на тысячу подняли, - не дамам, не барышням, а нашим бабам, а бабы без цветов проживут. Писатель, вы знаете, сколько получают те, кто обстирывает престарелых, моет полы в избах, носит за пять километров из магазина продукты, пишет письма внучкам от дорогих бабушек? Две, три тысячи!

- Мало!

- Вот вы и напишите, что мало. А знаете, сколько в казино за

ночь оставляли наши разжиревшие коты? Тридцать тысяч! Молодец наш Путин, догадался, прихлопнул очаги растления.

- Откуда такие сведения, Анна Андреевна? - спросила Любовь Витальевна.

- Через дорогу это казино было, мне ли не знать?

Поток машин иссяк. Редко обгоняют нас, редко несутся на встречу горящие фары. На кругом и открытом взгорье было со всем светло. Автобусная остановка. Помещение для ожидающих пассажиров, напоминающее угрюмый могильный склеп.

Вдруг Любовь Витальевна резко подалась к окну и почти кричит шоферу:

- Стой! Сдай назад!

- Пьяный, чего подбирать... - бубнил недовольно шофер, но машину остановил и сдал назад.

Все вышли из машины. Сильно и крепко пахнет водяной свежестью; сбоку протяжно и радостно, окликая утро, тянет одиночную тосклившую песню коростель.

К дороге от помещения полз мужчина. В одних трусах. Нам он обрадовался, стал приподнимать голову и уронил на асфальт. Шофер сунулся к лицу, принюхался, распрямился, пожал плечами.

- Грузим в машину, - распорядилась Любовь Витальевна.

- Ага, грузим, потом... По судам затаскают! - сказал шофер.

- Открывай дверку, живо!

Мужчину погрузили. Лицо его было в крови, под голову ему шофер подсыпал какую - то тряпку. Стали рассаживаться; оглядываюсь, внизу овраг, затянутый сумеречным светом. Шофер завёл двигатель, посидел, выключил зажигание и вон из кабины. Видим, он осматривает помещение. Ничего не нашел, вернулся.

- Теперь поволочат, - сказал зло. - Бывали рога в торгу, знаю.

- Перестань, Толя, - остановила Любовь Витальевна. - Соображай, где тут милиция близко или пункт скорой помощи?

- Помощи... Они помогут. Так помогут, что права год выправлять станешь.

- И чего ноешь? Ты что один? Вон нас сколько! Давай, давай, родной!

Едем. Сзади стонет подобранный мужчина.

...Я вижу бредущую по деревне с батожком Тоню Папину. Вот она поклонилась мне с неизъяснимой приятностью. Я же чувствую холодную нечувствительность, что отталкивала моё сердце и в иные минуты производила во мне невольный страх, которого я стыдился. И тут печальные представления мои из жизни немощных исчезли за длинным поворотом дороги; будто наяву Тоня Папина повернулась в мою сторону, вся подалась вперёд и вполголоса, словно поверяя сокровенную тайну, сказала:

- Люблю людей!

Борода

Поглядеть - бери Васю Угрюмова голыми руками. С виду не мужик - размазня какая - то, а натурой - волк. Как будто очертил себя угольком: что в кругу, то - моё, что за кругом - к рукам прибрать не мешало бы, а не прибрасывай - гори оно ярким пламенем. Идёт по деревне раздумчиво, со всеми здоровается, кошкой заходит с боку, вид делает, как он уважает встречного, но это только вид и ничто большее. Никто не верит в искренность Васи Угрюмова. Не верит, за глаза смеётся, а в глаза обращается с ним снисходительно, может, когда и пригодится этот прощелыга. Про таких, как он, говорят: сразу не умрёт, сначала обомрёт, чтоб видеть, куда в аду ступить. Таков уж наш человек; вроде за ценой не стоит, а ценой дорожит; нашего - на вороной не объедешь и иной ценой не собьёшь.

Под конец правления коммунистов бабы ходили в магазины не платья - кофточки смотреть, а ходили толкаться в очередях, проклиная власть и порядки, сверять сельсоветскую «черную» кассу с «белой», отоваривать талоны на сахар - соль, а мужики заглядывали в магазины при наличии талончика на водку. Продавцы тогда уважаемым сословием стали. Вечером привезли с базы дефицитный товар, утром - хоть шаром покати; а что самое

интересное – глотки рвут продавцы пуще всех, доказывая свою честность и совестливость.

При коммунистах Вася Угрюмов по торговой части «волок» так себе: кошелек у жены, стало быть, что он в магазине забыл? Правильно, ничего. Потом, пьёт он больше на чужие, на чужие водка «идёт», что чёрт в лапту с хозяином глотки играет. С годами стал легкомыслен и самонадеян. Должно быть, оттого, что дома по хозяйству жена воротит, а в колхозе – с Васи спрос не велик; где на Васю сели, там и слезли. Как зашатались у власти коммунисты, вдруг так много проклонулось замордованных демократов. Диву даёшься: как эти демократы вынесли на себе гнёт большевиков? Что в райцентре, даже в деревне Кислой, мужики сильно усомнились в честности и порядочности рвущихся к штурвалу власти либеральных перевертышей, но перечить не стали: хрен с вами, правьте.

Сумно на деревне. Ещё бы не сумно: порядки старые рушатся, а каким быть новым – пёс его знает. Побывают деревенские в райцентре, дивуют: ну-ко, на каждом углу торговля бойкая идёт, торгуют брюками и сапогами, нательным бельем и шубами, только солёных гвоздей и нет. И товар сплошь заграничный, с заклепками, с карманами, с нашлепками. Закрыли в райцентре льнозавод, строительные и ремонтные организации. Вчера мастевые и учителя стоят за прилавками, нахваливают халаты иочные колпаки. Смекнул Вася Угрюмов: торговать – не бревна катать, далеко – о полегче, и копеечка от торговли – живая деточка; главное – раскрутиться.

Лениво поднявшись с широкой лавки, жена Васи Угрюмова – Галина, с широкоскульм, пасмурным лицом и с большими, черными, с желтоватыми белками глазами, закинула руки за голову и потянулась, извиваясь всем телом и выставляя вперед грудь. Вчера была Радуница, день поминания усопших родственников. Вася так «напоминался», что лежал в данный час на кровати с больной головой, и не хотел вставать. Сколько вчера на кладбище было вдов! Со слезами просят «приворотить» то одна, то другая, помянуть покойника. Сберегли вдовы талончики на водку, отоварились,

и рады всякого угостить. Вся в слезах, нахохлилась, выставила на столике пару бутылок водки, беспокойная тетка Фелициата, и всякого идущего окликает: «Помяните, люди добрые, Васильюшка моего!».

За голована дядю Ивана пригубил стаканчик; за работающего совестливого Федора полстаканчика; за заслуженного фронтовика Ивана Максимовича на лоб опрокинул, за тестя своего стыдно не выпить... Вдовы рады! Не высок начальник Вася Угрюмов, а для них в такой светлый день он - как бы товарищ от райкома партии нежданный - негаданный, и выполняет этот товарищ указание самих верхов, поминает, хвалит усопших и желает им вечного покоя.

Закусь у каждой вдовы особенная, как на выхвалку, одна перед другой разослали скатерти на могилах; тут и огурчики, и колбаска, и обязательно рыбник. Жена на кладбище не ходит в этот день, она ходит о Троице. О Троице народ по кладбищу не лётом летит от могилы к могиле, никто никого не зазывает, присела у родимой матушки возле крестика, сиди да вспоминай только одно хорошее. Васю привезли домой на тракторе, выгрузили на крыльце, и лежал он на крыльце, лицом сунувшись в вылизанную собакой черепушку, на старой фуфайке ровно столько, сколько жена поправлялась с коровами на скотном дворе. Да и пришла, так не сразу с дочерью в избу потащили, расплакалась, и, вытирая концами ситцевого платка, сквозь слезы стонала:

- Загуби - ил... Загуби - ил, ирод окаянно - оий...

Вася чувствует направленный на него жесткий взгляд жены, делает лицо меланхолическое.

- Вставать-то думашь? - спрашивает Галина.

- Надо бы.

- Свинья - она и есть свинья настоящая. Чего седни не хрюкаешь? Придурок! Упал между могил, и ещё песни срамные ору... Придурок! Когда у тебя ум - то будет? Весь сельсовет хохочет, поди - ко...

Жена «сняла» с Васи «стружку» - перебрала всех животных и птиц, как она считала, живущих на белом свете «не знать и для

чего», завтракать не стала и пошла на скотный двор к своим кормовам.

Раскручиваться Вася Угрюмов начал в райцентре, на рынке. Торговлю повёл с проста: выложил на капот видавшего виды «запорожца» тестя десяток мужских трусов и стоит, вертит шеей, клиента засматривает. Когда - то давно жена прикупила пачку этих трусов отцу фронтовику, но отец умер, а трусы зятю оказались великоваты. Вася из себя немного сутуловатый, сухой, с горбатым носом, стравившимся как будто понюхать, каким одеколоном пахнет подбородок. Лицо - раз в купечество пошёл, бритье не стал, решить бороду отпускать. С бородой, думает, клиент к нему со всем уважением; купец с бородой - слова купеческого хозяина. Потом, вдруг да кто знакомый из своей деревни на рынке покажется, борода, глядишь, и отведёт от насмешек.

«Запорожца» намеренно приткнул чуток сзади торговых рядов, вроде как он тут вовсе не при делах, человек случайный, а что товар на капоте лежит - сушу. Имею я право свои трусы подсушить на солнышке? Имею. Пока за солнечную энергию денег не взыскивают. Если появится сборщик податей да запросит плату за место, покочевряжится для виду, а потом пойдёт на обострение отношений: «Это я - то торгую? Ты протри глаза, ягодка, где турецкий берег, где «маде ин не наше»? Сборщик подателей не шёл, и клиент, чёрт бы уволок привередливого клиента, косяком не валил. Видит, посматривают в его сторону опытные торговщики, вроде шепчущиеся между собой. Вася Угрюмов предположил худшее: «Побаиваются конкуренции. Ужо, ведьмы, мне бы только старт взять, изначальный капитал заиметь, я бы вас...». В мыслях Вася хотел на месте торговых рядов поставить хороший магазин и обязательно «присобачить» красивую, заманивающую вывеску «Торговый амбар Угрюмов и сын». И вовсе не важно, что сына Вася не имел, для пущей важности можно вынести кандидатуру несуществующего сына на всеобщее обозрение.

Несколько слов из характеристики на Васю Угрюмова, зачитанной председателем колхоза на общем собрании: «...определенного занятия не имеет, к серьезному труду не способен, измощенничался до того, что только и помышляет, как бы кого

надуть». Жаль, председатель не развил дальше тему, и не сказал, что Вася Угрюмов считает себя человеком образованным, перед мужиками поднимает нос и называет их (в разговорах с людьми подобными ему и тоже образованными) «пьяными мордами».

То, что несколько раз на году Вася сам бывал изрядно пьяным, он как - то забывал. И ходил по - городски, то есть, одевался в костюмчик, пусть и старенький, сапогам предпочитал полуботинки. Было смешно видеть Васю, прыгающими по деревенской улице. Ну-ко, трактора гусеничные годами бухают из ямины в ямину, да тут сапоги нужны с голенищами до подмышек! Главная деятельность Васи Угрюмова в колхозе заключалась в «изморе» - то есть, брать измором бригадира, экономиста, бухгалтера, председателя, кладовщика, да кого угодно. Придёт, бывало, в контору, встанет перед секретарём парткома колхоза, корчит жалкую физиономию, лжёт, клянется, просит, ошельмует любого честного. Секретарь - третий калач, из своих, из деревенских, век не скажет, что на уме. Разведёт говорильню, а к чему эту говорильню приложить - иди к экономисту, интересуйся расценками.

Народ замечает: если Вася Угрюмов топчется у конторы, значит, Васе что - то надо вырвать, добыть. По какой - то надобности заглянул в гаражи или мимо ремонтной мастерской правился, считай, чего-нибудь да спёр. Не равнодушен Вася к разложенным на столах ключам, выбракованную сердцевину радиатора домой упрёт: медь, а медь когда-нибудь востребованной будет.

Нет, не катил к Васе народ за товаром. Даже не подходил, даже не замечал хороших мужских трусов! Хотя и народу... так себе.

Жара. Проносясь в раскаленном воздухе, жужжат заунывную песню пчелы. Видимо, рядом с рынком кто - то держит пчел. Разморились торгашки, рады бы в тень, да торговлю не бросишь. И Вася Угрюмов разморился, несколько раз пил воду из взятой про запас посудины. Щупает трусы на капоте - горячие, знатно прожарились. Бросил взгляд на безоблачное небо, где в полной неподвижности висело солнце, и ощутил ту глубокую, не сравни-

мую ни с чем напряженность, какая бывает на лугах в эти дни. Кругом потные, загорелые, усталые лица, овод, нервные окрики металышников сена... « Да - а, - размышил он, - не позавидуешь».

Идёт по рынку молодая женщина, красиво подобрав юбку и давая возможность всем желающим вдоволь налюбоваться на хорошенькую ножку. Торгашки оживились, начали предлагать товар. Женщина мельком оглядела прилавки и пошла дальше.

Вот подходит к Васе Угрюмову торговка, баба - что вдоль, что поперёк, нос толстый, лицом угреватая, еще и малость усатая, и тихо так, спрашивает:

- Как торговля, удалой купец?

Покосил Вася Угрюмов голову на бок, прищурил правый глаз и тоже тихо отвечает:

- А тебе, извини, какое дело, а?

Торгашка принялась что - то соображать, задумалась, верно, силилась припомнить что - то, вдруг громко сказала:

- Дурак!

- От дуры чую! - парировал Вася Угрюмов.

- Сколько тебе за них дать? - спрашивает торговка, ничуть не обидевшись.

Вася назвал цену.

Торгашка достала из кошелька на поясе деньги, посчитала, и подала Васе. Он быстренько пересчитал бумажки, воспротивился.

- Да ты! Ишь, какая!

- Хватит, хватит, давай сюда своё барахло.

Медлит Вася Угрюмов, хотел было обозвать торговку спекулянткой да опомнился.

- Маловато.

- Хватит, я сказала!

И, проговорив это, торговка сгребла трусы в кучу, подмышку сунула и пошла на своё место.

Домой пылит на «запорожце» смотрит, киномеханик Иван Степанович на велосипеде везёт из райцентра банки. Не везёт, велосипед ведёт с притороченными банками. Вася машину остановил, спрашивает, сколько Иван Степанович даст, если он

банки в свою машину погрузит. Все же от райцентра до ихней деревни двадцать километров да и дорога - не асфальт гладкий.

- Уж как - нибудь, - тяжело выдохнул Иван Степанович. Толстые губы оттопырил. - Што тебя загружать

- Ну, как хошь, - сказал Вася и поехал дальше.

Ехал и бранил про себя Ивана Степановича: «Что за люди, а? Вот на кой черт ему нужно на велосипеде двадцать километров тащить банки в райцентр да двадцать свежие банки обратно? Дурак! Пенсия идёт, детки на крыло встали и разлетелись по городам и весям, да стал бы я! Венька деньги валит - всё мало! Дурак старый!».

С той поры и стал Угрюмов торговать - поторговывать. Стала борода силу забирать. Лицо его сияло довольствием. В шкафу мало оказалось новых вещей, всё больше бывших в употреблении, но Васю этот факт не смущил. Раньше в колхозе деньги давали раз в месяц, обязательно четырнадцатого числа, нынче не выдают по полгода, все в кантоне переругались, доярки начальство берут в штыки, начальство дуется на доярок, а тут каждый день получка! Пусть маленькая, но каждый день. Галине от денег стало как - то тяжело и безнадежно спокойно, в ней родился вкус к деньгам, очень даже похожий на жадность. То, чем жили они с мужем раньше, чем жил весь колхоз, навеки исчезает в темном водовороте непонятных реформ. И зря колхозное начальство все беды валит на районное - народ на глазах меняется, народ с опаской говорит об имущественных и земельных паях, (а глаза - то у народа дерзкие!). Всем хочется забежать вперёд, чтоб не остаться с носом. Вот накричится народ вдоволь, определится с «врагами» и заснёт в опечаленном молчании. Случалось такое и раньше, ибо наша держава похожа на испытательный полигон. Только раньше колхозники не затопляли криком, говором, злым смехом заседания правления колхоза, не слепили сверканием зубов и возбужденных глаз. Раньше маленькие недовольные ручейки неслись в шумный, бурлящий поток, не давили на плотину власти.

Галина стирает простыни и пододеяльники, наволочки и полотенца, гладит, а Вася загружается и в райцентр. Выручала всё

та же толстая усатая торговка. Вася познакомился с ней: заведовала столовой, столовую закрыли, а жить чем - то надо? Надо! А зовут торговку Шурой. Видит Вася Угрюмов, что он вроде как подручным у неё заделался, что баба к нему - со всей душой, не утерпел как - то, взял её пухлую руку и пожал в знак сердечнейшего сочувствия. Торговка и говорит:

- А ты ничего... Споймся.

Не верит Вася Угрюмов. Смотрит в землю, сдвинул брови: неужели он у чужих баб на хорошем счету? Отпустило вроде, слезы простили. Глаза вытирает, размяк:

- Уж я...

Знает торгашка Шура, что не своим делом занимается мужик. В столовой работала, привыкла чужое горе, как своё, принимать, не может отказать человеку, да и времена не тянут свет Божий; уходим мы от света Божьего угрюмые, недоверчивые, обиженные, далеко прячем ото всех думы ...

Вася Угрюмов идёт вдоль деревни, смотрит, председатель колхоза, опечаленный чем - то, сидит на скамеечке у конторы, курит. Подошел к нему, стал издалека заезжать, мол, есть в колхозе склад, а в складе столько простыней, одеял, раскладушек, и думает он свой имущественный пай выбрать этим «барахлом», никому не нужным. Выражение лица Васи Угрюмова внимательное и до притворства любезное, казалось, ещё минута, и он расцелует хозяина колхоза. Молчит председатель, а Вася хочет- ся найти в движениях, вздохах председателя признаки тяжелого горя. Как было сказано выше, не особо Вася Угрюмов почитал начальство за то, что оно кормится за счет таких Васек, как он, и вроде как не замечает простых работяг. Вася хочется видеть председателя страдающим, сломленным и сознающим, что именно председатели виновны дважды в том, что литр молока стал в три раза дешевле литра дизельного топлива, что развалился в районе льнозавод и строительные организации уже начали растиствовать; вторая вина - председателей учили в совпартийной школе. А теперь всем ясно, какими тиранами были коммунисты!

- Тебя давно били? - неожиданно спросил председатель.

Берёт сигарету пальцами левой руки, зажимает пальцы правой в кулак, кулак нюхает и начинает кулаком себе по колену стучать.

- Как били? - опешил Угрюмов.

- Как бьют... Крепко так кульышкают, под дых суют и суют, суют и суют.... Потом на тебе поскакут, чтоб моча лишняя вышла.

Вася Угрюмов счёл благоразумным уйти небитым.

И всё же мысль, что колхозные простыни, одеяла и прочее должны достаться только ему, не покидала. Он клял себя за легкомыслие: хватило ума идти да просить, а надо было пару досок выпилить ночью и тихонько таскать да таскать. «Теперь не выпилишь... Эх, голова два уха!».

Очередной раз едет из райцентра, опять Иван Степанович тащится со своими банками. Накануне был дождь, дорога скользила.

- Дак, сколько дашь? Я ведь довезу, порожняком иду.

- Езжай, езжай, Вася, не задерживайся, - будто не сознавая неловкости, отвечал Иван Степанович, и смотрел на Васю глубоким и спокойным взглядом.

- Ну, как хошь.

Три ночи плохо спал Вася Угрюмов. Умом каждую доску на пристройке склада выгладил - надо решиться и действовать! Отбросить страх, это сознание мертвой жизненной ненужности, подкопать, выпилить, отодрать - одним словом, проявить смелость. Жена Галина встревожилась, уж не заболел её «купец».

- Да нет, - отмахнулся Вася. - Бабы собираются в Москву, оптом товар закупать на складах. Автобус стоптали. Что и делать...

- Денег, поди - ко, много надо. А риск? Кабы твердо знать, что не ограбят тамошние мазурики, а то...останешься среди дороги без товару и без денег. Вон в телевизоре какие страсти - мордасти каждый день видим...Ещё и изуродуют.

- То - то и оно - то. А без товару какой навар... Шура больше не берёт, в Москву посыпает ехать.

- А деньги тоже её?

- Часть - её, часть - мои.

- Твоих - то и четвертушки на первый раз хватит. Съезди, узнай, што да как, там и раскошеливайся.

Время шло; уж и бабье лето отшумело, потом стали перепадать частые дождики. Струсила Вася в Москву ехать. Сто отговорок сказал торгашке Шуре, почему да отчего не может он пока (пока!) из дому дернуться. Говорил всё это несколько восторженно, даже прослезился, утёр рукавом лицо и бороду, высморкался в платок из жениной ночной рубахи. Уложил платок в карман, и говорит:

- Не я буду!

Обнадежил.

На колхозную работу Вася Угрюмов ходил, как и прежде, для галочки. Уж потом бригадир выведет зарплату, раз посыпает. Выведет, куда он денется! Раз велит бригадир изгородь подновить на отгонном пастбище. Вася шевельнулся плечами: надо - так надо! Ходит неделю, подача мизерная. И рыбы попутно поудит, и по опушке леса, по старым вырубкам побродит. Есть у него желание кабана задавить; внимательно всматривается в следы на взрытой, как паханой земле, и с завистью говорит:

- Ночью были... Эх!

Кабана бы задавить, а мясо - в райцентр, торговке Шуре. Та бы нашла мясу дорогу. Жаль, таёжник из Васи никудышный: и ни ружья, ни капканов нет. Нашёл выдру, выдра держится одного места. Затаится Вася на высоком обрыве средь брусничника, щиплет бруснику да по ягодке в рот кладёт, выдра и покажется. Осторожничает, осторожничает, да как станет кувыркаться, развернется - вот это гимнастка! Или гонится за хариусом, только лазоревый след расходится за ней и тает в кажущейся безмятежности омута.

Однажды ранним утром каким-то клубком подлетел к Васе бригадир, волосы шапкой лохматой, и, как зверь, скаля зубы, с налитыми кровью глазами, прохрипел:

- Гад! Из гадов гад!

- Господь с тобой... - Вася Угрюмов озадаченно смотрит на бригадира, мысли всякие в присядку пляшут: бригадир -

скоровар-мужик, и чего он, как ястреб с лёту, кинулся да добычу? - Не виноват, Богом клянусь.

Оказалось, кто - то ночью спёр восемь фляг на скотном дворе. Потом разобрались: фляги понадобились бурильщикам - за деревней Кислой на угоре бурили скважину; переборол себя Вася, слова в своё оправдание не обронил, а забурлившее чувство обиды на себя, на бригадира, на весь колхоз шевелилось в нём долго.

Колхозный склад был рядом. За деревней. От крайнего дома метрах в трехстах. И ночи стали темнее, и народ ход убавил - колхозники спецодежду получили ещё весной, кладовщик уехал в областную больницу. Как - то ближе к ночи и пошёл Вася Угрюмов свои «законные» имущественные пай выручать из колхозной кабалы. Взял топор, пилу, ломик.

Прокрался берегом реки до заросшей ивняком полосы бывшего поля, осторожно раздвигает кусты и видит, что у склада топчется какая - то странная личность. Как колыхнулось сердце! Сразу предположил, что кто - то уже опередил его. Личность осторожно ходила взад - вперёд и внимательно смотрела себе под ноги. Угрюмов аж вспотел, наблюдая за странным поведением незнакомца. Слава Богу: личность находилась, настынивая, пошла себе дорожкой в деревню. Вася подождал для верности полчаса - и прямиком к дверям склада. Ещё бы шаг шагнуть, и вот она, дверь с большим висячим замком, а тут как завоет сирена! Ломанулся Вася через ивовые кусты обратно к реке, и бежал долго. Опамятаился - нет ломика. Выскользнул, знать, из руки.

Назавтра к Угрюмову нагрянула милиция. Участковый пытал - пытал, ничего не выпытала.

- Што вы, што вы, - говорит Вася беспорядочно, с остановками, клянется памятью покойного тестя, что оставил ему «Запорожца». Дрожит как в лихорадке, в очевидном волнении. - Да как подумать такое могли? Чтобы я - и пошел воровать?!

Ему ломик показывают, на ломике родовой «чёт» пробит: три прямых да две косые направо.

- Твой?

- Мой. Это надо же, третьего году потерял, вытаял. Вот спасибо, што нашли.

Ощупывающие маленькие глаза участкового прищуриваются.

- Больше не теряй, - говорит он.

- Надо бы... Всё торопясь да бегом. Это надо же, нашли... - говорит Угрюмов, и смотрит на участкового растерянным взглядом, каким смотрят дети, которым говорят старшие: рот закрой, а то ворона залетит.

«Какой же я дурак, - корил себя Вася, - да кто бы ещё председателю в открытую про склад бухнул? Понастроил, собака, всяких сирен, поди - ко всё правление в курсе, что Вася Угрюмов хочет склад подломить. Нет бы тихой сапой, без шуму и пыли...».

Галина насела:

- Да по кой леший тя к складу-то понесло? Это каким надо быть идиотом! Што фляги унесли - Васька Угрюмов! До чего я дожила, до какого сраму - уу...

И говорит дальше, что надо унять сердце от греха. А как уймёшь его? В руки не возьмёшь, не вынешь из груди. И склад - соблазн, и кабаны - соблазн, а про свой, фантазией выстроенный, торговый магазин говорить, что в глубоком подвале о поднос с золотом запинаться. Хотелось Угрюмову как - то всплыть выше других, хотелось! Много раз его ум профильтровал достаток других семей, и чем больше он размышлял, тем больше убеждался: нет, честным трудом не будешь богат, будешь горбат. Есть бабы, в доярках отработали по сорок лет, а что нажили? Одни болячки. И так эти бабы пропитались навозом, силосом, молоком, что их в бане золой драть - запах не вытравить...

Тоска на сердце Васи Угрюмова. Время идет скучно. Нос ещё сильнее, кажется, к подбородку принюхивается. Фантазия незаметно уносит его далеко от деревни Кислой, далеко от действительности, то в город, то на необитаемый остров в теплом южном море. Красота на острове жить! Сшиб палкой банан или кокос с пальмы, наелся и гуляй. А то обезьяну можно натренировать за кокосами на пальмы ползать. Ни тебе дров, ни надоедливой жены с её проповедями, ни бригадира - скоровара, весь остров его! Хотелось уехать на юг, поближе к Кавказу. Теплынь, сады, полные яблок, слив, груш... объедение! Устроиться сторожем в таком саду, и... весь сад его!

Ходил в райцентр, к знакомой своей торговке Шуре - не поехал Вася в Москву, она племянника отправила. Племянник до водки сам не свой, нажрался дорогой, и некоторую часть закупленного товару потерял.

- Свои утянули, - уверена торговка Шура, - что он, валяется в блевотине, бери, ройся в сумках. Ты бы не нажрался, верно, я говорю?

- Ни в жизнь! Я пьяные морды не уважаю! - клянется Вася Угрюмов.

- На октябрьские праздники опять поедем. Деньги со всей родни собирала, съездишь?

- Съезжу.

Лестно Васе: ладно, что племянник нажрался и товар расстряс, от этого цена на Васю только удвоилась.

Идёт из райцентра домой - дожди расквасили дорогу, «запорожец» буксует; сегодня топает в сапогах, прямой пешеходной дорожкой, через пашню, перелески; у реки дымится костёр. Осторожно подходит, смотрит, сидят у огня двое, мужик да баба. Оба навеселе, ибо смеху много. Вася ещё удивился: и чего смешного? День серый, однообразный, облака к земле жмутся, ветерок резкий. Присмотрелся, прислушался и разочаровался: Венька, сын Ивана Степановича с какой - то дурой. Венька такой же толстогубый, как и отец. «Виски жрут... По те разы на деревне болтали про это заграничное пойло... А бабу, стало быть, из Мурманска привёз. Которую ж по счету?».

С Венькой они сидели когда - то за одной партой, постоянно дрались. То Вася ножик у Веньки просит и не отдаст, то крючок с Венькиной лески скусит, много всяких причин для драки было в школьные годы. Постоянно Венька подозревал Васю во всяких худых промыслах, даже прозвище ему дал «шелудивый». Слава Богу, прозвище не прижилось. Отслужил Венька в армии положенные три года, уехал в Мурманск, ходит на рыболовецком сейнере, жениться и не помышляет. Вася Угрюмов тоже в армии служил, призывался, до присяги не дотянул, всё в кровать мочился, потому списали.

Сидит в засаде Вася Угрюмов, глаза машинально следят за

веселящейся парой. Он чувствовал в себе что - то враждебное и злое. Надо бы наказать Веньку, наказать за «шлудивого», наказать за то, что вся жизнь у Васи Угрюмова идёт через пень - колоду; едва увидев Веньку, обидчика своего, Вася ощущал уничижительное бессилие от своей неспособности жить так, как живёт Венька. Венька - вольный человек, Венька - богат, Веньку любят бабы, Венька расхож с народом...

Вася Угрюмов ждал. Раздумье его взяло, и сам не знает, зачем сидит в кустиках? Он, если можно так сказать, перестал чувствовать себя, как будто кто - то другой его глазами следил за сидящими у костра. Нет ни в чем земном опоры, и правды нет... Бывает так: глубокой осенью исчезает солнце в непроглядной дали, глаза освояются с оголенным, исхлестанным дождями видом, вдруг ворвётся под вечер в деревню огненный наездник и заскользит по изодранным стужей бревнам изб, заиграет в вершинах деревьев, зальёт огнём искромсанную гусеницами тракторов улицу, и волна теплой, согретой жизни свяжет порванные нити событий уходящего лета. Едва свяжутся нити в единое целое, и не заметишь, как опять порвались, и так изо дня в день, и из года в год; все - переходящее, всё - тленно. Ваське было завидно: разве они с Галиной не могли вот так же сидеть у костра, смотреть на воду, выпить по стаканчики для веселья? Могли бы, да... зачем?

У костра запели песню. Венька обнял даму, притянул к себе, и поют они себе в полное удовольствие. Завидно Васе Угрюмову, так завидно! «Были бы у меня деньги! Я бы тоже горло драл бы, а так... Эх!».

Видит Вася: упал Венька на разосланную морскую телогрейку и даму на себя навалил, так и лежат оба, ногами к огню. «Спят...а спят ли? Как да притворяются?».

Нет смысла повторяться: про воров написаны сотни книг. И ход событий во многом схож: подкрался, естественно, сердце трепыхалось сильно, длинной палкой с отломанным суком подтянул к себе Венькин пиджак, кошелёк с деньгами выудил, и был таков.

Слух прошёл по деревне Кислой: Вася Угрюмов в Москву за

товаром поехал. Якобы завёл он знатную дружбу с райцентровскими торгашами, и те торгаши берут Васю снабженцем. Не слышал Вася хмыканья мужиков: «Как же, борода лопатой... Голыш!».

Ходил Угрюмов по деревне, к мужикам приставал, интересовался: жениться Венька будет или очередную «бабёшку» притащил отцу - матери показать. Пожимают мужики плечами: ну, привёз, а нам с тобой какое дело?

Отправился Вася в Москву. Бабы-торгашки схлопотали автобус. Денег ему торгашка Шура дала много, велела товар брать тот, какой «...наши брать будут. Они пачку, и ты пачку, они десять рубах, и ты десять. И швы проверяй! Нынче шьют вьетнамцы где-нибудь в собачьей конуре, подделки много. Биркам не верь, бирку на штаны долго ли пришпандорить...».

С учетом своих денег, там, где торгашки берут десять рубах, он возьмёт двадцать! И продавать на рынке станет на пятак, на копейку да дешевле прочих, чтоб его денежки быстрее накручивали процент прибыли. А Шура... «Што Шура, Шура - баба хорошая, войдёт в положение».

Вытянув ноги, сидел Вася на заднем сидении и ел кусок колбасы. Бороду отирали носовым платком, вырезанным из ночной рубашки Галины. Забывчив стал Вася. Забыл, как, надвинув шапку на уши, сидел ночами на чурке возле избы, и страсть тяжело ему было. Господи, что ж он, Вася, за проклятый такой уродился?! «Не в сноп, не в горсть» - с тяжелым вздохом говорила мать покойница, и рукой тянулась к волосам сына. Драла, конечно, если не успевал увернуться. Легкомысленность который раз коснулась его лица. Глаза сверкали, ему хотелось похвастать бабам-торгашкам, что нашёл-таки вход в волшебный замок, год - другой, и станет настоящим хозяином, а тогда... Тогда он будет строить свой дивный магазин. И вывеску присобачит: «Торговый амбар Угрюмов и внук». Раз сына нет, надо надеяться на внука.

Не доехая Ярославля, обгонала автобус «Волга», шофер требовательно махал водителю автобуса рукой: стой! В автобус вошли двое, один в матерчатой маске, губастый такой, другой - вер-

зила без маски, шоферу под нос удостоверение в красных корочках сунул. Потом верзила подошел к Васе Угрюмову, достал из потайного кармана пиджака как бы фото, сверился с оригиналом и сказал:

- Гражданин, вы задержаны по подозрению в убийстве. Всё, что вы скажете, будет использовано против вас.

И увели эти двое напуганного до икоты Васю Угрюмова. Бабы - торгашки, как вжались в кресла, так и остались сидеть испуганными до крайности. Никто не встал в защиту Васи, не спросил, по какому такому праву забирают ни в чём неповинного человека? Автобус дальше поехал без него.

А что было с Васей? Усадили в машину, отвезли километра два, свернули в лесок, да лесом добрых полчаса пробирались; Васю хорошенко ощупали, нашли деньги, зашитые в трусы, отобрали, вытолкнули из машины, по газам, и понеслись обратно.

Добрался Вася до милиции, так мол, и так, ограбили. Милиция заявление приняла, обещалась найти бандитов. Спрашивают, есть ли подозрения или узнал кого из грабителей? Головой мотает, слезу слезу побивает. Хотели фоторобот с помощью потерпевшего составить - куда там! Заревел, божится, что со страху ничего не помнит. Вроде один из негров был, а, может, и не негр вовсе.

Едет Вася домой голодный, опечаленный, из милости шофером взятый в кабину, бороду купеческую жамкает, и крепко в его мозгах засело подозрение: Венька! «Нарочно маску напялил, будто я губы его толстые не увижу... Он! Через день, как я его... наказал, на деревне заговорили, мол, собирается Венька в Мурманск, гостить сейгод некогда ему. Венька! Выследил! Слава Богу, что Шура никакой расписки с меня не взяла. Истинно, слава! В тот день, как я его... наказал, из нашей деревни, кроме меня, никто в райцентре не был. Долго ли узнать - вынюхать? Хоть бы мне номера на машине запомнить, хоть бы рожу запомнить, всё как в тумане каком -то... Это сколько же плутал, пока на дорогу выбрался? Часов пять, не меньше. Почему только меня, почему ведьм-торговок не тронули? Вот тут - и вся от-

гадка! Сволочь! Сразу дотянулся, а молчок, и в школе скрытничал. Дурища моя раскаркалась, почету, видите ли, захотелось ей. И где? В своей деревне! Да разве будешь уважаемым в родной деревне? Никогда! «Васю экспедитором берут, Васю экспедитором берут!» Взяли...».

Дома Угрюмов первым делом сбривал бороду.

Стеклянный день

Безвозвратно свеял шалый ветер в канаву придорожную силу да ум Григория Охватилова. Нелюдим стал, нет особой охоты разговаривать. Если и выползет на улицу из своей берлоги узнать, что на белом свете творится, то правится до Настасьи Уваровны. Настасью он зовёт «шпиёнкой» - не дом у неё, кладовая сплетен. Годы сделали его манеры угловатыми, согнули спину. Бреется крайне редко, постоянно пребывает в недовольстве. Кормится - чем Бог пошлёт, а пенсию на сберкнижку кладёт.

Сидит в поздний час в своей горенке, в оконко смотрит. А за окном - ночь. Скатилась с неба звезда - потухшие глаза старика засветились на короткий миг и погасли. В неведомую даль ушла жизнь. Спит всё; нет помина о жизненном горе, тихо и светло на душе у месячного луча, что в одиночестве скользит по угорам. Уловить нельзя, откуда принес ветерок непонятныеочные звуки, нельзя пересказать ворох тайных вестей. А коль вслушалось бы пугливое сердце в сенокосную ночь, да против воли взгляделось в необъятное рябое пространство, ощутила бы живая душа тоскливо замирание не проходящей вечности.

На смену этой ночи придет другая, другую сменит третья, и только кажется, что нет счету ночам. Жизнь так коротка! Томимый бессонницей, посмотрит в окно своей избы Григорий и потужит, и взмолится, и слезы прольёт. Давно ли все было... День -деньской сенометными вилами ворочал, одно желание на уме: упасть на кровать и провалиться в сон, а на вечеру отдохнул чу-

ток, и слышит медовые речи своей разлапы сердечной, и видит глаза её - зовущие, и пошёл волок измерять шагами. Идет - идет, оглянется: это кто такой белый его все догоняет? И пробегут по телу холодные струйки. Тиши обняла землю, млеющую от ночной росы. А до чего радостно! Все спят, кроме него, спят и не видят благоговеющего лика природы! Под наплывом умиления ноги сами несут. А как высвистал свою голубицу ненаглядную, пугливую, сомлевшую, как устами в уста впился, прижал к себе, ровно охапку душистого сена...

Григорий Охватилов три лета подряд ходил на почту спрашивать из - за выигранной в лотерею швейной машины. И всякий раз проклинал министров, и все почтовое ведомство. Четвертое лето стал требовать стиральную машину, и тем вконец озлобил не только министров, даже самого районного прокурора. Тихонько отворил ворота на коридор, осторожно прошел к дверям, чуть дыша, прислонился ухом к притвору.

Он представил себе грубую речью, глуховатую Марью Лошаденкову, сидящую за столом. Глубокая тоска засела в самой душе этой старой девушки. Лицо сморщенное, некрасивое, жиidenьякая белесая бородка. Из девок у неё сохранился окованый железными полосами сундук. Последние лет двадцать в него не заглядывает. С домашнего иконостаса в углу свешиваются засохшие вербы, Марья привязалась к этим вербам, нагонит на лицо свое тревогу и, как подзатыльника ожидает, голову втянет в плечи и печально скажет: «Земля и небо прейдут, а годы назад не прейдут». Распрямится и зальется веселым старческим смехом, похожим на беззаботный детский смех. На деревне Марью Лошаденкову считают «чуток тронутой». Подозрителен Григорий Охватилов: не ему ли «бабьё» шкуру дубит? «Голос - то Настасин, протяжный».

Хозяйка избы бабка Настасья Уваровна - непобедимой силы старуха. С непонятной для многих способностью выйдет сухой из любой воды. После войны, говорят, часто приглашали Настасью усмирять Васю Прокопьевича. Вася контуженный был, однорукий и одногоний. Чуть что-то - закипел, рвет на себе рубаху, зубами скрипит, «всех гадов передавить» хочет. Станет Васю

по голове гладить да приговаривать: «Будя, Васильюшко, будя. Повоевал ты немало, пострадал за землю родную. Эк, у тя ребятишки - то, грибочки ядрёные, а жена - хоть икону пиши. Большого ума, Васильюшко, напугать их кротких не требуется. А потом што? Нервные будут и взбалмошные. Али мы в тылу не пособляли вам, солдатам? Твою жену грамотами почетными награждают, сельсовет послабление хозяйству в налогах даёт. Не приливай к морю слез лихо свое выстраданное...».

И успокоится Вася Прокопьевич, и прощения у всей родни запросит. Глаза у Настасьи насмешливые, прищуренные, а мелькают - не уследить. Обычно она выводит Марью Лошаденкову из задумчивости громким возгласом: «На деревне чего новое бают, ась?».

Григорий Охватилов осторожно стучится в дверь, заходит. Марии Лошаденковой нет. Настасья Уваровна с привычной жизнью перетирает чашки - ложки переброшенным через плечо полотенцем. И песню поёт про сладкие и горькие ягоды. На столе клокочет ярко начищенный самовар. Всё нутро избы будто светится в прихотливых солнечных красках, расцвечивая занавески на окнах, играет на посуде в шкафу. До истомы замирает Григорий, всматриваясь, в казалось бы, тысячу раз виденный мир вещей и всякий раз находя его новым. Чего только нет у этой Настасьи! Что салфетки рот вытирать - и те в кружке стоят трубочкой свернутые. Потому сердце его начинает тосковать, и глаза слипаться. Имя той невысказанной муке, что разнимает сердце - одиночество. Старик неразборчиво и конфузливо бормочет, опускается на лавку возле самой двери. Настасья Уваровна знает наизусть душевые поползновения Григория, досадует с видимым радением:

- Што, как не родной...
- Мимо иду, думаю, дай проведаю. Марья не приходила?
- Собиралась в лавку. Ушла, должно быть.
- А-аа...

В окне между рамами неустанно жужжат мухи. Сейгод Настасья Уваровна решила внутренние рамы не вынимать. Боязно, остало дерево, стекло может выпасть. В какую - то щелку

мухи и набираются. «Добро, раз ушла, - развивает свою безмолвную думу Григорий. - Сходит, дак, Валька обязательно навалит ей пару буханок хлеба мне принести. Хорошая у меня девка. А плетут - завидуют! Надо же, обижается он на себя за недогадливость, седни же посудный день. Вальку мою Серой прозвала Марья, дескать, собака - не продавец. Ты вот, Настюха, продавцом пошла бы? Да в жизнь свою не своротить! Это в своих стенах ты умна да находчива, и в письме старинном кумекаешь, и советы умные даёшь, и детей крестишь, и покойников обмываешь, а как в такой дурной день алкоголики притащаются со всякой посудой? А посуда - и со свалки, и из - под масла, да все кричат, да матрятся...».

Сказать - не соврать, много чего нехорошего говорят про продавца Валентину. То ли оттого, что к старому сильно привыкли, а то и оттого, что мизинчик у Валентины страсть гибкий - надувает пальчик, на копеечку да прихлестнет косточку на счетах. А как понять - рассудить, если Валентина третий раз замуж вышла? Это в наших - то краях, где раз женился и до гробовой доски поклялся верность хранить - ни в какие ворота! А Валентине до пенсии год остался! И долго, бывает, так-то спрашивает и отвечает себе Григорий, потому как один век доживает, не с кем ему толковать. Зимой ночи длинные, метели визгливые, то к одному месту без должного конца раздумье свое приложит, то к другому, а виноватые - другие. Не верит в людскую доброту Григорий, всегда усматривает какие - то козни.

- Ты бы, Настасья, глянула в книгу, - напряженно всматриваясь в Настасью Уваровну, слезливо говорит Григорий, теребит кудлатую бороду.

- Уж не девки ли приснились? - спрашивает Настасья Уваровна.

- А не смешно. Вот как бы сижу я перед зеркалом, газету читаю. Себя явственно вижу. И прямо из целой буханки ем. А ночь бы темная, зябкая. Огарыш на столе в банке теплится. И шаги. Вот ходит кто -то, ходит за стеной и ходит. Тяжелый. Громыхает сапожищами. «Выходи!» - не показывается. Другорядь кричу. И надо же, прямо под ногами у меня подполье - то. Я, стало быть, на подполье сижу. Подо мной шаги - то, переместились. Я ноги

поднимаю... Поднимаю, крышку поднимаю подполья, гляжу, а в подполье скелет человеческий лежит. Вот так, навзничь... Кусок хлеба упал да скелету прямо в рот, скелет проглотил, как бы ожил, сел и говорит: «Скажи «Отче наш». Я с роду молитв не знал, слова вымолвить не могу. У меня самого хлеб - то в горле застрял, дышать не могу. А скелет наступает на меня: говори молитву «Отче наш!» Буханка упала, он буханку наотмашь кинул, на меня - драться... Очнулся весь в поту. Оказалось, я головой под подушку залез. Настасья, ты меня поучи молитве, хрен его знает, вдруг ночью опять привидится...

- Ну, садись за стол. Почаевничаем и за науки возьмемся, - говорит Настасья Уваровна.

Григорий мялся и насмешливо улыбался с видом человека, который, если бы не стеснялся застиранной рубахи и залощенных брюк, непременно сказал бы: «Лешачиха! Мужику изменяла, с не с одним Ваней Лисенком кувыркалась, и бухгалтер Герман вдоволь попасся... Мужика схоронила, ребят по городам рассовала, а сама - стерва да и только! Ишь, выпеваешь, кобыла-а... Будь проклята вся ваша порода! Мою вот хвати...».

- Мою вот хвати, - вслух повторил Григорий, и под наплывом какого-то сладкого умиления руки сами потянулись к столу, дотронулись до скатерти. И не для отчаянного вымаливания милости у Настасьи, а для бессловесной тихой беседы в своей горенке, надолго облегчающей душу, заплакал. Странное дело: Настасья не стала его утешать, ушла в кухню и не выходит. Он сидел в чужой избе, на чужой лавке, вдыхал особенный праздничный запах жилища чистоплотной женщины, и уже не бранил Настасью и в порочных связях не обвинял. «А молодец Настасья! И сама погуляла во время, и других лаской не обнесла».

- Скелеты, баешь, снятся?

Настасья вышла из кухни, в руках у неё - старинная книга. Она многознаменательно хмыкает, её взгляд останавливается на кудлатой бороде старика, будто не в книге, в вихрах дан ответ. Григория охватило чувство завидного счастья: «Ровно девка молодая!». И тут же, усовещивая разыгравшееся воображение, в голове промелькнуло одушевление предмета его сна, и так же бы-

стро покинуло оное; он ужаснулся, зачем-то сравнив размер скелета с живой Настасьей.

- К выпивке, - смеётся Настасья и щелкает себя по горлу.

Григория озадачивает такой ответ, озадачивает тон, с каким говорит Настасья. Черные мысли нахально вламываются в его едва посветлевшую голову: «Потешиться вздумала над стариком? - хочет капризно сказать Настасье. - Потешься, потешься, квашня ты пузатая!».

Проходит время, пока Григорий успокаивается, а, успокоившись, садится пить чай. Достаёт из кармана тряпочку, некогда похожую на носовой платок, в ней завернутые три куска кубинского сахара. Настасья молчит. Краем глаза видит, как Григорий положил в чашку кусок сахара, за другой - подержался и не опустил. Два куска обратно завернул и в карман брюк пихнул. Нельзя ничего говорить, Григория надо принимать таким, каким он есть, скажи да обидится, и не придет в гости недели две.

Приходит перепотевшая Марья Лошаденкова. Снимает с плеч рюкзак. На Марье полинялая ситцевая юбка, вместо пояса - сдернутый с головы платок, на ногах большие мужичьи резиновые сапоги.

Порылась в рюкзаке, поворчала что-то под нос и грубо сунула Григорию в руки две буханки черного хлеба.

- Держи, - достаёт бутылку водки. - Валентина велела отдать.

- Сорит деньгами - то, - сердито говорит Григорий, а самого распирает от важности: ты, Настасья, своих ребят по городам растолкала, а моя дочь почти рядом. Дорого стоит родительское уважение!

- Седни, бает, у отца день рождения, - говорит Марья Лошаденкова.

Обе старухи смотрят на Григория. Он горбится сильнее обычного, переводит взгляд с одной на другую. Ничего не видит, ничего не слышит, беспамятство и отупение полные... И не выдерживает, с тихим и жалобным всхлипыванием хвалит дочь Валентину, хвалит покойницу жену, мастерицу печь пироги.

- Запел Лазаря, - морщится Марья Лошаденкова. - Спрыснем, што ли?

Григорию Охватилову жалко не водки, жалко, что её будет пить Марья Лошаденкова. Не любит он Марью, даже ненавидит её, и за что не любит - одним смех, другим - повод подтрунить над Григорием: было дело, добивался раз по пьянке Марьи, сарафан на ней изорвал, лицо глиной вымазал - не далась, в девках осталась.

Григорий беспомощно улыбается, смотрит на Настасью: уж как она решит.

- Не до пьяну, - плутовски грозясь пальцем, говорит Настасья.

Григорий улыбается радостнее, пропускает Марью Лошаденкову под образа. Настасья разливает водку и одобрительно слушает рассказ Марьи Лошаденковой, как сегодня, в посудный день, алкоголики притащили «аж восемь мешков с посудой», пока -де Валентина приняла каждую «грязную и чистую» бутылочку, да тут приехала машина из райсоюза, пока - де грузились, а народ ждал. «У всех сенокос!» - сказала, как гирей придавила, Валентина. Брови нахмурила серьезнее серьезного... Да что говорить, собачиться может, знаем.

Пригубили старики водочки, рыбкой зажевали.

Пятница - стеклянный день. В этот день продавец сначала принимает посуду, потом продает хлеб. У Валентины речистые клиенты, глотки зря не рвут, и заведенный порядок не ломают. Если Валентина в черном халате и рукавицах, то хоть камни с неба валитесь, белый халат не оденет, пока всю посуду не примет.

- Это сколько тебе уж? - спрашивает Марья Лошаденкова.

- Сколько, сколько... все мои, - отвечает Григорий Охватилов.

- Будто я отымаю. Наливай -ко, Настя. Первый раз за всю жизнь на твоих именинах гуляем. Всё жилил да кожилил... Два века не прожить, не рвись.

-И ты не проживешь два - то! - петухом наскакивает Охватилов.

- Да будет вам, - урезонивает Настасья Уваровна обоих, будто детей малых.

- На, - Марья сует в руки Григорию салфетку из кружки. - Обиходье рыло.

С полчаса сидели за столом. Лиловые оттенки на щеках Григория Охватилова постепенно исчезли. Старик не прочь был сидеть еще. Его водку выпили. Неужели своей не вы-

ставят бабы? Выставят! Коль Настасью расшевелить, она такая... Он слушая, любовался Настасьей: ишь, лицо какое таинственное, много чего она знает, и голос приятный. Веселил не рассказ Настасьи, добрую половину сказанного он не понимал, потому как редко выходит на люди и новостей не знает, он с удовольствием внимал и точно был рад, что на земле много грешных людей, не он один. И грешат грешные люди постоянно, и не сокрушаются при том, и власти смотрят на безобразия сквозь пальцы. В какой -то момент он тоже хотел рассказать, как ходил на почту браниться из -за стиральной машины, но передумал. Расскажет потом одной Настасье, Настасья пускай и «шпиёнка», а ей довериться можно.

Настасья Уваровна стала замечать, что Марья Лошаденкова то принюхается к «кавалеру», то отодвинется, вот брякнула ни к селу, ни к городу: «Земля и небо прейдут, а годы не прейдут». И до чего франтоватая от водочки стала, голову в плечи не втягивает, в глазах веселье.

- Ты когда в бане последний раз был? - дерзко спрашивает Марья Лошаденкова.

- Засиделась в девках, зазноба, - пробует отшутиться Григорий Охватилов, - Не пригласишь ли спину пошёркать.

- Дух от тебя козлятиной.

- От мужика мужиком пахнуть должно! - ожесточается Григорий.

- Вот давно-о, Марья, спросить тебя хочу: годков пять ты про землю и небо повторяешь. Вроде я такого псалма и не читаю, - спрашивает Настасья Уваровна.

- У меня, Настя, свой стих, - отвечает Марья. Разморилась она в одну минуту, на стену откинулась спиной. Толкает в бок Григория. - О мысленном убожестве смертного человека. Ну, сказать что ли? Сказать? - И заливается смехом. - День седни стеклянный, скажу. А дура же я, Настя, такая дура...- Марья стала слезливо моргать глазами, как бы собираясь вот - вот разрыдаться. Схоронила голову в руки, словно впросонье неопределенно качнулась всем телом. - Тем каждый из нас грешен, что выше других себя мнит. Чтобы не силой ломать, а с подходом, со словом ласковым...

Григорий смотрит на Марью тем самым пристальным взглядом, которым пьяные люди хотят доказать трезвым, что они не пьяны и все понимают.

- И совсем другая бы жизнь у меня скроилась. Стал меня червь гладить, гложет да изводит. Поревела я столько, всю пропасть телесной и нравственной силы в себе замуровала и завет дала: не пойду замуж. Нет никакой любви, сказки. Всё через тебя, черт гнилой!

- Ш - што? Не гнилее тебя.

- Нет гнилее! У риги велел мне дожидаться, я и ждала покорная. Вымокла вся. А пришел, дак сердце выложил? Жди от тебя ласку, голубь кроткий. Волк, а не голубь какой - то. Под себя смял и пытаешь, пошто я худая, знать больная. Я то дура в любовь какую - то трепетную верила, а саму чуть не рвёт, на свидание идёт человек - то, чесноком да брагой обожрался. Как вспомнишь... Тыфу. С той поры, как дыхнёшь, мне нутро выворачивает. Чего лезть под подол было, коль могуты нет? У-у, пакостник! Земля и небо прейдут, а годы не прейдут.

Горчайшие слезинки скатились по дряблым щекам Марии и пропали в жиidenьких волосинках. Настасья Уваровна нарочно передвигает на столе чашки, надо бы сменить разговор, как в иной проулок гостей зазвать - не знает. Вроде заветную тайну узнала, а лучше бы не вызывать Марью на откровенность. Пробежало по ней ощущение боли и недовольства на себя, и все это согнало прежнюю улыбку. Быстро Настасья Уваровна отрешается от всего тяжелого. Сидит за самоваром с добродушным лицом, потирает руки.

- А што, гости дорогие, есть у меня красненького скляночка. По такому случаю...а? И песен попоём. Помнишь, Гриша, как лихо у тебя получалось?

Сам играю, сам пою,
На кино босой бегу!
Девок дергаю за сиськи
С дедком шаньги молочу!

- Давай, - соглашается Марья Лошаденкова.

Громко сморкается в носовой платок. Её глаза упорно и злобно впиваются в Григория Охватилова. Тот, как виноватый ребёнок, страшно сжимается от ее взгляда. У него, кажется, начинают дрожать поджилки.

- Пойду я, Настасья, - лепечет, сохраняя на лице фальшивую улыбку. - Што -то голову понесло...

- Иди, иди, - говорит за Настасью Уваровну Марья. - Понесло у него. Понесло - то в тот день, как дедко настоем табачным ополил. От армии отказался... Буханки возьми! Нажалуешься потом Валентине, што мы воровки.

И снова ночь царствует над деревней. Пригвоздила сенокосная страда к подушкам работный люд, на большой жаре день воевавший, не спится таким, как Григорий Охватилов. Лежит он одетым на кровати поверх одеяла. Сердит. Клянется век свой к бабам больше не ходить. Пускай голодным умрет, пускай вши сожрут! Мучительно ноет грудь. Сердце заливают волны болезненного прошлого. «До чего памятна, оскропотина худая! Не поил меня дедко табаком!... Гнилой я, видите ли! Осрамила, осрамила, подлая, на всю деревню!».

Скользит по угарам месячный луч. Вымахал на водонапорную башню, осеребрил её, и потёк рекой серебряной, окуривая речные плесы и клады потаённые. Во всем неоглядном земном обаянии разливается благодатный свет чьих - то праведных философских мыслей; полнота мира и покоя обняла землю; выразительно молчащую тишину вдруг пронзает любовный призывающий свист. Кто - то целует сейчас свою лапушку...

Мёд и отрава (фантастика)

*Философ я; у вас в глазах
Моё ничтожество я знаю.
(Е. А. Баратынский).*

1

Давно нет в живых женщины, что произвела на Фревиля де Лионе такое впечатление! Она была его юношеским идеалом, созданным воображением, любовью, непонятой страстью. Когда - то он стоял под дождем, как будто тело потеряло способность двигаться без души, улетевшей за машиной. Легкая, грациозная, самая красивая на свете девушка уносилась в вечность. Злой рок, демоны, превратности судьбы поджидают влюбленного человека, налетают злые ветры и опрокидывают воздушные замки.

... Состарился, одрях в библиотеках и книгохранилищах последний мужчина из славного рода де Лион. Где-то болтается по свету двоюродный племянник, носящий эту фамилию, а больше, увы, никто не придет на старое кладбище возле реки Роны, не снимет шляпу и не скажет: «Вечный покой вам, дорогие мои предки!».

Сегодня - 24 июня 2074 года. Ровно 500 лет назад ушел в мир теней Корнель де Лион, живописец и портретист, чьи творения в изысканной цветовой гамме и поныне радуют французов. Сегодня Фревиль обязательно пойдет на кладбище. Возьмет с собой экономку мадам Бесси и Макса Бирка. Жаль, что Макс приедет домой во второй половине дня. Как и когда в его дом попала мадам Бесси, он точно непомнит. Вроде живет рядом столько, сколько он сам. Она и нянька для Фревиля, и домохозяйка, и кухарка, только - не жена. Рассеян, забывчив, ворчлив действительный член Академии надписей и изящной словесности, ученый член коллегии Института Франции - Фревиль де Леон.

Торопится, вечно не поспевает; каждое утро для него - пыта. Мадам Бесси заставит съесть плотный завтрак, одеть чистую

рубашку, проверит набросанный вечером план дня текущего, проводит до станции метро. Вечером встретит, накормит, заставит перед сном походить по маленькому садику. Зато воскресные дни - блаженные дни для Фревиля. Спит до обеда, а после идет бродить по кладбищу. Это ЕГО кладбище. История помнит Корнеля де Лиона, а сколько поколений до Корнеля лежит на кладбищах древнего Лион? Его предки строили город, видели первые международные ярмарки, воевали, возможно, кто-то был вальденсом - приверженцем средневековой аскетической ереси...

Макс Бирк - внук Артура Бирка. Это сейчас навигаторов хоронят отдельно, а тогда... Да, Артур Бирк сгорел на старте. На могиле стоит оглавленный стержень гравитационного ускорителя, на стержне макет звездолета «Бурбон - 2». Фревиль хорошо помнит тот день. Солнце, много солнца. Много радостных лиц. Ведущий телепрограммы взахлеб говорил и говорил о славных сынах Франции, приглашал желающих на экскурсию к далеким звездам... К звездолету шел рыжий Артур, посылая воздушные поцелуи дамам. Вот закрылся люк кабинки, вдруг пламя охватило корабль. Ужас, смятение толпы, телеведущий в панике бежал прочь. Много лет Фревиль по воскресеньям видел на кладбище у могилы Артура Бирка его жену Анну. Старался не встречаться и близко не подходить. На то была особенная причина: не хотел разрушить образ, явившийся перед ним во всех видах и во всех формах; явившийся во всем блеске и свежести красок пробудившегося воображения. Пусть Анна вышла замуж за Артура Бирка, пусть. Артур был хорошим парнем, сорвиголовой и забиякой. Вместо блестящего удела, который обещали Фревилю наследство и природный ум, осталось горестное утешение забыться где -нибудь в хранилище старой романской - готической церкви.

Всякая счастливая молодая пара возобновляла мучительную казнь его сердца. Потом место Анны у могилы заняла её белокурая дочь, потом дочь стала приходить с мальчиком. А потом дочери не стало, однажды пришел мальчик с букетиком цветов и плакал. Фревиль погладил его по стриженоей голове, сказал:

- А твоя бабка знаешь, где лежит? Не знаешь? Во, под боком

у твоего деда Артура. Почему я знаю? О, я много чего знаю! Мы с твоим дедом шли на именины твоей бабки Анны. Я, как и ты, нес цветы, а твой дед, этот рыжий Артур, поймал на помойке рыжего котенка, и грязного сунул в руки твоей бабке. Мы съели большой торт. Пошли по домам, и твой дед, этот рыжий Артур, навесил мне синяков. Слушай, пошли жить ко мне? Мою экономку зовут мадам Бесси, про себя я её зову ржавой Бесси, было такое английское кремневое ружье «Смуглая Бесси». Только прошу тебя: никогда не назови её так! Она - хорошая женщина.

Несколько лет по воскресеньям Фревиль гулял по кладбищу с Максом. Могил было много; здесь перестали хоронить все-го пятнадцать лет назад. Настоящим чудом считал он открытие для себя неприметной могилки в неухоженном лесу; бузина, шиповник, холодная роса, полуистлевшие кресты, ржавые таблички, крапива встречали его. Зато, наткнувшись на такую, не посещаемую могилу, доктор просил господа Бога простить его, что не пришел раньше. Напрягал воображение - кто бы это мог быть? Оделял покойника плотью и одеждой; задача упрощалась, если на кресте можно было прочитать инициалы или были различимы портреты. Фантазия доктора была неуёмной. Мысли его бывали так встревожены нечаянностью встречи, что он в удивлении снимал шляпу, с изумленным видом оглядывался, потом начинал обрывать траву на могиле и, немного облагородив так, застывал в молитве.

Отходил от могилы и возвращался. Что это, не послышалось ли ему? Будто предмет его любопытства окликнул его? При следующем посещении он уже здоровался с вновь обретенным «родственником», как со старым знакомым. Проходя взад и вперед по дорожкам, он радовался всякий раз, если на свежем песке видел, что рядом с тяжелыми мужскими ступнями, глубоко отпечатанными по бокам, шли детские следки малюток, следы женских башмачков - жизнь продолжается в памяти!

- А твои предки, Макс, может быть, тевтоны, может быть готы, лежат где - то в немецкой земле. Артур показывал мне фотографии летчиков асов времен второй мировой войны. Твой прапрадед,

по имени Ганс, сбил девяносто самолетов противника! Рыжий Артур был героем, его полеты стали классическим путеводителем будущих навигаторов, а жена Анна - простая женщина, слабая, беззащитная. Её мир - ботанический сад, главная забота - дочь. Природе угодно было отдать предпочтение материнской линии Бирков - Макс щуплый, характером мягкий, робкий и застенчивый. Не пошел Макс по стопам деда, решил стать обычновенным кюре.

Пока Фревиль де Лион прогуливается один по кладбищу, машинально здоровается с «родственниками», сверяя время по ручным часам. Именно сейчас решается судьба Макса Бирка. Должно быть, он уже стоит перед грозными очами профессоров богословия. Полгода назад Духовный Собор сделал предварительное заключение: обучающийся в Духовной Академии Макс Бирк может быть отчислен, как не подающий надежд богослов. Доктор Фревиль винил только себя: пожалел. Мальчик физически слабый, застенчивый, впечатлительный, нельзя такого заставлять сутками сидеть в библиотеке! А надо было, надо! Нравственные чувствования Макса располагают в его пользу; Макс не притворен, если скорбь несчастия заставляет его принимать участие в судьбе других людей.

Его дед бороздил Вселенную, видел иные миры. Или Артур родился особенным? Мало принимал участия в воспитании мальчика. Мадам Бесси стала для него наставницей и учителем. Плохо дела по математике? «Ну и что! Аристотель не умел считать, Эйнштейн не сдал экзамен по математике, русский генералиссимус граф Меншиков едва мог расписаться! Что там у нас по истории? Бастилия?! Да это же - неисчерпаемые кладовые! На площадях горят костры книг, русские дипломаты возами везут манускрипты из наших монастырей в Санкт - Петербург, везут волосы казненного Людовика XVI... Давай, давай, рассказывай, я млею от удовольствия слышать историю Франции. Когда заложена крепость и сколько строилась, когда срыта, почему штурм именно 14 июня...».

Фревиля вызывали на педсовет, говорили: доктор, вы уважаемый человек, гордость Лионса, Парижа, Лондона и прочих ино-

странных академий. Почему ваш приемный сын считает каких -то монархомахов вроде Дюплесси - Морне выше теперешнего премьер - министра? «И правильно! Правильно! - горячился Фревель де Лион. - Кто такой премьер - министр? Кто такой я? Кто такие вы, уважаемые учителя? Песчинки времени! Да вы сравните борьбу за Мантуанское наследство между Испанией и Францией и жалкие нападки нашего премьер - министра на территориальную целостность Италии! Неуч и болван, позор Франции! Смотрите, смотрите, что он пишет в этом журнале: «Карл четвертый, сын Карла третьего!». Боже, всемогущий! Повторяется плебейский юмор Баранже Пьер Жана! Карл Просто-ватый уступил Нормандию норманнам за 835 лет до Карла четвертого!

Ближе к вечеру Макс приехал домой. Был он уставший, в измятой и пыльной одежде. Обеспокоенные долгим отсутствием Макса, Фревиль и мадам Бесси встретили его у калитки. В большом волнении духа обнял Фревиль Макса, прижал к себе и отстранил, чувствуя невольные вздохи юноши. Некоторое время оба молча смотрели друг на друга. Наконец, Макс сказал дрожащим голосом:

- Духовный Собор отложил свое решение.
- Ну и пусть! - неожиданно для обоих выпалил Фревиль. - И пусть!
- Из -за отца, - с огорчением добавил Макс.
- Выше нос, мой мальчик, все утрясется, - мадам Бесси потребала юношу за ухо.
- Очень может даже быть, - сказал Фревиль. - Хотя... Все мы люди. Пошли, пошли, за кружкой хорошего чаю, ты расскажешь все по порядку.

Наступающая ночь дышала прохладой. Убавилось на дорогах шуршащих машин, большой город умолкал, шептал отдаленным гулом в усладительном успокоении. Со старого кладбища вышли две старушки, у чугунных ворот присели на скамеечку. Слабо человеческое сердце, чем выше его чувствительность, тем сильнее оно видит свои пороки и свои грехи, тем охотнее оно ищет путь исправления, да жаль - коротка жизнь.

Назавтра Макс Бирк попросил Фревиля выслушать его.

- Отец... Позволь мне отныне называть тебя отцом. Диалог глухих, так я повторяюсь за Джордано Бруно, окончился не в пользу неукротимых «ослов», в позиции схоластов и догматиков появилась брешь. Ты знаешь лучше меня про опыты планетных движений Кеплера, молодая и прогрессивная часть учёного совета потоптала априоризм старцев. И я полечу с экспедицией к созвездию Пяти Монахов. Почему? Отвечаю: на протяжении всей истории человечество взывало к милосердию Божьему, истребляя за веру миллионы себе подобных. Вы это знаете лучше меня. Вопрос, где покоятся души умерших до нас? Востребованы ли они, или Творец держит их в неком ларце? Каждый из нас живет в своем времени и старится в соответствии с ним: один - быстрее, другой - медленнее. Вы знаете про опыты проживания людей в пирамидах - хрональное поле большой мощности замедляет все процессы жизнедеятельности. А «пропавшее время»? А «позирующие приведения»? Следствие по делу провансальского трубадура Бертрана де Борна, умершего в 1215 году и воскресшего, и написавшего десять стихотворений к сорока ранее известным? Или ушедший в туман полк бурских стрелков? Ученые Духовного Собора выдвигают гипотезу коагуляции душ. Проще: души как бы изымаются из обращения после смерти тела и направляются в силовое энергетическое поле. Происходит слипание, смешивание добра и зла; Творец оделяет вновь родившегося душой, как бы одевает на шею побывавшую «в деле» космическую цепочку. А вот есть ли такой процесс и возможен ли он? Вот задача этой экспедиции.

- Они предполагают... - Фревиль был явно озадачен. Забота и задумчивость выразились на его лице. - Слава Богу, мировое сообщество приняло декларацию о запрещении клонирования человека. Теперь... Неужели можно увидеть душу, этот невесомый комочек? И именно там, в созвездии Пяти Монахов?

- Да, именно там. Созвездие по форме напоминает крест. Орбита - гипербола. Один корабль оказался в самом фокусе системы, командир ощущал возмущенное гравитационное воздействие, не стал рисковать, и лег на обратный курс.

- Но скажи, как распознать её? По каким критериям, параметрам, вкусу и запаху? Вот дай мне подержать эту душу в своих руках - я поверю чему угодно.

- По черепу. Как бы по своему домику, по визитной карточке. Как бы вам объяснить... Есть такое явление радиоактивности - эманация. Истечение множества вещей из некого иного. В данном случае должно бы нисходящее убывание из Единого; нисходящее убывание противоположно восходящему развитию.

- Стоп, стоп! Совсем запутал старика. Я же в этих эманациях полный профан. Твоя идея?! Ловушка что ли? Мой мальчик, ты уже не дитя, ты любишь сказки, много раз перечитал «Путешествия Гулливера». Достаточно в нужном месте в нужное время достать человеческий череп - и душа? Макс, это смешно! Возьми у мадам Бесси цветочный горшок, чем не ловушка?

- Ничего смешного нет, отец. Ведь что писал Альберти: «Человек - самый слабый из всех живых существ на земле, почти тень сна». Тень сна, я подчеркиваю эти слова. В одной из «Застольных бесед» Либропета рассказывает сон Лепиду, как он переходит во сне реку, состоящую из человеческих лиц - уродливых, опухших, изнурённых, морщинистых. В долине страны, куда он попадает, находятся утраченные на земле вещи - богатство, благодеяния, любовь...

- Сдаюсь, сдаюсь, - шутливо поднимает руки Фревиль, - Прости, Макс, старого дурака. Ты - гений! Гений - потом, а пока.... Подающий надежды молодой учёный.

- Так Вы одобряете мою затею? - взволнованный Макс вскочил с кресла.

- Одобряю! Приветствую! Мадам Бесси! Позволь, а в качестве кого ты полетишь? Ведь каждый фунт груза строго расписан!

- Или я не внук Артура Бирка?

Когда старая мадам Бесси узнала новость, глаза её широко и изумленно открылись. Казалось, она увидела то, ради чего отправляется в экспедицию Макс Бирк. Глаза её медленно закатились, потом по лицу пробежало острое содрогание, вырвался глубокий вздох. Фревиль смотрел на неё с каким-то странным,

деревянным спокойствием. Лицо его приняло особенное выражение важности и знания одному ему известной тайны.

- Ты не вернешься, мой мальчик, - сказала мадам Бесси и заплакала.

- Вернется! - опротестовал Фревиль. - Вот тут я на коне: знаю про шестимерное пространство Хайма, объединяющее гравитацию и электромагнетизм; до Марса гипердвигатели доносят космические корабли за два с половиной часа, до планеты, лежащей за десять световых лет, можно достичь за 80 суток! Знаю про восьмимерное описание Вселенной Дрёшера! Вернется, и его имя будет бессмертным!

- Нет! - твердо сказала мадам Бесси.

- Вот ржавая кремневка! Я сказал: вернется! - вспылил Фревиль.

2

Не откладывая задуманное на «потом», Макс Бирк чартерным рейсом прибыл на остров Св. Елены. Его честолюбивой целью было заиметь череп самого императора Наполеона Бонапарта. Уж если суждено ему войти в мировую историю, то только рядом с самым великим человеком Франции! К счастью, заглянув в небольшой портовый музей Джеймстауна, увидел на полке то, ради чего прибыл: череп самого великого человека Франции лежал между кирасой маршала Мишеля Нея и седлом, на котором зять Наполеона Иохим Мюрат выехал из горящей Москвы. На полках ядра, дробившие стены итальянских крепостей, фитильные ружья, ключи от покоренных городов, вывезенные из Москвы церковные колокола.

Фревиль де Лион пустился в философские размышления. Рядом не было оппонентов, некому было сказать слова Шиллера:

Сколько у истины новых врагов! Душа замирает,
К свету теснятся, увы, стаи незрячих сов!

От всегда отталкивался от изначального: мир создан Богом, и населен им же. Как бы не развивалась наука и медицина, техника, ей не подвластно изменить порядок вещей. Пусть люди живут и здравствуют с пересаженными от птиц и зверей органами, пусть генная инженерия создает новые виды гадов, но разум! Как буйвола заставить думать, как думает человек, творить, как творит человек, и надо ли? Это же новые войны, новые территориальные конфликты, расовая неприязнь. Критерий распознания правды и лжи - сверка любого утверждения с Истиной. Спиноза сказал: «Истинная идея должна быть согласна с твоим объектом...», а он - подобен Галилею, и лишен с малых лет мужества отстоять свою идею. Немало ученых -приспособленцев, цепляющихся за мнимое богатство стареющей науки, немало других, рассматривающих жизнь, как сумму остановившихся мгновений. Дай Бог, Максу отстоять свою; дай Бог, заглянуть ему за пределы разума и науки. «Я верю в тебя, мой мальчик. Ты не герой Брехта, выдашь столько истины, сколько может вместить твой мозг!».

- Да, Макс, как бы обогатился род людской, заимей он НАДЕЖДУ быть вечно живым! Тело поели черви, а душа живёт, продолжает любить жизнь. Я не судья каждому, но мне кажется, в каждом есть некая причина грехопадения, - рассуждает мой герой вслух, прогуливаясь по кладбищу. - Простой вопрос, а ответа нет. Золото, власть, - не то. Да, Леон Альберти, ты прав: человек рожден быть угодным Богу, чтобы познать первоначальную истину вещей. Зацепка там, - поднял глаза к проплывающим над головой облакам. - Всё, всё, надоели мне эти пираты, я ему в Россию, в Москву. Москва! Мекка Православия! Твердыня чистоты веры! Я хочу видеть... Горю страстью стоять выше знаменитого шестнадцатиметрового московского иконостаса в храме царей Романовых и протянуть руку к Творцу. Точно! Надо немедленно, сейчас же ехать! Где, как не в России...

Фревиль де Лион хлопнул себя по лбу ладонью: в его жизни что - то произошло, им овладела радость существования, в душе звучат какие - то гимны, какие-то песнопения... Быстрее домой,

за рабочий стол! И как можно полнее перенести на бумагу отзвуки теперешнего душевного состояния.

Верзила Эрвин Стеер чувствовал себя именинником. Ему завидовали. Еще бы: он поведет звездолет туда, где не бывал земной житель. Его имя будет в ежедневных сводках, четыре месяца «Вестник Освоения» будет отсчитывать пройденные мили, газеты запестрят правдой и вымыслом. Медицина ждала от экспедиции подтверждения феномена парapsихологического эффекта: уже в годы второй мировой войны на больших высотах летчики часто общались между собой телепатически, а возможна ли телепатия в параллельных мирах? Духовному Собору требовались доказательства окончательного избавления от невежественных шор дарвинизма. Красивый, статный, с надменным лицом, расекая воздух ладонью, хвастиливо обещал:

- Мы распечатаем Время!

Напутствующий, опытный командир того самого корабля, что «дал задний ход», вытер со лба несколько капель пота, молча, нахмурив брови, подал Эрвину гипсовую фигурку разгневанного Зевса. Был маленький прощальный банкет. По окончанию его, Эрвину Стееру подали записку от «трусливого» командира. В ней была одна фраза: «Я вам советую перед полетом встретить рассвет в Стоунхендже». Макса Бирка на банкете не было. Печальный и в тоже время радостный, он стоял перед могилой деда и бабки, рядом стояли Фревиль и мадам Бесси. Старушка вцепилась в рукав юноши и слезами мочила тому kostюм. Макс Бирк был горд тем, что Духовный Собор пошел на встречу, «выцыганил» в самых верхах место на корабле для своего человека.

Перелет длиной в четыре два земных месяца. Мимо проплывали космические объекты, кто - то куда - то спешил, кто - то куда - то опаздывал. Поначалу зодиакальный свет по ночам, потом, по мере удаления, на стекла иллюминаторов наползла темнота. Макс Бирк за эти месяцы узнал многое про гипердвигатели, американскую импульсную машину, разработанную в лаборатории Сандия, изучил теорию Дёшера: комбинация из быстровращающегося кольца и кольцевого электромагнита при очень

сильном магнитном поле способна «протолкнуть» корабль в другие измерения, где совершенно другой природный констант и скорость света.

Экипаж был из семи человек. Шестеро - хорошие специалисты, лишь седьмой, Макс Бирк - на положении экскурсанта. Было немножко тревожно за финиш перелета. Такая очень и очень большая скорость пересечения измерений требовала перехода материального объекта в так называемое материальное пространство, и возврата назад. Парни перестали удивляться, что могут сообщаться между собой бессловесно. Да, телепатия возможна не только на больших высотах, она возможна во временном смещении!

- Парни, этот потомок несчастного Антипа - Ирода опять идет на абордаж. Иди, иди, зубри Библию, Коран, и готовься к встрече с обидчиком императором Калигулой, - потешались ребята над ходящим по отсекам корабля с книгой в руках Максом Бирком. - Да -а, а крутые были нравы: хапнул жену у брата и в ссылку, в наш Лион, в нашу Галлию!

Эрвин Стеер брал аккордеон, все дружно пели «Песню Тулузских стрелков».

И вот настал час, о котором предупреждал Эрвина Стеера опытный командир звездолета: корабль перестал слушаться рулей, его будто засасывало в воронку. Двигателям увеличили мощность до критической отметки, они работали только на торможение. Напрасно Эрвин Стеер норовил посадить звездолет как бы в сердце созвездия, непонятные силы тащили его куда - то в сторону. Гневный Зевс соскользнул с приборной доски и разбился. Все посчитали это плохой приметой. Продольный и попечерный обручи наплывали, становились шире и шире, и, наконец, корабль как растворился в белой кисее.

Корабль не сел, он плюхнулся на что-то твердое всей массой, не один раз перевернулся и замер. В пилотской кабине возник пожар. Погасили, осмотрелись, в скафандрах выбрались наружу. Ожидали, что здесь невесомость, а пробы газа показали ошеломляющую противоположность: истинно земная атмосфера! Скафандры долой, пустились бегать. Смех, крики. Ни кустика,

ни травинки, голые камни. И белые, до самого горизонта, почти застывшие облака.

- Какое - то фазовое равновесие, - проворчал Эрвин Стеер. - Что-то мне здесь не по себе. Второй Стоунхендж. - Попрыгал на месте, попинал пальцами голой ноги в гладкую, как отполированную поверхность «земли». - Да -а... Вишневый сад по весне, только яблонь нет.

Впору было впасть в уныние: корабль очень сильно пострадал при посадке. Одно обнадеживало: двигательная установка была в рабочем состоянии. А фюзеляж от крыльев до шасси изорван, смят, скучен. Самое печальное - полностью выгорел фазо-инвертор. Связи нет. И будь она, мог ли сигнал «перебежать» из этого мира на Землю? Никто не знает на Земле, где они теперь и что с ними случилось. Топлива едва хватит на взлет.

Эрвин Стеер поднял стальной уголок, шутливо потыкал им невидимого врага.

- Профессор, - спрашивает Макса Бирка. - Не помнишь, какой длины был меч короля Артура? Запомни: один метр и десять сантиметров. Точно соответствует длине Жезла господства. Итак, парни, или мы...

Макс Бирк отнес череп императора Наполеона подальше, положил и стал ждать. День ждет, другой, третий, десять дней проходит. Его зовут поесть - идет нехотя, боится прозевать. Теоретически он был готов к встрече с привидением. До путешествия к созвездию Пяти Монахов, он просмотрел альбом фотоснимков, на которых привидения попали в кадр: Авраам Линкольн, стоявший сзади своей жены и положивший ей на плечи руки, Белая дама замка Бернштайн, фотографии англичанки Сибиллы Коркет и многие другие. Ждал, верил и не верил описаниям британского антрополога Джереми Вескотта о людях племени оолуг из Новой Гвинеи. Оолуги рассказывали британцу, что они живут то в Стране Теней, то в Стране Дня. В Стране Дня они мирные люди, в Стране Теней постоянно совершают набеги на соседей неандертальцев. Он сам видел, как совершенно здоровые и молодые оолуги падали наземь мертвыми. Он осматривал тела - неизвестно откуда брались страшные раны у него на

глазах. Оолуги объясняли, что их братья убиты в другом мире. В выразительно молчавших, залитых чарующей благостью света «земли» и «неба», необыкновенно и ясно развивалась его дума. По всей неоглядной, чарующей местности рисовались знакомые дома и улицы, виадуки и победные арки, и казалось ему, что идет он по этому городу, кругом кипит жизнь, спешат тысячи людей, мчатся автомобили, звучит объединяющая людей музыка Баха... Обман чувств делается до того велик, что он начинал говорить вслух. От ожидания, какого - то томления, мучительно ноет грудь, заливая сердце волнами. Чувствует он, что не даётся ему истина познания и, возможно, никто и никогда не прочтёт тайную азбуку мироздания.

Надобно отрешиться от непосильной ноши, признаться себе и парням, что он авантюрист. «А дикарь Араану из племени отобей риа, как он, родившийся 22 ноября 1963 года в два часа дня по восточному времени – именно в этот момент радио объявило о кончине президента Кеннеди, живущий в самой гуще джунглей и ни разу не державший в руках книгу, мог очень и очень подробно рассказать о своей прошлой жизни, жене, ядерной бомбе, как он правил великой страной и как был убит?».

И вдруг мимо него как бы зашелестели падающие на землю осенние листья, легкая струйка движущегося воздуха потянулась к черепу. В черепе раздались приглушенные стуки, напоминающие барабанную дробь, невидимый призрак стал шумно вздыхать, точно ему тесно, как шар наполняется газом, стал наполняться и он; приподнявшийся над поверхностью череп принял колышущиеся человеческие размеры, вырисовалось лицо с черной бородой, а предполагаемое туловище и ноги скрыла обвившая стан плотная белая ткань.

Макс Бирк от таких неожиданных превращений потерял дар речи.

- Кто...кто вы? - не спросил, прохрипел Макс.

Заколебалось видение от его голоса и как сжалось. Боль адских мук подернула чело.

- Мы? - спросило привидение.

Оно будто обрело опору под ногами, приподнялось, правая

рука положила крест на себя; призрак вроде кашлянул и важно ответил. - Ну, со свиданьицем, Григорий Ефимович. Распутин я. Аль не слышал про такого расстригу? Спасибо тебе, Господи, дозволил слышать живую речь. Я! Я сам говорю и слышу себя!

- Как Распутин? Я же брал...император Наполеон Бонапарт!

- Шутники, ох, шутники, - захотало приведение. - Много женщин вызывает дух Григория Распутина, одним подавай первую ступень мудрости - ложь, другим вторую - истину, я пытаюсь направить всех стопами Омара Хаяяма: ложь и истина - тлен. Ко мне взывают в час неустойчивости чувств, я пытаюсь примирить разум и сердце, и мысль; живые люди явились сюда, стало быть над моей Россией нависла больша -ая беда. С да -альным прицелом кто-то очень толковый совершил подмену черепов. С дальним! Григорий Ефимович - это вам не какой-то Бонапартишко. Опять Россия бредит Богом? Хотя Русь им всегда бредила и искала своего Бога. Спрашивай, какая нужда во мне?

- Нужда, нужда...Нужды- то, собственно, нет. Скажите, вот эти движущиеся облака, это что такое?

- Эхе - хе...Уж до душ дотянулись алчущие погибели твари! Души человеческие! Летают и летают, собирают неустанно разбитые вашими адскими машинами капельки воздуха и стаскивают сюда. Здесь вечное пристанище, кузница душ. Вышедшие из употребления души кузнец Господь поправит и снова в дело пустит, а то про запас отложит. Видишь, тонюсенький поясок отдельно скользит? Это души пророков, мучеников, праведников. А темнее пояс, то души убивцев и злодеев. А мы, - привидение горько вздохнуло, - или солдаты, или герои, или те, кто смерть принял через женщин. Или грешил с ними. Боже Милостивый, как рано ты взял меня к себе. Много их было у меня! Мёд и отрава! Счастье и мука - все в женщинах.

- Через женщин?! - удивлению Макс не было меры.

- Через них, милок. Через ребро Адамово все беды на земле. Женщина рождает несмышеное дитя от любви, и губит зрелого мужчину из коварства. Много думал про святого Лукиана - совершенно не прав. Довелось ли слышать про такого святого? Малые войны, дуэли через ихние причуды, наряды, измены, ко-

варство ихнее и распутство ихнее. Наш писатель Лев Толстой говорил, что человечество нашего времени зацепилось за что-то. Говорю ему: за бабий подол, он - абрек кавказский, зарезать меня готов. Куда мне до него, хотя... А вот: отчего, скажи, ваш Наполеон на Россиювойной пошёл? Неужели не знаешь про Дрезденское свидание? Задумал ваш император жениться на сестре нашего царя Александра I, а наш царь вашему Наполеону кукиш под нос сунул. Эх, женщины, женщины, семя коварное. Так говоришь, нет во мне нужды? Я обижен! Обижен, ты это можешь понять?! Китайцы тихой сапой до Байкала, до моего Тобольска Сибирь оттяпали! Жиды превратили Россию - матушку в удельные сырьевые княжества, скажешь, тоже праздное любопытство? Земля истощена русским народом и русским хлебом, где ж мужам отеческим быть! Все продали, нечестивцы, веру растоптали, а опоганенная земля мстит, мстит вам, злодеи! Всю Рассеюшку выгребли, души алчные! Уголь из земли весь достали. Ужо, грядут холод и потоп, попомните меня! Кто теперь предскажет путь державный? Нет Григория Ефимыча, нет дельфийского оракула русского замеса, нет.... Ладно, вроде и обидно, а порадовал ты меня, спасибо. Выгостился, пора и чур знать. Прости, наболело, грубо сказал. Характер у меня такой - порох. Здесь у нас росстани, кто - то на Землю затребован будет, а кто - то... Эх, грешен я, грешен! Надобности нет, видите ли, в Распутине. Что люди, у Самого... у Самого Господа нет во мне надобности! Обидно... Будто и смуты улеглись на русских полях? Нет надобности... Тебе, поди - ко, и дела нет до моей России, француз?! Кабы не бабы... ох уж, эти женщины, племя содомское, душа моя давно бы была востребована... Ладно, дней через сто заверну, жди. Охота поглядеть на живого человека, речь его послушать и самому поговорить.

Череп бережно опустился на камень, легкое дуновение как бы чмокнуло его, приведение исчезло.

Восторженный бежит Макс Бирк к кораблю. Не особенно восторженно встречает его Эрвин Стеер. Рукава засущены, крупные пальцы мускулистых рук выпрямляют полоску стали.

- Ну, курортник, аудиенция императора состоялась?

- Ребята! Я говорил с Распутиным! Понимаете, череп оказался Распутина, советника последнего русского царя!

- Здравствуйте, я ваша тётя, - присвистнул Эрвин Стеер. - Зря Духовный Собор не снабдил тебя Ковчегом Завета! Хоп бы его туда - и на ключ! Да -аа, было за что Калигуле ссылать твоего предка в Лион, Ирод несчастный!

- Ребята! Мы совершили величайшее открытие! Мы!...Это не облака, это души миллиардов живших до нас людей. Представляете? Это хранилище самого Бога! Мы забрались!...в кладовую самого Творца! Запустим мы двигатели, сожжем воздух, а они? А взлетим ли?

В бешенстве Эрвин Стеер кинул полоску себе под ноги, схватил Макса Бирка за грудки.

- Я подыхать здесь не собираюсь! Мне без разницы, спалим мы атмосферу или нет! Понял?

Голос Эрвина Стеера гремит злобным смехом.

- Эрвин, это же... И наши с тобой души однажды присоединятся к ним.

На глазах Макса Бирка сверкнули слезы.

Кто -то из экипажа нервно рассмеялся.

- Если к вечеру твой Распутин не скажет, как нам выбраться отсюда, ты будешь...Понял? Шевели, шевели извилинами!

- Увы. Он будет дней через сто, не раньше. Ребята, не горячиться, надо все много, много раз обдумать. Перед нами дилемма: вечность и минутная слабость...Нам не взлететь.

- Заткнись! Заткнись, пуританин окаянный!- проревел Эрвин Стеер. - Прочь! Иди и шамань над своим черепком! Проси помощи! Будь же проклят тот день, когда я!

Бросил в открытую пилотскую кабину корабля сумку с инструментами.

- Брысь отсюда!

Сидит Макс Бирк, уставился глазами в череп. Далеко думы его.

Должно быть, в этот час бредет по кладбищу доктор Фревиль де Лион, мадам Бесси жарит картошку. Доктор Фревиль де Лион в последнее время увлекся французским морским кaperством.

«А надо мной плывут отец, мать, дед Артур и бабка Анна, пращур летчик по имени Ганс...И Калигула плывет, и Антипа - Ирод со похищенной женщиной, размышлял Макс.

Отшельники мира! Жизнь ваша безмятежна. Вы наслаждаетесь совершенным блаженством, дни ваши посвящены благотворению и невинной радости. Для вас каждое утро - ясное солнце, легкие волны на воде, свежесть зари; вечер темнеет, дождь перестал, уползла за лес раздерганная туча - все равно вы думами на Земле. А наши двигатели - пророк Зороастр только наоборот. Если мы запустим двигатели, наступит хаос. Сколько вас, малюсеньких невесомых комочков втянется в огонь и сгорит?...Ужасна борьба стихий! Тут хоть спорь сам с собой, хоть под спор подводи внутреннюю диалектику Сократа, делать выбор придется мне. Мне! Господин Распутин...»

Сюрприз

Холодное серое небо; знобкий ветер сечет косой изморосью; Покров пожаловал: до обедни - лето, после обедни - зима. Подслеповатое осеннее солнце светит в стекла окон двухэтажных деревянных домов по улице Демьяна Бедного. У дома № 6 - суэта. Стоят, украшенные разноцветными лентами и надувными шарами, два белых «жигуля» и автобус. На переднем сидении одного из «жигулей» восседает веселая кукла - барыня. Напротив у дома № 21 (в глухих городишках районного значения таким «макаром» пятнают дома, дабы какой забредшийвойной Гитлер ногу сломал, прежде чем отыщет обратную дорогу), стоит колесный трактор марки МТЗ. Хозяин трактора курит, навалившись на облицовку радиатора, то глянет вдоль немного обиходженной улицы Демьяна Бедного, то вытягивает шею в направлении утонувшего в грязи и в ящиках мусора переулка Максима Горького.

Четыре дня назад «здесьшие россияне» встречались со своим «приёмышем» - депутатом областной Думы. А вечером после

встречи (народ соврать не даст!) из-за трансформаторной подстанции в переулке Максима Горького показался неукротимый и невменяемый Кощей Бессмертный, и давай страх нагонять:

- Есть мне на поживу красна девица?!

Девицы не нашлось. И стал обиженный Кощей швырять в подстанцию пустые бутылки, на провода кинул ржавую велосипедную раму. Два дня сидели без электричества - сгорела подстанция.

Хлопают двери. На улицу выходит торжественно - красочная процессия: молодая, изящная лебедушка в подвенечном платье; жених в новом элегантном костюме. Выбрит, причесан, строг. За ними гордо выступают солидные родители со стороны жениха и невесты. Двери не затворяются, угорелыми бегают подружки невесты: чего-то забыли или потеряли...

Молодожены усаживаются в один «жигуль», родители невесты - в другой, остальные - с шумом и смехом забираются в автобус. Тракторист у дома № 21 стал наматывать на маховик пускового двигателя капроновый шнур. Пулеметный треск раскатился по улице Демьяна Бедного, раскашлялся в тесных закоулках бани, хлевов, дровяников по переулку Максима Горького.

Вася кинулся было к автобусу - без него тесно, к дверям - в дверях два бритых гренадера перемалывают челюстями жвачку. Вася сглотнул слюну...

В машине влюбленный переживает счастье вдохновения. Весь вид его, взбудораженный бессонной ночью, предстоящим венчанием, был олицетворением страсти. Почти забылась недавняя размолвка с невестой. Он видит золотисто - смуглое лицо, миндалевидные глазки, сквозь платье проступают красивые очертания тела, невеста такая милая, грациозная, хочется обнять её и не отпускать. Сегодня глаза девушки не мечут молнии, как неделю назад метали, сегодня они приглашают далеко - далеко, обещают что - то без ведома их обладательницы. Он шепчет невесте:

- Верунчик, хочешь скажу? У меня для тебя, ласточка, теперь уже для нас обоих, сюрприз.

- Молчи, - невеста закрывает ему рот ладошкой. - Я угадаю!

Ты мне купил... Броши, цепочку, перстень? Неужели, шубу -у?
Нет, это должно быть сапоги, так? Всё-таки Батый уломал тебя?
Я вся сгораю от любопытства, - невеста ласкится к жениху, с
любознательностью естествоиспытателя заглядывает в лицо.

- Очень хороший сюрприз, долгожданный! Одним словом,
Верунчик, районный князь удовлетворил мою просьбу.

- Ты ничего не говорил...Какую просьбу? - Насторожилась
невеста. - Говори же, Одежка!

- Ладно. После свадьбы я буду работать в ПТУ, преподавате-
лем. Информатика - мой конёк! Эта комиссия по защите прав
потребителей - удавка. И угодил я в неё после института чисто
случайно. Не было тогда в ПТУ такой дисциплины. Уже посту-
пило десять компьютеров, начну не на голом месте.

- Ты ведь шутишь, шутишь, дорогой? - невеста не хочет ве-
рить.

- Я чист перед тобой, как наши сердца! Надоело. Наверно,
редкий торгаш не пожелает мне ни дна, ни покрышки. Сбылась
моя мечта! В перспективе, моя наяда, мы...

- В ПТУ-у? - у невесты широко открыты глаза, она чуточку
отодвинулась от жениха, руки машинально подтягивают к себе
подол свадебного платья. - Ты на хорошем счету у главы района,
одной ногой уже...

- Да ну их всех в болото! Только бы русака облапошил. Для
черноты - мы, как пища, уже готовая к употреблению. Надоело.
Вьетнамцы: «Хо - ос вьетнаму? Хало-оса вьетнама». Весь Кавказ
торгует, одни колхозники работают. Представляю: утром, как
белый человек, высившийся, в чистой рубашке, в костюме, за-
втракаю и ровно в восемь...

- Дорогуша, у тебя точно поехала крыша! - воскликнула неве-
ста. - Ты в своём уме? Или тебя перерезал нефтепровод?

- Верунчик, я не понимаю. Ты - такая злая, - лепечет расте-
рянно жених.

- Он не понимает! - вне себя кричит невеста. - Он не понима-
ет! Каким надо быть остолопом! Стой! - невеста дергает за плечо
шофера. - Стой, кому сказано!

- Солнышко, да что с тобой? Верунчик!

Машина тормозит; невеста отрывается от двери - кругом грязь и выбитые колеи. Жених пробует удержать невесту, невеста с силой выдергивает свою руку из руки жениха, ступает на землю. Белые туфельки тонут в темной жиже. Подхватив руками подол платья, она спешит навстречу подъезжающим вторым «жигулям». Из вторых «жигулей» пулей вылетает мать невесты, чуя неладное, с кряхтением выбирается отец.

- Мама, наш дон-Кихот перешел работать в ПТУ! Преподавателем! Ты подумай! В такую минуту и он, как обухом по темечку, говорит мне об этом!

- Это как понимать? - мать сердито оглядывает пробующего куда бы поставить ногу в полуботинке Носаря. - Отец, ты только послушай: ОН ушёл из защиты!

- Да, ну-у! - недоверчиво тянет отец невесты.

- Баранки гну! А, ну, - командует она мужу, - как там у вас, на стрелку что ли?

Мать невесты - среднего роста, не худа и не полна; лицо удлиненное, в заметных осинах, на подбородке ямочка, взгляд - кошачий.

Жених - в машине, в открытую дверь наблюдает за происходящим. К нему, как ледокол, с шумом прёт будущий тестя, за ним - будущая теща, и последней - невеста. Ей зябко на ветру в одном платье. Делать нечего: и жених ступает в грязь.

- Послушайте, милорд, - сказал раздраженно Носарь, упирая на «вы». Помолчал. - К чему этот гнилой базар?

Жених из себя - не хлюпик, но в сравнении с Носарем - мелкота. В душе молодого человека понемногу, а потом сильнее и сильнее разгорается пламя ненависти к будущему тестю.

- А в чем, собственно говоря, дело, Лидия Ивановна? - спрашивает жених вынырнувшую из - под руки Носаря будущую тещу.

- Вы ведь пошутили, Олег Михайлович? Пошутили, не так ли? - будущая теща готова схватить будущего зятя за галстук и удавить.

У Носаря - три магазина. У Носаря - самая дешевая водка в районе. Постоянно под рукой - шесть бритоголовых хлопцев,

все хлопчики мотали сроки; кто - в шоферах, кто - в грузчиках. Носарь держит на черный день кассу взаимопомощи - работяги каждый месяц отстегивают энную сумму.

- Вы же обещали обеспечить Веру безоблачную жизнь, вы обещали богатую квартиру, - напоминает Лидия Ивановна.

Будущая теща поджимает тонкие губы.

- Вроде не фраер, - на помощь жене приходит будущий тесть.

Он выдвигается в авангард, кладет Олегу Михайловичу на плечо руку.

- Ты кончай это детство. Хозяином будь, не шестеркой.

- Не пойму, почему Вера шокировало мое решение перейти на работу в ПТУ? - жених неловко улыбается.

- Дорогой мой, - говорит будущий тесть. - Тебе худо живется при нынешнем раскладе? Ты - банкуешь, козырной туз, председатель комиссии по защите прав потребителей. На хлеб хватает, а насчет масла - шевели мозгами. Тебе чем не нравится харя Батыя, а? Клондайк! Золотая жила! Армяшка за просроченную колбасу сколько на лапу давал? А ты? Замахнулся - руби. На жалкую тысячу ты собираешься содержать семью? Не будь придурком! Да на твое место найдутся сотни желающих...

- То нет! - обрывается мужа Лидия Ивановна. - Свято место не бывает пусто!

- Ради Веры, ради вас обоих, - продолжает втолковывать будущий тесть.

- Обещай, что возьмешь заявление обратно! - жестко требует невеста, отталкивая отца.

- Так вот вы как! - жених, наконец, все понял.

Как же фальшива любовь!

Он почувствовал себя смертельно раненым. Вера никогда не любила его и не полюбит; ей и родителям надо одно - красивая жизнь!

- Моего предшественника упаковали на пять лет, вы хотите этого? - наконец спрашивает он.

- Волка не за то бьют, что сер, а за то, что овцу один съел, с другими не поделился.

- Ну, знаете ли! Вера, какие квартиры, какие дачи? Бред какой - то, - жених только что не кричит. - Нет, уж увольте!

- И ты уволь! Вот тебе! - будущая теща сует будущему зятю под нос кукиш. - Видел, козёл интеллигентный? Да ты мизинчика не стоишь нашей Веры! Отец - в машину! Дочка - в машину! Едем в столовку, забираем наш пай, пускай этот богатый урод кормит весь район!

Машина с невестой и её родителями с ревом объезжает первого «жигуля», разбрызгивая грязь по сторонам, уносится прочь, точно вся неизрасходованная досада людей перешла в железо и резину.

- Чего-о? - кричит из распахнутой двери автобуса отец жениха. - В чем заминка, сынок?

- Черт их дерёт! - кричит в ответ жених.

- Дак, куда нам ехать? К загсу или к столовой?

- Давай обратно! - отвечает сын.

- А чё?! Еще чего забыли? Девки говорят: «Все по уму»!

Жених рвет с машины разноцветные ленты и шары. Куклу - барыню швыряет в грязь и топчет. Он вне себя. «Жигули» разворачиваются. За ним начинает разворот автобус, но не устоял на проезжей части и правым боком съезжает в канаву. Вот и пригодился колесный трактор, взятый для подстраховки.

- Повезло, редко так фартит, - говорит, улыбаясь, пожилой водитель «жигулей». - Эта семейка ковшом бы пила твою кро-вушку! Дурной же мы народ, мужики. Бабы голую ногу показали, свистнули, мы на свист со всех ног. Тут нас и заарканили - оп-па! Это разве жена? Змея подколодная! Носаря берегись, не простит. Понятно, мордой - об стол, как говорится. Переживёшь. У нас на Бедной баню только затопили, а на Горькой уже в той бане вымылись. Почешет народ языки. Да ты радуйся, ори от радости! Я бы на твоем месте опрокинул стаканюгу - и камаринского! Через год ты бы спился, или - на зону. А так, - хлопает несостоявшегося жениха по спине, - вольному - воля, спасенному - рай!

Машина подруливает к дому № 6.

- Жарь к хозяину! - кричит на всю улицу несостоявшийся мо-

лодожен Ваське Несытому, «регулирующему» дощатый «проспект».

Он чувствует в себе прилив звериной силы; его, как жука, хотели наколоть на булавку и наблюдать, как будет корчиться. То-то никак не мог понять Веры, её резких переходов от нежности к грубости, странность объяснений некоторых моментов, отталкивающую настороженность. Не раз ловил себя на мысли, что Вера изучает его как нечто самобытное, шаловливо дразнит...

Господи, все позади!

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1 «Мера земная - горсть...»

Мир - риза нетленная...	6
Глубокая река не шумит	35
Аукцион	52
Стоянием города берут (повесть)	78
Нежность	97
Ледолом (повесть)	106

Раздел 2 «Звезды - сердца людские...»

Два портрета (повесть)	126
Вовка Ершов	149
Мезонька	162
Купава	178
Сало лучше перепрятать...	197
Главный поселенец	220
Русский крест	239
Вдовье дыхание	353

Раздел 3 «Тайная азбука обнинщания...»

Добытчик	266
Живи, как все	274
Два деда (повесть)	283
ООО «Лютик»	303
Ходят и ходят	319
Поездка в «Чистые ключи»	331
Борода	349
Стеклянный день	365
Мед и отрава (фантастика)	375
Сюрприз	391

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД РОССИИ
Вологодское областное отделение

ПИСАТЕЛИ РОДНОГО КРАЯ

●
ПРОЗА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Станислав Михайлович МИШНЕВ

**АНГЕЛЫ
ВСЕГДА БОСЬЕ...**

Рассказы и повести

Редактор издания Геннадий Сазонов

Издатель - АНО «Интелинформ»

**Верстка, дизайн, оформление обложки,
изготовление оригинал- макета**

Людмила Верейкина

Автор фото на обложке Г. Сазонов

**Эмблема на обложке
художник Э. Фролов**

Подписано в печать 02.02.2012.

Формат 60x90/16. Гарнитура Book Antigua.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25. Тираж 2000 экз.

Заказ № 1200930.

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

БЛАГОДАРНОСТЬ

*Автор и издатели сердечно благодарят
Главу Тарногского муниципального района
Вологодской области*

**Сергея Михайловича
ГУСЕВА**

*за оказание финансовой поддержки
в подготовке и издании
книги «Ангелы всегда босые...»*

Станислав Мишинев родился в деревне Яркино Тарногского района Вологодской области в 1948 году. Окончил Шенкурскую восьмилетнюю школу, сельхозтехникум в Великом Устюге и Молочный институт в Бологой. Служил в армии.

С 1969 года работал на родной земле - трактористом, инженером, механиком, бригадиром, парторгом. Одновременно, с 80-х годов прошлого века, занимался литературным трудом.

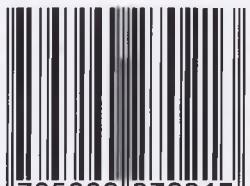
Публиковал прозу в Тарногской районной газете, в журналах «Север», «Наш современник», «Слово», «Пятницкий будильник», «Берегина дома твоего», «Ладогодский», «Роман-газета XXI века». Он - автор книг «Последний мужик», «Пятая липа», «Яшкино просветление», «Из разного теста», «Вот так и живем» и других.

Творчество Станислава Мишина привлекло внимание читателей. Он был дважды удостоен звания лауреата Всероссийского литературного конкурса имени В.М.Шукшина, а также стал лауреатом международной литературной премии «Филантроп».

Писательская манера автора отличает чуткий взгляд на внутренний мир героев, их взаимоотношения друг с другом, глубокое знание реальности, а также возвышенное восприятие русской северной природы.

Станислав Михайлович - член Союза писателей России. В настоящее время он живет в деревне Старый Двор Тарногского района.

ISBN 978-5-9902702-1-3

9 785990 270213

АНО «Интелиинформ»